Н. А. НЕКРАСОВ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ К. И. ЧУКОВСКОГО

ТОМ ВТОРОЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1967

П 1
Н 48

7-4-2
385-67

Редактор тома С. А. Рейсер.

*Подготовка текста и примечания
М. Я. Блинчевской, В. Э. Вацуро,
Т. П. Головановой, А. Л. Гришунина,
Е. И. Кийко, А. Б. Муратова,
С. А. Рейсера, Н. Н. Скатова.*

I

1. ТИШИНА

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни за́мков, ни морей, ни гор. . .
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиленьи посылаю
Всему привет. . . Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,

И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!»
Уступчив, добродушно смирен,

Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны, —
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту ярой битвы —
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И всё минуло... всё молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и *он*... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом
И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет...

Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могилы... Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листами!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая

Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

1856—1857

2. БУНТ

(Живая картина)

...Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

1857 (?)

3

Стихи мои! Свидетели живые
　　За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
　　Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
　　Как волны об утес.

<1858>

4

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857, 1858

5. РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,

По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,

У ПАРАДНАГО КРЫЛЬЦА.(*)

Вотъ парадный подъѣздъ,
По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ.
Записавъ свое имя и званье,
Ретируются гости домой
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье.
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ немуто и знай по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ;
Возвращаясь, иной напѣваетъ: трамъ-трамъ!
А иные скрежещутъ и плачутъ.

(*) Мы очень рѣдко помѣщаемъ стихи, но такого рода стихотвореніе нѣтъ возможности не помѣстить.

В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу. . . герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней. . . Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье. . .
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало. . . да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут. . . Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьма́м, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовется —
То бурла́ки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

6

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятья о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1858

7. ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодицами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
«Няня! дай-ка мне дитя!»

— «На, родной! да ты откудова?»
— «Я проезжий, городской».
— «Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— «Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1859

8. ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1. МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере,[1] в гиперборейском крае,[2]
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре,[3]
Столица новая возникла при Петре.[4]
Возникнув с помощью чухонского народа[5]
Из топей и болот[6] в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,[7]
С немецким языком там перемешан русский,[8]
И над обоими господствует французский,[9]
А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот![10]

Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,

Местечка теплого добиться, и потом
Безбожно торговать и честью и умом —
Таков там человек! Но впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключенья.
Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский, —
Хоть в Петербурге жил, но был с душой
московской. [11]

Театры [12] и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех сторон земли [13]
Затеи роскоши; [14] музеи просвещенья,
Музеи древностей — «все признаки ученья»
В том городе найдешь; нет одного: души!
Там высох человек, [15] погрязнув в барыши, [16]
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего — одна утилитарность! [17]

Итак, друзья мои! кляну тщеславный град!
Рыдаю и кляну. . . Прогрессу он не рад.
В то время как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет! . . [18]

2. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град, [19] заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы божии, и царские дворцы? [20]
Тот мудрый град, где, смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад бушует «Русский вестник», [21]
Где «Атеней» как ручеек журчал. [22]

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: «Тот град славнее Рима», [23]
Прозаик «сердцем родины» зовет, [24]

Поэт гласит «России дочь любима»,[25]
И «матушкою» чествует народ.[26]
Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В 12-м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл.[27]

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади́.[28]
Там уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди.[29]
В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер:[30]
В последней ли войне,[31] в вопросе ли крестьянском[32]
Мы не один найдем тому пример...

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух,[33]
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух;[34]
Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
На выспренний настраивает лад —
Царь-колокол лежит, царь-пушка не стреляет,[35]
И сорок сороков без умолку гудят.[36]

Волшебный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена,[37]
Там в головах у всех такая ясность,[38]
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей невской,
Подметят всё — оценят, разберут:

Анафеме там предан Ч<ернышевский> [39]
И Кокорева ум нашел себе приют! [40]

Правдивый град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи; [41]
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои, [42]
Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей? [43]
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей. [44]

Мудреный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба, [45]
Байборода Крылова обличил, [46]
Там ***<Шевырев> был поражен сугубо, [47]
Там сам себя Чичерин поразил. [48]
Там что ни муж — то жаркий друг прогресса, [49]
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что на пути к нему вернее — пресса [50]
Или умно направленная плеть?

Разумный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град!.. Науку без обмана,
Без гаерства искусство любят там, [51]
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряженье дам. [52]
И что роман? Там поражают пьянство, [53]
Устами Чаннинга о трезвости поют. [54]
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают! [55]

Серьезный град! — Туда, туда с тобой
Нам страшно показаться, милый мой!

[1] 59° 56′ 31″ сев. ш. и 27° 57′ 58″ долг. (См. «Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc.» p. Ch. Desobry et Th. Bachelet.[1]) Согласно с ним показывает и «Dictionnaire universel» p. Bouillet[2] 59° 56′ сев. ш. и 27° 58′ долг. Но в географии Ободовского (стр. 120) показано 59° 57′ сев. ш. и 47° 59′ долг. И после этого еще верят иностранным справочным словарям в сведениях о России!!! На 20° соврали два лучшие справочные словаря, и им ничего! Никто не обращает внимания, даже не отличает ошибку, не предостережет соотечественников от покупки таких словарей! .. А между тем

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я! —

как говорит знаменитый баснописец («Басни И. А. Крылова», СПб., 1856, стр. 160).

[2] *Гипербореи* — должно быть, греческое слово, а черт его знает, как говорит Ляпкин-Тяпкин у Гоголя (см. Сочинения Гоголя, т. II, стр. 351). Хорошо еще, если варвары, а может, и того хуже. Впрочем, известно, что греки называли гипербореями все народы, жившие на север от Фракии (Маннерт — «Geographie der Griechen»,[3] т. IV, стр. 48). Шведский профессор Олаф Верелий утверждал, что гипербореи жили в Швеции (см. «Atlantica»,[4] т. I, стр. 367). Карамзин говорит, что «мы, русские, также могли бы объявить права свои на сию честь и славу» (Карамзин, т. I, прим. 4). Любопытные могут найти пространные рассуждения о гипербореях в статьях академиков Байера и Фишера («Mém, de l'Academie des inscript.»,[5] т. X, стр. 176).

[3] 1 мая солнце в Петербурге восходит в 3 час. 28 мин., а заходит в 8 ч. 26 м. А 13 сентября восходит в 5 ч. 49 м. и заходит в 5 час. 53 мин.; *следовательно, светит только четыре минуты!!!* (см. «Месяцеслов» на 1859 год).

[4] Возникла в 1703 году!

[5] Не одного чухонского, ибо вот историческое свидетельство: «Корелы, олончане, новгородцы (это уж не чухонцы!), также пленные шведы, казаки, татары, калмыки (разве и это чухонцы, московский поэт?) и тысячи разноплеменных (видите ли: *разно* племенных) людей прибыли сюда (к устью Невы), по голосу царя, со всех частей его обширных владений». Так рассказывается о строении Петербурга в «Истории Петра Великого» Ламбина, стр. 319.

[6] «Из тьмы лесов, из топи блат» — стих. Александра Сергеевича (см. Сочинения Пушкина, изд. Исакова, т. II, стр. 304).

[7] Ясно из вывесок на каждой почти мелочной лавочке. (См. об этом также статью Фаддея Булгарина «Петербургская чухонская

---

[1] «Всеобщий биографический и исторический словарь, и т. д.» Ш. Дезобри и Т. Башеле (франц.). — *Ред.*

[2] «Универсальный словарь» Буйе (франц.). — *Ред.*

[3] «География греков» (нем.). — *Ред.*

[4] «Атлантика» (лат.) — *Ред.*

[5] «Записки Академии надписей» (франц.). — *Ред.*

кухарка» в «Библиотеке для чтения» 1834 года, № 10, и всякий номер «Всякой всячины» в прежней «Северной пчеле».)

[8] Это видно, между прочим, из стихотворения барона Розена «Небосвод», помещенного в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», 1837, № XI, и из исследований Фомы Костыги, помещавшихся в «Маяке», 1845 г. Ныне по их следам пошел г. Розенгейм, изобретающий, как недавно мы видели («Отечественные записки», 1860, № 1), слова вроде *скандальности, либеральности* и пр., и г. Лавров в своих философских исследованиях.

[9] Об этом есть любопытная книжечка: «Оставшееся после покойного рассуждение об опасности и вреде, о пользе и выгодах от французского языка, в сравнении его с российским. Москва, в Университетской типографии, 1817». Книга эта редка; но многие мысли, изложенные в ней, можно читать в гораздо более общедоступной статье Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» («Русский вестник», 1858, № 16).

[10] Совершенная правда! На днях мы видели блистательное доказательство этого неуменья петербургских жителей правильно выражаться по-русски. В протоколе 13-го заседания Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым напечатано в пункте 8 следующее: «Если в каждом образованном человеке значительно развито чувство благородной деликатности, *запрещающей* не только *не напрашиваться* на пособие, но и *стыдливо принимать* пособие добровольное, то оно должно быть еще сильнее развито в человеке, посвятившем себя литературе или науке» (см. «С.-Петербургские» и «Московские ведомости»). Может ли хоть один москвич допустить такое выражение, явно извращающее смысл речи? *Чувство деликатности запрещает не напрашиваться! Запрещает стыдливо принимать!!!* Боже мой! Да где же г. Покровский с своим памятным листком ошибок в русском языке? Где А. Д. Галахов, который так громил, бывало, Греча и Ксенофонта Полевого? Хоть бы он вразумил этих петербургских литераторов, не умеющих писать по-русски со смыслом!!!

[11] Слова поэта нужно ограничить: есть положительное свидетельство о московитстве Жуковского. Так, в речи о значении Жуковского г. Шевырев говорит: «по месту воспитания Жуковский наш» («Москвитянин», 1853, № 2, стр. 79). И далее приводит замечательное обстоятельство: «В стенах Москвы, готовившей себя на костер сожжения за всю землю русскую, Карамзин, от прошедшего возвращаясь к настоящему, в доме графа Растопчина вдохновенно пророчил гибель Наполеону и, сам не будучи в силах сесть на коня и примкнуть к армии, благословил на войну Жуковского» (там же, стр. 84). Плодом этого и вышел «Певец во стане русских воинов», а потом еще и «Певец в Кремле»!..

[12] Закрываются на первой неделе поста (см. афиши).

[13] Стихи Александра Сергеевича (Сочинения, т. II, стр. 305):

...Корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся.

[14] «От роскоши и развращения нравов» пали все древние государства (см. «Всеобщую историю» Кайданова, ч. 1, стр. 8, 11, 23 и пр.).

[15] Не совсем справедливо, даже с московской точки зрения: по исследованиям г. Пейзена (см. «Современник», 1858, № 5), в петербургский порт в 1856 году одного шампанского привезено было 916 287 бутылок!

[16] Доказывается недавним случаем подделки кредитных билетов (см. «С.-Петербургские ведомости», № 55).

[17] Заимствовано из статьи г. Колошина «По поводу американской женщины» — в «Утре», 1859.

[18] Капитальное обвинение против «Свистка», из которого можно бы здесь и цитаты привести, если бы не совестно было говорить о нем степенному исследователю, особенно же трудящемуся на скромном и неблагодарном, но истинно полезном поприще библиографии...

[19] Очевидное подражание гетевскому «Kennst du das Land?»[1]

[20] А это подражание Ф. Н. Глинке, который, обращаясь к Москве, говорит:

Город пышный, город древний!
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И хоромы, и дворцы!

Стихотворение это первоначально было помещено в «Русском вестнике», 1841, № 3, стр. 604—605. Но более известно оно из «Книги для чтения», которую зубрят гимназисты и в которой оно помещается обыкновенно на стр. 229.

[21] Не тот «Русский вестник», в котором было напечатано стихотворение Ф. Н. Глинки: этот издавался в 1841 и 1842 годах Гречем, Полевым и Кукольником в Петербурге. И не тот, который Сергеем Николаевичем Глинкою издавался с 1808 по 1824 год и вместо которого по временам выдавалось подписчикам «Новое детское чтение». Нет, тут разумеется «Русский вестник», шумно возникший в 1856 году, предъявивший уже русской публике новые таланты гг. Байбороды, Громеки, Кокорева, Рачинского, Ржевского, Чичерина и пр., и пр., прекративший в России взяточничество, водворивший в душах аглицкое чувство законности, отстаивавший выкуп души крестьянской, проектировавший новую русскую общину и пр.[2]

[22] «Атеней», впрочем, пред концом разговорился было и обругал Островского; но, говоря классическим стихом г. Пилянкевича, —

Напрягся — изнемог, потек — и ослабел...

Объявление о его прекращении было последним усилием его мужества: здесь он, как известно, предупредил г. Ламанского с его знаменитою фразою и затем величественно, непонятый, удалился со сцены.

[23] Здесь, очевидно, разумеется А. С. Хомяков, ибо никто, кроме его, не может быть у нас назван ученым par excellence:[3] известно,

---

[1] «Ты знаешь край?» (нем.). — *Ред.*

[2] Примечание это было у г. Лайбова в четыре листа печатных, с изумительными цитатами и сближениями. Но «Русский вестник» так общеизвестен, что мы решились выкинуть всю эту историю. Г-н Лайбов может это напечатать где хочет. *Прим. ред. «Свистка».*

[3] По преимуществу (франц.). — *Ред.*

что он писал и о философии («Русская беседа», 1859, № 1), и о санскритском языке («Известия II отделения Академии наук», 1855), и о живописи («Московский сборник», 1847), и о сельских условиях («Москвитянин», 1842, № 6), и о юридических вопросах («Русская беседа», 1858, № 1), словом, обнял все ветви знаний человеческих. Но мы не знаем, чтобы он говорил, что Москва славнее Рима. Напротив, в знаменитом своем стихотворении «России» (которое почему-то, к сожалению, выкинуто из последнего издания «Хрестоматии» Галахова) говорит:

Славней тебя был Рим великий.

Но если значение имени «ученый» расширить, то есть придать его всякому, кто «был учен», то, без всякого сомнения, стих сей относится к г. Шевыреву, который в течение всей своей ученой карьеры до того проводил параллели между Россией и Италией, что наконец стал смешивать принадлежности обеих стран.

[24] См., например, многократное повторение этой фразы в предисловии к московскому сборнику «Утру». А если угодно, то можно припомнить и «Молву» 1857 года.

[25] Стихи действительного тайного советника Ив. Ив. Дмитриева (Соч. Дмитриева, ч. 1, стр. 14):

Москва, России дочь любима!
Где равную тебе сыскать?

[26] В подтверждение этого можно привести стихотворение «Олег», напечатанное в «Молве», 1857, № 31, стр. 358:

Олег, грамматик странный, самый
Род женский с мужеским смешал:
Всем русским городам упрямо
Он Киев матерью назвал.
Но *Киев-матушка* с нуждою
В народную ложилась речь:
Недолго мог он быть главою
И землю русскую стеречь.

Москва поправила ошибку,
Оправдан ею был Олег,
И видим мы, что речь незыбку
Про *мать градов* он древле рек.
Москва за Русь восстала мочно,
Нет счета порванным цепям,
И стала матерью, точно,
Она всем русским городам!..

[27] Александр Сергеевич сказал, по уверению М. П. Погодина («Москвитянин», 1841, № 1):

Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз.

А известно, «что русскому здорово, то немцу смерть», — и французу, стало быть, тоже.

[28] Стоят — с 1818 года!

[29] Для примера смотри, хоть в «Молве», замечания К. С. Аксакова о значении Москвы: «В Москве преимущественно идет умственная работа; в ней древнейший русский университет. В ней силен интерес мысли и науки... Здесь пытается мысль выйти на самостоятельную дорогу, и если вновь станет наконец русский ум на свой настоящий путь, и мы, оторвавшаяся часть от русской народности, вновь придем к ней, и просвещение будет народным; то *этою нравственною победою Россия будет обязана деятельности мысли, возникшей в Москве»* («Молва», 1857, № 8). В pendant[1] к этому припомните знаменитую критику г. Рачинского на «Тысячу душ» («Русский вестник», 1858, № 18), обвинявшую этот роман, главное, за то, что Калинович, столь дрянной человек, был студентом Московского университета.

[30] Вот один поразительный пример. Г-н Погодин в своих заграничных письмах рассказывает о себе: «Я рассказал Клемму со всеми подробностями о богатом вознаграждении, полученном мною от щедрот русского царя за свое собрание древностей, которое сделалось теперь на веки веков неотъемлемо-сохранною собственностью отечественной науки. Немецкие ученые вне себя от удивления полумильону рублей, который получил русский за свои посильные труды. «Halb million! Potz tausend! Halb million! Das ist prächtig!»[2] *Признаюсь, с особенным удовольствием и гордостию старался я сообщить это известие кому только мог»* («Москвитянин», 1853, № 16. Отрывок из заграничных писем, стр. 184).

[31] См. патриотические стихотворения гг. Шевырева, М. Дмитриева, К. Павловой, и пр., и пр.

[32] Об этом можно справиться в правительственном акте, который перепечатан, между прочим, и в «Современнике» 1858 года, № 11, «Устройство быта помещичьих крестьян», стр. 17.

[33] Против этого хорошо возражает М. А. Дмитриев в 37-й из «Московских элегий» (Москва, 1858):

Добрая наша Москва! Говорят, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать...
Нет, уж то время прошло, и молва от тебя не исходит;
Любишь на старости ты только спросить да послушать...

[34] Арбат и Плющиха — улицы в Москве; Кремль — памятник отечественной славы, о котором Ф. Н. Глинка выразился («Русский вестник», 1841, № 3):

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?

Что же касается до «русского духа», то о нем можно получить понятие из объявления об издании «Русской беседы» на 1856 год.

---

[1] Дополнение (франц.). — *Ред.*

[2] Полмиллиона! Тьфу, пропасть! Полмиллиона! Это великолепно! (нем.). — *Ред.*

[35] Кто царь-колокол подымет,
Кто царь-пушку повернет?

Стихи того же Ф. Н. Глинки («Русский вестник», 1841, № 3).

[36] Гудят действительно без умолку... И кроме того, по выражению Ф. Н. Глинки (см. там же):

На церквах Москвы старинных
Вырастают дерева!

[37] Принялись и прозябли, ибо после первой публичной лекции г. Бабста в Практической академии (18 января) слушателям долго не давали шуб, как напечатано в 1-м и предпоследнем нумере «Современности». Шубы приехавших слушателей запрятали в отдельную комнату, перемешали порядок нумеров и при разъезде стали выдавать их по одной сквозь какое-то окошко. Народу было до 400 человек; каково же было на холоду дожидаться? Поднялся ропот; некоторые более нетерпеливые стали громко требовать своих шуб. В это время явился господин, заведывавший там порядком, и, подойдя к одному из претендентов на шубу, сказал с сознанием своего права и достоинства: «Если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совсем». Эти слова так озадачили прозябшего господина, что он пришел в отчаяние («Современность», № 1, стр. 28).

[38] В 1850 году в Москве был 6691 фонарь (см. «Описание Москвы и ее достопримечательностей» И. Милютина, М., 1850, ч. II, стр. 297).

[39] Здесь разумеется, конечно, г. Чернышевский. В «Москвитянине», 1855, № 13—14, напечатано было о «Современнике»: «„Современник", в котором сегодня позволяется ругать то, что вчера расхваливалось, в котором сегодня скажет дельное слово г. Дружинин, а завтра, может быть, г. Чернышевский напишет тьму безвкусных и безобразных литературных ересей» (статья Апполона Григорьева «Об отношении современной критики к искусству»).

[40] В «Русском вестнике» (см. 1857, № 22, и так дальше...).

[41] Об этом довольно хорошо было изложено в «Физиологии кружка» («Русский вестник», 1857, № 9).

[42] Это случилось в «Атенее», 1858, № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрепляет ученый г. Бабст свои возражения какому-то господину, защищавшему откупа.

[43] Теперь уже не сомневается, а отчаивается (см. «Отчет Московской практической академии за 1859 год», стр. 39).

[44] О чехах г. Хомяков пел немало; они тревожат его даже во сне («Русская беседа», 1856, № 1):

О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываяся сном...

Что касается до мадьяров, то можно назвать мадьярскими разве следующие стихи его (там же):

...На Лабу, Мораву, на дальную Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву,
На шумный и синий Дунай...

[45–46] Бесплодны и неблагодарны новые библиографические указания на факты, столь известные.

[47] Под *** здесь можно разуметь (так как дело идет об исторических личностях) или Сигизмунда, или же, что вероятнее, Наполеона, сугубо пораженного морозами и пожарами. Имя Наполеона не входит в стих; но, вероятно, надо читать: *Бонапарт*. Впрочем, можно читать и просто Наполеон, сокращая это слово по примеру знаменитого просодиста нашего, изучившего все сокращения и ударения, г. Шевырева, который в переводе «Валленштейнова лагеря» (Москва, 1859) пишет для стиха: себе н'уме (стр. 25), послуш'ка (стр. 32), посовет'ать (стр. 59) и пр.

[48] В 1857 году «Русский вестник» говорил (№ 8), что г. Чичерин «начал свое ученое поприще с таким блеском, с каким немногие завершают»; а теперь г. Чичерин пишет в «Нашем времени»! (См. «Наше время», № 1, 1860.)

[49] Одним из таковых является, например, в «Нашем времени» (№ 7) г. А. Забелин, неутомимо старающийся о прогрессе езды по железным дорогам. Так, он говорит: «Бесконечно были бы благодарны все более образованные люди, если бы правительству угодно было приказать выставить на стенах вагонов всех классов печатные объявления, что в вагонах не позволяется занимать лишних мест против билетов, не позволяется возить собак, есть рыбы, сыру, яиц и прочих веществ, распространяющих дурной запах; не позволяется громко разговаривать, петь, свистать и вообще запрещается всякое беспокойство пассажиров; предписывается иметь всевозможное уважение к женщинам всех классов, и потому воспрещаются всякие скандальные разговоры, двусмысленные остроты и шутки. Пьяных вовсе не принимать в вагоны. Все эти и подобные им правила могут не остаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строго запрещение курить табак, который составляет одно из самых меньших неудобств, теперь встречающихся в вагонах. Мне возразят, что правительству нельзя же быть нянькой народа и следить за каждым его шагом. Конечно, свобода дороже и лучше всего, но что же делать, когда наше общество так дурно воспитано, что еще не умеет ею пользоваться как следует и на свободе делает *всевозможные бесчинства*» (стр. 91). А далее описываются и самые бесчинства: «Около меня уселись какие-то двое стриженых пьяных молодцов вроде купеческих приказчиков, которые *без церемонии вытащили из-под скамьи вонючую рыбу и начали уписывать за обе щеки* (какое, в самом деле, бесчинство!), как будто вагоны назначены быть харчевнями *и как будто наесться досыта какой угодно гадости нельзя было на открытом воздухе или в каком-нибудь другом месте! Наевшись своей рыбы,* они принялись во все пьяное горло *разговаривать о своих делах*» (стр. 92). Далее автор, как горячий поборник прогресса, рассуждает о том, как эти вещи делаются «во всем образованном мире». И как гуманно рассуждает!

[50] Толки о грамотности памятны всем. А относительно телесного наказания, после всех споров, о которых не считаем нужным упоминать, вот что говорится в книжке «Вечера с разговором», недавно изданной в Москве графом Толстым (стр. 13). «Считаю нужным, не обязывая общин к *непременному телесному наказанию в известных случаях,* оставить меры взысканий на собственное их усмотрение,

лишь бы не превышали законоположений; и они, где можно, заменят его денежным штрафом, тюремным заключением, заработкою, исключением из общины, отдачею в распоряжение правительства и чем-нибудь в этом роде; а где нельзя — там употребят телесное наказание, и если только будет возможно, то употребят его, вероятно, не спрашиваясь ни юристов, ни филантропов, ни антропологов, не меряя длину розог, не подразделяя их на мужские, женские и детские, а просто по пословице: *«душа меру знает»,* то есть ad libitum.[1] По моим, может быть отсталым, понятиям *гораздо полезнее для человечества и прогресса* дать несколько розог одному негодяю, нежели пустить по миру и развращать этим способом целое семейство его». Далее, все *«в пользу человечества и прогресса»,* автор вопиет (разговор VI, стр. 19): «В стране, где лучшее развлечение — медвежья травля! Где лучшая потеха — кулачный бой! Где бурлаки порют суда, ставшие на мель, в полном убеждении, что *«палка — всему голова»*! Где само правительство не находит возможным изгнать из законов плети и шпицрутены, — там не говорите мне о необходимости заменить телесное наказание *в общинах!* — Я никогда не поверю вам!!! — Прогресс — должен быть общий! — Должна быть — общая подготовка, общее умягчение нравов!.. А частности ни к чему не ведут, кроме бед!»

[51] Пространно об этом см. в «Русском вестнике», 1857, № 6, в статье «Биограф-ориенталист» Н. Ф. Павлова.

[52] Каждая книжка «Русского вестника» служит тому подтверждением. (Тут у г. Лайбова были ужасные подробности на трех печатных листах, но мы их выкидываем и оставляем только заключение...) Итак, Вахновская, Кохановская, Нарская, Громека, Ольга Н.**, К. Павлова, Евгения Тур, Щербина, Жадовская, кроме того, по тщательным библиографическим разысканиям, — Тригорский, Криницкий, Марко Вовчок и даже сам Николаенко — вот женщины, украшающие «Русский вестник», и их-то женственное, смягчающее влияние, по всей вероятности, держит его постоянно в том светлом, розовом настроении, которому не мешают даже статьи гг. Ржевского, Безобразова, Бунге, Лешкова и самого Хвольсона.

[53] Там даже родилась, в pendant[2] к стереотипной фразе: «в настоящее время, когда поднято так много общественных вопросов», и пр. — другая, не менее сильная фраза: *«в настоящее время,* когда пьянство приняло такие широкие размеры», и пр. (см. «Московские ведомости», 1859, № 8).

[54] Впрочем, и Чаннингом занялась прежде всего дама — г-жа Евгения Тур («Русский вестник», 1858, № 8), а потом уже и мужская половина «Русского вестника» принялась за него и в прошлом году, в № 7, перевела из него статейку о том, что не должно пьянствовать, и почему не должно.

[55] Здесь, вероятно, заключается указание на заметку, помещенную в 95 № «Московских ведомостей» прошлого года. Теперь кстати будет припомнить ее всю целиком, и с несколькими словами редакции «Ведомостей». Вот какой вид имеет эта заметка:

---

[1] Сколько угодно (лат.). — *Ред.*

[2] Дополнение (франц.). — *Ред.*

«Мы получили по поводу распространения трезвости следующее письмо:

М. г., Вы уже имели случай заметить, что, вполне сочувствуя обществам трезвости, вы желали бы, однако, чтобы дело обходилось без шпионства и телесных наказаний, по крайней мере там, где помещики, как сословие более образованное, принимают непосредственное участие в этом деле. В свою очередь, вполне соглашаясь с вами, невольно задаешь себе вопрос: неужели это идеал недостижимый, мечта кабинетных людей и теоретиков, и в нашем благословенном отечестве люди вечно будут сечь друг друга, и не только друг друга, но и женщин, сечь по собственному, добровольному соглашению? Вот оно — влияние крепостного права и безграмотности!

А у нас еще есть господа,[1] без застенчивости печатающие, что наша литература, занимаясь вопросами о распространении грамотности, о телесных наказаниях и т. п., даже давая гласность некоторым общественным явлениям без прямого указания на лица, собственно, повторяет только то, что и без нее известно. Впрочем, лучшая часть нашего общества умеет ценить этих господ по достоинству, и попытки литературного мальчишества и паясничества убить в литературе всякую живую связь с тою средой, которой она служит органом, никогда не могут иметь успеха. Многие вопросы, порешенные в Западной Европе и знакомые из книг десяти человекам в России, конечно, не могли перейти в общее сознание там, где коренится и упорно держится во всем строе жизни крепостное право со всеми своими неисчислимыми последствиями. Если бы, считая все давно порешенным, наша литература ограничивалась туманными выходками против неаполитанских изгнанников и т. п., то она утратила бы всякий смысл для русского общества. Это поймет всякий неглупый школьник, а у нас есть литераторы, не понимающие таких простых вещей! До какой степени невозможен успех попыток, о которых я сейчас говорил, показывает уже одно то, что в порядочных журналах Западной Европы решительно не принято иметь балаганные отделы и что мы все, по-видимому, очень хорошо знаем это, а между тем все-таки не можем устоять против искушения — потешить публику и при случае превратить свой журнал в «Весельчака»! Отчего же это? Оттого, что в нашем обществе, даже в обществе литературном, еще не принялось западное понятие о литературе, и общество еще бросается из одной крайности в другую, увлекая за собою и литературу, по крайней мере наименее серьезные ее органы. Примите и пр. *Н. Ч.*»

В заключение, как серьезный и добросовестный библиограф, я должен объявить, что вполне соглашаюсь с мнением г. Н. Ч., в котором, однако, по моим изысканиям и соображениям, никоим образом не следует подозревать г. Н. Чернышевского. Dixi.[2]

Н. Лайбов

1859

---

[1] См. в апрельской книжке «Современника» статью «Русская литература» и балаганный отдел (возобновленный, вероятно, по случаю недавних праздников) под названием «Свисток».

[2] Я сказал (лат.). — *Ред.*

9. УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

1

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Всё не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да расспросим:
«Как дошла ты до жизни такой?»

Не длинен и не нов рассказ:
Отец ее подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный —
Запоем пил — и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит — и чутко буре внемлет.
Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже,
А девочку взяла «Мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,

И не в шитье была там сила...

. . . .

. . . .

2

«Впрочем, что ж мы? нас могут заметить, —
Рядом с ней?!.» И отхлынули прочь...
Нет! тебе состраданья не встретить,
Нищеты и несчастия дочь!
Свет тебя предает поруганью
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванью,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки притрет
И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ —
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Всё, что модного выдумал свет,
Совместилось с волшебною силой,
Ничего только русского нет —
Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой...
Ну, кому же расставишь ты сети?
Вышла ты из коляски своей
И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,
Позавидуй! эффект чрезвычайный!

Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
«Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастию, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды
И прославилась — в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоем экипаже,
Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,
Что геройство в бесстыдстве твоем!

Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он подрос — ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появленье малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений
Потерявшие шик молодцы, —
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!
И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

23 декабря 1859

10. ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую по́ру малолетства
Всё живое — сча́стливо живет,

Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелося
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что́ за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
«Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!»
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

<1860>

11. ПАПАША

Я давно замечал этот серенький дом,
    В нем живут две почтенные дамы,
    Тишина в нем глубокая днем,

Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здесь движенье веселое слышно:
Приезжают сюда господа
И девицы, одетые пышно.
Вот и нынче карета стоит,
В ней какой-то мужчина сидит;
Свищет он, поджидая кого-то,
Да на окна глядит иногда.
Наконец отворились ворота,
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...

«Здравствуй, Наташа!
Я уже думал — не будет конца!»
— «Вот тебе деньги, папаша!»
Девушка села, целует отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
И постепенно затих ее шум.
«Вот тебе деньги!» Я думал: что ж это?
Дикая мысль поразила мой ум.
Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасает нас... так почему же?..
Нет, не поверю я!.. изверг, злодей!
Хуже убийства, предательства хуже...
Хуже-то хуже, да легче, верней,
Да и понятней. В наш век утонченный
Изверги водятся только в лесах.
Это не изверг, а фат современный —
Фат устарелый, без места, в долгах.
Что ж ему делать? Другого закона,
Кроме дендизма, он в жизни не знал,
Жил человеком хорошего тона
И умереть им желал.
Поздно привык он ложиться,
Поздно привык он вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать;
Час или два перед тонким обедом

Невский проспект шлифовать.
Смолоду был он лихим сердцеедом:
Долго ли денег достать?
С шиком оделся, приставил лорнетку
К левому глазу, прищурил другой,
Мигом пленил пожилую кокетку,
И полилось ему счастье рекой.
Сладки трофеи нетрудной победы —
Кровные лошади, повар француз. . .
Боже! какие давал он обеды —
Роскошь, изящество, вкус!
Подлая сволочь глотала их жадно.
Подлая сволочь? . . о нет!
Всё, что богато, чиновно, парадно,
Кушало с чувством и с толком обед,
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы целовалися с ним,
Правда, что слухи до нас доходили. . .
Что нам до слухов — и верить ли им?
Старый газетчик, в порыве усердия,
Так отзывался о нем:
«Друг справедливости! жрец милосердия!» —
То вдруг облаял потом, —
Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили
Подлости явной: в игре он платил.
Муза! воспой же его добродетели!
Вспомни, он набожен был;
Вспомни, он руку свою тороватую
Вечно раскрытой держал,
Даже Жуковскому что-то на статую
По доброте своей дал!

Счастье, однако, на свете непрочно —
Хуже да хуже с годами дела.
Сил ему много отпущено, точно,
Да красота изменять начала.
Он уж купил три таинственных банки:
Это — для губ, для лица и бровей,
Учетверил благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходит по Невскому с палкой, с лорнетом
Сорокалетний герой.

Ходит зимою, весною и летом,
Ходит и думает: «Черт же с тобой,
Город проклятый! Я строен, как тополь,
Счастье найду по другим городам!»
И, рассердясь, покидает Петрополь. . .
Может быть, ведомо вам,
Что за границей местами есть воды,
Где собирается множество дам —
Милых поклонниц свободы,
Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужстве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных, —
Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете
И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.
Что привлекает их в город такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И. . . но вы знаете сами. . .
Трудно решить. Говорят,
Годы терпенья и плена,
Тяжких обид и досад
Вдруг выкупает измена;
Ежели так, то целительность вод
Не подлежит никакому сомненью.
Бурно их жизнь там идет,
Вся отдана наслажденью,
Оригинален наряд, —
Дома одеты, а в люди
Полураздеться спешат:
Голые спины и голые груди!
(Впрочем, не к каждой из дам
Эти идут укоризны:
Так, например, только лечатся там
Скромные дочери нашей отчизны. . .)

Наш благородный герой
Там свои сети раскинул,
Там он блистал еще годик-другой,
Но и оттудова сгинул.

Лет через восемь потом
Он воротился в Петрополь,
Всё еще строен, как тополь,
Но уже несколько хром,
То есть не хром, а немножко
Стала шалить его левая ножка —
Вовсе не гнулась! Шагал
Ею он словно поленом,
То вдруг внезапно болтал
В воздухе правым коленом.
Белый платочек в руке,
Грусть на челе горделивом,
Волосы с бурым отливом —
И ни кровинки в щеке!
Плохо!..
А вкусы так пошлы и грубы,
Дай им красавчика, кровь с молоком...
Волк, у которого выпали зубы,
Бешено взвыл; огляделся кругом
Да и решился... Трудами питаться
Нет ни уменья, ни сил,
В бедности гнусной открыто признаться
Перед друзьями, которых кормил,
И удалиться с роскошного пира —
Нет! добровольно герой
Санктпетербургского модного мира
Не достигает развязки такой.
Молод — так дело женитьбой поправит,
Стар — так игорный притон заведет,
Вексель фальшивый составит,
В легкую службу пойдет...
Славная служба! Наш старый красавец
Чуть не пошел было этой тропой,
Да не годился... Вот этот мерзавец!
Под руку с дочерью! Весь завитой,
Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди...
Плюньте в лицо ему, честные люди!
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджог, за покражу —
Это отец, развращающий дочь
И выводящий ее на продажу!..

«Знаем мы, знаем, — да дела нам нет!
Очень горяч ты, любезный поэт!»

Музыка вроде шарманки
Однообразно гудит,
Сонно поют испитые цыганки,
Глупый цыган каблуками стучит.
Около русой Наташи
Пять молодых усачей
Пьют за здоровье папаши.
Кажется, весело ей:
Смотрит спокойно, наивно смеется.
Пусть же смеется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если ж проснется, что будет тогда?
Нож ли ухватит, застонет ли тяжко
И упадет без дыханья, бедняжка,
Сломлена ужасом, горем, стыдом?
Кто ее знает! Не дай только боже
Быть никому в ее коже, —
Звать обнищалого фата отцом!

14 марта 1860

12. ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

Как дядю моего, Ивана Ильича,
Нечаянно сразил удар паралича,
В его наследственном имении Корсунском, —
Я памятник ему воздвигнул сгоряча,
А души заложил в совете опекунском.

Мои домашние, особенно жена,
Пристали: «Жизнь для нас на родине скучна!»
Кто: «ангел!», кто: «злодей! вези нас за границу!»
Я крикнул старосту Ивана Кузьмина,
Именье сдал ему и — укатил в столицу.

В столице получив немедленно паспóрт,
Я сел на пароход и уронил за борт
Горячую слезу, невольный дар отчизне. . .
«Утешься, — прошептал нас увлекавший черт, —
Отраду ты найдешь в немецкой дешевизне», —

И я утешился... И тут уж недолга
Развязка мрачная: минули мы брега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Приехали в Берлин — и обрели врага
В Луизе-Августе-Фернанде-Кунигунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась.
Но я предупредить обязан прежде вас,
Что Лидия — моя дражайшая супруга —
Ужасно горяча: как будто родилась
Под небом Африки; в ней дышат страсти юга!

В отечестве она не знала им узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок
(В сочельник крошки в рот не брал я до звезды,
Хоть голоду терпеть не может мой желудок),

И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик...
В гостинице, едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует, словно Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось с ней...
О ужас! о позор! В небрежности своей,
Луиза, Лидию с дороги раздевая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидия моя, не долго размышляя...

Но что тут говорить? Тут нужны не слова,
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть жива,
Стояла Лидия в какой-то думе новой.
Растрепана коса, поникла голова:
«На натиск пламенный ей был отпор суровый!..»

Слова моей жены: «О друг, Иван Ильич! —
Мне вспомнились тогда. — Здесь грубость, мрак и дичь,
Здесь жить я не могу — вези меня в Европу!»
Ах, лучше б, душечка, в деревне девок стричь
Да надирать виски безгласному холопу!

1860

13. ЗНАХАРКА

Знахарка в нашем живет околодке:
Нá воду шепчет; на гуще, на водке

Да на каких-то гадает травáх.
Просто наводит, проклятая, страх!

Радостей мало — пророчит всё горе;
Вздумал бы плакать — наплакал бы море,

Да — господь милостив! — русский народ
Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горластому парню:
«Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И — поглядят — через месяц всего
По лесу парень орет: «го-го-го!»

Дяде Степану сказала: «Кичишься
Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Либо своей голове пропадать!»
Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар — откупился!
Весь околоток колдунье дивился.

«Сем-ка! и я понаведаюсь к ней! —
Думает старый мужик Пантелей. —

Что ни предскажет кому: разоренье,
Убыль в семействе, глядишь — исполненье!

Черт у ней, что ли, в дрожжах-то сидит?..»
Вот и пришел Пантелей — и стоит,

Ждет: у колдуньи была уж девица,
Любо взглянуть — молода, полнолица,

Рядом с ней парень — дворовый, кажись,
Знахарка девке: «Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:
Милые слезы — и вечная воля!»

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастью не быть, молодец, твоему.

Всё говорить?» — «Говори!» — «Ты зимою
Высечен будешь, дойдешь до запою,

Будешь небритый валяться в избе,
Чертики прыгать учнут по тебе,

Станут глумиться, тянуть в преисподню:
Ты в пузыречек наловишь их сотню,

Станешь его затыкать. . .» Пантелей
Шапку в охапку — и вон из дверей.

«Что же, старик? Погоди — погадаю!» —
Ведьма ему. Пантелей: «Не желаю!

Что нам гадать? Малолетков морочь,
Я погожу пока, чертова дочь!

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!»

1860

14

Что ты, сердце мое, расходилося? . .
　　Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
　　Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
　　Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
　　Добрым словцом.

1860

15

. . . . . . одинокий, потерянный,
Я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновалися,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывалися,
Слышалось слово любви.

Кто виноват — у судьбы не доспросишься,
Да и не всё ли равно?
У моря бродишь: «Не верю, не бросишься! —
Вкрадчиво шепчет оно. —

Где тебе? Дружбы, любви и участия
Ты еще жаждешь и ждешь.
Где тебе, где тебе! — ты не без счастия,
Ты не без ласки живешь...

Видишь, рассеялась туча туманная,
Звездочки вышли, горят?
Все на тебя, голова бесталанная,
Ласковым взором глядят».

1860

16. ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

Вот и Качалов лесок,
Вот и пригорок последний.
Как-то шумлив и легок
Дождь начинается летний,
И по дороге моей,
Светлые, словно из стали,
Тысячи мелких гвоздей
Шляпками вниз поскакали —
Скучная пыль улеглась...
Благодарение богу,

Я совершил еще раз
Милую эту дорогу.
Вот уж запасный амбар,
Вот уж и риги. . . как сладок
Теплого колоса пар!
— Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

«Здравствуйте, братцы!» — «Гляди,
Крестничек твой-то, Ванюшка!»
— «Вижу, кума! погоди,
Есть мальчугану игрушка».
— «Здравствуй, как жил-поживал?
Не понапрасну мы ждали,
Ты таки слово сдержал.
Выводки крупные стали;
Так уж мы их берегли,
Сами ни штуки не били.
Будет охота — пали!
Только бы ноги служили.
Вишь ты лядащий какой,
Мы не таким отпускали:
Словно тебя там сквозь строй
В зиму-то трижды прогнали.
Право, сердечный, чуть жив;
Али неладно живется?»
— «Сердцем я больно строптив,
Попусту глупое рвется.
Ну, да поправлюсь у вас,
Что у вас нового, братцы?»

«Умер третьёводни Влас
И отказал тебе святцы».
— «Царство небесное! Что,
Было ему уж до сотни?»
— «Было и с хвостиком сто.
Чудны дела-то господни!
Не понапрасну продлил

Эдак-то жизнь человека:
Сто лет подушны платил,
Барщину правил полвека!»

«Как урожай?» — «Ничего.
Горе другое: покрали
Много леску твоего.
Мы станового уж звали.
Шут и дурак наголо!
Слово-то молвит, скотина,
Словно как дунет в дупло,
Несообразный детина!
«Стан мой велик, говорит,
С хвостиком двадцать пять тысяч,
Где тут судить, говорит,
Всех не успеешь и высечь!» —
С тем и уехал домой,
Так ничего не поделав:
Нужен-ста тут межевой
Да епутат от уделов!
В Ботове валится скот,
А у солдатки Аксиньи
Девочку — было ей с год —
Съели проклятые свиньи;
В Шахове свекру сноха
Вилами бок просадила —
Было за что. . . Пастуха
Громом во стаде убило.
Ну уж и буря была!
Как еще мы уцелели!
Колокола-то, колокола —
Словно о пасхе гудели!
Наши речонки водой
Налило на три аршина,
С поля бежала домой,
Словно шальная, скотина:
С ног ее ветер валил.
Крепко нам жаль мальчугана:
Этакой клоп, а отбил
Этто у волка барана!
Стали Волчком его звать —
Любо! Встает с петухами,

Песни начнет распевать,
Весь уберется цветами,
Ходит проворный такой.
Матка его проводила:
«Поберегися, родной!
Слышишь, какая завыла!»
— «Буря-ста мне нипочем,
Я — говорит — не ребенок!»
Да размахнулся кнутом
И повалился с ножонок!
Мы посмеялись тогда,
Так до полден позевали,
Слышим — случилась беда:
«Шли бы: убитого взяли!»
И уцелел бы, да вишь
Крикнул дурак ему Ванька:
«Что ты под древом сидишь?
Хуже под древом-то... Встань-ка!»
Он не перечил — пошел,
Сел под рогожей на кочку,
Ну, а господь и навел
Гром в эту самую точку!
Взяли — не в поле бросать,
Да как рогожу открыли,
Так не одна его мать —
Все наши бабы завыли:
Угомонился Волчок —
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке рожок,
А на шляпенке венок
Из васильков да из кашки!

Этой же бурей сожгло
Красные Горки: пониже,
Помнишь, Починки село —
Ну и его... Вот поди же!
В Горках пожар уж притих,
Ждали: Починок не тронет!
Смотрят, а ветер на них
Пламя и гонит, и гонит!
Встречу-то поп со крестом,
Дьякон с кадилами вышел,

Не совладали с огнем —
Видно, господь не услышал!..

Вот и хоромы твои,
Ты, чай, захочешь покою?..»
— «Полноте, други мои!
Милости просим за мною...»

Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
«Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу?»

1860

17. ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»

...О светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автогра́фа
И вышел не без шуму
На путь библиогра́фа.

Шекспировских творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то «Заиру»
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру,
Да пропустил «Гамле́та».

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало.

Тогда я хвать брошюру!
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

Открыли перестрелку,
В своих мансардах сидя,
Попал я в переделку!
Так заяц, пса увидя,

Потерянный метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
Журнальной адской бани,
И даже тех ругали,
Кто мало сыпал брани!

Увы! в родную сферу
С стыдом я возвратился;
Испортил я карьеру,
А славы не добился!..

1860, <1874>

18. НА ВОЛГЕ
(ДЕТСТВО ВАЛЕЖНИКОВА)

1

. . . .
. . . .
Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.

Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, всё село
Прошел — нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей:
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет, — говорил я жизни той: —
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, недостало сил,
Или мой труд не нужен был,

Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей. . .

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,

И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью — волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так — хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир — и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащáт с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спýгнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил

Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

8

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же. . . только нет
Убитых сил, прожитых лет. . .

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню! . .» Догнал, поймал, —

И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга! .. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки́,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою. . .
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —

Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал. — Когда б попасть
Хоть на Илью. . .» — «Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще. . .»
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор. . .

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!

Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не мани́т на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,

Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так заметается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой»!
И в такт мотая головой. . .

1860

19. РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится. . .

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка.
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!

Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги. . .
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает. . .

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что как иней к земле прилегли, —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына

Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов, —
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
    На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.

Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведряном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, — всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты не дрогнув удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,

На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим? ..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная, —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клевещут язвительней, —
Я пощады у них не прошу,

Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билося,
Что умел он любить...
. . . .

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул,

И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано. . .»

1860—1862

20. Т ⟨ УРГЕНЕ ⟩ ВУ

Мы вышли вместе. . . Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты. . . уж светел был твой ум,
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

В великом сердце ты носил
Великую заботу,
Ты как поденщик выходил
До солнца на работу.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
Свой факел. . . ждешь рассвета.

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юношей ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бича
И к ропоту народа.

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто не робел в огонь идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата.

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!

1860 или 1861

21. НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед затем долгие дни заточения.

Всё он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалася.

27 февраля 1861

22. ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое пó свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов! .. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что́ ребят набирается!
Покрестились и подняли вой. . .
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, —

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, —
«Чу! — кричат наши детки проворные. —
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?

Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовию!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалося сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

22—25 июня 1861

23. ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся по́ печи,
Каждый день не доедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до́ поту,
День придет — работой тешутся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

16 августа 1861

24. КОРОБЕЙНИКИ

Другу-приятелю
Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды,
Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

Н. Некрасов

23 августа 1861
Грешнево

1

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.

Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.

Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенек.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»
То-то, дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

2

Зачали-по́чали
Поповы дочери.

Припев деревенских торгашей

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки вожеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нели́нючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики [1] заветные —
Хоть кого приворожат!»

Началися толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!

Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень. . .

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапалися в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом! . .»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

8

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!»
— «В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.

«Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы. . . эх-эх!»
— «Понагрел ты Калистратушку».
— «Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого».
— «Рыжий, клином борода».
— «Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая
Да и больно уж лиха,
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что́ сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,

Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

«Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой, ты зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего. . .»
— «Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне? . .»

4

Ай барыня! барыня!

Песня

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгаши.
По реке идут — с бурла́ками
Разговоры заведут:

«Кто вас спутал?» [2] — и собаками
Их бурла́ки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы! . .

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко, —
Старичок за холку хвать!
«Эй! еще, еще немножечко!» —
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика!
Эх ты, пареный да вяленый!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяный,
Надо новый покупать?»
Им обозники военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам! . .»

Попадались им сабашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,

В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
— «Кашпирята с Зюзенятами. . .[8]
Заяц! вон гляди туда!»
Всполошилися борзители:
«Ай! а-ту его! а-ту!»
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету. . .

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
«Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха».
— «Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост».
— «Вот усадьбишка дворянская,
Завернем? . .» — «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись. . . куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,

Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Черт побрал бы моду новую!
А бывало в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящею косой,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама, руками белыми
Отбирает не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
«Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легохонько:

«Дорог будет, ваша честь».
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Середи двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!»

5

— Много ли верст до Гогулина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:

«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
„Спи пригожий, спи, румяненький!“ —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
„Поцелуй, дружок, меня!..“
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой, пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.

Жди-пожди, душа-зазнобушка,
Не обманет мил-дружок!»

Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прощелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх, пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
«Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь». Вот оне!
Черт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал?»
— «Бабы их клюкою меряли, —
Ванька с важностью сказал. —
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».

— «Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие. . .»
— «Стой-ка, дядя, чу, идут!»

6

Только молодец и жив бывал.
Старинная былина

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят, —
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
— «Путь-дороженька, стрелец!»
— «Что ты смотришь?» — «Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?»
— «Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?»
— «А кажись, лицо знакомое», —
Шепчет Ванька старику.
«Что вы шепчетесь?» — «Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?» — «Нам по пути,
Я из Шуньи». — «А далеко ли
До деревни до твоей?»
— «Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
— «Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад».

Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шел ты, старый воробей!» —
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевалися воробушки,
Полетели отдыхать!»
— «Что, дойдем в село до ноченьки?»
— «Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу».
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы».
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
«Неужели, парень, бьет оно?»
— «Бьет на семьдесят шагов».
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тяп да ляп!
Да и сам христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же пес в ошейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь! . .»

Час идут, другой. «Далеко ли?»
— «Близко». — «Что ты?» У реки
Куропаточки закокали.

И детина взвел курки.
«Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу!»

Коробейникам не пелося:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
«День-денской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
— «Так, я пробую прицел...»

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по́ небу бычки,[4]
Вечер пуще надвигается,
Прытче и́дут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица[5] ухает,
Чу! ребенком стонет сыч.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
«Аль спознался с лихорадкою?»
— «Да уж три недели бьет, —
Полечи!» — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился.
«Что за шутки! — говорит. —
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А живал богато смолоду,

Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?»
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
«Эй, хозяйка! нету моченьки.
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелося на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула, —
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зерцалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
«А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
«Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя!»

Тит — домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,

КРАСНЫЯ КНИЖКИ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ:

КОРОБЕЙНИКИ.

СОЧИНИЛЪ И ИЗДАЛЪ НЕКРАСОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
«Вся-то песня — два словца,
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАННИКА

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба, —
Я опять во стада», —
и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
«Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?.. В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— «Трусы, трусы вы великие!» —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно! — Тихоныч сказал. —
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,

Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
«Эй, уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька. — Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить».
А лесник опять наметился.
«Не шути!» — «Чаво шутить!» —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат;
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки.
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»

— «Их-то нам и покажи!»
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром пóзвали судей,
Судьи тотчас всё доведали
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли.

Примечания

[1] *Любчики* — деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолюдинок, привораживающую силу.

[2] Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование.

[3] *Кашпировы, Зюзины.* Крестьяне, беседуя *между собою* об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения.

[4] *Бычки* — небольшие отрывочные тучки (Яросл. губ.).

[5] *Ухалица* — филин-пугач (grand-duc).

Август 1861

25. 20 НОЯБРЯ 1861

Я покинул кладби́ще унылое,
Но я мысль мою там позабыл, —
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь, как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,

Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

20 ноября 1861

26. КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узна́ю всегда.
Я замер: коснулось души умиленье...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий

(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стаей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.

Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой. . .» — «Услышит, молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!

Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастие было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,

Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, —
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.

Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово парнище!» — «Ступай себе мимо!»
— «Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
— «Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— «Так вон оно что! А как звать тебя?»
— «Власом».
— «А кой тебе годик?» — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,

И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!»
— «Не зáсти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!»
— «Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.

И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

1861

27

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

28. СВОБОДА

Родина мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так! .. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

1861

29. СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

О слезы женские, с придачей
Нервических, тяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных, —
Вы их могущества венец.
Вернее закаленной стали
Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:

Язык лисит, а глаз шпионит
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян — вином поддельным
Иль настоящим — всё равно;
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в аппетит?
Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит: «Прекрасны оба» —
На нежный спрос: «Который взять?» —
Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным: «C'est joli!» [1]
И даже милую с вопросом...

[1] Прелестно (франц.). — *Ред.*

Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства темное клеймо? . .

1861

30. ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

Петербургская драма

«За отъездом продаются: мебель, зеркала и проч. Дом Воронина, № 159».

«Полиц. вед.»

Надо поехать — статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры всё новые,
Мягкие кресла, диваны отменные,
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видимо, чем-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Всё в ней пленительно:
Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красивые, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор порывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
Мне эта женщина часто мечтается. . .

Я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказалися цены ужасные!
День пережлал, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, так даже обидится! . .

«Барыня эта — созданье упрямое:
С мужем, подумал я, надо увидеться».

Муж — господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству —
Был человек разбитной, обязательный,
Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству, —
С ним у нас дело как раз завязалося.
Странная драма тогда разыгралася:
Мужа застану — поладим скорехонько;
Барыня выйдет — ни в чем не сторгуешься
(Только глазами ее полюбуешься).
Нечего делать! вставал я ранехонько,
И, пока барыня сном наслаждалася, —
Многое сходно купить удавалося.

У дому ждут ломовые извозчики,
В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезилися:
«Вот и с приданым своим мы простилися!» —
Молвила няня... «Какое приданое?»
— «Всё это взял он за барышней нашею,
Вместе весной покупали с мамашею;
Как любовались!..»

Открытье нежданное!
Сказано слово — и всё объяснилося!
Вот почему так она дорожилася.
Бедная женщина! В позднем участии,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Всё это куплено с мыслью о счастии,
С этим уходит — счастливое прошлое!
Здесь ты свила себе гнездышко скромное,
Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою...
Ну, а теперь ты созданье бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!
Где не остыл еще след обаяния
Девственной мысли, мечты обольстительной,
Там совершается торг возмутительный.
Как еще можешь сдержать ты рыдания!

В очи твои голубые, красивые
Нагло глядят торгаши неприветные,
Осквернены твои думы стыдливые,
Проданы с торгу надежды заветные! . .

Няня меж тем заунывные жалобы
Шепчет мне в ухо: «Распродали дешево —
Лишь до деревни доехать достало бы.
Что уж там будет? Не жду я хорошего!
Барин, поди, загуляет с соседями,
Барыня будет одна-одинехонька,
День-то не весел, а ночь-то чернехонька.
Рядом лесище — с волками, с медведями».

— «Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
Чудо, что смех еще временем слышится! . .»

Барин пришел — поздравляет с покупкою,
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавая. . . Копейка ты медная!
Горе ты, горе! нужда окаянная. . .

Чуть над тобой не заплакал я, бедная,
Вот одолжил бы. . . Прощай, бесталанная! . .

<1862>

31

Литература с трескучими фразами,
        Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
        О забирании всякого встречного, —
Дайте вздохнуть! . .
                                Я простился с столицами,
        Мирно живу средь полей,

Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

1862

32. НА ПСАРНЕ

Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
Воля придет — чай, бежишь без оглядки?
«Нáшто мне воля? куда я пойду?
Нету ни батьки, ни матки,
Нету никем никого,
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: «Го-го-го!
Горе косому злодею!..»

Между 1860 и 1863

33

1

«Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— «Думаю, братец, про эту дорогу».
— «То-то давненько молчишь.

Что же ты думаешь?» — «Долго рассказывать.
Только тронýлись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени!»
— «Полно — тут пыль, а не кровь...»

2

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— «Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревма-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука».
— «Песня про эту дорогу уж спета,
Да что в ней проку?.. Тоска!»

«Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет».
— «Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет!»

3

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного —
С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

Между 1861 и 1863

34

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.

В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось. . .

Я наслушался шума иного. . .
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1862 или 1863

35. МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Посвящаю моей сестре
Анне Алексеевне

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,

Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалося сердце с печали
И на чью они грудь упадали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, — я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмиревшую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...
. . . .

Часть первая

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

1

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

2

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

3

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
　　На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

4

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,

Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогой —
Вольнó ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедни
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

5

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой

Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои. . .

6

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Побитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

7

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «Ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал! ..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

8

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями, руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода. . .

9

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски,
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накипело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит —
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил. . .

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горючими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь. . . Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахáрны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили —
Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали,
Кормилец, надёжа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои. . .»

10

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие,
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

11

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,

С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоялых
Покушал ты вволю овса.

Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху —
Зима доконала его! . .

12

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —

Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест. . .
Всему покорялся, как голубь, —
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя —
Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал
И умер. . .

18

. . .Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди! . .
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала. . . Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет», —
Согласно решили они. . .

14

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
Сказал, — благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки —
Уж как тебя бог выручал —
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вот она, жизнь человечья!» —
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минуть и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» — народ говорил.

15

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова.
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

16

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

17

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

18

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова, —
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на́ снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, — и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблистает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит, — не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

19

. . . .
. . . .
«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать! [1]

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

20

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,

[1] Известная народная игра, называемая: *сеять мак*. *Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще *маком* бывает простоватый детина, которому при подкидывании достается немало колотушек.

До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...

21

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку, —
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..
Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги

Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

22

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь — меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать? ..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной? ..

Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать —
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

23

«Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,

Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стала на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..»[1]

21

«Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

---

[1] Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства.

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет, не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

25

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла,

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..
Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней, —

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, —

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

26

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилася зёмным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

27

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:

Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются чётки,
Писаный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

28

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложилися к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!
. . . .
. . . .

Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

29

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на со́сну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

31

«Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой. . .»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

32

«Тепло ли тебе, молодица?» —
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли? . .» — «Тепло, золотой!»

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» — промолвил опять
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

33

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрыпя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

«Бог помочь! А где же Гришуха?» —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», — сказала старуха.
«Гришуха!» — отец закричал,

На небо взглянул. «Чай, не рано?
Испить бы...» — Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

«Бежит! .. у! .. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!» —
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал бабушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

31

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятька, с собой!» —
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
Девчонок ненадобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
«Довольно с тебя одного!»
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатил.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольнего счастья предел.

В ней кроткая ласка участья,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

35

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

36

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

1862—1863

36. ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ[1]

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, — всё зелено:
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!

[1] Так народ называет пробуждение природы весной.

Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

Начало 1863

87. ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревнею
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он. — Не спит,

Мечется пó печи, охает, мается,
Ждет — не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти мне! часто владыку небесного
Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рощу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася —
Мужа в побывку ждала...
С Федей-солдатиком чуть не слюбилася...
С мужем под праздник спала.

Охти мне... ох! угожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сынка,
Я возроптала на благость господнюю,
В пост испила молока, —

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна...
Божия матерь! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!..»

Начало 1863

38

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

Начало 1863

89. КУМУШКИ

Темен вернулся с кладби́ща Трофим;
Малые детки вернулися с ним,

Сын да дево́чка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Ревма-ревели; а тятька молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулися дети беспечные,

Жжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
Кто ни проходит — жалеет сирот:

«Нет у вас матушки!» — молвила Марьюшка.
«Нету родимой!» — прибавила Дарьюшка.

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!» —
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?» —
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» — сказала Протасьевна,
«Уж не воротишь, — прибавила Власьевна. —

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке?
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки!..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? Пора привыкать
К доле сиротской; забудьте вы мать:

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный!..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятька не спал,

У самого расходилися думушки...
Ну, удружили досужие кумушки!

Январь 1863

40. ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

Я полагал, с либерального
Есть направленья барыш —
Больше, чем с места квартального.
Что ж оказалося — шиш!
Бог меня свел с нигилистами,
Сами ленятся писать,
Платят всё деньгами чистыми,
Пробовал я убеждать:
«Мне бы хоть десять копеечек
С пренумеранта извлечь:
Ведь даровых-то статеечек
Много... куда их беречь?
Нужно во всем беспристрастие:
Вы их смешайте, друзья,
Да и берите на счастие...
Верьте, любая статья
Встретит горячих хвалителей,
Каждую будут бранить...»
Тщетно! моих разорителей
Я не успел убедить!

Часто, взбираясь на лесенку,
Где мой редактор живет,
Слышал я грозную песенку,
Вот вам ее перевод:
«Из уваженья к читателю,
Из уваженья к себе,
Нет снисхожденья к издателю —
Гибель, несчастный, тебе!..»
— «Но не хочу я погибели
(Я ему). Друг-нигилист!
Лучше хотел бы я прибыли».
Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
Я от него убегал
И по мосткам против крепости
Обыкновенно гулял.
Там я бродил в меланхолии,
Там я любил размышлять,
Что не могу уже более
«Аргуса» я издавать.
Чин мой оставя в забвении
И не щадя седины,
Эти великие гении
Снять с меня рады штаны!
Лучше идти в переписчики,
Чем убиваться в наклад.
Бросишь изданье — подписчики
Скажут: дай деньги назад!
Что же мне делать, несчастному?
Благо, хоть совесть чиста:
Либерализму опасному
В сети попал я спроста...
Так по мосткам против крепости
Я в размышленьи гулял.
Полный нежданной свирепости,
Лед на мостки набежал.
С треском они расскочилися,
Нас по Неве понесло;
Все пешеходы смутилися,
Каждому плохо пришло!
Словно близ дома питейного,

Крики носились кругом.
Смотрим — нет моста Литейного!
Весь разнесло его льдом.
Вот, погоняемый льдинами,
Мчится на нас плашкоут,
Ропот прошел меж мужчинами,
Женщины волосы рвут!
Тут человек либерального
Образа мыслей, и тот
Звал на защиту квартального...
Я лишь был хладен как лед!
Что тут борьба со стихиею,
Если подорван кредит,
Если над собственной выею
Меч дамоклесов висит?..
Общее было смятение,
Я же на льдине стоял
И умолял провидение,
Чтоб запретили журнал...
Вышло б судеб покровительство!
Честь бы и деньги я спас,
Но не умеет правительство
В пору быть строгим у нас...
Нет, не оттуда желанное
Мне избавленье пришло —
Чудо свершилось нежданное:
На небе стало светло,
Вижу, на льдине сверкающей...
Вижу, является вдруг
Мертвые души скупающий
Чичиков! «Здравствуй, мой друг!
Ты приищи покупателя!» —
Он прокричал — и исчез!..
Благословляя создателя,
Мокрый, я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную
Век сохраню я в душе —
Мысль получивши прекрасную,
Я же теперь в барыше!
Нет рокового издания!
Самая мысль о нем — прочь!..

Поздно, в трактире «Германия»,
В ту же ужасную ночь,
Греясь, сушась, за бутылкою
Сбыл я подписчиков, сбыл,
Сбыл их совсем — с пересылкою,
Сбыл — и барыш получил! ..
Словно змеею укушенный,
Впрочем, легок и счастлив,
Я убежал из Конюшенной,
Этот пассаж совершив.
Чудилось мне, что нахальные
Мчатся подписчики вслед,
«Дай нам статьи либеральные! —
Хором кричат. — Дармоед!»
И ведь какие подписчики!
Их и продать-то не жаль.
Аптекаря, переписчики —
Словом, ужасная шваль!
Знай, что такая компания
Будет (и все в кураже! ..),
Не начинал бы издания:
Аристократ я в душе.
Впрочем, средь бабьих передников
И неуклюжих лаптей —
Трое действительных статских советников,
Двое армянских князей!
Публика всё чрезвычайная,
Даже чиновников нет.
Охтенка — чтица случайная
(Втер ей за сливки билет),
Дьякон какой-то, с рассрочкою
(Басом, разбойник, кричит),
Страж департаментский с дочкою —
Всё догоняет, шумит!
С хохотом, с грохотом, гиканьем
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистом и шиканьем
Слух надрывается мой.
Верите ль? даже квартальные,
Взявшие даром билет,
«Дай нам статьи либеральные!» —
Хором кричат. Я в ответ:

«Полноте, други любезные,
Либерализм вам не впрок!»
Сам же в ворота железные
Прыг, — и защелкнул замок!
«Ну! отвязались, ракалии! ..»
Тут я в квартиру нырнул
И, покуривши регалии,
Благополучно заснул.

Жаль мне редактора бедного!
Долго он будет грустить,
Что направления вредного
Негде ему проводить.
Встретились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнял,
Он улыбнулся язвительно
И засвистал, засвистал!

Между январем и мартом 1863

41. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-го, УВОЛЕННОГО В ЧИСЛЕ ПРОЧИХ В 1857 ГОДУ

«Убил ты, точно, на веку
Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
Ты в жизни, милый Федя?»

— «О нет! за множеством хлопот,
Разводов и парадов,
По милости игры, охот,
Балов и маскарадов,
Я книги в руки не бирал,
Но близок с просвещеньем:
Я очень долго управлял
Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней
Порядок был — до книг ли? —
Мы брили молодых людей
И как баранов стригли!

Зато студент не бунтовал,
Хоть был с осанкой хватской,
Тогда закон не разбирал —
Военный или статский;
Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!..

Случилось также мне попасть
В начальники цензуры,
Конечно, не затем, чтоб красть, —
Что взять с литературы? —
А так, порядок водворить...
Довольно было писку;
Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Всё были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.

«Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою — и крепость!» —

Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!
Мать не встречала прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули в пятнадцать дней
Все книжные лавчонки!..

Потом, когда обширный край
Мне вверили по праву,
Девиз «Блюди — и усмиряй!»
Я оправдал на славу...
. . . .

Между январем и мартом 1863

42. КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

5 июня 1863

43. ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?..
Даже церквей здесь почти не имеется.
Вот наконец впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится, — сгорело селение!

Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева».
С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают, видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения? . .)
Да на обломках стены штукатуренной
Крайнего дома — должно быть, дворянского —
Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ежатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копóшатся...

1863

44. ОРИНА МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-денской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни

Чуть живые в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю». —

И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения? ..»
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелковые...»

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— «Не любил, суда́рь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христиа́нину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес засбориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался.
«Ты прости, прости, полянушка!

Я косил тебя во младости!» —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артику́л ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» Вижу, задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

1863

45. ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:

Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...
Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

1864

46. ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
Неласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листы,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленьи.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

1864

47. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ваня
(в кучерском армячке)
Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша
(в пальто на красной подкладке)
Граф Петр Андреич Клейнмихель,
душенька!

Разговор в вагоне

1

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

2

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,

С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

3

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал, — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и *он* мне сказал:
„Вот они — нашей дороги строители!..“»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!»
— «Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...»

4

— «Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..» — махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца́!.. молодца́!..

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю...*»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1864

48. ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою ну́жду домашнюю

Да и семян запасает порядочно —
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается, —

Стало хозяйство тогда поправлятися:
Стало земли от семян оставатися!

1864

49. НАЧАЛО ПОЭМЫ

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был как рыба нем,
В Италии — писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной,
Санкт-Петербург, как он ни поэтичен,
Но в нем я постоянно сам не свой —
Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги,
И меж дерев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
Чем пахнут вообще дороги наши —
То запах дегтя с сеном пополам.
Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,
Он мысль мою свежит и направляет:
Куда б мечтой я ни был увлечен,
Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плетутся два вола,
Снопы пред нами в зелени ныряют,

Подобие зеленого стола,
На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежники! для вас
Придумано сравненье на досуге...)
Но мы догнали воз — и порвалась
Нить вольных мыслей. Вздрогнул я в испуге:

Почудились на этом мне возу,
Сидящие рядком, как на картине,
Столичный франт со стеклышком в глазу
И барыня в широком кринолине!..

1864

50–54. *О ПОГОДЕ*

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лакейская песня

⟨Часть первая⟩

1

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!
Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз.

Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел — и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим: «Пошел!» — проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой,
Да пришлося терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь наскакали вдруг — черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, — забыли о нем, —
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь проклятые! Ехать им тесно!»
— «Кто он был?» — я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводненье жену потерял,

Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —
Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поскупился.
„Так один, говорит, и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!“
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
„Подари, говорю, сапоги,
А то вишь разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?“
Закивал головой...» — «Ну и что ж?»
— «Ну и умер — и больше ни слова:
Надо места искать у другого!»
— «И тебе его будто не жаль?»
— «Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже:
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи...»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.

Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, примету скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее!» — кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее — и заметил,

Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немым ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

27 декабря 1858

2

ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И вари́т свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, —
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней, — видно, треснули вновь...
Стали греться — догрелись до драки
Два калашника... хохот — и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.

Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, —
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась — и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,

До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжко и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно-зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною стклянницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка, — раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... Дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
«Что, старинушка, много ходьбы?»

— «Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать!»
— «А какие ты носишь издания?»
— «Пропасть их — перечесть мудрено.
Я «Записки» носил с основания,
С «Современником» нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Всё ношу к Николай Алексеичу, —
На Литейной живет.
Слог хорош, а жиденько издание,
Так, оберточкой больше берут.
Вот «Записки» — одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё зарезать друг дружку стараются.
Впрочем, нас же надуть норовят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассыльный таскай шестьдесят!
Знай ходи — то в Коломну, то к Невскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
«Объяви, говорит, ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!..»
Вот и нынче несу что-то спешное —
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!..»
— «Да, пора бы тебе на покой».
— «То-то нет! Говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему «Курс патологии»):
«Жить тебе, пока ты на ходу!»
И ведь точно: сильней нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого
Не держи — пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь...»
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.

Мне понравилась речь эта странная.
«Трудно дело твое!» — я сказал.
«Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица».
— «Ну, а много видал сочинителей?»
— «День считай — не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коих помню — пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском [1] сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурою:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
„Это кровь, говорит, проливается,
Кровь моя, — ты дурак!..“»

5

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
И покрытого красной попоною
В заключенье коня провели.

---

[1] Дворец, где долго жил Жуковский.

Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили: «Пади!»
Всё спешит. «Ну, старик, до свидания,
Коли нужно идти, так иди!!!»

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
    Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
Город начал пустеть — и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной стату́и Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня? .. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
Коли денежки есть — раскошелятся
И кручи́нушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет — что останется!

10 февраля 1859

8

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
    Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
    И вся роскошь столицы — ничто.

Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре эта́жа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь —
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,
Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «Делают гробы»
Прицепил полужёные скобы
И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «Друг прохожий!
Соблазнись — и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей —
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы —
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища —
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,

А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных —
Всё сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
Давка, говор... (о чем голоса?
Всё о деньгах, о нýжде, о хлебе)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных людей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум, —
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душных оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,

Задают ли тебе потасовку —
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге, — угрюмый, худой,
Обессмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой!
Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

Между январем и 15 марта 1859

Часть вторая

4

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

«Государь мой! куда вы бежите?»
— «В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас!» — «Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел!» — «А! весьма благодарен!»
— «Ну, а мой-то?» — «Да ваш лучезарен!»
— «То-то! — принял я меры. . .» — «Чего-с?»
— «Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!»

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:

Двадцать градусов, ветер притом, —
Бескаретные ходят пешком.

Разыгралися силы господни!
На пространстве пяти саженей
Насчитаешь, наверно, до сотни
Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши
Не беда, — как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем —
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит, — прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкою,
Песни родины дальней поет,
Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,

Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним — Бозио. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
Десятипудово́й генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,

Крикнул: «Пас!» — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье: обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы [1]
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище

[1] Писано в разгар деятельности М. Н. Муравьева и М. Н. Каткова.

И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

Между 1863 и 1865

5

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальных,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом, —
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместия мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспо́рт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,

Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится — и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров;
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты замстишь в туманные ночи
На вершине костров огоньки, —
Берегись! .. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
Не случалося нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчичьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!

По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаме́нты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?» —
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили, — летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
«Ваше имя?» — «Матильда». — «А ваше?»
— «Александра». К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
«Вы модистка?» — «Да, шью в магазин».
— «Эй! пошел хорошенько, Тараска!» —
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,

Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
«Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудрено ли
Простудиться?» — «Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! живо, дружище!»
Снова скачут! Могилы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище», —
Шепчет Саша Матильде — и вдруг
Сани набок! Упали девицы...
Повернули назад господа,
И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,
Звезды с ясного неба глядят...
«Мы сегодня потешились лихо!» —
Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялися писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»

— «Но озябли мы, друг наш угрюмый!
Пощади — нам погреться пора!»
— «Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреетесь даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,

И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспеешь считать!
Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас ли горит? — помышляя, —
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны — на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

Между 1863 и 1865

55

Явно родственны с землей,
В тайном браке с «Вестью»,
Земства модною броней
Прикрываясь с честью,

Снова ловят мужиков
В крепостные сети
Николаевских орлов
Доблестные дети...

Между 1863 и 1865

56. ГАЗЕТНАЯ

...Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут кромешный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
Стол с газетами, с книгами шкап.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав доныне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доныне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.
«Русский слог исправляется явно!» —
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именует себя иногда
Путеводной звездою прогресса,
И недаром она так горда:
Говорят — о, Гомер и Овидий! —

До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполать!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему: *вино* и *свобода*
На народ напечатал донос.
Нам Катков предстоит великаном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
Не картин соблазнительных ряд,
Нас отсутствие «мрака и стона»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему.
Коли нам так писалось и пишется, —
Значит, есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутся, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная

Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кипы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная «вральней»,
Есть там мрачная зала одна —
Если ты не московского мненья,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом,
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шепот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я
Здесь такие сужденья и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потупишь смущенные взоры...
Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласишься, почтителен, тих,
Постоишь, удалишься украдкой

И начнешь сатирический стих
В комплемент перелаживать сладкий...

Да! Но все-таки грустен напев
Наших песен, нельзя не сознаться.
Переделать его не сумев,
Мы решились при нем оставаться.
Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

С давних пор только два человека
Постоянно в газетной сидят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «В аптеку,
Чтоб спасти бедняка мужика,
Посылал ты — нелепое барство! —
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
Тоже ходит таинственный слух;
У супруги его бриллианты
Родовые пропали — двух слуг
Присудили тогда и сослали;
А потом — раз старик оплошал —
У него эти камни видали:
Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партенеров найдет:

«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
Наша логика дальше нейдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движеньям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В оны годы служил он в цензуре
И доныне привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «Шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать
(Он болтун — говорите с ним смело),
Что изволили вы отыскать?»

— «Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? Где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время — пожнут, что посеют!
(Старец грозно качнул головой.)
А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил.)

Вот где бедствие! вот где опасность
Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках
Председатель отставку мне дал;
На начальство роптать не дерзаю
(*Не умею* — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, — я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной, —
Повертится, как муха на свечке,
И уйдет тихомолком домой.
Рад-радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
Например, Вальтер Скотт или Купер —
Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я *канупер!*
(Так он вредную мысль называл.)

Но зато, если дельны и строги
Мысли, — кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,
Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,

Что крестьяне — опасные дети,
Что их грамоте рано учить!
Кто, чтоб нам микроскопы купили,
С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо *с*еверный, *ск*верный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел?»

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: «А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
Письма бранные мне посылал
И грозился... (Да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал.)
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахалку
Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых, — обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!
И притом я себя так прославил,
Что свихнись я — другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть общий порок, говорят!»

Тут взглянул мне в лицо старичина:
Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел:
«Так храня целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.
Если б знали вы, как интересы
Я писателей бедных берег!

Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за труд их лишал.
Оставлял я страницы и строки,
Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: «Равнодушно
Губернатора встретил народ»,
Исключу я три буквы: «ра — душно»
Выйдет. . . что же? три буквы не счет!
Если скажешь: «В дворянских именьях
Нищета ежегодно растет», —
«Речь идет о сардинских владеньях» —
Поясню, — и статейка пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!
Сам я в бедности тяжкой родился,
Сам имею детей, я не зверь!
Дети! дети! (старик омрачился).
Воздух, что ли, такой уж теперь —
Утешения в собственном сыне
Не имею. . . Кто б мог ожидать?
Никакого почтенья к святыне!
Спорю, спорю! не раз и ругать
Принимался, а втайне-то плачешь.
Я однажды ему пригрозил:
«Что ты бесишься? Что ты чудачишь?
В нигилисты ты, что ли, вступил?»
— «Нигилист — это глупое слово, —
Говорит, — но когда ты под ним
Разумел человека прямого,
Кто не любит живиться чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодяя освищет,
А при случае рад и побить —
Так пожалуй — зови нигилистом,
Отчего и не так!» Каково?

Что прикажете с этим артистом?
Я в студенты хотел бы его,
Чтобы чин получил... но едва ли...
«Что чины? — говорит, — ерунда!
Там таких дураков насажали,
Что их слушать не стоит труда,
Там я даром убью только время, —
И прибавил еще сгоряча
(Каково современное племя!): —
Там мне скажут: „Ты сын палача!“»
Тут невольно я голос возвысил,
«Стой, глупец! — я ему закричал, —
Я на службе себя не унизил,
Добросовестно долг исполнял!»
— «Добросовестность милое слово, —
Возразил он, — но с нею подчас...»
— «Что, мой друг? говори — это ново!»
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу
Обнаружил он ясно тогда;
Между прочим, сказал: «Слава богу,
Что чиновник у нас не всегда
Добросовестен...» — Вот как!.. За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я?.. о боже!..»

Старец скорбно поникнул челом.

«Хорошо ли, служа, корректуры
Вы скрывали от ваших детей? —
Я с участьем сказал. — Без цензуры
Начитался он, видно, статей?»
— «И! как можно!..»
Тут нас перервали.
Старец снова газету берет...
. . . .

Между концом 1863 и сентябрем 1865

57. ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

Жил-был за тридевять земель,
В каком-то царстве тридесятом,
И просвещенном, и богатом,
Вельможа, именем — Кисель.
За книгой с детства, кроме скуки,
Он ничего не ощущал,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считал;
Зато в войне, на поле брани
Подобных не было ему:
Он нес с народов диких дани
Царю — владыке своему.
Сломив рога крамоле внешней
Пожаром, казнями, мечом,
Он действовал еще успешней
В борьбе со внутренним врагом:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали перед ним!
Но изменили старцу годы —
Заботы, дальние походы,
Военной славы гром и дым
Израненному мужу в тягость:
Сложил он бранные дела,
И императорская благость
Гражданский пост ему дала.
Под солнцем севера и юга,
Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.
Чего же лучше? Свеж он чувством,
Он только изнурен войной —
Итак, да правит он искусством,
Вкушая в старости покой!

С обычной стойкостью и рвеньем
Кисель вступил на новый пост:
Присматривал за поведеньем,
Гонял говеть актеров в пост.
Высокомерным задал гонку,
Покорных, тихих отличил,

Остриг актеров под гребенку,
Актрисам стричься воспретил;
Стал роли раздавать по чину,
И, как он был благочестив,
То женщине играть мужчину
Не дозволял, сообразив,
Что это вовсе неприлично:
«Еще начать бы дозволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина начал исполнять!»

Чтобы актеры были гибки,
Он их учил маршировать,
Чтоб знали роли без ошибки,
Затеял экзаменовать;
Иной придет поздненько с пира,
К нему экзаменатор шасть,
Разбудит: «Монолог из Лира
Читай! . .» Досада и напасть!

Приехал раз в театр вельможа
И видит: зала вся пуста,
Одна директорская ложа
Его особой занята.
Еще случилось то же дважды —
И понял наш Кисель тогда,
Что в публике к театру жажды
Не остается и следа.
Сам царь шутя сказал однажды:
«Театр не годен никуда!
В оркестре врут и врут на сцене,
Совсем меня не веселя,
С тех пор как дал я Мельпомене
И Терпсихоре — *Киселя!*»

Кисель глубоко огорчился,
Удвоил труд — не ел, не спал;
Но как начальник ни трудился,
Театр ни к черту не годился!
Тогда он истину сознал:
«Справлялся я с военной бурей,

Но мне театр не по плечу,
За красоту балетных гурий
Продать я совесть не хочу!
Мне о душе подумать надо,
И так довольно я грешил!»
(Кисель побаивался ада
И в рай, конечно, норовил.)
Мысль эту изложив круглее,
Передает секретарю:
Дабы́ переписал крупнее
Для поднесения царю.
Заплакал секретарь; печали
Не мог, бедняга, превозмочь!
Бежит к кассиру: «Мы пропали!»
(Они с кассиром вместе крали),
И с ним беседует всю ночь.
Наутро в труппе гул раздался,
Что депутация нужна
Просить, чтобы Кисель остался,
Что уж сбирается она.
«Да кто ж идет? с какой же стати? —
Кричат строптивые. — Давно
Мы жаждем этой благодати!»
— «Тссс! тссс! .. упросят всё равно!»
И всё пошло путем известным:
Начнет дурак или подлец,
А вслед за глупым и бесчестным
Пойдет и честный наконец.
Тот говорит: до пенсиона
Мне остается семь недель,
Тот говорит: во время о́но
Мою сестру крестил Кисель,
Тот говорит: жена больная,
Тот говорит: семья большая —
Так друг по дружке вся артель,
Благословив сначала небо,
Что он уходит наконец,
Пошла с дарами соли-хлеба
Просить: «Останься, наш отец!»...

Впереди шли вдовицы преклонные,
Прослужившие лёта законные,

Седовласые, еле ползущие,
Пенсионом полвека живущие;
Дальше причет трагедии: вестники,
Щитоносцы, тираны, кудесники,
Двадцать шесть благородных отцов,
Девять первых любовников;
Восемьсот театральных чиновников
По три в ряд выступали с боков
С многочисленным штабом:
С сирота́ми беспечными,
С бедняками увечными,
Прищемленными трапом.
Пели гимн представители пения,
Стройно шествовал кордебалет;
В белых платьицах, с крыльями гения
Корифейки младенческих лет,
Довершая эффект депутации,
Преклонялись с простертой рукой
И, исполнены женственной грации,
В очи старца глядели с мольбой...

Кто устоит перед слезами
Детей, теряющих отца?
Кисель растрогался мольбами:
«Я ваш, о дети! до конца!
Я полагал, что я ненужен,
Я мнил, что даже вреден я,
Но вами я обезоружен!
Идем же, милые друзья,
Идем до гробового часу
Путем прогресса и добра...»
Актеры скорчили гримасу,
Но тут же крикнули: ура!
«Противустать возможно ядрам,
Но вашим просьбам — никогда!»

И снова правит он театром
И мечется туда-сюда;
То острижет до кожи труппу,
То космы разрешит носить.
А сам не ест ни щей, ни супу,
Не может вин заморских пить.

В пиесах, ради высших целей,
Вне брака допустил любовь
И капельдинерам с шинелей
Доходы предоставил вновь;
Смирившись, с автором «Гамлёта»
Завесть знакомство пожелал,
Но бог британского поэта
К нему откушать не прислал.
Укоротил балету платья,
Мужчиной женщину одел,
Но поздние мероприятья
Не помогли — театр пустел!
Спились таланты при Ликурге,
Им было нечего играть:
Ни в комике, ни в драматурге
Охоты не было писать;
Танцорки как ни горячились,
Не получали похвалы,
Они не то чтобы ленились,
Но вечно были тяжелы.
В партере явно негодуют,
Свет божий Киселю не мил,
Грустит: «Чиновники воруют,
И с труппой справиться нет сил!
Вчера стату́я командора
Ни с места! Только мелет вздор —
Мертвецки пьяного актера
В нее поставил режиссер!
Зато случился факт печальный
Назад тому четыре дня:
С фронтона крыши театральной
Ушло три бронзовых коня!»

Кисель до гроба сценой правил,
Сгубил театр — хоть закрывай! —
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай.
Искусство в государстве пало,
К великой горести царя,
И только денег прибывало
У молодца-секретаря:
Изрядный капитал составил,

Дом нажил в восемь этажей
И на воротах львов поставил,
Сбежавших перелив коней...

Мораль: хоть крепостные стены
И очень трудно разрушать,
Однако храмом Мельпомены
Труднней без знанья управлять.
Есть и другому поученью
Тут место: если хочешь в рай,
Путеводителем к спасенью
Секретаря не избирай.

21 августа 1865

58. БАЛЕТ

> Дианы грудь, ланиты Флоры
> Прелестны, милые друзья,
> Но, каюсь: *ножка Терпсихоры*
> Прелестней чем-то для меня;
> Она, пророчествуя взгляду
> Неоцененную награду,
> Влечет условною красой
> Желаний своевольный рой...
>
> *Пушкин*

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,

Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик — кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?).
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденьи, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце, —
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.

Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но вглядись: при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравняло —
И великих, и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: *«Где бы занять поскорей?»*
Что, не так ли? ..
История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их, говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё населенье,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать;
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,

Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке,[1]
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра,[2]
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! Злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дурея с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!

---

[1] Хозяева английского магазина.
[2] Известные модистки.

Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить, — такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, —
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом, сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, —
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мненьем вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —

Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их? .. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Всё погибло — и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевесть!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снеги» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.

Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движенье —
Появляется кордебалет.
Здесь позволю себе отступленье:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — *астроном!*» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!):
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...» —

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:

«В стремленьи к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... «Берегись!

Не вывихни сустава,
Приятель!» — «Фора! bis!».[1]

Bis! .. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру!)
Пантомимною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака? ..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубахе —
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...

---

[1] Браво (итал.), бис (лат.). — *Ред.*

Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя? ..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: «Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет! ..»

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропою:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,

Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...,
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до́ сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расползается
На заре по росистым трава́м,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!

Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое? ..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

1865 — начало 1866

59

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастного к позорному столбу.

1866

60—61. *ПЕСНИ*

1

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солонинкою чан,
А у нас-то во щах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят,
А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погуторить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в мошне, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга́;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому — словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малинка в саду!

2

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, — старики твердят, —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат. —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят. —
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
«Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!»
— «Ах ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

8

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клети, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощь в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

4

СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина, —
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!
Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

Нутко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетея у Фрола, —
Замуж всем пора пришла!
У Никиты — Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, шедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,

Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!..

Нутко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Евстратья — Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья точно шедровита,
Да хозяйка домовита:
Всё примоет, приберет,
Всё до нитки сбережет!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

5

ГИМН

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси!..

1866

65—72. *ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ*

1

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Чрез Николаевский мост.

Пот отирая обильный
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльный,
Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минаем,
Я уж лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез, —
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную ролю играл, —

Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!» —
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе,
Он уж непрочен на вид.

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
«Эй! на Васильевский остров
К цензору, что ли, идешь?»

— «Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пущать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше износится в год!..»

Ноябрь — декабрь 1865

2

НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?
То армии свинцовой
Смиренный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

«Рабочему порядок
В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
Вдруг руки разошлись,

И красные чернилы
Потоком полились!

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
Остатки, подберет;

На ниточку нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —
Полезные идейки
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
Статья не велика,
Глядишь — опять в цензуре
Посгладят ей бока.

Вот наконец и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает
Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай, —
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время наверстать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках

Тошней труда не сыщешь —
Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
Негаданно пришла,
Не так уж бестолково
Авось пойдут дела!»

Хор

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!

Ноябрь — декабрь 1865

8

ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылок!)
Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как челн
(Зачем на пробке плесень? ..),
И как у моря звучных волн,
У лиры было песен.
Но жизнь была так коротка
Для песен этой лиры, —
От типографского станка
До цензорской квартиры!

Ноябрь — декабрь 1865

4

ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!» —
Заметил весело один.
«Теперь нас ждут простор и слава!» —
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал! [1]

Ноябрь — декабрь 1865

5

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
Я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

---

[1] Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Пановский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попал невольно
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполо́шил всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головомойку,
С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
И не гляжу на этот мост!

Я надоел вам? извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог?.. скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но, претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на улицах сигары
И без цензуры сочинял!

Ноябрь — декабрь 1865

6

ПУБЛИКА

1

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе
(Где же берут на вино?),
В каждом нажиться старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Ох, этот автор злодейский!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!
Мы не хотим поцелуев,
Но и ругни не хотим...
Что ж это смотрит Валуев,[1]
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье...
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?

---

[1] Тогдашний министр внутренних дел.

9
6

[illegible] примечание [illegible] по [illegible] типографии [illegible] и не дававшие из типографии [illegible] и [illegible] о свободе слова

([illegible])

Минаев
54

I

~~[illegible]~~ Ода свободной прессе!
Мало вами было [illegible]?
Юное чадо прогресса
Резво, страстно, бегом,
Как забракованный из стойла
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь неистовый, лютый (?)

Боже! [illegible] терпенье.
[illegible] цензуры [illegible]!
Всюду одно осужденье,
Всюду [illegible]!
В цивилизованном классе
Будто [illegible].
Будущий [illegible] в массе
[illegible],
И [illegible] создавать
В [illegible] ~~[illegible]~~ продажный [illegible].
[illegible] под [illegible]
Сердце хорошо [illegible]!
~~[illegible]~~! ~~[illegible]~~ Индиец ~~[illegible]~~ писатель [illegible]
~~[illegible]~~ [illegible] всегда

Ясно — премудрый Аксаков,
Автор премудрого «Дня»!
Пусть он таков, но за что же
Надоедает он всем?..
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

2

Нынче, журналы читая,
Просто не веришь глазам,
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цифирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов.
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

3

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж — подрался
(Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом, —
Завтра ж в газетах напишут!
Господи! что за скоты!
Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделаешь ты?
Ежели скажешь: «Вы лжете!» —
Он очевидцев найдет,
Если дуэлью пугнете,
Он вас судом припугнет.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но ведь, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?

Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной. . .

4

Всё пошатнулось. . . О, где ты,
Время без бурь и тревог? . .
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать, —
Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах;
Точно ли вышел запрет,
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?
Что — на дорогах железных!
Остановить бы везде.
Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги трудней между тем.
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем? . .

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?

Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

5

Право, конец бы таковской,
И не ве́лика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее — что жалеть!
Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть.
Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,
Если ж военный полковник —
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катков.
Тронуто там у него же
Много забористых тем...
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Декабрь 1865

7

ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
Лодка утлая плывет,
Молодой, пригожей Тане
Парень песенку поет:
«Мы пришли на остров дикой,
Где ни церкви, ни попов,
Зимовать в нужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согревать!»
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!
Но ведь это против брака, —
Не нажить бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,
Да не спросят — вот беда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа! ..

2

У солидного папаши
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),
Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь.
В свете это сплошь бывает,
Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!

За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
Век трудился и копил —
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские землицы
Федосеев приобрел.
В свете это всё бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.
Тисни, тисни! есть возможность, —
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что народ ни добывает,
Всё не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют бедняки...
Ну — а класс-то ростовщичий?
Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,
Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье,
Вдруг: «Пожар!» — кричит народ.
«Не бросать же дело божье —
Кончим прежде крестный ход».
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...
Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

Декабрь 1865

8

ПРОПАЛА КНИГА!

1

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идее зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но может быть, она была
Честна... а так резка, смела?
Две-три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана — и нет! ..
Не познакомимся мы с нею;
Девица в девятнадцать лет
Не замечтается над нею;
О ней не будут рассуждать
Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будет посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твоя,
Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещенья!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия! ..

Конец 1866 — начало 1867

73—75. *СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»*

1

Действие первое

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, отставные солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом Савелий, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По дороге, протоптываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотский, старик лет 65-ти, сановник; за ним барон фон дер Гребен, нечто вроде посланника, важная надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними Миша, плотный, полнолицый господин, лет 45, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохотун; рядом с ним Пальцов, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

Миша и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

Пальцов

...Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:
Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс — в жилете.
Вино, рысак, лоретка — тут он весь
И с внутренним и с внешним миром.
Его тщеславие вращается доднесь
Между конюшней и трактиром.
Программа жалкая его —
Не делать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Всё, кроме светской суеты;
Гнушаться чернью, быть на «ты»
Со всею именитой молодежью;

За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на гроше
И тысячи бросать какой-нибудь цыганке;
Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр
И презирать — *Александрию.*
Французским jeunes premiers[1] в манерах подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в милютиных рядах,
За лавками, в конурах тесных,
Где царствует обычай вековой
Не мыть полов, салфеток, стклянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,
Чтобы в разгаре кутежа,
В угоду пристающим спьяна,
Есть устрицы с железного ножа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогресс являет он —
Наш милый франт — что всё мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет,
Тщедушен, ростом умален
И слабосилием наказан.
Стаканом можно каждого споить
И каждого не трудно удавить
На узкой ленточке, которой он повязан!

Миша

Ты метко франтов очертил.

Пальцов

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи,

[1] Первым любовникам (франц.). — *Ред.*

Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы, —
Со временем родному краю
Готовятся...

Миша

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди — их понятья шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, общерусским делом...

Пальцов

Соединить их — мудрено!
Занесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

Миша

Факты трудны!
Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь — гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

Пальцов

Вот чудо!

Миша

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозою краю,
А я — его любезный внук —
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

Пальцов

Ты шутишь?

Миша

Нет, я не шучу!
Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья» —
И ты утешишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

Пальцов

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
«Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»
В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант — пути открыты,

И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

Миша

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчета?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

Пальцов

(смеется)

С тех пор как родину прогресс
Поставил в новые условья,
О Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Не много выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

Миша

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом.
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

Пальцов

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,

Он не идет, а, так сказать, проносит
Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — не велик секрет!

Миша

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти — не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

Пальцов
(с гневом)

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мненье!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тунеядства;
На нем предательства печать
И непонятного злорадства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
А битым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом — усталость; наконец,
Все настороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Прошла и принялась идея.
«Ура!» — кричим мы не робея,
И тот, кто рад и кто не рад...
Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!

Заметив облачко над фактом,
Как стушеваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клевещем,
Как ретроградам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава — в полном смысле слова!..
Свалились в кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блеянье
И жеребячье гоготанье —
А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?
Нам всё равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим —
Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад
День, два; все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как «рановременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Воехотскому, причем таинственно указывал по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.

Савелий

На нумера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

Миша

Что ж можно? Можно водку пить!

(Хохочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам.)

Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая налево.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Барон фон дер Гребен и князь Воехотский.

На № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утоптан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик-охотник с рогатиной.

Кн. Воехотский

(подходя к барону с своего, соседнего нумера)

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

Барон

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитью заградил сам бог.

Кн. Воехотский

Да! да! непобедимые условья!
Но, к счастию, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловья
Полезны при условиях таких.

Барон

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие, — оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

Кн. Воехотский

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условьях просвещать народ.

На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь!
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшенья?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!
Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел — безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,
Его узда — налоги, труд, рекрутство,
Его утеха — водка с дурманом!

Барон

So, so[1]...

СЦЕНА ПЯТАЯ

Пальцов и Миша.

На № 1-м. К Пальцову подходит с своего нумера Миша.

Миша

Еще не скоро выйдет зверь...
Покаместь приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь

[1] Так, так (нем.). — *Ред.*

Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами.
Когда считался зверем либерал,
Когда слова «общественное благо»
И произнесть нужна была отвага,
Которою никто не обладал!
Когда одни житейские условья
Сближали нас, а попросту расчет,
И лишь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ...

Пальцов

Великий век, когда блистал
Среди безгласных поколений
Администратор-генерал
И откупщик — кабачный гений!

Миша

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слыхал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,
Когда, в ответ стенаниям народа,
Мысль русская стонала в полутон?

Пальцов

Великий век — великих мер!
«Не рассуждать — повиноваться!» —
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

Миша

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь — а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитье
Прекрасные являло нам тогда:

В дни юности — кутеж и стеклобитье,
Наука жизни — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостиных и лакейских),
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадье мы прямое,
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим —
Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить, —
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,
Не думая о том, что будет дале...
Мы все тогда жирели, наживали,
Все... кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не марал,
Он для того был слишком идеален,
Но он зато не делал ничего...

Пальцов

О ком ты говоришь?

Миша

В литературе
Описан он достаточно: его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,
Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

Пальцов

Да это — я!

Миша

Как хочешь понимай!
Тип был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,
Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поминать...
Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты, зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданьями
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаньями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда, —
Всё же чту тебя и ныне я,
Я люблю припоминать
На челе твоем уныния
Беспредельного печать:

Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

Пальцов

Куда ж девались люди эти?

Миша

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня спета — что нам в них?
Герои слова, а на деле — дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь не много толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
За то теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь —
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог нá помочь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твое держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!
Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь
Намеком натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,

Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое-трое —
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил об народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что сто́ишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя, —

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя, —

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «Пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал —
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо — писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
А не заиками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!
Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!

Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему не придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроение такое...
Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силятся какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
Зато — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнию народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудреными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,

Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколенье два-три человека!

Как ты меня, однако ж, взволновал!
Не шуточное вышло излиянье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тон шутливый...
. . . .

В лесу раздается сигнальный выстрел и вслед за тем крики, трещотки, хлопушки. Охотники поспешно расходятся на свои нумера и становятся настороже, со взведенными штуцерами...

2

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Всё ж будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, не годный никуды!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,
Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак, о славе не мечтай,
Не будь на деньги падок,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

8

ПЕСНЯ

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкий парус малый —
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Сча́стливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалей ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спастись цветочку

Всё равно! Сегодня счастье.
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

Конец 1866 — март 1867

76. СУД

Современная повесть

1

«Однажды, зимним вечерком»
Я перепуган был звонком,
Внезапным, властным... Вот опять!
Зачем и кто — как угадать?
Как сладить с бедной головой,
Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он! [1]

За много лет всю жизнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью

[1] Козлов.

И содержанье двух-трех книг,
Мной сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,
О чем и с кем вступал я в спор;
А звон, неумолим и скор,
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

О невиди́мая рука!
Не обрывай же мне звонка!
Тотчас я силы соберу,
Зажгу свечу — и отопру.
Гляжу — чуть теплится камин.
Невинный «Модный магазин»
(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучших дней —
Жены теперешней моей,
Когда, наивна и мила,
Она невестою была,
И начатой недавно труд,
И мемуары — весом с пуд,
И приглашенья двух вельмож,
В дома которых был я вхож,
До прейскуранта крымских вин —
Всё быстро бросил я в камин!
И если б истребленья дух
Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
Но колокольчик мой звенел
Что миг — настойчивей и злей.
Пылай, камин! Гори скорей,
Записок толстая тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

Ну, догорела! Выхожу
В гостиную — и нахожу
Жену... О, верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого...

«Не бойся ничего! поверь,
Всё пустяки!» — шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц[1]
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе,[2]
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой.
Не только этот грустный взор,
Формально всё — до звука шпор
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
Я указал ему на стул,
Не сел он; стоя предо мной,
Он лист бумаги развернул
И подал мне. Я прочитал
И ожил — духом просиял!

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он!
Порой таких ужасных дум,
Что и действительность сама
Не помрачает так ума,
Напротив, возвращает ум!

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня! —
Я крикнул весело жене. —
Прочти, мой друг! Поди ко мне!»
Жена поспешно подошла
И извещение прочла:
«Понеже в вашей книге есть
Такие дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,

[1] Лермонтов.
[2] Веневитинов.

То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест».
И дальше чин и подпись тут.
Я сущность передал — но слог...
Я слога передать не мог!
Когда б я слог такой имел,
Когда б владел таким пером,
Я не дрожал бы, не бледнел
Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость
В лице моем, почтенный гость
Любезно на меня взглянул.
Вновь указав ему на стул,
Я папиросу предложил,
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот вожделенный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et caetera, et caetera...[1]
Уж час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
Но тут огарок догорел,
Дымясь, — и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы.

2

Ну, суд так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану — обвиненный — я,

[1] И так далее, и так далее (лат.). — *Ред.*

И этот труд, горячий труд
Анатомировать начнут!

Когда я отроком блуждал
По тихим волжским берегам,
«Суд в подземельи» я читал,
Жуковского поэму, — там,
Что стих, то ужас: темный свод,
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь
Поет: «Не вырвешься теперь!»
И ряд угрюмых клобуков
При бледном свете ночников,
Кивая, вторит ей в ответ:
«Преступнику спасенья нет!»
Потом, я помню, целый год
Во сне я видел этот свод,
Монахов, стражей, палачей;
И живо так в душе моей
То впечатленье детских дней,
Что я и в зрелые года
Боюсь подземного суда.
Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал,
Что гласно буду я судим,
Хоть утверждают: гласность — дым.
Оно конечно: гласный суд —
Всё ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают;
Посмотрим, в чем я виноват.
(Сажусь читать, надев халат.)

Каких задач, каких трудов
Для человеческих голов
Враждебный рок не задавал?
Но, литератор прежних дней!
Ты никогда своих статей
С подобным чувством не читал,
Как я в ту роковую ночь.
Скажу вам прямо — скрытность прочь, —
Я с точки зрения судьи
Всю ночь читал мои статьи.

И нечто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Занятье скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,
Да будет чужд ваш бедный ум
Судебно-полицейских дум —
Оставьте дело до суда!
Нет пользы голову трудить
Над тем, что будут говорить
Те, коих дело обвинять,
Как наше — книги сочинять.
А если нервы не уснут
На милом слове «Гласный суд»,
Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

8

Заснул и я, но тяжек сон
Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой
С полуобритой головой,
В одежде арестантских рот
Вдоль по Владимирке идет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым, на бегу
Ныряя по груди в снегу,
Бежит, и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.

В твоей судьбе средины нет:
Или увидишь божий свет,
Или — преступной признана —
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон,
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд — и на скамьях
Друзей, родных встречает взор,
Но не участье в их чертах —
Негодованье и укор!
Они мне взглядом говорят:
«С тобой мы незнакомы, брат!»
— «Что с вами, милые мои?» —
Тогда невольно я спросил;
Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
Как голый пень среди долин, [1]
Тогда, отчаяньем объят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

Проснувшись, долго помышлял
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:
Ну, как и точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или не хватит — устоять?..
И начал я припоминать,
Как развивался я, как жил:
Родился я в большом дому,
Напоминающем тюрьму,

[1] Лермонтов.

В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
Случайно начал я писать,
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал.
С пером, со стклянкою чернил
Он над душой моей стоял,
Воображенье леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не довольно был он строг,
И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берег
Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет,
И вышел я такой поэт,
Каким я выйти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Пошли вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской
Иду с стесненною душой,
И, право, я не поручусь,
Что пред судом не разревусь...

4

Не так счастливец молодой
Идет в таинственный покой,
Где, нетерпения полна,
Младая ждет его жена,
С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь, и смерть, и честь людей
В распоряжении судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть должен весь перед тобой,

О публика! во всей красе...
Итак, любуйся: я плешив,
Я бледен, нервен, я чуть жив,
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд, я вовсе не ропщу,
Я сожалений не ищу;
«Коварный рок», «жестокий рок»
Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку.
То правда: рос я не в шелку,
Под бурей долго я стоял,
Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мне граф ⟨Орлов⟩ мораль читал,
И цензор слог мой исправлял,
Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок как скелет.
Ты знаешь, я — «любимец муз»,
А невозможно рассказать,
Во что обходится союз
С иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
Объятья эти выносить,
Кипеть, гореть — и погасать,
И вновь гореть — и снова стыть.
Довольно! Разве досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и есть...

Не то чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
Интересующийся мной,
И приготовился читать

Тот, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад — и длился два часа...

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено —
Ячмень колючий, и притом
Наполовину с дурманом!
О прокурор! ты не статью,
Ты душу вывернул мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал,
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где ж не грозен прокурор?..
Смягченный властию судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной, —
На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, порошил снежок.

Сиди-посиживай, дружок!
Я спать здоров, но сон был плох
По милости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной
Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мер,
День-два беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха — бессонница — тютюн —
Усатый офицер-болтун —
Тютюн — бессонница — блоха —
Всё это мелочь, чепуха!
Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен; смрадом тютюна
Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко донимал
Что день, то новый либерал,
Что я закаялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!..

ЭПИЛОГ

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет,
Но вот дохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
Вновь пишет он, призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

Конец 1866—1867

77

Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть»

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет,

Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

26—27 февраля 1867

78. ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?

Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга.
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает. . .
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет. . . А тройка всё гремит,
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?

Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство,
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь — и улетает
Куда Макар телят гоняет!..

2 марта 1867

79

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь родятся?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,

Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:
«Посмотрим, как он сломит шею!»
Но жизнь не так же дешева!

Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

24 июля 1867

80. ВЫБОР

Ночка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.
Тонкий ледок под ногою ломается,
Вот на него набежала вода;
Царь водяной из воды появляется,
Шепчет: «Бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!» Дéвица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
«Сердце покинет кручинушка черная,
Только разок обойму,
Прянь!..» И руками к ней длинными тянется...

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула дéвица! Ждет — не оглянется —
Кто-то шагает, идет прямиком.

«Прянь! Будь царицею царства подводного!..»

Тут подошел воевода Мороз:
«Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес!»
Белый старик с бородою пушистою
Нá воду трижды дохнул,

Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: «Не топися, красавица!
Слез не осушишь водой,
Жадная рыба, речная пиявица,
Там твой нарушит покой;
Там защекотят тебя водяные,
Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночку побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет».

Девица берег реки покидает,
К темному лесу идет.

Села на пень у дороги: ласкается
К ней воевода-старик.
Дрогнется — зубы колотят — зевается —
Вот и закрыла глаза... забывается...
Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.
Спал я и слышал давно: у дороги
Кто-то зубами стучит,
Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чащу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну любую...»

Де́вица с Лешим решилась идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,
Де́вица вскрикнула — страх обуял.

Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь испугал!
Экой лесок, что ни дерево — чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины — с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!
Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не доносит лучей,
Буря взыграет — ревущая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропщут тревожно...
Ну, полезай! подсажу осторожно...
Люб тебе, де́вица, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!»

1867

81. ЭЙ, ИВАН!
(ТИП НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО)

Вот он весь, как намелеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сертучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.

Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгает,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет
И за рюмочку целует
Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь как звали!
Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
«Где ты пропадал?»
— «Я... нигде-с... ей-богу... право...
У ворот стоял!»

— «Весь-то день?»... Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
«Виноват!» — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
«Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
«Что с тобой, Иван?»
— «Так, под сердце подступило», —
И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
Верного слугу,
Всё равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать»...
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!»...

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.
Хоть бы в каторгу урода —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»

И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

1867

82. С РАБОТЫ

«Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте, детки!
Выпить бы. Эки стоят холода!»
— «Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с приказчиком?»
— «Ну, не беда!

И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобрались сена.

Эк я умаялся!... Что, обрядила?
Дай-ка горяченьких щец».
— «Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец!»

— «Ну и без щей поснедаю я, грешный.
Ты овсеца бы савраске дала, —
В лето один он управил, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
Портится путь... Ин и хлебушка нет?..»
— «Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили чем свет!»

— «Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...»

1867

83

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколькие пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодною крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,

Но, ты знаешь: кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,

О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

7 августа 1868

84. МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

1868

85. ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски
И марш на охоту! Денек не дурной,

Под солнцем осенним родная картина
    Отвыкшему глазу нова...
О матушка Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кру́гом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
    Зверей из лесов целый день,
А ночью возвратный мой путь освещали
    Пожары твоих деревень.

1868

86

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
        Всю расплещи!..

1868

87

Наконец не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пенья,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину именья.

Приуныл и мужик. «Чем я буду топить?» —
Говорит он, лицо свое хмуря.
«Ты не будешь топить — будешь пить», —
Завывает в ответ ему буря...

1868

88. ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Шляпа, перчатки, портфейль,
Форменный фрак со звездою,
Несколько впалая грудь,
Правый висок с сединою.

Не до одышки я толст,
Не до мизе́рности тонок,
Слог у меня деловой,
Голос приятен и звонок...

Только прибавить бы лба,
Но — никакими судьбами!
Волосы глупо торчат
Тотчас почти над бровями.

При несомненном уме,
Соображении быстром,
Мне далеко не пойти —
Быть не могу я министром.

Да, представительный лоб
Необходим в этом сане,
Вот Дикобразов Прокоп...
Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозит слепой
Эту фигуру медвежью:
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью...

. . . .

Конец 1860-х годов

89. ДЕДУШКА

(Посвящается З-н-ч-е)

1

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это? — спрашивал Саша. —
Кто? ..» —« Это дедушка твой». —
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:

«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь».
— «То-то... ты скажешь, смотри!..»

2

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
Матери сын говорит.
«Знаю», — и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идет против воли.
«Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— «Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный». — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...»

3

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
«Скоро увидишь ты деда!» —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша, — не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»

— «Друг мой! Далек ему путь!»
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

4

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
«Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!..»
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
«Экой красавчик какой!»
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!..»

5

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит...

6

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладою дует
С медленных, дремлющих вод...
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поет...
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град? ..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

7

Рад я, что вижу картину
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли?» — «Дедушка, надо!»
— «То-то! попомни же, внук!..»

8

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.

Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

9

«Скоро дадут им свободу, —
Внуку старик замечал: —
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

10

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;

Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

11

Дети до возраста в неге,
Конь — хоть сейчас на завод —
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
Только ты им не мешай».
— «Где ж та деревня?» — «Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай,*
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

12

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!

Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
Эй! отдохни-ка, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

13

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...
Ну, а как в наши-то дни!
. . . .
Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» — и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!

И не перечил никто! ..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести? .. кто? ..

14

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страною висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

15

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, —
Красноречивым воззваньем

Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отстало́й!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...»

16

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:
«Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

17

А не доволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у́ рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!

Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней? ..»
— «Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то? .. скажи!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...
Взрослые люди — не дети,
Трус — кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид».

18

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
«Мало ли, друг мой, что было! ..
Лучше пойдем отдохнуть».
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была..,

19

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;

Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше! .. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...»
— «Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

20

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
«Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил».
— «Где ж пропадал ты так долго?» —
Саша несмело спросил.
«Был я далеко, далеко...»
— «Где же? ..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:

«Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит.)
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По́ году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...»
— «Что́ ж ты там, дедушка, жил?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь!»
Саша слезу уронил...

21

«Господи! слушать наскучит!
„Вырастешь!“ — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
„Вырастешь“, — тоже твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..
(Стал на скамеечку челна.)
Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется как голубь оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: «Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже».
— «Долго ли, дедушка, ждать?»

— «Годик, другой, как случится».
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

22

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

30 июля — август 1870

90. НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

А. Н. Е<рако>ву

1

Нынче скромен наш клуб именитый,
Редки в нем и не громки пиры.
Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры?
Воротили бы, если б могли мы,
Но, увы! не воротишься ты!
Прежде были легко уловимы
Характерные клуба черты:
В молодом поколении — фатство,
В стариках, если смею сказать,

Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать.
А теперь элемент старобарский
Вытесняется быстро: в швейцарской
Уж лакеи не спят по стенам;
Изменились и люди, и нравы,
Только старые наши уставы
Неизменны, назло временам.
Да Крылов роковым переменам
Не подвергся (во время оно
Старый дедушка был у нас членом,
Бюст его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась в другие кружки,
Мы не знали, что думать, покуда
Не заявят тузы-старики,
Как смотреть на такое-то дело,
На такую-то меру; ключом
Самобытная жизнь здесь кипела,
Клуб снабжал всю Россию умом...

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
«Что ж, признали?» — до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика.
«Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока...»

Крепко в душу запавшее слово
Также здесь услыхал я впервой:
«Привезли из Москвы Полевого...»
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо пел.
Напевал он тогда, без сомненья:
«Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом».

Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее пояснили потом...

Получив роковую повестку,
Сбрил усы и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...
Я в ответ заикнулся сказать:
«Если б даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура...» — «К чему оправданья?
Император помиловал вас,
Но смотрите!! Какого вы званья?»
— «Дворянин». — «Пробегал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти...»

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До царя не скорее
Доходили известья о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?

Прискакавшего прямо из боя
Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.
Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказчику густо теснились,
И героев войны имена
В нашу память глубоко ложились,
Впрочем, нам изменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат развил —
Забываем явивших геройство,
Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паек,
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок
И потом продавал англичанам, —
Всех и мелких, и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
Здесь бывали; куда ни взгляни —
Именитые, важные лица.
Здесь, я помню, в парадные дни
Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далекой
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
Откупные тузы, — и притом
Симметри́я рассчитана строго:
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигалися сотнями свечи,
Накрывалися пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,

Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...

Есть и нынче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь теченье свое изменила,
Как река изменяет русло́...

2

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы нужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

Москва. День субботний.
(Петербург не лишен едоков,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип.) Среди полных столов
Вот рядком старики объедалы:
Впятером им четыреста лет,
Вид их важен, чины их немалы,
Толщиною же равных им нет.
Раздражаясь из каждой безделки,
Порицают неловкость слуги,
И от жадности, вместо тарелки,
На салфетку валят пироги;
Шевелясь как осенние мухи,
Льют, роняют, — беспамятны, глухи;
Взор их медлен, бесцветен и туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
«Человек! подавал ты мне суп?..»
Впрочем, честь их чужда укоризны:
Добывали места для родни
И в сенате на пользу отчизны
Подавали свой голос они.
Жаль, уж их потеряла Россия
И оплакал москвич от души:

Подкосила их «ликантропия»,
Их заели подкожные вши...

Петербург. Вот питух престарелый,
Я так живо припомнил его!
Окружен батареею целой
Разных вин, он не пьет ничего.
Пить любил он; я думаю, море
Выпил в долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили (о горе!..).
Старый грешник играет в вино:
Наслажденье его роковое
Нюхать, чмокать, к свече подносить
И раз двадцать вино дорогое
Из стакана в стакан перелить.
Перельет — и воды подмешает,
Поглядит и опять перельет;
Кто послушает, как он вздыхает,
Тот мучения старца поймет.
«Выпить, что ли?» — «Опаснее яда
Вам вино!» — закричал ему врач...
«Ну, не буду! не буду, палач!»
Это сцена из Дантова «Ада»...

Рядом юноша стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
За соседом своим чудаком.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, объедается мясом;
Наливая с эффектом вино,
Замечает искусственным басом:
«Отчего перегрето оно?»

Очень мил этот юноша свежий!
Меток на́ слово, в деле удал,
Он уж был на охоте медвежьей,
И медведь ему ребра помял,
Но Сережа осилил медведя.

Кстати тут он узнал и друзей:
Убежали и Миша и Федя,
Не бежал только егерь — Корней.
Это в нем скептицизм породило:
«Люди — свиньи!» — Сережа решил
И по-своему метко и мило
Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской!
(Говорят, миллион у него.)
Признак русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою —
Насыщает он в юные годы
Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей в смятенье трактир,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Он своей молодежи кумир,
С ним хорошее общество дружно,
И он счастлив, доволен собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человеку. Друг мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму «Монго» изучить
(Эту шалость поэта-улана),
Чтоб разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бешеной тройке стремглав,
Двадцать тысяч на карту поставить
И глазком не моргнуть, проиграв, —
Есть иное величие в мире,
И не торный ведет к нему путь,
Человеку прекрасней и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутинным путем
И недремлющий дух беспокойства
Разрешится одним кутежом;

Если с жизни получишь ты мало —
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты цели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь впереди!
Не одно, целых три состоянья
На своем ты веку проживешь:
Как не хватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повысишься чином —
Подоспеет казенный оклад.
По таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!

Жаль одно: на пустые приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья,
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи икры на вате,
У кого разжиженье в крови,
Отбиваешь с оркестром кровати!
Ты — не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоих кучеров.
Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить,
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?

Чем работать для цели презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...
. . . .

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделало шум.
Но, к несчастию, был он помешан
На комфорте — столичный недуг, —
Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу сгорбивши спину
Изнывал за постылым трудом.
«Знаю сам, — говорил он частенько, —
Что на лучшее дело гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь».

Суетился, спешил, торопился,
В день по нескольку лекций читал;
Секретарствовал где-то, учился
В то же время; статейки писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дел,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни черта,
Не увлекся ничем никогда
И бессмысленной жертвой комфорта
Пал — под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
И больницею он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно неспящий,
Столько делал фальшивых тревог,
Что случится пожар настоящий —
Смотришь, лошади, люди без ног!

«Смирно! кутай башку в одеяло!» —
В лазарете кричат фельдшера
Настежь форточки — ждут генерала, —
Вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту приедет,
Смотришь: к вечеру в этот денек
Десять новых горячечных бредит,
А иной и умрет под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловредный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Поясненья, заметки, запросы
Составлял трудолюбец старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
Все его инстинктивно дичились,
Был он грязен, жил в крайней нужде,
И зловещие слухи носились
Об его бескорыстном труде.

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.
Подоспело удобное время,
И в комиссию мрачный донос
На погибшее блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержащим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Буесловия гидру сотри!..»
Суд отказом его не обидел,
Но старик уже слишком наврал:
Демагога в Булгарине видел,
Робеспьером Сенковского звал.

Возвратили!.. В тоске безысходной
Старец скорбные очи смежил,
И Линяев, сатирик холодный,
Эпитафию старцу сложил:
«Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив,
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив».
Так погиб бесполезно, бесследно
Труд почтенный; не правда ли, жаль?

«Иногда и лениться не вредно», —
Такова этих притчей мораль...

8

Время в клуб воротиться, к обеду...
Нет, уж поздно! Обед при конце,
Слишком мы протянули беседу
О Сереже, лихом молодце.
Стариков полусонная стая
С мест своих тяжело поднялась,
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как доплелась.
Закурив дорогие сигары,
Неиграющий люд на кружки
Разделился; пошли тары-бары...
(Козыряют давно игроки.)

Нынче множество тем для витийства,
Утром только газеты взгляни —
Интересные кражи, убийства,
Но газеты молчали в те дни.
Никаких «современных вопросов»,
Слухов, толков, живых новостей,
Исключенье одно: для доносов
Допускалось. Доносчик Авдей
Представлялся исчадием ада
В добродушные те времена,
Вообще же в стенах Петрограда,
По газетам, была тишина.
В остальной необъятной России

И подавно! Своим чередом
Шли дожди, бунтовали стихии,
А народ... мы не знали о нем.
Правда, дикие, смутные вести
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
Мрачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной,
Да случайно впросак попадался
Колоссальный ворище порой —
Тут молва создавала поэмы,
Оживало всё общество вдруг...
А затем обиходные темы
Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественных дел,
О борзых, о лоретках Сережа
Говорить бесподобно умел:
Берты, Мины и прочие... дуры
В живописном рассказе его
Соблазнительней самой натуры
Выходили. Но лучше всего
Он дразнил петербургских актеров
И жеманных французских актрис.
Темой самых живых разговоров
Были скачки, парад, бенефис.
В офицерском кругу говорили
О тугом производстве своем
И о том, чьи полки победили
На маневрах под Красным Селом:
«Верно, явится завтра в приказе
Благодарность войскам, господа:
Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
„Подавайте Европу сюда!..“»
Тут же шли бесконечные споры
О дуэли в таком-то полку
Из-за Клары, Арманс или Лоры,
А меж тем где-нибудь в уголку
Звуки грязно настроенной лиры
Костя Бурцев («поэт не для дам»,

Он же член «Комитета Земфиры»)[1]
Сообщал потихоньку друзьям.

Безобидные, мирные темы!
Не озлят, не поссорят они...
Интересами личными все мы
Занималися больше в те дни.
Впрочем, были у нас русофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
Допетровский порядок вещей,
Но, живя за границей, владели
Очень плохо родным языком,
И понятья они не имели
О славянском призваньи своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:
«Я, душа моя, славянофил».
— «А религия ваша?» — «Католик».

Не задеты ничем за живое,
Всякий спор мы бросали легко,
Вот за картами, — дело другое! —
Волновались мы тут глубоко.
Чу! какой-то игрок крутонравный,
Проклиная несчастье, гремит.
Чу! наш друг, путешественник славный,
Монотонно и дерзко ворчит:
Дух какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается в нем;
Человек он весьма деликатный,
С добрым сердцем, с развитым умом;
Несомненным талантом владея,
Он прославился книгой своей,

---

[1] Так в шутку называл себя в те времена кружок «золотой молодежи», сделавший своею специальностью ухаживанье за светскими красавицами и театральными феями.

Он из Африки негра-лакея
Вывез (очень хороший лакей,
Впрочем, смысла в подобных затеях
Я не вижу: по воле судеб
Петербург недостатка в лакеях
Никогда не имел)... Но свиреп
Он в игре, как гиена: осадок
От сибирских лихих непогод,
От египетских злых лихорадок
И от всяких житейских невзгод
Он бросает в лицо партенёра
Так язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
Также здесь налицо; до сих пор
От него еще дышит войною,
Пахнет дымом Федюхиных гор.
В нем героя война отличила,
Но игрок навсегда пострадал:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродит седой генерал!

В тесноте, доходящей до давки,
Весь в камнях, подрумянен, завит,
Принимающий всякие ставки
За столом миллионщик сидит:
Тут идут смертоносные схватки.
От надменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: *терц от девятки)*
Все участвуют в этом бою,
Горячась и волнуясь немало...
(Тут и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуну, бывало...)
При счастливой игре не хорош,
Жаден, дерзок, богач старичишка
Придирается, спорит за грош,
Рад удаче своей, как мальчишка,
Но зато при несчастьи он мил!
Он, бывало, нас много смешил...

При несчастьи вздыхал он нервически,
Потирал раскрасневшийся нос
И певал про себя иронически:
«Веселись, храбрый росс! ..»

Бой окончен, старик удаляется,
Взяв добычи порядочный пук...
За три комнаты слышно: стук! стук!
То не каменный гость приближается...
Стук! стук! стук! — равномерно стучит,
Словно ступа, нога деревянная:
Входит старый седой инвалид,
Тоже личность престранная...

. . . .

Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
Ни Луки, ни Фомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатленье — и мирно
Удались, не задев единиц!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типических лиц, —
Но приспевшие дружно реформы
Дали обществу новые формы...

4

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская.)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,

В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем как народ неразвитый
Ел кору и молчал *как убитый*,
Мы сердечно болели о нем,
Мы взывали: «Даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...»

Дело двинулось... волею власти...
И тогда-то во всей наготе
Обнаружились личные страсти
И послышались речи — не те:
«Это яд, уж давно отравлявший
Наше общество, силу забрал!» —
Восклицал, словно с неба упавший,
Суясь всюду, сморчок генерал
(Как цветы, что в ночи распускаются,
Эти люди в чинах повышаются

В строгой тайне — и в жизни потом
С непонятным апломбом являются
В роковом ореоле своем).
«Со времен Петрашевского строго
За развитьем его я следил,
Я наметил поборников много,
Но... напрасно я труд погубил!
Горе! горе! Имею сынишку,
Тяжкой службой, бессонным трудом
Приобрел я себе деревнишку...
Что ж... пойду я теперь нагишом?..
Любо вам рисоваться, мальчишки!
А со мной-то что сделали вы?..»

Если б только такие людишки
Порицали реформу... увы!
Радикалы вчерашние тоже
Восклицали: «Что будет?.. о боже!..»
Уступать не хотели земли...
(Впрочем, надо заметить, не много,
Разбирая прошедшее строго,
Мы бы явных протестов начли:
По обычаю мудрых холопов,
Мы держалися больше подкопов
Или рабски за временем шли...)

Некто, слывший по службе за гения,
Генерал Фердинанд фон дер Шпехт
(Об отводе лесов для сечения
Подававший обширный проект),
Нам предсказывал бунты народные
(«Что, не прав я?..» — потом он кричал).
«Всё они! всё мальчишки негодные!» —
Негодующий хор повторял.

Та вражда к молодым поколеньям
Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем
В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,

Брань такую: «Мальчишки! щенки! ..»
(Там действительно люди засели
С средним чином, без лент и без звезд,
А иные тузы полетели
В то же время с насиженных мест.)
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов
За усмешку, за резкое слово
Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье — скаканьем и пеньем:
«Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут нá стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов,
А пугни — присмиреет любой,
Станет петь превосходство неволи. . .»

Правда, правда! народ молодой
Брал подчас непосильные роли.
Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решеньем вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои родятся? . .

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянский вопрос
И порядок нарушился древний,
Стали «плохо писать из деревни».
«Не сыграть ли в картишки?» — «На что-с? —
Отвечал вопрошаемый грубо. —
Своротили вы, сударь, с ума! ..»
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил. . .

Сам себе с наслажденьем внимая,
Формируя парламентский слог,

Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
Всё отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,
Но получишь ты ключ камергерской —
И уста им навеки запрешь!
Пуще тех «гуртовых» генералов,
Над которыми ныне остришь,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь, —
Этим ты стариков успокоишь,
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое здание строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,
Остальных разделяла вражда.
Хор согласный — стал дик и нестроен,
Ни игры, ни богатых пиров!
Лишь один оставался спокоен —
Это дедушка медный Крылов:
Не бездушным глядел истуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

«Полно вам — благо сами вы целы —
О наделах своих толковать,

Смерть придет — уравняет наделы!
Если вам мудрено уравнять. . .

Полно вам враждовать меж собою
За чины, за места, за кресты —
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты! . .

Пусть вас минус в игре не смущает,
Игроки! пусть не радует плюс,
Смерть придет — все итоги сравняет:
Будет, будет у каждого *плюс*! . .»

Губернаторы, места лишенные,
Земледельцы-дворяне стесненные,
Откупные тузы разоренные,
        Игроки, прогоревшие в прах,
Генерал, проигравший сражение,
Адмирал, потерпевший крушение, —
Находили ли вы утешение
        В этих кратких и мудрых словах? . .

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы? —
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали. —
Сцены, очерки жизни текущей
Мы бы с большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копаться,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Для людей, в захолустьи живущих,
Мы действительно странны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих

Права голоса мы лишены,
Прикасаться к ним робко, несмело —
Значит пуще запутывать их,
Шить на мертвых не трудное дело,
Нам желательно шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой! и тронули мы
(Да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы поживем,
Дав назад отодвинуться фактам, —
И вперед мы рассказ поведем, —
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь. . Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном,
И всегда по возможности будем
Верны истине — *задним числом*...

1863—1871

91—92. *РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ*

1

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

(1826 ГОД)

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

1

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

2

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

3

О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

4

Прости и ты, мой край родной,
    Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
    Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
    Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
    Но был ты мной любим —

5

Счастливо молодость моя
    Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
    Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
    В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
    С героем на коне...

6

Мне не забыть... Потом, потом
    Расскажут нашу быль...
А ты будь проклят, мрачный дом,
    Где первую кадриль
Я танцевала... Та рука
    Досель мне руку жжет...
Ликуй. . . . .
    . . . .»

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: «Пади!»,

Ямщик столицу миновал...
Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей, —

Сказал княгине секретарь, —
Не ездит так и государь!..»

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша — сед, румян, —
К гостям ее зовет
«Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!»

Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблуки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...
«О милый! что ты так угрюм?
Что на́ сердце твоем?»
— «Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем!»

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...

Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
«Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!»
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем...

До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
Зонтообразных пинн...

Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык!
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет? ..»
— «Ты в царстве нищих и рабов!» —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандальный звон!

«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им дает, —
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,

И тут же думается ей —
Бог знает почему, —
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;

Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
«Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «па-ли!..»
Картечь свистит, ядро ревет,
Рядами валится народ...
«О милый! жив ли ты?..»

Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старый и седой,
Усатый инвалид.
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо? ..» — «Не ходи,
Не тронешь палача!»
— «О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.

То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас? ..»
— «Наивен твой вопрос».

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнес...

———

Княгиня вздрогнула, — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном! ..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слыхать.

«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— «Не бойтесь, я привык...»

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком, —
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это — юг! да, это юг!» —
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито, — на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,

А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот вьючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон.)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;

Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня

(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, — и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,

К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(Отворяя дверь в сени.)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,

Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!

Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пу́рга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знавать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах! .. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите! .. Боже мой! ..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,

А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжествó,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,

С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумьи произнес:
«До завтра» — и ушел...

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: «Быть так!

Вас не спасешь, увы! ..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы! ..»

— «Да что же мне еще терять?»

— «За мужем поскакав,
Вы отреченье подписать
Должны от ваших прав!»

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал,
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
И живо — лошадей! ..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы? .. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять! ..

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.

Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут

Трудненек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию сбирать —
Иду! мне всё равно!..

«Нет! вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Острожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плéчах головы,

Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(Отворяя дверь, кричит)
Эй! запрягать, сейчас!..»

Лето 1871

2

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ
(БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ)
(1826—27 г.)

Глава 1

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я всё рассказала, доступное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры — Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;

Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Войнская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит: [1]
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает. [2] Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,

Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое,
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал.[3] Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,

И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотру... и у нас он бывал,
По парку с тобой всё шатался!»
— «Да, помню! Высокий такой генерал...»
— «Он самый!» — старик засмеялся...
«Отец! он так мало со мной говорил!» —
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
Старик, — возражать я не смела...

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула.
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! Поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.

Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава 2

«Уехал! .. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна! ..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая! ..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — «Еще не бывал!»

— «Писал ли?» — «И писем нет даже».
— «А где мой отец?» — «В Петербург ускакал».
— «А брат мой?» — «Уехал туда же».

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, —
Сказала я матушке: — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
«В Молдавию муж твой ушел воевать».
— «Не пишет он? ..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удвоивал горе...

Узнала, узнала я всё наконец! ..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели? ..» В уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые.
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я. — Пусть беда велика,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири! ..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула, — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди! .. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:

Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщеньи они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой,
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
«Жена!..» Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

«Вот он!» — громогласно сказал генерал,
И я увидала Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостью вдруг заблистали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,

Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель — нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
«Поздравь меня, Маша, с обновкой, —
И тихо прибавил: — *Пойми и прости»,* —
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде».
И тихо шепнула: *«Я всё поняла.*
Люблю тебя больше, чем прежде...»
— «Что делать? И в каторге буду я жить
(Покуда мне жизнь не наскучит)».
— «Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)»

«Так вот ты какая!» — Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой муж остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня подсадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!

Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — «Я еду!»
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогнула..

Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя. —
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волоса:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» — я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
«Поеду!» Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...»

Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава 3

«Подумай! ..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка,
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.
Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,

Рвалась, проклинала... но не было сил
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — «Я долг исполняю, отец!»
— «За что ты себя обрекаешь
На муку?» — «Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.

Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..» —
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.

Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!»

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!» —
И вышел; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь:
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,

Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как трубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволенье;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...
Волненье
Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!..»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Всё ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»

И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я. . .»

А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла. . .
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро. . .
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну. . . Сестра поклялась. . .
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое
Теряю. . . нет счета печальных потерь! . .»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли. . .
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас хранит!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они. . .
Старик поднялся, негодуя,

По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..»
Я упала...

Глава 4

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде.[4] Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,[5]
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла».[6]
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:

«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоем,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы. . .»
И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
«В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела? . .»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики
С отменно учтивым приветом;
Старушки, статс-дамы былого двора,
В объятья меня заключали:
«Какое геройство! . . Какая пора! . .» —
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,

Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась!
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.
И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе[7] он жил у отца моего,
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.

«Молчите! идет гувернантка моя!» —
Сказала я строго. (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.[8]
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...
Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он ý моря часто бродил по ночам.
По-áнглийски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...

Окончив занятья, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставал его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпеньем богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!

Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, верю! не долго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И заполночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:

Мне царь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал. . .»
Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово? . .

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела, — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей. . .
О, пойте же, пойте! играйте! . .
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни. . . Наслушаться дайте! . .»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной. . .
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни. . .
О, как вдохновенно играли они!
Как пели! . . и плакали сами. . .
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!» —
Прощаясь со мной со слезами. . .

Глава 5

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне. . .
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая. . .

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули. . .

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груде перин и подушек;
Казенная фура! с десяток подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены.
«Уводят, уводят сердечных в полки!» —
Доносятся горькие стоны. . .

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает. . .

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты! . .»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до Нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются! . . а мне не знавать
Веселья. . . я еду на муки! . .»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволенье со мной!»
Часы уже десять пробили.
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
— «Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета, — заметил смотритель-старик. —
Метель начала подыматься!»
— «Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога! . .»

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.

Ямщик мой заохал· «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала! . .»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко. . .

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко, —
Сказал он, — рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла. . .
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — «Одолели медведи!»

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала. . . лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке. . .
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,

И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука,
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки [1], —
Сказал мой ямщик. — Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...

[1] Обоз с серебром.

Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо —
Черты были злы и суровы —
И, выпустив изо рту дыму кольцо,
Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы! — сказал он, — я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
«Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!»

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!

Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе необидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санна́я дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива, ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути.
К несчастию, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал;
Какой-то купец тороватый

В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник как мертвая весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— *«Они в Благодатске!»* — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Глава 6

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
«Устала, устала я, Маша!»
— «Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.

Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной,
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва, — мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатили мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
— „Возьми, паренек, пригодится...“»

Болтая, он живо в село прилетел.
«Ну, барыни! где становиться?»
— «Вези нас к начальнику прямо в острог».
— «Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил, по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— «Застряла, застряла, голубушка, там!»
— «Вот копия, нам ее дали...»
— «Что копия? с ней попадешься впросак!»
— «Вот царское вам позволенье!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, — смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нет ему дела,

Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли? . .» — «Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет! . .»

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случалося с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки. . .

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
«Не здесь ли преступники?» — «Здесь, да ушли».
— «Куда?» — «На работу вестимо!»
Какие-то дети меня повели. . .
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
«Вы видите их?» — я спросила детей.
«Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца. . . гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай! . .» Убежали ребята. . .

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!

Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнаньи, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали! . .
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили. . .
«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменый:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю. . .
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо! . . Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные! . .

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила

И долго спускалась всё ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался. . .
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала. . .
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась. . .
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась. . .
Я сбросила шубу. . . Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу. . .

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь. . . и тени на ней. . .
Чу. . . молот! работа, движенье. . .

Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали. . .
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали. . .
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — «Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад!» — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский. . .
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участья. . .
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала). . .
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастию, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем,
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,

Убьетесь! .. Эй, лестницу, черти!
Живей! ..» (Но никто не подставил ее...)
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы? ..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни, — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага! .. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед, —
Канава была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели, —
Сказал Трубецкой, — чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!), —
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.

Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража. . .
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали. .
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали. . .

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку. . .
«Иду! . .» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое. . .
И я побежала. . . И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его. . . и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени, — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила! . .

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи, — в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованны, бледны, суровы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл. . .
Всё тихо — ни песни, ни речи. . .
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастие встречи!

Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик. —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал
Внизу, ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!..»

Примечания к поэме «Кн. М. Н. Волконская»

[1] См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией, в 1812—1815 годах». С.-Петербург. 1822 года. Часть 3, стр. 30—64. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

[2] См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том I, «Певец во стане русских воинов», стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52:

«В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, *взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею,* упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: *«Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..»* и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск! Батарея была тотчас взята».

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. I, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилев-

ского, дело происходило не под *Дашковой,* а при *Салтановке,* и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским, несшего впереди полка знамя, при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», юнкер, не отдавая оного, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, стр. 1214).

[3] Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость, действительно, часто живал в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициной и садоводством. Приводим, кстати, свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

[4] Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по муже.

[5] Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zénéide Wolkonsky, née P-sse Béloselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen. 1819.

[6] См. стихотворения Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. СПб., 1862 (Элегия, стр. 96):

«На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла».

Пушкин также посвятил З. В⟨олконс⟩кой стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

«Царица муз и красоты»
и пр.

[7] Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма, лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымышлено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева: «Пушкин в Южной России» («Русский архив» 1866 года, стр. 1115). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его

и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

[8] Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам,
и проч.
(«Онегин» Пушкина)

Лето 1872

93. УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Повезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводненье столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем эта́же раздался
Выстрел — кто-то покончил собой...

1872 или 1873

94. ДЕТСТВО

(НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ)

1

В первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещалися,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходилися,
Храм окружали подпорками,
И продолжалось служение.
В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные, —
Шли старики престарелые,

Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.
В ней причащались, венчалися,
В ней отпевали покойников. . .

Синее небо виднелося
В трещины старого купола,
Дождь иногда в эти трещины
Падал: по лицам молящихся
И по иконам угодников
Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали. . . Боялась я, —
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые
С мрачными, строгими лицами. . .

То растворялось нечаянно
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня вторгалася,
Полная горя житейского, —
Песня сурового пахаря! . .

Помню я службу последнюю:
Гром загремел неожиданно,
Всё сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампады горящие,
Паникадилы качалися,
С звоном упали тяжелые
Ризы с иконы Спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонилися —
Божьего ждали решения! . .

2

Ближе к дороге красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мирян не коснулися.
Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено
Времени старое здание.
Ласточки там поселилися —
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю врастая медлительно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялися,
И простирали в раскрытые
Окна — березы соседние
Ветви свои многолистые...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась

На высоту, — и бестрепетно
Смотрит оттуда, с смеющимся,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы носились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчики
И русокудрые девочки
Живмя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аукались,
Пели веселые песенки.
Там мое детство беспечное
Мирно летело... Играла я,
Помню, однажды с подругами
И набежала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

                    Объятая
Трепетом, я огляделася:
Гнездышек ряд под карнизами,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками,
А по стенам молчаливые,
Строгие лица угодников...
Перекрестилась невольно я, —
Жутко мне было! дрожала я,
А уходить не хотелося.
Чудилось мне: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шепот молитвенный
Слышались мне, — простояла бы
Долго я тут неподвижная,

Если бы вдруг не услышала
Криков: «Параша! да где же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули
Дети гурьбой, — и наполнились
Звуками жизни развалины,
Где столько лет уж не слышались
Голос и шаг человеческий...

19 марта 1873

95–100. *СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ*

1

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
 Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и ку́плю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, — на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
 Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —

Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы! ..»

«Стой, старина!» Старика обступили
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь — загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо! ..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте, не вдруг! белены вы объелись?

Тише! поспеете! . .» Та́к вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
«Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись!»
— «Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек,
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек. . .
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь. . .
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь. . .
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей таки много купили —
«Будет вам пряников: нате-ка вам!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

1867

2

ПЧЕЛЫ

«Натко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну и летит, — ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,

Под благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вехи поставили», —
Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать.
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
Благослови бог прохожего!»

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

15 марта 1867

3

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Мужичок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,

Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— «Что ты? с мишкой?» — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— «Ну садитесь!» — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом гу́ба,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю? . .»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:

«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту́
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе! . .»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге;
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради —
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит. . .
Убежал смотритель!
Оробел и убежал,
И со всею свитой. . .

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной. . .
А смотритель обругал
Ямщика скотиной. . .

1867

4

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На́ небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За́ сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — «А леший?» — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую удод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка, — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за ку́стом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— «Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь links слежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголечками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!»

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал. . .

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть? . . Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.

С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой...»

1870

5

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, —
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру бу́дит...

Запомнить надобно и вам:
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

«А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете?»
— «Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

1870

6

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

1

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел,

Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

2

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз!

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь, и ругаться,
Да — день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плéчах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

3

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом,

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы́ появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, — толпы́...
У божьего храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

20 марта 1873

101. НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

Раз сказал я за пирушкой:
«До свидания, друзья!
Вечер с матушкой-старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бедную занять...»
С той поры, когда случится
Мне с друзьями пировать,
Как запас вестей иссякнет
И настанет тишина,
Кто-нибудь наверно брякнет:
«Человек! давай вина!
Выпьем мы еще по чаше
И — *туда*... живей, холоп!
Ну... а ты — иди к мамаше!
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!..

Водовоз воды бочонок
В гололедицу тащил;
Стар и слаб, как щепка тонок,
Бедный выбился из сил.
Я усталому салазки
На бугор помог ввезти.
На беду, в своей коляске
Мчался Митя по пути —
Как всегда, румян и светел,
Он рукою мне послал
Поцелуй — он всё заметил
И друзьям пересказал.
С той поры мне нет проходу:
Филантроп да филантроп!
«Что? возил сегодня воду?..
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!..

<1874>

102—104. *ТРИ ЭЛЕГИИ*

А. Н. Плещееву

1

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и му́ку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознанье,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, —

Мы на один алтарь сложили,
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

2

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистые,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственней леса...

3

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

<1874>

105. СТРАШНЫЙ ГОД

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О, любовь! — где все твои усилья?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;

Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, ненужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданьи света и тепла.

Между 1872 и 1874

106

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная!

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Между 1872 и 1874

107. УНЫНИЕ

1

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
Умен и смел, — как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда Кадо [1] бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив Черкеса, [2]
Спущу курок — и птица упадет.

2

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса, — и тем я дорожу.
Я *сам себя,* читатель, *нахожу,*
А это всё, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

---

[1] Собака.
[2] Лошадь.

3

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну,
Иль хоть смягчал трудом по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

4

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитываться строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости — неутолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

5

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «Оглянемся назад,
Поищем дел, достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокий бог! он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волненье
Родил в уме, душою овладел.
«Я даром жил, забвенье мой удел», —
Я говорю, с ним жизнь мою читая.
Прости меня, страна моя родная:

Бесплоден труд, напрасен голос мой!
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

6

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Вины мои желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
Мешает он во всё свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой.
Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою — найти итог желаю, —
Угодно ли последовать за мной?

7

Идем! Пути, утоптанные гладко,
Я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность! —
Я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам!
Решить вопрос предоставляю вам!

8

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт

И знаешь ты: во мне нет сил героя —
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя, —
Я рядовой (теперь уж инвалид)...

9

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою не свободной,
Иду к реке — кормилице народной...
С младенчества на этом мне пути
Знакомо всё... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь спопутных деревень...

10

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой.
Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Не весел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля как разбойник;
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

11

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу,
Но лошадям не весело пришлось,
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,

Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь.
Он не бежит проворно на огонь,
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым!

12

Я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный стоял он час — и боле
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

13

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?

14

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.

Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет? .. На смену колебанья
Твоих судеб чего дождемся мы? ..

15

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуясь,
Пишу стихи и, недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье,
На северном пустынном берегу...

5—12 июля 1874

108. ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма на Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню... теперь-то? Merci! [1]

[1] Спасибо (франц.). — *Ред.*

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» — «Нет ни ковриги!»
— «Где у вас скот?» — «От заразы подох!»
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. «Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей!»

Думает немец: «Уж я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку
И наблюдай, немчура, аппетит...

13 июля 1874

109. ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы горемыки-певцы!
Под берегами мы ведра прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость подходит — недуги да горе!
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла

Прямо и смело направить бы лодку.
Сунься-ко! .. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть.
Жить для нее — надо силу железную,
Волю железную — сгинуть.

23 июля 1874

110. ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(Волжская быль)

1

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи — Бабайский монастырь,
Село Большие Соли,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «Помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра:
Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

2

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход;
Бежит и искры мечет,

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

8

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет, —
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг, —
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликать...

О Русь! . . . .
. . . .

4

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки.
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «Жениться — взять
Обузу! А «сударки»
Еще тошней: и время трать,
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны;

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

5

Судьба Наума берегла,
По милости господней
Что год — обширнее дела,
А сам сытей, дородней.

Он говорил: «Чего ж еще?
Хоть плавать я умею,
Купаюсь в Волге по плечо,
Не лезу я по шею!»

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов,
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи и чешуйки.
В личны́х, высоких сапогах,
В солидной, синей чуйке,

В московском новом картузе,
Сам правя пристяжною,
Наум катит во всей красе.
Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..»
Наум любил поговорить,
А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку,
А расходившись, обнвал
«Смоленую головку».

«Ну, как делишки?» — «В барыше», —
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
И сколько от завода.
«Накопчено, насолено —
Чай, хватит на три года!

Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят,
Работы много — свистну я:
Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепи.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога...»
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного)...

6

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольно дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья.
А пообедав, продолжал
Обычные занятья.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
    Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
    Летуньи пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
    Качался там, замучен,
А мой — отъелся вон из рук!
    Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
    То мухою закусит...
Живется славно пауку:
    Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
    Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
    Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
    В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
    Пришло к Науму горе...

7

Сидел он поздно у ворот,
    В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
    На Волге полусонной,

И потянулись на покой
    И человек, и птица.
Зашли к Науму той порой
    Молодчик да девица:

У Тани русая коса
    И голубые очи,
У Вани вьются волоса.
    «Укрой от темной ночи!»

— «А самоварчик надо греть?»
— «Пожалуй»... Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех, и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
То белое, как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— «А кто вы?» — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: «Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку».

Он им подушек пару дал:
«Уснете на диване».
И доброй ночи пожелал
И мо́лодцу и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай, спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий шепот:

«Покурим, Ваня!» — говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великой!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел, —
Он думает уныло, —
А кто мне в очи так смотрел? ..»
И всё ему постыло...

7—10 августа 1874

111. ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е<рако>ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши! не ста́реет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир! .. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза! ..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира? ..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...

Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленьи...
«Довольно ликовать в наивном увлеченьи, —
Шепнула Муза мне. — Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

15—17 августа 1874

112. ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Август 1874

113. ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,

Увлекших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усильями веков,

На путь вражды! .. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

6 сентября 1874

114—116. *НОЧЛЕГИ*

1

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый, я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню;
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча.
«Спознились, сударь, тоже?» —

Он, низко кланяясь, сказал.
«Да, нынче дни коротки. —
Уселся я, а он стоял. —
Садитесь! выпьем водки!»

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жил в Москве...
До царского указу

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили,

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался.
А перед самым сроком стих,
С рабами попрощался,

Сказал нам: «Вольны вы теперь, —
И очи помутились, —
Идите с богом!» Верь, не верь,
Мы тоже прослезились

И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,
А там уж целая орда
Таких же — нет местишка!

Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову́.
Не барин — клад попался!

Сначала, правда, злился он.
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит вон...
За что? .. Не понимаю!

Да с ним — как я смекнул поздней —
Знать надо было штучку:
Сплошал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: «Ермолай!
Опомнись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том — велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

Я раболепства не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случиться может: сам вспылю —
И мне не поддавайся!..»

Работы мало, да и той
Сам половину правил,
Я захворал — всю ночь со мной
Сидел — пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил —
И вдруг пошло всё прахом!

Однажды он сердитый встал,
Порезался, как брился,
Всё не по нем! весь день ворчал
И вдруг совсем озлился.

Кастит!.. «Потише, господин!» —
Сказал я, вспыхнув тоже.
«Как! что?.. Зазнался, хамов сын!» —
И хлоп меня по роже!

По старой памяти, я прочь,
А он за мной — бедовый!..
«Так вот, — продумал я всю ночь, —
Каков он — барин новый!

Такие речи поведет,
Что слушать любо-мило,
А кончит тем же, что прибьет!
Нет, прежде проще было!»

Обидно! Я его считал
Не барином, а братом...
Настало утро — не позвал.
Свернувшись под халатом,

Стонал как раненый весь день,
Не выпил чашки чаю...
А ночью барин словно тень
Прокрался к Ермолаю.

Вперед уставился лицом:
«Ударь меня скорее!
Мне легче будет!..» (Мертвецом
Глядел он, был белее

Своей рубахи.) «Мы равны,
Да я сплошал... я знаю...
Как быть? сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп
И снова правы, святы...»
— «Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден, вы богаты!

(Сказал я.) Должен я служить,
Пока стаёт терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!..»

Он всё свое, а я свое,
Спор долго продолжался,
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?..»

1874

2

НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Слава богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.

Наконец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли,
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом [1] туда побежали.

«Горевали, а вот и ночлег!»
— «Табор, что ли, цыганский там?» — «Нету!
Не видать ни коней, ни телег,
Не заметно и красного цвету.

У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!»
— «Косари?» — «Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина пела».

— «Пастухи ли огонь развели? ..»
Через пни погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стан.
К нам навстречу ребята бежали:
«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

— «Не видали! ..» Весь табор притих...
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешает ребят старушонка:

«Воля божья! усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!

[1] Проводник.

Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ка сколько!»

— «Где ты, бабушка, денег взяла?»
— «У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла...»
Побренчали казной ее дети...

Старый дед, словно царь Соломон,
Роздал им кой-какую одежу.
Патриархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу;

Величавая строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:
«Здравствуй, дедко!» — «Живите здоровы!»
— «Погорели? А хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы? ..»

— «Хлебу было сгореть мудрено, —
Отвечал патриарх неохотно, —
Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — опалит волосенки.
Уцелел — из двенадцати — конь,
Из семнадцати — три коровенки».

— «Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали!»
— «Соблазняли они мужиков,
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал: «Беспощадней огня
Нет врага — ничего не оставил!»

— «Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставила нам на гроба
Эти сосны...» (Их было четыре...)

20—21 ноября 1874

8

У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей,
Кони бережно ступают,
Реки налило дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчит Трофим,

Он сказал мне: «Месяц в небе
Словно сайка на столе» —
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи вьются
И бегут... Конца им нет!
Если разом все прольются —
Поминай, как звали свет!

Вот и наша деревенька!
Встрепенулся спутник мой:
«Есть тут валенки, надень-ка!»
— «Чаю! рому!.. Всё долой!..»

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

«Что ты охаешь, Степаныч?»
— «Страшно, барин! мóчи нет.

Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда черт приводит
Эти мысли? Бороню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея, веришь ли? трещит!

Только стану забываться,
Голос барина: «Трофим!
Недоимку!» Кувыркаться
Начинаю перед ним...»

— «Страшно, видно, воротиться
К недалекой старине?»
— «Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит — и укатит!

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало — волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

Как томили! Как пороли!
Сыну сказывать начну —
Сын не верит. А давно ли?..
Дочку барином пугну —

Девка прыснет, захохочет:
„Шутишь, батька!“
— „Погоди!
Если только бог захочет,
То ли будет впереди!“»

— «Есть у вас в округе школы?»
— «Есть». — «Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы были поумней.

Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ...
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед».

13 июля 1874

117

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой своей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

1874

II

118. ⟨В АЛЬБОМ О. С. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ⟩

Знаком с Вами будучи лично,
Я рад Вам всегда угождать.
Но в старости — вряд ли прилично
В альбомы писать.

Ах, младость! Ты — счастье, ты — радость,
С тобой и любовь и стихи!
А старость — ужасная гадость!
Хи-хи!..

1857

119

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна:

В печати уж давно не странность
Слова «прогресс» и «либерал»,
И слово дикое — *«гуманность»*
Уж повторяет генерал.

То мало: вышел из-под пресса
Уж третий томик Щедрина...
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

На грамотность не без искусства
Накинулся почтенный Даль —
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.

По благородству, не из видов
Статейку тиснул в пол-листа
Какой-то господин Давыдов
О пользе плети и кнута...

Убавленный процентик банка,
Весьма пониженный тариф,
Статейки господина Бланка —
Всё это были, а не миф.

Конец 1857 — начало 1858

120. Н. Ф. КРУЗЕ

В печальной стороне, где родились мы с вами,
Где всё разумное придавлено тисками,
Где всё безмозглое отмечено звездами,
Где силен лишь обман, —
В стране бесправия, невежества и дичи —
Не часто говорить приходится нам спичи
В честь доблестных граждан.

Прими простой привет, боец неустрашимый!
Луч света трепетный, сомнительный, чуть зримый,
Внезапно вспыхнувший над родиной любимой,
Ты не дал погасить, — ты объявил войну
Слугам не родины, а царского семейства,
Науку мудрую придворного лакейства
Изведавшим одну.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова·
Наука, истина отечество, свобода,
Гражданские права.

Вступила родина на новую дорогу.
Господь! ее храни и укрепляй.
Отдай нам труд, борьбу, тревогу,
Ей счастие отдай.

1858

121. ⟨ В АЛЬБОМ С. Н. СТЕПАНОВУ ⟩

Пишите, други! Начат путь!
Наполним быстро том альбомный,
Но вряд ли скажет кто-нибудь
Умней того, что прозой скромной
Так поэтически сказать
Сумела любящая мать!..

17 ноября 1859

122. ⟨ А. Е. МАРТЫНОВУ ⟩

Со славою прошел ты полдороги,
Полпоприща ты доблестно свершил,
Мы молим одного: чтоб даровали боги
Тебе надолго крепость сил!..
Чтоб в старости, былое вспоминая,
Могли мы повторять смеясь:
«А помнишь ли, гурьба какая
На этот праздник собралась?
Тут не было ни почестей народных,
Ни громких хвал, — одним он дорог был:
Свободную семью людей свободных
Мартынов вкруг себя в тот день соединил!
И чем же, чем? Ни подкупа, ни лести
Тут и следа никто не мог бы отыскать!»
Мы знаем все: ты стоишь большей чести,
Но мы даем, что можем дать.

1859

123. ЗАБРАКОВАННЫЕ

Трагедия в трех действиях, с эпилогом, с национальными песнями и плясками и великолепным бенгальским огнем

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Григорий, дьячок села Пьянова, 52 лет.

Михайло Триумвиратов, сын его, 19 лет, кончивший курс в губернской гимназии.

Калистрат, второй сын Григория, 7 лет.

Константин Харчи́н, 20 лет, сын уездного приказного.

Александр Сергеевич Тузов, сын помещика села Пьянова, 20 лет.

Никандр Иванович Кадыков, профессор.

Девушки 1-я, 2-я и 3-я.

Без речей: охотники, поселяне, собаки и лошади.

Действие происходит в окрестностях села Пьянова.

Действие первое

Театр представляет обширный луг, скошенное сено частию поставлено в стоги, частию просушивается. Местами разбросаны разные принадлежности сенокоса: грабли, косы; стоит отпряженная телега. Невдалеке видна река.

СЦЕНА 1

Григорий и Калистратка.

Григорий
(бросая грабли)

Трапезовать прилично человеку,
Егда почует некоторый глад.
Дай закушу. А ты беги на реку
Да зачерпни водицы, Калистрат!
Или домой — чтоб нацедили квасу.

Калистратка, живой мальчик, в халате, босиком, убегает с жбаном.

Велик господь! Подрезали траву —
И рожь поджали ко второму Спасу,
Там молотьбой займемся к Покрову,
А там простор крещенскому морозу,
Там Пост Велик, а там опять весна,

Весна — пора свезения навозу
С дворов на пашню. Чудно создана
Природа-мать! Я к «Таинствам Натуры»
Имел когда-то «Ключ», да затерял.
Там сказано...

(Вздрагивает.)

СЦЕНА 2

Григорий и девушки 1-я, 2-я и 3-я.

Через сцену проходит несколько крестьянских девушек в чистых белых рубашках и цветных платках, с песнею.

Григорий

Эк, как горланят дуры!

1-я девушка

Бог на помочь.

Григорий

Спасибо бы сказал,
Да испугали.

2-я девушка
(очень красивая)

Мы не ведьмы, дядя.

Григорий

Не ведьмы-то не ведьмы, вижу я.

3-я девушка

Пойдем, чего остановилась, Надя?
Смерть жарко... в воду так и брошусь я...

Григорий

Да видишь, я задумался... Парила
Бессмертная ко господу душа,
Главу мою внезапно озарила
Мысль некая... Я думал не спеша
В нее войти — вдруг пенье...

3-я девушка

Ну, прощайте.

Григорий

Да вы куда?

2-я девушка

Купаться.

Девушки уходят с песней; слышны их голоса, смех и через несколько минут плесканье в воде.

Григорий

С вами бог!
Играйте, смейтесь, песни распевайте...
Чу! бухаются в реку со всех ног!
Как тело-то с размаху молодое
Об воду ударяется... Эх-эх!

СЦЕНА 8

Те же и Михайло Триумвиратов (в гимназическом старом сюртуке, очень грустный).

Григорий

Ба! Миша! Ты откуда? Что такое?
Не выдержал?

Триумвиратов

Забраковали всех!

Григорий

(в отчаянии, после минуты молчания)

Не выдержал!.. Последние деньжонки
Я на него лет десять убивал,
Я покупал учебные книжонки,
Халаты шил и сапоги тачал!
Чтобы его в гимназию отправить,
Я продал жеребенка-сосуна,
Который мог со временем доставить
Мне денежки: резвее скакуна
Теперь на всем заводе у Тузова
Нет, говорят. Недавно вот на нем
Проехал барин: мещут огнь подковы!
А ты гляди да щелкай языком.
Лишив меня сокровища такого,

Ты нежностью сыновней не умел
Родителя утешить: из Тамбова,
Припомни, как ты пеший прилетел —
«Я не могу в гимназии остаться:
И там посекли»; я еще побил
И приказал обратно отправляться,
Да сам пешком туда же поспешил.
Насилу всё уладил, награжденье
Единое имея впереди,
Что в высшее ты вступишь заведенье
В столичном граде. Бог тебя суди!
Копя гроши в последнюю годину,
Я в путь тебя отправил наконец.
Но паки ты поверг меня в кручину —
Не выдержал экзамену, подлец!

Триумвиратов

Не я один. Вот тоже сын Тузова,
Сын нашего повытчика — Харчин
И многие.

Григорий

Не ты один? Ни слова!
Что выдумал еще — не он один!
Тузову всё простительно: богаты
Соседи наши; возвратился вспять —
И рад отец, и мать, и сестры рады,
И наши же поля начнет топтать
С отцовской стаей ветреный невежда.
Но ты, но ты... сын нищего дьячка,
Семьи своей единая надежда,
С тобой теперь разделка коротка!

(Замахивается.)

Что пялишься? Я выместить намерен
Отцовскую печаль свою
Немедленно... а завтра, будь уверен,
Я абие тебя побью!

Триумвиратов

Отец! отец! оставь угрозы,
Напрасно сына не брани.

Я плачу, видишь эти слезы —
Уже не первые они.
Ребенком ветреным, с косичкой,
Когда еще, и глуп и мал,
Я гнался за невинной птичкой
И с грядок репу воровал, —
Уже тогда твой взор суровый
За мной заботливо следил:
Ты бил дубинкою сосновой,
Лапшой березовой кормил!
А в бурсе... Там, от боли воя,
К сеченью приводим был вновь·
По суткам на горохе стоя,
Простаивал колени в кровь.
Ох! памятна мне эта бурса —
Вовек не позабыть о ней,
Но гимназического курса
Воспоминания свежей.
Что сделать розгой или палкой
Возможно — сделано давно.
В душе я трус какой-то жалкой:
Мне честь, бесчестье — всё равно;
Что б предо мною ни творили —
Смотрю с безмыслием глупца:
Вот правого приговорили,
Вот оправдали подлеца,
Молчу — полнейшая безгласность!
Как будто нет во мне души!
Над всем господствует опасность
Хватить березовой лапши.
Ну, словом, розочной науки
Я всю исчерпал благодать.
Зачем же старческие руки
Тебе напрасно утруждать?

Григорий

А всё побью. Но изложи сначала
Причину — почему не принят?

Триумвиратов

Наступил
Век строгости какой-то небывалой...
Да вот Харчин: уж как прилежен был!

Он до того зазубривался часто,
Что отливали мы его водой.
И что ж? увы!.. Ну, уж пускай бы нас-то:
Нет, и его... пешком пошел домой...
Бедняжка! как он трусил! как боялся!
Отец сердит и беден. Что-то с ним?
Я к Харчину душевно привязался:
Всегда задумчив, болен, нелюдим,
Боюсь, что он не выдержит печали.

Калистратка

(за сценой)

Вот батюшка... ах, братец!.. ты...

Входят Калистратка и Харчин.

Действие второе

Григорий, Триумвиратов, Харчин, Калистратка.

Триумвиратов

Харчин!
Откуда ты?

Калистратка

Да вот они искали:
Я встретил и привел...

(Ласкается к брату.)

Харчин

Один теперь, один
На целом свете! Батька рассердился
И выгнал!

Григорий

Благородный господин!
Кто ты такой? Откуда появился?

Харчин

Кто я? злосчастный Константин Харчин!
В последний раз узрев родную землю,
Готовлюсь к смерти я...

Да вот вам вся история моя,
Когда вы знать ее хотите.

Григорий

Внемлю.

Харчин

«Не спорю — дело честное
Карать и обличать,
Но нужно знанье местное —
Вот мне так грех не брать!
Как черствым хлебом давится
Голодная семья,
Так бескорыстьем славиться
Позор — вот мысль моя!»
Такие рассуждения
Отец мой развивал
И кожу без зазрения
С живых и мертвых драл.
Он за дельца удалого
В уезде нашем слыл,
Но был чинишка малого
И очень бедно жил.
«Эх! доля неоплатная,
Ты долюшка моя!» —
Певал он: необъятная
Гнела его семья.
По счастию, отличная
Жена, детей штук пять,
Да теща параличная,
Да взбалмошная мать,
Да брат с ногой оторванной
Под Данцигом, да дед,
Прожорливый, оборванный,
Ста двадцати трех лет!
Такая уж живучая
Порода их была.
В отце судьба могучая
Кормильца им дала.
И он свершал призвание —
Безропотно кормил
И даже их ворчание
И злость переносил!

Крутенько приходилося:
Случалось — хлеба нет,
Семья вся притаилася,
Разбунтовался дед!
«Всех накормлю, родимые!» —
Промолвит — и уйдет
И вдруг непостижимые
Пути изобретет:
Глядишь, деньга явилася!
Утих задорный дед,
Семья одушевилася...
Так жил он сорок лет;
Не изменял обычая,
Кормил и холил нас,
Лишь в год до безъязычия
Пьян напивался раз.
Тут только маску чинную
Снимал он наконец:
Прибьет жену невинную,
Облает нас отец!
Рассказ враля досадного
О Данциге прервет
И мучит деда жадного —
Обедать не дает.

Помощником родителя
Лет с девяти я был:
У каждого просителя
Особо я просил
И матушке грошовые
Доходы отдавал...
Да, смолоду суровые
Картины я видал!
К чему о них рассказывать?
Но должен я сказать,
Что темных дел показывать,
В них сына посвящать —
Ни малого желания
Родитель не питал.
«Тебе тут не компания —
Иди!» — он замечал,

Когда к нему стекалися
Сутяги и дельцы.
Но от меня старалися
Напрасно скрыть концы:
Во все их тайны грязные
Чутьем я проникал...
В проделки безобразные
Как сам я не попал,
Не сделался воришкою —
То знает только мать,
Почти еще мальчишкою
Я начал понимать
Всё, что в семье творилося...
Желанье ей помочь
В душе моей родилося —
Я начал день и ночь
Учиться, чтоб отправиться
Весною далеко...
«Разбогатеть, прославиться
Там, дитятко, легко!» —
С какой-то верой пламенной
Мне говорила мать,
Отец до Белокаменной
Решился провожать.
Пришла в смятенье чудное
Вся бедная семья,
И вдруг признанье трудное
Свершила мать моя:
«Возьмите вот, касатики,
Скопила два рубля!
Смотри из математики
Не получи нуля!»
Описывать не для́ чего,
Как мы без денег шли,
Способности подьячего
Отцу тут помогли:
В одном селе прикинулся
Лазутчиком — ему,
Чтоб только дальше двинулся,
Грошей собрали тьму.
У Иверской свидетелем
Он руку приложил,

Что кто-то благодетелем
Своим засечен был.
Была еще история,
Но вспоминать зачем? —
И со стыда и с горя я
Сгорел тогда совсем...
Один, в погоду скверную
В столицу я вступил
И горечь непомерную
В ней бедности испил...
Питаясь чуть не жестию,
Я часто ощущал
Такую индижестию,
Что умереть желал.
А тут ходьба далекая...
Я по ночам зубрил;
Каморка невысокая,
Я в ней курил, курил!
Лежали книги кучею
Одни передо мной,
Да дым носился тучею
Над тусклою свечой.
Способности усталые
Я утром освежал:
Без чаю с Охты Малыя
На Остров пробегал;
Как пеший-то по-конному
Верст восемь продерешь,
Так обаянью сонному
С трудом не подпадешь!
Тут голова беспутная
Начнет ходить кругом,
В ней безразличность мутная
И тупость и содом!
Для экстренной оказии
Уж съехались туда
Учителя гимназии...
...Запнулся — и беда!
Стоишь вороной жалкою,
А в голове стучит,
Как будто сзади скалкою
В затылок кто тузит!

В глазах снуют видения,
В ушах: лю-ли! лю-ли!
И нет тебе спасения —
Нули! Нули! Нули!..
За строгость не получите
Профессорский диплом,
Лишь бедняков отучите
За сотни верст пешком
Идти толпой голодною
На берега Невы
С надеждой благородною
К развитью головы...
Придешь домой — от сродников
Лежит уж письмецо:
«Моли, сынок, угодников,
Учись, забудь винцо!»
Эх! что вы, мои милые!
Какое тут питье!
Измаял больно силы я —
Вот горюшко мое!
Измаял — и решение
Свершилось: мой язык,
Мой ум пришли в смятение —
Увы! я стал в тупик!..
Что толковать с невеждою?
Учитель нуль всучил...
С угаснувшей надеждою
Я вдруг лишился сил.
Сказались мне бессонные
Четырнадцать ночей
И похожденья конные
На паре на своей!
Смутил аудиторию —
Осмелился упасть,
И в новую историю
Не преминул попасть.
Сочли меня за пьяного,
В горячке я кричал...
У сторожа Иванова
Очнулся: смерть я звал —
Конец бы одинаковый!..
Но жив я до сих пор,

Лишь с шеи крест тумпаковый
Стащил какой-то вор.

(Падает в изнеможении на копну сена и остается с закрытыми глазами и бледным лицом.)

Слышны звуки охотничьих рогов.

Действие третье

СЦЕНА 1

Те же и молодой Тузов, быстро въезжает верхом, окруженный собаками.

Тузов

Что? .. Нет и здесь? Проклятый зверь!
Как будто в землю провалился!
Эй, Трошка! Да куда ж он скрылся?
Где мне искать его теперь?

Появляются еще охотники и собаки.

Подлец! надул моих проворных хватов,
Надул собак. Уж я ж тебя, косой!
Доеду... А, камрад, Триумвиратов!
Здорово, брат! Поедем-ка со мной!
Что горевать? Великое несчастье —
Не приняли! Я даже рад, ей-ей!
Мгновенно я почувствовал пристрастье
К охоте псовой... Книги поскорей
Забросил .. Целый день теперь ликую!
Здоров, как бык, и волен, как орел.
С собаками до сумерек гарцую.
А вечером вино, хороший стол
Да разговор про травлю, про угонки,
И мало ль что... я вас утешу вмиг:
Какие там чудесные девчонки
Купаются! .. Ну, отпусти, старик!
Сергей! Мирошка! кто-нибудь — слезайте.
Дай лошадь им...

Григорий

Когда угодно вам,
Ослушаться не смею. Поезжайте!
Что пятишься?

Триумвиратов

Не до охоты нам!

Григорий

Ученьем не хотел ты заниматься,
Так вот изволь за зайцами гоняться!

(Вполголоса)

А вечером напомни-ка ему:
Он обещал мне два куля мучицы.

Триумвиратов

(шепотом)

Нет, нет! избавь, родитель! Не возьму
Подобной роли...

СЦЕНА 2

Толпа крестьянских девушек, возвращаясь с купанья, с песнями переходит через сцену.

Тузов

Здравствуйте, девицы!
Куда спешите? спойте песню нам.

1-я девушка

Изволь, — споем, а ты нам на орехи
Пожалуй, барин.

Тузов

Что хотите — дам!

2-я девушка

Так мы попляшем для твоей потехи.

Дивертисмент. Девушки поют и пляшут, Тузов слезает с лошади и пристраивается к одной из них, которая покрасивее. Та довольно грубо отталкивает его локтем, так что он падает и остается на копне сена, лицом к небу; девушки продолжают плясать.

Тузов

(впав в чувствительное настроение)

В виду сих туч, при легком ветерке
По небесам бегущих так беспечно,

И этих женщин, только что в реке
Омывшихся, довольных бесконечно,
Вдыхая сена чистый аромат
И слушая простые хороводы,
Я чувствую, что я остаться рад
Под крылышком у матери-природы
Всю жизнь мою. Благословляю час,
Когда в виду судей моих суровых
Произнести я принужден был: пасс! —
По милости причин каких-то новых...
Как я был глуп, когда воображал,
Что я проникнул в таинства науки!
Да и к чему? Вот счастья идеал!
А впрочем, я готовился без скуки,
С любовию; я не был ни ленив,
Ни слишком туп; отец платил исправно,
Учитель был умен, красноречив,
Уж множество он приготовил славно, —
Да вдруг...

В толпе девушек раздаются внезапные крики. Во время пляски, достигнув до края реки, одна из них наступила на притаившегося в кусту зайца, который кинулся со всех ног в бегство.

Девушки

Ай, ай, ай, ай ай, ай!

Тузов

Что там такое?

Девушки

Заяц косоглазый!

Тузов

Так вот где он укрылся! Подавай
Мне лошадь поскорее, черномазый!

Всеобщее смятение: собаки при первом появлении бросились за зайцем (гончие с лаем), охотники кинулись к лошадям; один из них второпях оставил недокуренную трубку у стога, где сидел; сено загорелось в минуту. Охватив стог, пламя побежало в то же время по разбросанному сену и мгновенно передалось другим стогам.

Григорий

Пожар! пожар!

При великолепном бенгальском огне охотники уезжают, девки разбегаются.

Триумвиратов

Пожар! пожар! спасите!
Да что ж ты не встаешь, Харчин? Сгоришь!
Ба! умер он! Родитель мой! взгляните!
Был человек, и вдруг погиб, как мышь,
Я думал — он уснул; а он с землей расстался...

Григорий

Что, умер он?! Никак ты помешался!
Да, точно, умер.. Господи прости!
Сгорело сено, человек скончался,
И сбился сын с пути!

(Падает без чувств.)

Последний стог сена, ближайший к ним, загорается.

Триумвиратов

Еще беда! Сгорят... Мутится разум!
Авось снесу их разом!
Двух разом...

(Уносит.)

Занавес опускается.

ЭПИЛОГ

Через год.
Театр представляет улицу села Пьянова. — Жаркий летний день. Григорий стоит у своих ворот, мимо едет телега парой; подле телеги пешком идет г. Кадыков.

Кадыков

А, старый друг, Григорий! Бог привел
Увидеться еще. А я плетуся
Домой в побывку. Я тебя нашел
На этот раз постарей, признаюся.
О чем грустишь?

Григорий

Да сын меня крушит.
Уж целый год с помещиком-соседом
За зайцами гоняется, кутит —
Ну сделался формальным дармоедом!
Как прошлый год не приняли его —
Пошел, пошел... и нет конца мученью!
А — видит бог — сначала у него
Была большая страсть к ученью!
Да вишь, порядки новые у вас...
Они и хороши, не смею сомневаться,
Да только с ними вы как раз
Без слушателей можете остаться...

Кадыков

Аудитория далеко не полна,
То правда, брат Григорий;
Зато взглянул бы ты — какая тишина
И никаких историй!

(Садится в телегу и уезжает.)

1859

124. ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ
ГОЛОС ИЗ ПРОВИНЦИИ

Денег нет — перед деньгами.
(Народная пословица)

Между тем как в глуши
В преферанс на гроши
Мы палим, беззаботно ремизясь,

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то финансовый кризис.

Эх! вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.

Надо жить поскромней,
Коли нет ни рублей,
Ни уменья доходы расширить.

А то роскошь у вас,
Говорят, завелась,
Непонятная даже рассудку.

Не играйте, молю,
В ералаш по рублю,
Это первое: вредно желудку.

Во-вторых, но — увы!..
Рассердились уж вы:
«Ты советовать нам начинаешь?»

Что ж? я буду молчать.
Но ведь так продолжать —
Так, пожалуй, своих не узнаешь!

Каждый графом живет:
Дай квартиру в пятьсот,
Дай камин и от Тура кушетку.

Одевает жену
Так, что только — ну, ну!
И публично содержит лоретку!

Сам же чуть не банкрут...
Что ж мудреного тут,
Если вы и совсем разоритесь?

Вам Прутков говорит:
«Мудрый в корень глядит»,
Так смотрите на нас — и учитесь!

Ведь у нас в городах,
Ведь у нас в деревнях
Деньги были всегда не обильны.

А о кризисе дум
Не вспадало на ум —
Сохранял, сохраняет всесильный!

Целый год наш уезд
Всё готовое ест:
Натащат, навезут мужичонки.

На наряды жене
Да на выпивку мне
Только вот бы и нужны деньжонки.

Что ж? добуду кой-как...
А что беден бедняк,
Так ведь был не богаче и прежде.

Что поднимет мужик
Среди улицы крик,
Непростительный даже в невежде:

«Я-де сено привез
Да и отдал весь воз
За размен трехрублевой бумажки!

Лишь бы соли достать,
А то стал я хворать
И цинга появилась у Глашки», —

Так за эту бы речь
Мужичонку посечь
Да с такой бы еще прибауткой:

«Было что разменять,
А ты смел рассуждать —
Важный барин, с своею Глашуткой!»

Ну и дело с концом...
Больше, меньше рублем —
Велика ли потеря на лаже?

А для тех, у кого
Вовсе нет ничего,
Так совсем нечувствительно даже...

<1860>

125

О гласность русская! ты быстро зашагала,
Как бы в восторженном каком-то забытье:
Живого Чацкина ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

1860

126. ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ

Вместо предисловия

Друзья мои! Мы много жили,
Но мало думали о том:
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были?

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль —
И обнаружил много чувства,
И остроумье, и мораль;
Но отразил его Карнович,
И против грамоты один
Теперь остался Беллюстин!

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен, —
И, огорчен, уныл и мрачен,
Молчит Погодин как немой!

Припомним, что один Громека
Заметно двинул нас вперед,
Что «Русский вестник», к чести века,
Уж издается пятый год...
Что в нем писали Булкин, Ржевский,
Матиль, Григорий Данилевский...
За публицистом публицист
В Москве являлся вдохновенный,

А мы пускали легкий свист,
Порой, быть может, дерзновенный...

И мнил: «Настала мне беда!»
Кривдо́й нажившийся мздоимец,
И спал спокойно не всегда,
Схвативши взятку, лихоимец.
И русский пить переставал
От Арзамаса до Украйны,
И Кокорев публиковал,
Что есть дела, где нужны тайны.
Ну что ж? Решить нам не дано,
Насколько двинулись мы точно...
Ах! верно знаем мы одно,
Что в этом мире всё непрочно,
Где нам толкаться суждено,
Где нам твердит memento mori [1]
Своею смертью «Атеней»
И ужасает нас Ристори
Грозой разнузданных страстей!

1860

127. МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА
ПРИ ЧТЕНИИ ПРОГРАММЫ, ОБЕЩАЮЩЕЙ НЕ ЩАДИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОРИТЕТОВ

Что ты задумал, несчастный?
Что ты дерзнул обещать?..
Помысел самый опасный —
Авторитеты карать!

В доброе старое время,
Время эклог и баллад,
Пишущей братии племя
Было скромнее стократ.

С неостывающим жаром
С детства до старости лет
На альманачника даром
Пишет, бывало, поэт;

[1] Помни о смерти (лат.). — *Ред.*

Скромен как майская роза,
Он не гнался за грошом.
Самая лучшая проза
Тоже была нипочем.

Руки дыханием грея,
Труженик пел соловьем,
А журналист, богатея,
Строил — то дачу, то дом.

Нынче — ужасное время,
Нет и в поэтах души!
Пишущей братии племя
Стало сбирать барыши.

Всякий живет сибаритом...
Майков, Полонский и Фет —
Подступу к этим пиитам,
Что называется, нет!

Дорог ужасно Тургенев —
Публики первый герой —
Эта Елена, Берсенев,
Этот Инсаров... ой-ой!

Выгрузишь разом карманы
И поправляйся потом!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить дом.

Даже ученый историк
Деньги лопатой гребет:
Корень учения горек,
Так подавай ему плод!

Русский обычай издревле
«Брать — так уж брать» говорит...
Вот Молинари дешевле,
Но чересчур плодовит!

Мало что денег: почету
Требовать стали теперь;

Если поправишь работу,
Рассвирепеет, как зверь!

«Я журналисту полезен —
Так зазнаваться не смей!»
Будь осторожен, любезен,
Льсти, унижайся, немей.

Я ли, — о боже мой, боже! —
Им угождать не устал?
А как повел себя строже,
Так совершенно пропал:

Гордость их так нестерпима,
Что ни строки не дают
И, как татары из Крыма,
Вон из журнала бегут...

1860

128. РАЗГОВОР В ЖУРНАЛЬНОЙ КОНТОРЕ

«Одна-то книжка — за две книжки?»
(Кричит подписчик сгоряча.)

Приказчик

То были плоские коврижки,
А эта — толще кирпича!
В ней есть «Гармония в природе»
И битва с Утиным в «Смеси».
Читайте, сударь, на свободе!

Подписчик
(принимая книгу)

Mercі, почтеннейший, mercі!

(Уходит.)

Так древле тощий «Москвитянин»
По полугоду пропадал,
И вдруг, огромен, пухл и странен,
Как бомба, с неба упадал.
Подписчик в радости великой

Бросался с жадностью на том
Плохих стихов и прозы дикой,
И сердце ликовало в нем,
Он говорил: «Так ты не умер?
Как долго был ты нездоров!»
И принимал нежданный нумер
Охотно за пять нумеров.

(Примеч. конторщика.)
Между 6 и 21 января 1861

129. ГИМН «ВРЕМЕНИ»

Новому журналу, издаваемому М. Достоевским

Меж тем как Гарибальди дремлет,
Колеблется пекинский трон,
Гаэта реву пушек внемлет,
Дает права Наполеон, —
В стране затронутых вопросов,
Не перешедших в сферу дел,
Короче: там, где Ломоносов
Когда-то лирою гремел,
Явленье нового журнала
Внезапно потрясло умы:
В нем слышны громы Ювенала,
В нем не заметно духа тьмы.
Отважен тон его суровый,
Его программа широка...

Привет тебе, товарищ новый!
Явил ты мудрость старика.
Неси своей задачи бремя
Не уставая и любя!
Чтобы ни «Век», ни «Наше время»
Не покраснели за тебя;
Чтобы не сел тебе на плечи
Редактор-дама «Русской речи»,
Чтоб фельетон «Ведомостей»
Не похвалил твоих статей!
Как пароксизмы лихорадки,
Терпи журнальные нападки

И Воскобойникова лай
Без раздражения внимай!

Блюди разумно дух журнала,
Бумагу строго береги:
Страшись «Суэцкого канала»
И «Зундской пошлины» беги! [1]
С девонской, с силурийской почвы
Ученой дани не бери;
Кричи таким твореньям: «Прочь вы!»
Творцам их: «Черт вас побери!»
А то как «О сухих туманах» [2]
Статейку тиснешь невзначай,
Внезапно засвистит в карманах...
Беда! Ложись — и умирай! [3]
Будь резким, но не будь бранчливым,
За личной местью не гонись.
Не называй «Свистка» трусливым
И сам безмерно не гордись!
Припомни ямбы Хомякова,
Что гордость — грешная мечта,
Припомни афоризм Пруткова,
Что всё на свете — суета!
Мы здесь живем не вечны годы,
Здесь каждый шаг неверен наш,
Погибнут царства и народы,
Падет Штенбоковский пассаж,
Со срамом Пинто удалится
И лекций больше не прочтет,
Со треском небо развалится
И «Время» на косу падет! [4]

Между 8 и 21 января 1861

---

[1] «О Суэзском перешейке», «О Зундской пошлине» — любимые статьи скучных журналов. Действие их на читателя ужасное. Один известный журналист имел неосторожность коснуться раз Суэзского перешейка — и долго потом не мог поправиться.

[2] «О сухих туманах» — одна из последних статей, напечатанных в «Атенее», после которой он вскоре умер.

[3] «Свисток» надеется, что редакция «Времени» оценит бескорыстность и доброжелательство этих предостережений, которыми вовсе не должно пренебрегать.

[4] Последние два стиха заимствованы у Дмитриева.

130

Приятно встретиться в столице шумной с другом
Зимой,
Но друга увидать, идущего за плугом
В деревне в летний зной, —
Стократ приятнее.

1861

131. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

В те дни, когда в литературе
Порядки новые пошли,
Когда с вопросом о цензуре
Начальство село на мели,
Когда намеком да украдкой
Касаться дела мудрено;
Когда серьезною загадкой
Всё занято, поглощено,
Испугано, — а в журналистах
Последний помрачает ум
Какой-то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских
Догадливый антрепренер
И вождь «Ведомостей московских»,
Почуяв время и простор,
Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведет,
Что предпринять должна Россия,
И гимн безмолвию поет; [1]
Когда в затмении рассудка
Юркевич лист бумаги мял
И о намереньях желудка
Публично лекцию читал;

---

[1] *Они собраний не имеют,*
Они речей не говорят,
Они в невежестве коснеют,
Но духом высоко парят и т. д.
(См. «Моск. ведом.», № 68, «Москва, 27 марта»)

Когда наклонностей военных
Дух прививается ко всем,
Когда мы видим избиенных
Посредников; когда совсем
Нейдут Краевского изданья
И над Громекиной главой
Летает *бомба отрицанья,*
Как повествует сей герой; [1]
Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю наяву
И всплакал Фет, что топчут гуси
В его владениях траву; [2]
Когда ругнул Иван Аксаков
Всех, кто в Европу укатил,
И, негодуя против фраков,
Самих попов не пощадил; [3]
Когда, покончив подвиг трудный,
Внезапно Павлов замолчал,
А Амплий Очкин кунштик чудный
С газетой «Очерки» удрал; [4]
Когда, подкошена как колос,
Она исчезла навсегда;
В те дни, когда явился «Голос»
И прекратилась «Ерунда», —

---

[1] См. «Отеч. зап.», № 3, 1863, «Соврем. Хрон. России», стр. 9.

[2] См. «Русский вестник», 1863, № 1, «Из деревни».

[3] Двести семьдесят пять тысяч
Русского дворянства
Проживают за границей
Из пустого чванства,
Восхищаются Парижем,
Тратят деньги на свободе;
Там и наше духовенство
Одевается по моде... и т. д.

См. «День» <№ 12, 1863>, «Из Парижа». (Письмо в редакцию.)

[4] Обстоятельства ужасные
Вынуждают нас продать
Наши «Очерки» несчастные
Писаревскому... Читать
Будешь «Слово современное»
Ты теперь, подписчик мой,
Верь, издание отменное,
И будь счастлив — бог с тобой!

«Ред. Оч.» («Соврем. слово», № 80.)

Тогда в невинности сердечной
Любимый некогда поэт,
Своей походкою беспечной
«Свисток» опять вступает в свет...
Как изменилось всё, создатель!
Как редок лиц любимых ряд!
Скажи: доволен ты, читатель?
Знакомцу старому ты рад?
Или изгладила «Заноза»
Всё, чем «Свисток» тебя пленял,
И как увянувшая роза
Он для тебя ненужен стал?
Меняет время человека:
Быть может, пасмурный Катков,
Быть может, пламенный Громека
Теперь милей тебе свистков?
Возненавидев нигилистов,
Конечно, полюбить ты мог
Сих благородных публицистов
Возвышенный и смелый слог, —
Когда такое вероломство
Ты учинил — я не ропщу,
Но ради старого знакомства
Всё ж говорить с тобой хочу.
«Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе,
И думай, что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе» [1]
Ты был моей мечтой любимой,
И если слышал ты порой
Хоть легкий свист, то знай: незримый
Тогда витал я над тобой!..

«Свисток» пред публику выходит.
Высокомерья не любя,
Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя
Себя смиренней не находит! [2]

---

[1] Стихи Пушкина.
[2] Из Пушкина.

Да, изменились времена!
Друг человечества бледнеет,
Вражда повсюду семена
Неистовства и злобы сеет.
Газеты чуждые шумят...
(О вы, исчадье вольной прессы!..)
Черт их поймет, чего хотят,
Чего волнуются, как бесы!
Средь напряженной тишины
Катков гремит с азартом, с чувством,
Он жаждет славы и войны [1]
И вовсе пренебрег искусством.
Оно унижено враждой,
В пренебрежении науки,
На брата брат подъемлет руки,
И лезет мост на мост горой, [2] —
Ужасный вид!.. В сей час тяжелый
Являясь в публику, «Свисток»
Желает мирной и веселой
Развязки бедствий и тревог;
Чтобы в сумятице великой
Напрасно не томился ум...

И сбудется... Умолкнет шум
Вражды отчаянной и дикой.
Недружелюбный разговор
Покончит публицист московский,
И вновь начнут свой прежний спор
Гиероглифов и Стелловский;
Мир принесет искусствам дань,
Престанут радоваться бесы,
Уймется внутренняя брань,
И смолкнет шум заморской прессы.
Да, да! Скорее умолкай, —
Не достигай пределов невских
И гимны братьев Достоевских
Самим себе не заглушай! [3]

1863

---

[1] Стих. Лермонтова.
[2] См. «Полицейские ведомости».
[3] См. «Время», № 3, ст<атья> «Опять молодое перо».

132. ЖУРНАЛИСТ-РУКОВОДИТЕЛЬ

Ну... небесам благодаренье!
Свершен великий, трудный шаг!
Теперь общественное мненье
Сожму я крепко в мой кулак,
За мной пойдут, со мной сольются...
Ни слова о врагах моих!
Ни слова! Сами попадутся!
Ретивость их — погубит их!

Ноябрь — декабрь 1865

133. ЖУРНАЛИСТ-РУТИНЕР

Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел, — я погиб!
Я разорен, я обесславлен!
Дух века и меня подшиб!

Условья прессы подцензурной
Поняв практическим умом,
Плохой товар литературный
Умел я продавать лицом;
Провидя смелые затеи,
Читатель упивался всласть,
И дерзновенные идеи
Во мне подозревала власть.
Как я умел казаться новым,
Являясь тот же каждый день,
Твердя с унынием суровым
Одну и ту же дребедень!
Как я почтенных либералов,
Моих подписчиков пленял,
Каких высоких идеалов
Я перспективы им казал!
Я, впрочем, говорил не много,
Я только говорил: «Друзья!
Всегда останусь верен строго...»
Чему? Тут точки ставил я...
О точки! тонкие намеки!
О недомолвки и тире!

Умней казались с вами строки!
Как не жалеть о той поре?..

Прилично сдержан, строго важен,
Как бы невольно молчалив,
Я был бездействуя отважен,
Безмолвствуя — красноречив!
Являлся я живой картиной —
Гляди, любуйся, изучай!
Реке, запруженной плотиной,
Готовой хлынуть через край,
Готовой бешеным потоком
Сорвать мосты, разбить суда,
В моем бездействии жестоком
Я был подобен, господа!

Теперь — как быть?.. «Толковой строчки
В твоем изданьи, — скажут, — нет!»
В ответ бы им поставить точки,
Но точки — будут ли ответ?
Заговорят: «Давай идею!»
Но что ж могу ответить им?
Одну идею я имею,
Что все идеи эти — дым!
Что в свете деньги только важны,
Что надо их копить, копить...
Что те лишь люди не продажны,
Которых некому купить!
Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел, — я погиб!
Я разорен, я обесславлен...
Дух века и меня подшиб!
Еще не может быть исчислен
Убыток, но грозит беда,
Я больше не глубокомыслен,
Не радикал я, господа!
Не корифей литературы,
Теперь я жалкий паразит,
С уничтожением цензуры
Мгновенно рухнет мой кредит.

Ноябрь — декабрь 1865

134

Предмет любопытный для взора:
Огромный кусок лабрадора,
На нем богатырь — великан
В славянской кольчуге и в шлеме,
Потомок могучих славян, —
Но дело не в шлеме, а в теме:
Назначен сей муж представлять
Отчизны судьбы вековые
И знамя во длани держать
С девизом «единство России!».
Под ним дорогой пьедестал,
На нем: земледелья родного
Орудья, и тут же газета, журнал —
Изданья Михайлы Каткова.
На книгах — идей океан —
Чернильница; надпись: «Каткову
Подарок московских дворян»,
И точка! Мудрейшему слову
Блистать на *пере* суждено, —
Там имя Каткову дано:
«Макающий в разум перо» — имя это
У древнего взято поэта...

1865

135. ЛЕГЕНДА О НЕКОЕМ ПОКАЯВШЕМСЯ СТАРЦЕ, ИЛИ СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

Посвящается редакции «Куриного эха»

Жил да был себе издатель
И журналов и газет.
Помогал ему создатель
Много, много лет.

Дарованьем и трудами
(Не своими, а других)
Слыл он меж откупщиками
Из передовых.

Сам с осанкой благородной,
В собственном большом дому
Собирал он ежегодно
С нищих денег тьму.

Злу он просто был грозою,
Прославлял одно добро...
Вдруг толкнися с сединою
Бес ему в ребро.

И, как Лермонтова Демон,
Старцу шепчет день и ночь...
(Кто-то видел, вкрался чем он,
Ну, его не гонят прочь!)

Бес

Ты мудрец, и сед твой волос, —
Не к лицу тебе мечты, —
Ты запой на новый голос...

Старец

Но скажи, кто ты?

Бес

Я журналов покровитель.
Без меня вы — прожились,
Вы без денег убедите ль?

Старец

(в сторону)

Дух гордыни, провались!

(Громко)

Гм! Не Лермонтова Демон,
Вижу, ты! Покойник был
(Хоть помянут будь не тем он)
Юношеский пыл.
Он-то мне Ледрю-Ролена
Некогда всучил...

Бес

(в сторону)

То-то не было полена —
Я бы проучил!

Старец

(продолжая)

Но теперь с Ледрю-Роленом
Баста! вышел весь!
Твой я, Демон, новым пленом
Я горжуся днесь!

Рек — и заключил издатель:
«Се настал прогресс:
И отступится создатель,
Так поможет бес!»

1865

136. В. И. АСТАШЕВУ

Посылаю поклон Веньямину.
На письмо твое должен сказать:
Не за картами гну теперь спину,
Как изволите вы полагать.
Отказавшись от милой цензуры,
Погубил я досуги свои, —
Сам читаю теперь корректуры
И мараю чужие статьи!
Побежал бы, как школьник из класса,
Я к тебе, позабывши журнал,
Но не знаю свободного часа
С той поры, как свободу узнал!..

Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно так спали,
На охоте бывать успевали
И немало в картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Одолела пииту забота,
Позабыл я, что значит игра,
Позабыл я, что значит охота! —

Потому что Валуев сердит;
Потому что закон о печати
Запрещеньем журналу грозит,
Если слово обронишь некстати!

Впрочем, в пятницу буду я рад
До Любани с тобой прокатиться:
Глухари уж поют, говорят,
Да и вальдшнепу поволочиться,
Полагаю, приходит черед...
Сговоримся, — и завтра в поход!

Так и чудится: вальдшнеп уж тянет,
Величаво крылом шевеля,
А известно — как вальдшнеп потянет,
Так потянет и нас в лес, в поля!..

7 апреля 1866

137. ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ

Не громка моя лира, в ней нет
Величавых, торжественных песен,
Но придет, народится поэт,
Вдохновеньем могуч и чудесен,

Он великую песню споет,
И героями песни той чудной
Будут: царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведет;

Царь, покончивший рабские стоны,
Вековую бесправность людей
И свободных сынов миллионы
Даровавший отчизне своей;

И крестьянин, кого возрастил
В недрах Руси народ православный,
Чтоб в себе — весь народ он явил
Охранителем жизни державной!

Сын народа! тебя я пою!
Будешь славен ты много и много...
Ты велик — как орудие бога,
Направлявшего руку твою!

9 апреля 1866

138

Чего же вы хотели б от меня,
Венчающие славой и позором
    Меня. Я слабый человек,
Сын времени, скупого на героя.
Я сам себя героем не считаю.
По-моему, геройство — шутовство.

1866

139

Весь пыткой нравственной измятый,
Уже опять с своим пером,
Как землекоп с своей лопатой
Перед мучительным трудом, —
Он снова Музу призывает.

1866 (?)

140

Белый день недолог,
Вечера длинней.
Крики перепелок
Реже и грустней.
Осень невидимкой
На́ землю сошла,
Сизо-се́рой дымкой
Небо облекла.
Солнце с утра канет
В тучи, как в нору.
Если и проглянет,
Смотришь: не к добру!

Словно как стыдливым
Золотым лучом
Пробежит по нивам,
Глядь: перед дождем!
Побежал проворно
Оживленный ключ
И ворчит задорно:
«Как-де я могуч!»
Весь день ветер дует,
По ночам дожди;
Пес работу чует:
Дупельшнепов жди.

Между 1856 и 1866 (?)

141. ЭПИТАФИЯ

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

1867 (?)

142. ПРИТЧА

Прислушайте, братцы! Жил царь в старину,
Он царствовал бодро и смело.
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело:

Он вместе с престолом наследовал храм,
Где царства святыни хранились;
Но храм был и тесен и ветх; по углам
Летучие мыши гнездились;

Сквозь треснувший пол прорастала полынь,
В нем многое сгнило, упало,
И места для многих народных святынь
Давно уже в нем не хватало...

И новый создать ему хочется храм,
Достойный народа и века,
Где б честь воздавалась и мудрым богам
И славным делам человека.

И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.

И бог помогал ему — план поражал
Изяществом, стройной красою,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою.

То правда, ввернули в хвалебную речь
Сидевшие тут староверы,
Что можно бы старого часть уберечь,
Что слишком широки размеры,

Но царь изменить не хотел ничего:
«За всё я один отвечаю! ..»
И только что слухи о плане его
Прошли по обширному краю,

На каждую отрасль обширных работ
Нашлися способные люди
И двинулись дружной семьею в поход
С запасом рабочих орудий.

Давно они были согласны вполне
С царем, устроителем края,
Что новый палладиум нужен стране,
Что старый — руина гнилая.

И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара;
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.

И вера сияла в очах их; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью!

Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели — и ждали...

Но вот уже полдень — а их не зовут!
Безропотно ждут они снова,
Царь мимо проехал, вельможи идут —
А всё им ни слова, ни слова!

И вот уже скучно им праздно сидеть,
Привыкшим трудиться до поту,
И день уже начал приметно темнеть, —
Их всё не зовут на работу!

Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились:

«О царь! ты прославишься в поздних веках!
За что же ты нас обижаешь?
Давно уже преданность в наших сердцах
К особе своей ты читаешь.

А это пришельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа!

Когда ты на площади ехал вчера
И мы за тобой поспешали,
Тебе они громко кричали: ура!
На нас же сурово взирали.

На площади Мира сегодня в ночи
Они совещалися шумно...
Строение храма ты нам поручи,
А им доверять — неразумно!..»

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым...

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшие жаждой труда
И рвеньем, сдвигающим горы,

Связали пожитки свои — и пошли
Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы,

И целая треть не вернулась домой:
Иные — в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли,

Иные скитались по чуждым страна́м,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строился храм, —
И втайне царю удивлялись.

Строители храма не плану царя,
А собственным целям служили,
Они пожалели того алтаря,
Где жертвы богам приносили,

И многое, втайне ликуя, спасли,
Задавшись задачею трудной,
Они благотворную мысль низвели
До уровня ветоши скудной.

В основе труда подневольного их
Лежала рутина — не гений...
Зато было много эффектов пустых
И бьющих в глаза украшений...

Сплотившись в надменный и дружный кружок,
Лишь тех отличая вниманьем,
Кто их заслонить перед троном не мог
Энергией, разумом, знаньем,

Они не внимали советам благим
Людей, понимающих дело,
Советы обидой казалися им.
Царю говорят они смело:

«О царь, воспрети ты пустым крикунам
Язвить нас насмешливым словом!
Зане невозможно судить по частям
О целом, еще не готовом!..»

Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что «ум хорошо, а два лучше!».

Но смело нарушил жестокий Закон
Один гражданин именитый.
Служил бескорыстно отечеству он
И был уже старец маститый.

Измлада он жизни умел не жалеть,
Не знал за собой укоризны
И детям внушал, что честней умереть,
Чем видеть бесславье отчизны;

По мужеству воин, по жизни монах
И сеятель правды суровой,
О «новом вине и о старых мехах»
Напомнив библейское слово,

Он истину резко раскрыл пред царем,
Но слуги царя не дремали,
Успев овладеть уже царским умом,
Улик они много собрали:

Отчизны врагом оказался старик —
Чужда ему преданность, вера!
И царь, пораженный избытком улик,
Казнил старика для примера!

И паника страха прошла по стране,
Всё головы долу склонило,
И строилось зданье в немой тишине,
Как будто копалась могила...

Леса убирают — убрали... и вот
«Готово!» — царю возвещают,
И царь по обширному храму идет,
Вельможи его провожают...

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте
Очам его царским являлось
В такой поражающей ум красоте,
Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою.

Ни в целом, ни в малой отдельной черте,
Увы! он не встретил отрады!
Но всё ж в несказанной своей доброте
Строителям роздал награды.

И тотчас же им разойтись приказал,
А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя...

20 июля 1869

143

Сыны «народного бича»,
С тех пор как мы себя сознали,
Жизнь как изгнанники влача,
По свету долго мы блуждали;
Не раз горючею слезой
И по́том оросив дорогу,
На рубеже земли родной
Мы робко становили ногу;
Уж виден был домашний кров,
Мы сладкий отдых предвкушали,
Но снова нас грехи отцов
От милых мест нещадно гнали,
И зарыдав, мы дале шли
В пыли, в крови; скитались годы
И дань посильную несли
С надеждой на алтарь свободы.
И вот настал желанный час,
Свободу громко возвестивший,
И показалось нам, что с нас
Проклятье снял народ оживший;
И мы на родину пришли,
Где был весь род наш ненавидим,
Но там всё то же мы нашли —
Как прежде, мрак и голод видим.
Смутясь, потупили мы взор —
«Нет! час не пробил примиренья!»
И снова бродим мы с тех пор
Без родины и без прощенья!..

1870

144. КУЗНЕЦ

(Памяти Н. А. Милютина)

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю,
    Думал, — исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
    Видно доныне во всем.

С кем ты делился душевною повестью,
    Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
    Честный кузнец-гражданин!

Вел ты недаром борьбу многолетнюю
    За угнетенный народ:
Слышал ты рабскую песню последнюю,
    Видел свободы восход.

Февраль 1872

145

Внизу серебряник Чекалин
Свои изделья продает,
А наверху Земфира Пален,
Как милый розанчик, цветет.

Апрель 1872

146. ⟨ Н. П. АЛЕКСАНДРОВОЙ ⟩

В твоем сердце, в минуты свободные,
Что в нем скрыто, хотел я прочесть.
Несомненно черты благородные
Русских женщин в душе твоей есть.

Юной прелестью ты так богата,
Чувства долга так много в тебе,
Что спокойно любимого брата
Я его представляю судьбе.

Сентябрь 1872

147. Е. О. ЛИХАЧЕВОЙ

Уезжая в страну равноправную,
Где живут без чиновной амбиции
И почти без надзора полиции, —
Там найдете природу вы славную.

Там подругу вы пó сердцу встретите
И, как время пройдет, не заметите.

А поживши там время недолгое,
Вы вернетесь в отчизну прекрасную,
Где имеют правительство строгое
И природу несчастную.

Там Швейцарию, верно, вспомяните
И, как солнышко ярко засветится,
Собираться опять туда станете.
Дай бог всем нам там весело встретиться.

Пусть не кажется в этих стихах
Слабоумие вам удивительно,
Так как при здешних водах
Напряженье ума непользительно.

Середина июня 1873

148

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина, названье ей: Свобода.
Я рылся раз в заброшенном шкафу...

<1874>

149. 〈П. А. ЕФРЕМОВУ〉

Взглянув чрез много, много лет
На неудачный сей портрет,
Скажи: изрядный был поэт,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена «Складчины».

19 марта 1874

150. НА ПОКОСЕ

(Из «Записной книжки»)

Сын с отцом косили в поле,
 Дед траву сушил.
«Десять лет, как вы на воле,
Что же, братцы, хорошо ли?» —
 Я у них спросил.

«Заживили поясницы», —
 Отвечал отец.
«Кабы больше нам землицы, —
 Молвил молодец, —

За царя бы я прилежно
 Господа молил».
— *«Неуежно, да улежно»*, [1] —
 Дедушка решил...

5 августа 1874

[1] Пословица (Ярославской губернии), которую можно истолковать так: не сытно, да покойно.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1

14—15 *С*	Ты не услышишь укоризны, Родная!.. Где я ни блуждал
После 114 *Автограф*	Во рвы, в бойницы, на траншеи Под градом пуль взлетали вы И не погнули гордой шеи, Не потеряли головы.
116—118 *Автограф и С*	Народ, стекаясь к алтарю, Хвалу всевышнему возносит И благодушному царю.
После 192 *Глава, исключенная из текста* *С*	Но Русь цела, но Русь тверда, Над нею солнце мира блещет... О Русь! ты такова всегда: Как сильно буря ни тревожит Вершины вековых древес, Она ни долу не положит, Ни даже раскачать не может До корня заповедный лес. Не угадать, что знаменует Твоя немая тишина, Но сердце вещее ликует И умиляется до дна... Под небом неродным блуждая, Но к северу стремясь душой, Любил я, сторона родная, Воображать тебя такой: Тиха, как сонная, наружно, Внутри жива и горяча, Неутомимо, бодро, дружно Ты вся работаешь с плеча — К добру разумное стремленье Животворит твоих детей;

В права вступает просвещенье,
Уходит мрак... кругом светлей,
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра,
Как в дни Великого Петра...
Да сбудется!..
Погибни злое!
Пускай не устает сиять
Нам солнце правды повсеместно,
Пусть на работающих честно
Нисходит божья благодать!
Да будет труд их спор и строен,
Да телом здрав, душой покоен,
Его до цели доведет
И пахарь, и поэт, и воин,
И мореплаватель, и тот
Заступник и глава народный,
Пред коим частные труды —
Как мелководные пруды
Перед Невою многоводной...

4

Ранняя редакция Письмо к Тургеневу от 27 июля 1857 г.

В столицах шум — гремят витии,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А там, во глубине России,
Что там? Бог знает, не поймешь.
Над всей равниной беспредельной
Стоит такая тишина,
Как будто впала в сон смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

5

После 92 Корректура

Испытуемый грозной судьбою,
Песен счастья не складывал он,
Он стонал под татарской пятою,
И доныне напев его — стон!

Вместо 107—117

[Всюду скорбные, скорбные звуки,
Всюду стон, надрывающий грудь,
Словно тяжкие древние муки
Не успели в народе заснуть...

О! вовеки тот памятен будет,
По чьему мановенью народ
Вековую привычку забудет
И веселую песню споет!]

7

Вместо 37—52
Копия Добролюбова

а «Спи, дитя, да песню вздорную
Глупой няни позабудь
Не ходи дорогой торною
Отыщи свободный путь.

Не ходи тропой избитою
Без того, душа моя,
Сплошь холопами набитая,
Гибнет родина твоя.

Послушаньем да терпением
Мы богаты через край...
Вольным жизни впечатлениям
Душу вольную отдай.

Изменяют наслаждения,
Жить не значит — пить и есть.
В мире лучше есть стремления,
Благородней блага есть.

Им нехитрые названия:
Слава, Знание, Любовь.
Не жалей за них дыхания
Проливай до капли кровь.

Презирай пути лукавые:
Там разврат и суета.
Чти заветы вечно-правые
И учись им у Христа

б «Спи, дитя, да песню вздорную
Глупой няни позабудь
Обходи дорогу торную
Выбирай свободный путь

. . . .

Разоренная, забитая,
Без того, душа моя,
Сплошь холопами набитая,
Гибнет родина твоя.

8

После 35
Наброски
Автограф

Ты знаешь град — заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы божие, и царские дворцы?
Где каждый гражданин — надежный сын отчизны —

Свершает в тишине полезные труды
И движется вперед, храня без укоризны
Почтенной старины священные следы.

Ты знаешь град? Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой.

Ты знаешь град, где процветает древо
Свободных муз, искусства и наук,
Где родилась мечтательная дева,
С Инсаровым бежавшая сам-друг,
Где, Гегелю по мудрости ровесник,
Катков науку с жизнию мирит,
Как водопад бушует «Русский вестник»,
Где «Атеней» как ручеек журчит?

Ты знаешь град? Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой.

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади́,
Там смеси нет чухонской и татарской,
Все русские — куда ни погляди!
. . . .

Там против Зотова народная подписка
Составилась по поводу жидов,
И были мы свидетелями писка
Каких-то новых странных голосов.

Ученый град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой.

Наивный град! Там Константин Аксаков
В своей «Молве», в передовых статьях
Учил ходить нас наподобье раков.
Черкасский там запутался в плетях
. . . .

Суровый град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там Шевырев был обличен сугубо,
Там граф Толстой «Альберта» сочинил.
. . . .
Там, ревностью к науке пламенея,
Погодин доказал России всей,
Что бескорыстен он — продажею музея,
Что беспорочен — пряжкою своей.
. . . .
Правдивый град! Там убежденья чисты,
Бессильны там глупец и лицемер,
Зато в ходу такие публицисты,
Как господин Чичерин, например.

Вместо 36—43

Ты знаешь град, где недоступна дева,
Где муж учен, где неподкупен друг,
Где к небесам главу возносит древо
Свободных муз, искусства и наук?

Фрагмент ранней редакции Письмо Добролюбова к Бордюгову (ПД)

Ты знаешь край, где Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади,
Где уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди,
Где дочь свою замужнюю наместник
Вторичным браком повенчать велит, —
Как водопад бушует «Русский вестник»
И «Атеней» как ручеек журчит...
Почтенный град! Там люди в деле тихи,
Но, говорят, волнуются за двух,
Там от Кремля, с Арбата и Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух.
Там, не в пример столице нашей Невской,
Оценят всё, поймут и разберут,
Анафеме там предан Чернышевский
И Кокорева ум нашел себе приют!
Ученый град. Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там Шевырев был поражен сугубо,
Там хрестоматию Галахов сочинил;
Там беспощадно поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют,
Журналы там не терпят балаганства
И наш «Свисток» проклятью предают.

Ужасный град! Туда, чтоб видеться с тобой,
Мне страшно показаться, милый мой.

10

33—40 С

А домой придется воротиться, —
Для чего приходим мы туда?
Лишь затем, чтоб лучше убедиться,
Что не будет легче никогда!
Чтоб, припав с рыданьем головами
К груди бедной матери своей,
Горьким стоном, горькими слезами
Разорвать на части сердце ей...»

11

Вместо 114 Корректура

В самой роскошной мечте
Верный поклонник Корана
Не увидал бы таких *декольте*
Стан... Но уж тут не до стана
Чудо наряд, загляденье наряд!

17

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ,
ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ

(Эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордникова)

После строфы 5 С

Ну, что ж? большая важность!
Эх! русские журналы!
Невежество, продажность,
А метят в либералы!

После строфы 7

И тут пошла потеха!
«Ты варвар, ты китаец,
Друг мрака, враг успеха!»
Так пса увидя, заяц

Засуется, метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
Во всю собачью стаю!

Дней сто не прекращали
Журнальной этой бани,
И даже тех ругали,
Кто мало сыпал брани!

Такой ужасной травли
Не видано лет двести,
А ведь за что? Не прав ли,
Не прав ли я, по чести?

Что я сказал? «Мальчишки,
Негодные мне в слуги!
Какие их чинишки?
Какие их заслуги?

Дудышкин, Чернышевский,
Какой-то Бов, Громека!
Один Андрей Краевский
Похож на человека!

Как посмотреть построже
Да привести всё в ясность,
Так тут, помилуй боже!
Отечеству опасность...

Все завистию дышат,
Кто к чину, кто к карману,
Не по призванью пишут,
А с голоду да спьяну!

И смели целой ратью
Глумиться надо мною!
Ужель, по их понятью,
Я Гербеля не стою? ..»

И вот за правду-матку
Терплю теперь гоненье!
Пускай бы взял я взятку,
Отжилил чье именье...

Да если б и канальство
Зашло в мои делишки —
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

А впрочем, я за гласность,
Я сам бывал в Париже,
Но там — какая разность!
Народ гораздо тише.

Притом язык французский
И брань облагородит:
Уклончив, мил... а русский
Как кнут по членам ходит.

К ругательствам способен —
Признала вся Европа:
Своеобразен, злобен!
Хорош он для холопа,

Но груб для нашей кожи;
Притом и формы узки,
Недаром все вельможи
Писали по-французски.

Де-Жеребцов, Мещерский,
Де-Кокорев... Но будет!
От этой брани дерзкой
Меня ведь не убудет!

Не оттого немеем,
Что защищаться нечем.
С Булгариным Фаддеем
И с Николаем Гречем

Истории такие
Не так кончались прежде,
Но времена другие...
А впрочем, я в надежде!

Я повторяю то же:
Лишь приведут всё в ясность,
Так тут, помилуй боже!
Отечеству опасность! ..

Но лучший, без сомненья,
Ответ на укоризны —
Труд, полный изученья
И нужный для отчизны.

Могу себя прославить
И без журнальных стычек:
Решился я составить
«Словарь собачьих кличек»!

Сей труд монументальный
И деньги мне доставит,
И зависти нахальной
Шипение подавит.

Довольно будет ахов...
Я знаю, будут ради
Дудышкин и Галахов,
Гаевский и Геннади!

Сам Лонгинов напишет
Статью — он мне приятель.
Пускай весь мир услышит...
Пока прощай, читатель!

18

Вместо 277
Изд. 1873—1874

Живут бессмысленней зверей
И мрут без всякого следа

19

После 79
Фрагмент ранней редакции
Альбом Шелгуновой

В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою...
И трудящийся, бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу
И в душе подавить я стараюсь слезу...
. . . .
. . . .
Да! теперь я к тебе бы воззвал,
Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
И такою бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла.

20

Вместо 1—20
Автографы ЛБ и ПД

Ты как поденщик выходил
До солнца на работу
В глаза ты правду говорил
Могучему деспóту

33—36 В среде всеобщей пустоты
Всеобщего растленья
Какого смыслу ищешь ты
Какого примиренья?

21

Черновой автограф[1] *(Изд. 1937, т. 2)*

Но сберегло его в дни многотрудные
Русских людей провиденье игривое —
Кончилось время его несчастливое,
Вновь он запел свои песенки чудные;
Вновь прилепился душою к художеству.
Тут не замедлила смерть ядовитая.
Надо ж очистить дорогу ничтожеству.
[Ой! широка ты, дорога открытая]
Ты ли ему непросторна, — открытая? . .

22

После 8 Автограф

Где лежал — там его и оставили
Лишь покрыли сердягу холстом
Караул к нему строгий приставили
И послали скорей за судом

После 12

Закопать-то статья немудреная
Да ведь надо по-божьи судить:
Как ни умер, душа-то крещеная!
Положили мы — гроб сколотить...

47—48

Ты у нас про житье наше спрашивал
Ровней с нами себя называл

После 48

А лицо было словно дворянское...
Приносил ты нам много вестей
И про темное дело крестьянское
И про войны заморских царей...

24

Прим. к ст. 51 Изд. 1861 и др. прижизненные изд.

«Этот полуштофчик (заметил автору некто) лишает поэтичности вашу героиню, давая повод читателю воображать ее покупающею в кабаке водку». Не входя в длинные объяснения, напомню читателям, что у нас почти в каждой деревне есть так называемые корчем-

---

[1] Когда соотношение вариантов с окончательным текстом произведения неясно, здесь и дальше отсчет стихов отсутствует.

ники, а еще чаще корчемницы, у которых можно купить вина (или выменять на лен, холст или пряжу), и даже сделать это потихоньку.

После 84 Автограф

Бусы словно вишни спелые,
Ленты алые для кос,
Пояски — рубахи белые
Подпоясать в сенокос.

Эпиграф к гл. V

а Без дороги в путь отправился.

Кольцов

б «Далеко ли до Лыскова?»
— «А как пойдешь прямо-то шесть,
а обходом-то три».

Крестьянская шутка

в «Далеко ли до Лыскова?»
— «Да дорогой-то три, а прямо-то шесть».

Крестьянская шутка

533—536

а Вечер пуще надвигается,
Шибче йдут мужички.
Дождик что ли начинается.
Ходят пó небу бычки.

б Дождик что ли начинается?
Ходят пó небу бычки.
Вечер пуще надвигается,
Шибче йдут мужички.

673—676

а «Вот напали на разбойника!
Леший что ли ты какой?»
— «Скоро лягут два покойника!»
— «Не дурачься, братик мой!»

б — «Вот наткнулися на бестию!
Леший что ли ты какой?
Не дурачься, просим честию!
Не глумися, братик мой».

697—702

Пастушок спросил детинушку:
«Ты ли давеча стрелял?
Я болотом гнал скотинушку»
— «Что ты? разве ты слыхал? . .»
— «Слышал палы я ружейные
Слышал стоны. . . Стой! винись!»

26

ДЕТСКАЯ КОМЕДИЯ

54—57 Раскапывай листья, обшаривай пни,
Автограф Примету клади на грибное местечко,
Чтоб завтра его ни за что не сыскать,
«Смотри-ка, Кузяха, какое колечко!»

Вместо Сам с воза сползает. Проворство, сноровка
157—168 Ему достаются шутя
И любо глядеть, как свободно и ловко
К труду переходит дитя.

233—235 И точно: громовый удар прокатился
В сарай помела дождевая река
Я крикнул довольно. Актер усмирился

27

После 4 Той поры, когда высохнут слезы
Изд. 1864 И закроются раны твои,
И свершатся заветные грезы —
Вожделенные думы мои!

29

ОТРЫВОК

Кто?

Ранняя Кто ей теперь духи подносит,
редакция Застигнут сценой роковой?
Автограф Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И «до свидания» кричит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в аппетит?

Кто, выдержав такую сцену,
Зовет гостей постылый рой,
Где, двигая вперед измену,
Она блистает красотой,
Блистает выписным нарядом,
Веселой живостью речей,
Повелевая мужу взглядом,
Чтоб он казался веселей?

Кто ночи трудные проводит —
Один — ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит: «прекрасны оба»
На нежный спрос: «который взять?»,
Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С коварно-сладким «C'est joli»
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства гнусное клеймо?..
Есть не одна такая пара.
Я не таков. Мне не вкусна
Ни раз погасшая сигара,
Ни обманувшая жена!..

Или из юношей свободных
Ты никого не увлекла
В свой мир из слез и тряпок модных
И одиноко доцвела?
Грустишь, смиренная годами,
О днях постыдно прожитых
И плачешь горькими слезами
Сама над делом рук своих?

Но что со мной? Былым волненьем
Опять пылает голова
И дышат мелким озлобленьем
Нетерпеливые слова.
Стыдись, старик! Расчеты с миром
Покончил ты, — умри любя
И не ругайся над кумиром,
Когда-то милым для тебя!
Скажи спасибо близорукой
Всё украшающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Под иго пошлости всесильной
Лишь тот главы не преклонил,
Кто рано под плитой могильной
Невинным сердцем опочил.
Все к ней идем толпой послушной.
Кто не упал, тот должен пасть...
Но клятвы... но обман бездушный...
Но ревность, роковая страсть!

Ах!.. что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба.

Что враг! возможно примиренье,
Возможна равная борьба!
Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час,
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас...
В кипящем омуте сомненья
Полна больного напряженья
Душа бессильна...

85

Вместо 70—75 Автограф ГПБ

Три жребия трудных имела судьба,
И первый: с рабом повенчаться,
Второй — до могилы рабу покоряться,
А третий — быть матерью сына-раба.

[В то время, как жребии нам назначались]
Три жребия те никому не достались
И все безраздельно легли
На женщину русской земли.

160—163

В кубышке на свадьбу для сына
Убогий залишек растет...
Рай в доме того семьянина,
Где баба такая живет!

164—167

Другой — пятилетнего сына
Нарядная матка ведет...
Рай в доме того семьянина,
Где баба такая живет!

168—171

И ты не бедна была силой,
Погибшего Прокла жена,
Но горе тебя иссушило
Замаяли ночи без сна.

После 311

Промерил косулей железной
Ее ты вперед и назад...
Вставай, ненаглядной, болезной, —
Бог даст — уродит сам-десят!

Вместо 415—418

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах он в семнадцати был),
Где образ какой-то явленный
Недугов целителем слыл.

Всё [то] что на полотнах и пряже
Годами скопила она,
Истратила Дарья — и даже
Осталась монаху должна.

419—423 *а* Но образ Николы святого
Наутро явился в дому,
Помазали мирром больного;
Больной поклонился ему —
И умер...

б Пошла, воротилась с иконой,
Больной [уж на лавке] без движенья лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Он что-то жене пошептал
И умер...

464—471 Бог прибрал... а то-то был в силе! ..»
Отправив невестку домой,
Остался старик на могиле
С своей престарелой женой.

Высокой, худой, бородатой,
Он двигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой
Под вопли старухи своей.

После 504 Минув занесенное жниво
И тихо спустив на бугор,
Савраска вступает пугливо
В [высокий] пушистый, серебряный бор.

После 568 Но вот уже кончено дело,
На дровни поклала дрова
И вожжи взяла и хотела
Пуститься в дорогу вдова,

После 726 Неровно лились эти звуки,
То крупным, то мелким дождем,
И, вторя им, крепкие руки
Трудились, звуча топором.

739—741 Чай, он теперь по подушке
Мечется, смерти бледней...
Заяц спрыгнул на опушке

После 852 Нет ропота, высохли слезы —
Теперь умереть бы не жаль...
Бездумье, нестройные грезы
Сменили крутую печаль...

857—861 *а* Всё тихо. Один колобродит
Мороз, воевода лесной.
Владенья свои он обходит,
Стуча ледяной булавой.

б Всё тихо. Трещит, колобродит
Мороз, воевода лесной.

Чу, льдины ломает! Чу, ходит,
Стуча ледяной булавой.
[Чу! Как расходился]

После 861 Знать, мало порядку находит —
Суров воевода седой.
Чу! льдины ломает, чу! ходит,
Стучит ледяной булавой.

После 1021 *Эпилог*

Задумав правдивую повесть
Без всяких эффектных затей,
Я взять не [решуся] решаюсь на совесть
Погибель крестьянки моей,

Она не погибла. — Лукавый
Хотел погубить, да не мог.
Служивший семейству со славой
Савраска — и тут ей помог:

Покамест тот сон чудотворный
Над бедной вдовицей витал,
Савраску Морозка проворный
За длинные уши щипал,

С соседнего дерева бросил
Горсть инею в очи коню
И хвост уж ему приморозил
К какому-то старому пню.

Савраска стоял терпеливо;
Лишь вздрагивал сильно порой
Да яму копал молчаливо
Ногами, то той, то другой.

Но стало стоять ему скучно.
Савраска ушами тряхнул
И трижды раскатисто, звучно
Заржал — и дровнишки рванул!

Коснулось знакомое ржанье
До слуха крестьянки моей,
И быстро проснулось сознанье,
Глядит: ни коня, ни дровней!

«Прррруууу! .. дура! ..» Испуг чрезвычайной
Проворство ногам воротил,
Бежит по дороге случайной,
Что конь, убежав, проложил.

Настигла — дрова подобрала
(Порядком нагрелась меж тем)
И скоро детей увидала,
И печь затопила, — и всем

Сварила похлебки и каши,
Всю выскребла избу свою,
Искала в головке у Маши
И пела ей: «баю-баю!»

И тайной навеки осталось,
Что делала в роще она.
Лишь Дарьюшка после боялась
В лесу оставаться одна,

Да долго румянец багровой
Вдове позабыть не давал,
Как жарко Морозко суровой
Ее под сосной целовал...

39

Черновые наброски

Горе забыли, играючи, детки
Да на беду подвернулись соседки

«Нет у вас матушки», — молвила Марьюшка
«Нету родимой, — прибавила Дарьюшка, —

Как теперь будете жить-поживать —
Кто-то вас будет ласкать-баловать?»

Дети игрушки свои положили
Смолкли, широко глазенки раскрыли

Полно не плачьте пром<олвила> М<арьюшка>
Уж не воротишь приб<авила> Дарьюшка

. . . .

Надо покойницу мать забывать
К доле сиротской пора привыкать!

40

Первоначальный набросок Изд. 1879

ДВА ИЗДАТЕЛЯ

Сцена первая

Ночная встреча и договор.

Невский проспект. Ночь. Четвертый час. Изредка гремят экипажи. Пешеходов почти нет. Издатель «Современного слова» одиноко и задумчиво прогуливается между Полицейским и Аничковым мостом.

Издатель «Современного слова»

Совестно днем среди Невского
И показаться — увы!
Встретишь Некрасова, встретишь Краевского,
Корша, что к нам из Москвы
Прибыл, — глядеть отвратительно!
Сносно дела их идут.
А вот мои так решительно
Плохи — газете капут.
Хоть поступай в переписчики —
Нечем семью содержать.
Ой вы, подписчики! Ой вы, подписчики!
Где-то мне вас добывать?..

(Сталкивается с издателем «Очерков».)

Издатель «Очерков»

Где?! Вы ко мне обратитеся,
Я прекращаю листок...

. . . .

Надо спасать состояние,
Надо подписчиков сдать,
Надо покончить издание, —
Сколько вы можете дать?..

(Торгуются, причем ходят очень скоро, говорят оба разом.)

. . . .
. . . .

Издатель «Современного слова»

Какие все подписчики!
Ну-ну! Эге! Ого!
Студенты, переписчики...

Издатель «Очерков»

Что ж? Это ничего!

Издатель «Современного слова»

Ну, братец мой, тово...
Надул ты препорядочно!

Издатель «Очерков»

Ты дальше почитай!

Издатель «Современного слова»

Читал уж я достаточно!
С тобою не зевай!
Скажите, попадаются
Мещане! Вот народ!
Туда же просвещаются
На тощий-то живот!
Газеты ежедневные
Читают за гроши!

Издатель «Очерков»

Их качества душевные
Должны быть хороши!

ПЕСНЯ ОБ «ОЧЕРКАХ»

(Из лирической драмы «Видение на Неве»)

Между 36 и 37 С

(Я не охотник до Невского,
Бродит там всякий народ,
Встретишь как раз <Дани>левского,
Что-нибудь тотчас соврет;
После расскажешь за верное —
Скажут: и сам ты такой!
Дело такое прескверное
Было однажды со мной!..)

Вместо 153—160

Видел во сне Елисеева:
Вот он вошел в магазин
И известил о беде его
Тотчас приказчик один.
С миной тупой, нерешительной
Долго стоял он, суров —
Этот пассаж удивительный
Был ему, кажется, нов!
Молча пошел он вдоль Невского,
Пикнуть не мог ничего,
Словно карнизом от дому Краевского
Этим пришибло его!

41

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

(Романс господина, обиженного литературой)

Ранняя редакция С

О, как желал бы я служить
Начальником цензуры!
Конечно, не затем, чтоб быть
Бичом литературы,

А так — порядок водворить.
Вот тут-то было б писку!
Пришлось бы многим прекратить
Журнальную подписку.

Я б их как ураган застиг
В открытом чистом поле,
Совсем бы не являлось книг
По месяцу и боле!

И я воскликнул бы, поправ
Их наглую свирепость:
«Узнайте мой ужасный нрав
И мощь мою и — крепость!»

Мать не нашла бы прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули бы в десять дней
Все книжные лавчонки!..

51

Вместо 185—190 Корректура

С богом в путь — и пощады не жди
Наше строгое небо не сжалится,
Только дождь перестал, погляди:
Снег лепешками крупными валится!»
Город вдруг опустел — и пора!

198—200

Чу, прощанья!.. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
Грусть-тоску мужики на лошадках сорвут.

53

Вместо 55—56 Автограф

Берегитесь! мы кстати расскажем
Как погибла певица одна
Видно слухи о золоте нашем
Соблазнили ее — и она
Не ошиблась; тщеславный Петрополь
[И ласкал и лелеял ее..]

После 80

[Те, которые, кушая в меру,
Вместо невской воды за столом
Попивают портвеин, мадеру
И кончают обед коньяком.
Словом, люди привычек солидных
Из хороших казенных квартир
Вдруг без всяких причин благовидных
Переходят в неведомый мир.

После 84 Каждый день то в театре, то в клубе
[Выбирает он жертв именитых,
В зрелых летах, в почтенных чинах,
[Видных] Чистых, гладеньких, толстеньких, сытых
Нападает и днем и впотьмах,
За обедом, за вистом, — и разом
Всё кончает, [кровавый мужик]
свирепый мясник!
У того отнимается разум
Тот мгновенно теряет язык,
Тот калекой останется вечно
А иной поражен наповал...
(Ты названье убийцы, конечно,
Друг-читатель, давно угадал).

Страшен он! Полицейские меры
С ним бессильны. Есть средство одно
Вместо крепкой ост-индской мадеры
Пей бордосское. Это вино
Не сгущает так крови. А впрочем
Из чего мы [так много] с тобою хлопочем?
Умереть от удара легко
Умирать же когда-нибудь надо.]

После 92 [За игрой у полковника Войта
Вдруг [Геннадий Ильич] Попов-прокурор заморгал,
И пятнадцатый козырь какой-то
Помутившимся взорам предстал]

54

9—12 Автограф [В центре города пищи для глаза
Больше: улицы, зданья, мосты —
Всё зимой при сиянии газа
Получает печать [чистоты].

27—34 [Это мусор зловонный, дымящийся
И над ним по ночам огонек
Одиноко блестит как светящийся
В чистом поле ночной червячок.]

Берегись! .. [Пусты улицы, лавки,
Нет людей, не с кем слова сказать,
Всюду ломка, постройки, поправки,
Скучно жить, невозможно дышать!]

После 70 [Между зданий где роскошь и сила
Водрузили знамена свои,
Та Нева, что войною ходила
Гордый город! на стогна твои.]

После 142 [Достохвально пожары тушить,
Но зачем же прохожих давить?]

147—154 [Между тем, как народ] толковал,
Где пожар и причина какая?
[Вновь на Думе явился] сигнал,
И промчалась команда другая!
[В скором времени, в разных] местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
[Невский вдруг опустел. Пеший люд] впопыхах
Разбежался по улицам разным.

56

Вместо 1—8 Автограф [Из игорной, где шумно и душно,
Перешли мы в газетную. Тут
Журналистике русской радушно
Клуб устроил комфортный приют.]

Вместо 49—54 [У меня есть приятель (без меры
Он в французские книги влюблен
Чтоб своей не испортить карьеры
Он скрывает свой ум, но умен)
Мы однажды с ним весело пили
И он вдруг мне сказал от души:
«Мне вчера ваши вирши хвалили,
И должно быть они хороши».
(Я, надеюсь, того не обижу,
Чьи слова привожу?) «Почему?»
— «Потому, что я их ненавижу!
Мрак и стон! Ну, скажите, к чему]
Час досуга, за утренним чаем
[Я испорчу бесплодной] тоской?

После 72 [Если есть исключенья позорные
Ты же ими гнушаешься, друг!

Пусть взойдут семена животворные
Честной правды, Свободы, Наук...
Ну, достаточно! ..]

130—131 [Говоришь: двадцать три мужика
Захворали... обман и коварство!]

Вместо 147—150 [Он до ужаса гадок. Таскает
Пробки, карты домой, если вы
Не доели куска — доедает.
Презирают его, но, увы!
В день играя три партии] виста,
Он [находит товарищей в вист]

«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
[Да! Но сам-то уж очень нечист! . .]

151—154 [Но сидит среди праздных местечек
У стола перед кипой газет,
Постоянно один человечек
[Он мизерен [невзрачен] тщедушен и сед]
Желт как мумия, крови в нем нет.

180—182 И [Дарвина] в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
[Бокля] выше небес вознесли

248—250 Мне одна [поэтесса дала]
В маскараде... но бабу-нахалку
[Не удержишь... давно умерла]

283—286 [Нет, пред ними я право не грешен,
Я карманы их свято берег! . .»
(Заключением этим утешен,
Улыбнулся я старцу как мог)]

294—296 [Всё по-своему хочет решать,
Что отцу его было святыней,
В то дерзает он грязью кидать.]

Вместо 310—311 [На Васильевский прочу его
Убеждаю: «По многим причинам
Не мешает туда поступить,
Можешь выйти с порядочным чином
Да и высших наук прихватить!»
Даже — льщу! Но успею едва ли!]

57

Вместо 46—49 Автограф, наборная рукопись
Что с публикой шутить нечестно,
Что с ложью явною такой
Искусство вовсе несовместно,
При том же и соблазн большой.

49—51 Автограф При том же и пример дурной.
Чтоб были ловки, живы, гибки,
Всех научил маршировать

Вместо 72—76 Наборная рукопись
[Два дня, две ночи молчаливо
Кисель по комнате бродил
Крутя усы, — и справедливо
Как муж разумный рассудил]

79—80 [Нет! красотой балетных гурий
Пленяться больше не хочу.]

Вместо 85—90 [Чтобы седин не обесславить,
Чтобы небес не раздражить,
Решился я театр оставить
И в благомыслии дожить!»
Мысль эту изложив яснее,
Кисель вручил секретарю,
Чтобы переписал крупнее
Для представления царю.
Смутился секретарь; печали
Не мог ни скрыть, ни превозмочь!]

Вместо 104—112 [А так за умным и беспечным
Пойдет и честный наконец.
Всех гонит дума роковая:
Ну как один останусь я?
А у меня жена больная,
Большая, малая семья]

114—116 [Прогонит — по миру пойдем!..
И с хлебом-солью выступая,
Явились все пред Киселем...]

117—119 [Впереди три вдовицы преклонные,
Ветераны, беззубые, сонные,
Старцы, женщины еле ползущие]

Вместо 126—132 *а* [Куаферов, портных, маляров!
А потом представители пения,
А потом легкокрылый балет;]

Вместо 127—129 *б* [С надлежащим количеством вдов
И со всем многочисленным штабом:
С сиротами беспечными
Горемыки увечные]

135—138 [Выступая в хвосте депутации,
Окружили вельможу толпой
И, исполнены девственной грации,
На начальника смотрят с мольбой...]

Вместо 144—152 [Что даже приношу я вред,
Но вами я обезоружен!
Не плачьте ж, милые друзья,
Противустать я мог бы ядрам,
Но вам, о дети! никогда!]

Вместо 21—24 Автограф

[Мимо первые кресла! Не худо
Нам однако слегка набросать
Общий очерк балетного люда.
Безошибочно можно сказать
Здесь всё люди хорошего тона]

Вместо 53—54

— В молодом поколении фатство,
В пожилом, если правду сказать, —
Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и [лени] злобы печать!

Соглашаюсь: ответ остроумный
(Я в антракте вопрос предложил
На решение публики шумной —
И тогда же ответ получил),
Но решенье точнейшее нужно
Муза! дай [долгожданный], если можешь, — ответ.

76—80

Невозможне[й назад] получить
Генерал-губернатор [Суворо]---в,
Подрывая последний кредит
Не щадит никаких договоров,
Никаких векселей не щадит.

Вместо 87—98

[Охраняй же — о, друг произвола!
Нас и впредь! Сам тюрьмы я боюсь...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз]

131—134

а [Кто-нибудь «миллиарды в тумане»
Там покажет тебе, может быть,
Ничего не прибудет в кармане
Да не может зато и убыть...]

б [Там увидишь «мильярды в тумане»
А вернее того: сбережешь
Занятые рублишки в кармане...
Не обидно ли? В ласку войдешь]

После 258

[[Забыть бы мог и голод,
Но здесь голодных нет,
В балете всякий молод
На полчаса поэт.]

Сближает все сословья
Мирит врагов балет
Житейские условья
О них помину нет!

Кто тысячи бросает
Кто шляется пешком,
Балет соединяет
В стремлении одном]

После 310

[Смейся, хлопай, покрикивай с нами!
Глупо злиться на этих людей:
Легче сердце их тронуть ногами,
Чем суровою песнью твоей!]

После 318

[Бедный край, помертвелый с морозов,
Ряд бревенчатых изб по местам,
И ползущих скрипучих обозов
Вереницы по снежным степям.]

После 373

[Отчего тяжело? Где же кладь?
Есть она — да ее не видать, —
Есть она — да укладисто горе! . .]

66

25—28
Автограф

Вот он тебя читает
Сначала как отец
Умеренно марает,
Где строчку, где столбец.

Вместо
85—111

[Да не равны заботы
Не спи, не доедай
Ослепни от работы,
Но время наверстай.

Теперь с свободой слова
Тра-ла-ла-ла-ла-ла!
Не так уж бестолково
Пойдут у нас дела! . .

Хор

Рабочему порядок
В труде всего важней
И лишний рубль не сладок
Когда не спишь ночей.

Как для кого другого
Тра-ла-ла-ла-ла-ла!
А нам, свобода слова,
Ты пользу принесла.

Все праздники, все ночи
Теперь мы будем спать
Работая сверх мочи

Не будем изнывать.
Да здравствует свобода!]

112—115

Теперь иные ночи
Мы можем и уснуть,
Работою сверх мочи
Не надрывая груды!

70

134—137

Мечется в праздных тревогах,
Горшей считая из бед,
Что на железных дорогах
Не продают уж газет.

73

Автограф ПД

КАК УБИТЬ ВЕЧЕР?

Сцены

<*Действие 1*>

⟨1⟩

Зимняя картина. Поляна, занесенная снегом, кое-где деревья и пни; впереди сплошной лес. По поляне к лесу, кто на лыжах, кто просто карабкаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек 100: мужики, бабы, мальчики и девочки; каждый и каждая с дубинкою, у некоторых мужиков ружья; по одежде все вместе напоминает толпу нищих. За народом тянутся цугом шестеро обыкновенных крестьянских дровнишек, запряженных тощими лошаденками. В первых дровнях: князь Сухарев[1] старик лет 60-ти, одет в охотничий костюм, сверху шуба, сбоку ружья в ящиках; во вторых: Остроухов, господин неопределенных лет, скорее старый, чем молодой; в третьих: Миша Воинов, молодой человек лет 30-ти; очень толстый, с двойным подбородком; в четвертых: Созонович, с совершенно лысой головой, круглым лицом, мягкими манерами. В остальных двух дровнях, по двое, егеря охотников. При них ящики с ружьями и корзины с съестными припасами. По приближении к лесу, где деревья становятся гуще и проезд делается невозможным, народ останавливается; дровни сворачивают несколько в сторону, так что лошади уходят в снег по брюхо и остаются неподвижными; господа выходят из дровней на протоптанный след; к князю Сухотину подбегает Созонович и подобострастно помогает ему выйти. Из толпы народа отделяются Сергей Макаров, мужик-окладчик, и молодой человек — лесничий Цуриков[2], устроивший охоту, — подходят к охотникам и молча кланяются.

Сухотин

Ну, всё готово? Не ушел медведь?

Сергей

Медведь в кругу.

Сухотин

А далеко до круга?

---

[1] Он же — Сухотин и Сабуров (см. ниже).

[2] В др. вариантах (см. ниже) этот персонаж именуется также Грушиным, Душиным и Лесничим.

Сергей

Не боле сажен триста.

Сух<отин>

Как же мы
Дотащимся туда, на лыжах, что ли?

Сергей

Народ пойдет покуда передом,
Дорогу обомнут — и так пройдете,
А уж потом придется сажен сто
До нумеров пройти на лыжах.

Сух<отин>

Ну!
Веди народ, да строго накажи,
Чтоб не шумели; кто заговорит
Или смеяться станет, мелом на спине
Ты крест тому, — увидит при расчете,
Что значит горло без резону драть!
Вишь, как галдят!

Лесничий

Покамест ничего,
А дальше мы их поведем без шуму.

Во время этого разговора Миша Воинов и Остроухов проходят вперед, к народу, который с любопытством осматривает господ.

Остр<оухов>[1]

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась,
Оборванных, унылых, испитых.
А между тем, как ближе подошел,
Так даже франтов вижу: вот сибирка
Суконная, вот городской бурнус.
Не сплошь больные, сумрачные лица,
С клеймом нужды и горя. Чудеса!
Картина эта такова, что тут
Гробам бы только двигаться уместно,
И воздух этот тифом напоен;
К нему одни болезненные стоны
Идут, да бред со скрежетом зубов.
И в бедности здесь спорит человек
С природой и решить не могут,
Она ли, он бедней. А между тем
И здесь не всё болезненные лица,
Довольные мы слышим голоса
И вольный смех! Я, право, удивлен.

---

[1] *Варианты монолога — см. стр. 531 наст. тома.*

О молодость! о сила! о здоровье!
Везде свое сумеете вы взять!

М и ш а

Отличный монолог и — несомненный.
Я это доказать берусь:
Когда б не этот дар неоцененный,
Давно бы обезлюдела вся Русь...

О с т р о у х о в

Ну право же — прекрасная картина!
Вон парень повалил бабенку в снег
И сам упал, барахтаются оба,
Хохочут, раскраснелись — хорошо!
А вон другой какой-то великан
Пустился к лесу без тропы-дороги,
Как лось, взрывая длинными ногами
Глубокий снег, бежит — и пыль под ним
Сверкающая облаком кружится.
Куда бежит он?

(Обращается к одной бабе.)

Б а б а

Видишь, впереди
Краснеется рябина, уцелели
На ней от лета ягоды, так их
Сорвать задумал, видно.

О с т р о у х<о в>

Что же, он
Попотчевать кого желает ими?

Б а б а

Вестимо, девку.

О с т р<о у х о в>

Не тебя ли?

Б а б а

Вот
Постой немного — сам увидишь.

Парень возвращается с сучьями, на которых видны гроздья рябины, опушенные снегом, и отдает их одной девке, посмазливее других.

О с т р<о у х о в>

Вижу...
Полакомится мерзлою рябиной
Красавица и парня наградит
При людях полновесной колотушкой,
А там в лесу даст тайный поцелуй.

(Декламирует)

«Как ярко поцелуй пылает на морозе,
Как дева русская свежа в пыли снегов!»

Миша

(хохочет)

Вот кстати применил стихи поэта! [1]
Помилуй — этот злополучный люд
Напомнил мне бежавших из больницы
Чернорабочих бледную толпу.
Ну где нашел ты свежесть, укажи?
Нет, даже осьмиградусный мороз
На эти лица не навел румянца.
Две-три бабенки покраснели, правда, —
И то помял их друг наш Осташев.
Уж он таков: любимая забава
С крестьянками возиться; будь дурна,
Как смертный грех, да только не мужчина, —
С него довольно.

Осташев

(выводя одну женщину из толпы)

Ну, ты мой адъютант. Бери же ружья,
Неси за мной, да только не кричи,
Как выбежит медведь.

<Женщина>

Не бойся, барин,
Не закричу, не испугайся сам!

⟨2⟩

<Сухарев>

(всматривается в толпу)

Старуха, эй, старуха! Покажись
Сюда поближе. Нет, не та, другая!
Другую мне — вон ту, что унырнула
В толпу!

Мужики выводят старуху.

Поди, любезная, сюда,
Поди, не бойся; как тебя зовут?

Старуха усиливается что-то говорить и вместо ответа мычит. Народ хохочет.

Немая...

---

[1] *Было:*

Ну, свежести особенной не видно,
Напротив — осьмиградусный мороз
И тот не вызвал признаков румянца
На эти лица — этот жалкий люд
Напомнил мне бежавших из больницы
Чернорабочих бледную толпу.

Голоса в народе

Да она немая! [1]

Сухарев

То-то!
Глядел я долго: шамкает губами
И рот кривит, а не выходит слов!
Немая! вы неисправимы, Душин:
Сам бог ее молчанию обрек,
А вы ее в кричане допустили!

Лесничий

Я не заметил... Нищенка, без хлеба...

Сух<арев>

Вы всё одно: то соли нет, то хлеба.
Ступай, ступай, любезная, домой!
(Потирает руки.)

Народ

Она мычать горазда. Замычит,
Так никакой медведь не улежит!

Послан<ник>

А зоркий глаз.

Сух<арев>

Уж я не прозеваю!

Оста<шев>

Доволен наш директор. На войне,
Перехватив с бумагами шпиона,
Так полководец радуется.

Миша

В пояс
Должны мы поклониться,
Копейки по три нам он сохранил...
А немец, немец чуть не прискочил
От радости, — ведь точно... шесть копеек
Ему бы лишних заплатить пришлось
За лишнюю загонщицу...

---

[1] *На полях вставлено:*

Немец

Немая? как, немая! mein Herr!

⟨3⟩

К толпе загонщиков, запыхавшись и отдуваясь, торопливо приближаются пять человек, пришедшие той же тропой, как и прежние.

О к л а д ч и к[1]

Уж поздно, братцы, барин приказал,
Чтоб больше никого не принимали.
Народ сосчитан.

М у ж<и к и>

Допусти, будь друг!

О к<л а д ч и к>

Не смею — строг; вы сами попросите.
Авось позволит.

М у ж<и к и>

Это, что ли, он?
Нас гонят, мы маленько опоздали,
Сейчас пришли — уж как бежали мы,
Вели принять нас, будь отец!

(Кланяются.)

<С у х о т и н>

Не надо![2]
Мы взяли, сколько нужно, и конец!

М у ж и к<и>

Да нас ведь звали. Мы, не будь охоты,
Дрова возить бы нанялись сегодня.

Б а р<и н>

Известье было с вечера дано,
Опаздывать не нужно было. Эй, лесничий!
Возьмите их...

М у ж и к и
(почесываются)

Эх! Э! Не ладно дело!

Б а р<и н>

Ну, ступайте!

---

[1] *Было:* Л е с н и ч и й
[2] *Было: а* Не надо!
Загонщиков у нас теперь довольно,
А то не будет этому конца!

б Не надо!
Эй, Кондырев! не брать, а <то> не будет
Конца весь день, всё станут прибывать!

М у ж<и к и>

Мы погорельцы, батюшка. Неделю
Тому назад сгорело; милость ваша
На бедность не пожалует ли нам?

(Протягивают руки.)

Б<а р и н>

Мы не затем приехали сюда,
Чтоб раздавать на бедность. Спрячьте руки!

(К посланнику)

Какой народ! Мороз невыносимый,
А он по локоть руку обнажил!

(К товарищам)

Уж было раз такое приключенье: [1]
Чувствительный какой-то господин
На бедность подал... Что же, господа?
Как на второй загон спешили мы,
Нас целый околоток осадил
На той тропе, где надо было ждать,
И на медведя опоздали мы.

Мужики, помявшись, уходят.

О д и н и з т о л п ы
(провожая их глазами)

Пошли ни с чем, сердечные, а жаль:
Они ведь точно погорели.

Д р у г о й

Только
Осталось три двора — и вся деревня
В них кое-как теперь от стужи жмется.

Т р е т и й

Эх! это не такие господа!
Вот были третьим годом. То-то баре!
Как и сегодня — только поплелись
Загонщики к окладу, — смотрим, скачет
Без шапки мужичонко и кричит:
«Деревня Голодуха загорелась!»
Как быть? деревни этой мужики
Упали в ноги господам: «Пустите!
Горит деревня наша!» Господа
Не только мужиков тех отпустили, —
А сами повернули на пожар
Со всей командой. То-то закипела

---

[1] *Было:* Пожалуйста, Кондратьев, не давай,
А то сойдется целый околоток.
Уж с нами был подобный случай раз.

Работа! заправляли господа,
А мужики в огонь погреться лезли.
Сто человек задули, как свечу,
Пожар в одну минуту: погорела
Одна изба, всё прочее спасли.
Зато уж как довольны были бабы!
Они в ногах валялись на снегу
У тех господ, им полы целовали.
Довольны были сами господа
И погорельцу помогли по силам.
Однако не отделался и зверь.
Мы на рысях вернулися к окладу.
Уж заполдень тревога началась;
Глубок был снег — медведица не шла,
Так мы пришли на самую берлогу
И ну ее! Почти что на хвосте
У ней сидели; как ни упиралась,
А на господ доставили!

<Сухотин>

Сочти народ — да нет ли тут мальчишек?
В глубокий снег с мальчишками — беда!
Замерзнуть могут!
Эй, не хоронися
За взрослыми! ты как сюда попал?

(Выводит из толпы мальчика лет осьми.)

Что это значит, господин лесничий?
Я говорил, чтобы детей не брать?

<Лесничий>

Он уж бывал в загонах, он проворен.
У них семья — годится им на соль...

<Сухотин>

Напрасно вы не слушаетесь старших.
Прошу вас мелочь отобрать, и с богом
Пускай идут домой!

(Выводят шесть мальчиков.) [1]

Мальчик

Оставьте нас,
Мы не боимся холоду и снегу,
Кричать мы будем громко... Не гоните!

---

[1] *Отдельный набросок:*
Заботится о соли для семьи,
А позабыл, что этот мальчик бедный
Замерзнуть мог — и в будущем
Семейство бы лишилось <...>

Б<арин>

Домой, домой! без вас есть крикуны!

Мальчики со слезами уходят.

Готово всё! Теперь на нумера.

Идут; впереди Грушин и окладчик, за ними народ. За народом посланник и Сухотин в сопровождении людей с ружьями; потом Остроухов и Миша, тоже в сопровождении камер<динера>; за ними Осташев, в сопровождении бабы, несущей его ружья. Шествие подвигается медленно.

Миша

Я, право, начинаю находить,
Что наше путешествие недурно.
Пока идет как должно всё: молчит
Суровый немец, верно, размышляя
О дикости российских мужиков
И радуясь, что наш директор важный,
Прогнав немую бабу, спас ему
Копеек шесть, и труся, между тем,
По мере приближения к медведю.
С бабенками гуторит Осташев
И водк<у> пьет. А Сух<арев> из роли
И здесь не вышел: нами предводя.
Нет, право, хорошо!
И дикая и новая картина!

Мы взяли сто семь человек —
Что было в деревне народу;
Не приняли только калек —
Не справиться с снегом уроду.
Те двести четырнадцать ног
Пред нами дорогу умяли,
Чтоб путь был до места легок,
Чтоб как-нибудь мы не упали.
Идем, заметает метель
Звериные тропы и лапки.
Навстречу то старая ель,
То пень в горностаевой шапке.
Средь этих степей снеговых,
Шагая походкой нетвердой,
В собольих боярках своих
И в муфтах с звериною мордой,
Похожи на древних бояр
Новейшие наши бояре.
Директор наш важен и стар,
Посланник важнее и старе,
Турист Остро́ухов сопит,
Как будто всходя на Везувий,
Труницкий стихами смешит.

Остроух<ов>

Но станет на рифме: «Везувий».

Миша

Да в самом деле станешь, черт возьми!
Проклятое словечко подвернулось.

Остроух<ов>

А молодец ты рифмы подбирать!

Миша

Как Пушкин, я сказать могу по праву,
Что рифмы запросто живут со мной... ха! ха!

Остр<оухов>

Вот как!

Миша

Ты слыхивал мои стихотворенья —
«Отец Савватий», «Свадьба», «Мильгофер»?

<Остроухов>

Слыхал, слыхал. Вот даже и теперь,
Припомнив их, чихнуть намереваюсь.
В носу крутит, как будто табаку
Крепчайшего понюхал я. Охота
Такую мерзость сочинять!

<Миша>

Ты, друг,
В искусстве ничего не понимаешь.
Талант — во всем талант. И Пушкин сам,
И Лермонтов немало сочинили
Таких стихов.

Остр<оухов>

Да Пушкин, кроме этих пустяков,
Оставил нам «Бориса Годунова»,
«Онегина», «Полтаву». Написал
И Лермонтов «Печорина» и «Мцыри».
А без того кто б помнил их теперь?
А ты с одним «Савватием» своим
Сбираешься предстать на суд потомства.
Хорош ты будешь...

Миша

Что делать, я писатель не для дам.
Серьезно я за славою поэта

И не гнался. Но есть и у меня
Серьезные труды.

Остр<оухов>

Не изысканья ль
О том, в каком году императрице
Екатерине прочитал Фонвизин
Великую комедию свою...

Миша

Ты суешься судить о том, чего
Не понимаешь.

Остр<оухов>

Может быть, но я
Одно наверно знаю: ничего
Не выдет из трудов твоих серьезных
И вообще — из самого тебя...

Миша

(хохочет)

Министром буду!

Остр<оухов>

Ну, едва ли! Впрочем,
Немудрено. Случалось видеть нам,
Что люди вовсе пошлые, пустые,[1]
Которые таскались по балам,
Которые барковщину слагали, —
Глубокими политиками стали![2]

(Помолчав)

Пустую жизнь ведете вы, друзья!
И хорошо вы делаете, впрочем:
Из вас людей не выйдет уж, увы![3]

Миша

Не ты бы говорил, не я бы слушал.

Остр<оухов>

Ну, я, мой друг, отпетая статья!
Ты извини за резкие сужденья,
Такой уж час пришел; природа эта,
До беспощадности суровая, меня
Расположила к правде; человеком
Я был когда-то в юности моей,
Я дело делал, *я умел трудиться.*

---

[1] *Было:* Что люди, проводившие свой век
В гостиных, в ресторанах, в бардаках
[2] *Было:* Администраторами стали!
[3] *Вариант диалога см. с. 531.*

О труд! ты всё; кто пренебрег трудом,
Когда-нибудь поплатится жестоко! ..

Вся процессия на минуту останавливается. Миша и Остроухов, поглядев вперед, замечают, что народ разделился на две партии. Одна половина пошла направо, другая налево, в совершенном безмолвии.

Сух<арев>

Теперь молчанье! мы пришли на круг,
На нумера идем. Смотрите, Душин,
Чтоб не шумел народ; кто слово скажет,
Кто кашлянет, вы мелом на спине
Черкните крест, ужо увидит,
Что значит без резону горло драть.

Господам подают лыжи, и они, беспрестанно соскакивая с лыж и проваливаясь в снег, поддерживаемые мужиками и лакеями, кое-как проходят сажен сто, предводительствуемые окладчиком.

Окладчик

(останавливаясь)

Здесь первый нумер.

Немец остается на указанном месте, при нем ставят его ружья и остается мужик с рогатиной. Тем же порядком ставят прочих. Люди обминают господам место. Сухареву стелят ковер и ставят складной стул. Немцу тоже. Расставив господ, окладчик уходит.

⟨4⟩

Саб<уров>

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

Посл<анник>

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитью заградил сам бог.

(Далее следует сцена 4 «Медвежьей охоты», с. 241 наст. тома, с незначительными изменениями.)

⟨5⟩

Другая часть леса в противуположной стороне.

Лесничий

Так. Девять лет скитанья по лесам
Мне даром не прошли. Я одичал,
Не только не приятны, мне противны
Все эти люди, шумною ордой
Нахлынувшие в наше захолустье
Стрелять медведей наших; на денек
Они собрались к нам, а притащили

Такой обоз, что можно круглый год
В степи бесплодной кочевать безбедно.
Ну что ж? Они богаты; нужны им
Удобства, роскошь — это всё понятно,
Но отчего ж я духом возмущен?
Все эти утонченные затеи:
Кровати, умывальники, ковры,
Бутылок строй, сервизы, несессеры,
И эти трехсаженные лакеи,
И повара в дурацких колпаках, —
Вся эта роскошь нарушает нагло
Привычный ход убогой этой жизни
И бедности святыню оскорбляет.
Той бедности, которая одна
Здесь царствовать привычку вековую
Усвоила и грозных прав своих
Сопернице минутной не уступит.
Жестка царица эта. Во сто крат
Она отмстит за сутки униженья,
Когда опять останется одна
И населенью бедному предстанет
В своей обычной строгой наготе...
Я знаю лес; я со скамейки школьной
Почти что прямо в лес попал; весной,
Снимая планы, составляя опись,
В такую глубь лесов я заходил,
Что иногда по месяцу случалось
Живого человека не встречать:
Так что же
Мудреного, что изучил я лес?
Я в нем провел почти две трети жизни.
Скажи, когда тебя я не видал,[1]
Дремучий лес! весенней ли порою
Иль в летний зной? иль осенью сырою,
Когда ты так богато населен,
Когда твое убранство так роскошно
И так непрочно? и заводишь ты
Утрат и скорби роковую песню?
Или, когда совсем уж обнажен,
Тоскливо ждешь ты зимнего покрова,
Шатаясь весь, точь-в-точь как человек,
Желающий согреться на морозе,
Или тогда, когда посеребрен,
Разубран снегом, при сияньи лунном
Стоишь ты бодро в мертвой тишине,
В той тишине морозной русской ночи,
Когда я, помню, думать был готов,
Что даже звуки замерзать способны.
Такой невероятной тишины
Зимой в лесу я помню впечатленье:

[1] *Варианты и наброски последующих стихов см. с. 536.*

Стоишь — уйти не хочется, сознанье
Теряется, что властен ты уйти.
В соседстве величавых, неподвижных
Дубов и сосен легкий звук, движенье
Казаться начинают святотатством,
И если вдруг, увидя страшный сон,
Взмахнет крылом проснувшаяся птица
И на другой опустится сучок,
Или береза скрыпнет, как старуха,
Что кашляет впросонках на печи, —
Я вздрагивал, как будто услыхав
Живые речи на глухом кладбище...
Я знаю лес, но общества не знаю,
Не знаю жизни, потому, конечно,
Мне дико поведение господ,
Приехавших сегодня на охоту.
Да, да! я совершенно одичал.
Иной причины нет и быть не может!
А всё же странно, что они так грубо
С народом обращаются; так явно
Презрение свое, высокомерье
Показывают бедным мужикам! [1]
С чего? пред кем? Нет, ошибаюсь я,
Тут нет высокомерья, нет презренья.
Тем хуже, если так — гораздо хуже!
Да, умысла тут никакого нет!
Им здесь народ необходим: медведя
Он им нашел, он обложил его,
Он им его в морозы караулил,
Он им к нему дорогу протоптал
И на своих голодных лошаденках

---

[1] *В более раннем наброске после этого стиха начато:*
Они умны, и нынче век не тот,
Чтоб хвастаться подобными чертами
В характере; газеты нам твердят,
Что <.. >

Отдельные наброски:

⟨1⟩

Не нравится мне также обращенье
С народом этих чопорных господ.
То правда: мужиков они не бьют

⟨2⟩

Умышленного нет высокомерья,
А просто расстоянье так велико,
Что нужны, может быть, десятки лет,
Чтобы наполнить бездну

Сюда привез их — и теперь пошел
В жестокий холод, по снегам глубоким
Медведя выставлять на них, и он же[1]
Поможет им отсюдова убраться.
(Ведь надобно сознаться, что уйди[2]
Теперь народ, так этим господам
Самим и до деревни не добраться:
Замерзнут, как подстреленные волки.)
Да, им народ здесь нужен. А меж тем
Они его трактуют так надменно
И норовят на гривну обсчитать
И жмутся от него, как от собаки,
Когда она, в болоте побывав,
Желанье отряхнуться обнаружит.

<Действие 2>

Квартира в городе Б-чах, очищенная жильцами на случай приезда охотников. Посередине роскошный накрытый стол, за которым помещаются охотники; у стены фортепьяно. Два дивана. Пообедав, охотники располагаются.

Остроухов

(садясь к фортепьяно, Мише)

Наш утренний горячий разговор
Напомнил мне забавные куплеты,
Которые когда-то я сложил
В минуту скуки; Глинка, наш приятель,
На музыку тогда их положил,
И часто мы от праздности их пели,
Хоть им названье «Похвала труду».
Не хочешь ли, я их тебе спою?

---

[1] *Начато:*

а Медведя выставлять на них. Они же,
Как боги всё приемля, не хотят
Почтить раба признательной улыбкой!
Не понимают — да, не понимают,
Не понимают человека в мужике!
Когда ж поймут...

б Медведя выставлять на них. Чего же
Кичиться там, где надо бы сказать:
Спасибо!

[2] *Отдельный набросок:*

Ну если так усилится мороз
И невтерпеж придется бед<ным> бабам
И мужикам — и все они уйдут, —
Ведь нашим господам в богатых шубах
Совсем не дотащиться до села:
Замерзнут, как подстреленные волки

и т. д. до ст. «Желанье отряхнуться обнаружит».

Миша

Пой, сделай одолженье.

Сух<отин>

Пойте, пойте!

Остроух<ов>

(поет)

Кто хочет сделаться глупцом,

и т. д., см. с. 250 наст. тома.

Миша

Отличные куплеты!

Сух<отин>

Браво, браво!
А что всего странней, что их сложил
Ленивейший, бездеятельный трутень,
Вот, признаюсь, никак не ожидал,
Чтоб вы избрать могли такую тему
И так серьезно выполнить ее.

Остр<оухов>

Что есть у нас, мы тем не дорожим,
Того нередко мы не замечаем,
Чего в нас нет — того желаем мы,
И нам желанье ярче представляет
Предмета недоступного черты.
Вот почему, я думаю, удачно
Сложил я эту песню. Ну, теперь
Спой, Миша, нам фривольную балладу,
Которую ты давеча читал.

Миша

Я не умею петь.

Сух<отин>

Ну, так прочтите!
Серьезные стихи нам не под лéта,
Да и поэтов нет теперь таких.
Но, признаюсь, скоромные стихи
Без всяких умолчаний, без цензуры
Люблю прослушать!

Миша декламирует с пафосом и с наслаждением довольно длинное стихотворение. Чтение прерывается одобрениями и хохотом.

Сух<отин>

У вас талант, решительный талант!
Не знал за вами я подобной прыти.
Ну, поздравляю! Нет, я не шучу!
Баллада ваша, я вас уверяю,

Переживет всю эту дребедень,
Которую теперь поэты наши
Серьезно выдают нам за стихи.

Миша

Благодарю, мне очень лестно слышать.
На эти вирши я употребил
Не больше часа, если б постараться...

Остр<оухов>

Вот то-то: *если б!* У тебя ресурс
От праздности, от скуки, от унынья,
Какому позавидовать не грех,
А ты его забросил! Если утром
Я резко, даже дерзко говорил,
Что ты ленив, что занят пустяками,
Так, верь, меня досада подстрекала,
Что человек с таким талантом...

Входит лакей.

Лакей
(к Сух<отину>)

Вас
Желает видеть здешняя мещанка
Тарусина.

Сух<отин>

Любезный мой Максим,
Ужели сам не мог ты догадаться:
Я здесь не принимаю никого,
Устали мы, вставать нам завтра рано,
И нам не до того, чтоб принимать
Каких-нибудь уездных попрошаек.

Лакей медлит.

Ну что ж? иди, скажи ей так...

Лакей

Она
На попрошайку непохожа... Этак...
Лет двадцати.

Сух<отин>
(поспешно)

И хороша собой?

Лакей

По-моему, красавица такая,
Каких я в Петербурге не видал.

Сух<отин>

(быстро вскакивает и подбегает к зеркалу, снимает колпак и надевает парик)

Проси, проси! Постой минуту. Я
Сниму халат...

Миша

Ну, это будет слишком.
У вас халат — он очень к вам идет, —
В таком халате можно принимать
И герцогинь, конечно, не в салоне,
Но здесь у нас скорее будуар,
Разложены походные кровати...

Сух<отин> [1]

Нет, в самом деле я не безобразен
В халате?

Остр<оухов>

Нет!

Сух<отин>

Проси же! да смотри,
Когда ты нам уродину покажешь...

Лакей

Увидите!

Миша

Посмотрим вкус Максима!

Лакей уходит и через минуту входит с Тарусиной, показывая ей Сухотина, к которому она и подходит.

Тарусина

(красивая и стройная девушка)

Простите, если беспокою вас,
Я случай упустить не захотела,
Которого, быть может, в десять лет
Опять не будет.

Сух<отин>

Чем могу служить?
Прошу садиться.

---

[1] *Было:*

Сух<отин>

Нет, в самом деле мой халат ко мне
Идет?

Остр<оухов>

Идет.

Тар<усина>

Нет, не беспокойтесь.
Я слышала, вы важный господин,
У вас большая власть, вам все знакомы,
Вы можете один меня спасти...

Сух<отин>

Спасти... Я рад... приказывайте смело...
Что сделать я могу для вас, скажите?

Миша
(тихо Остр<оухову>)

Директор наш уж таять начинает.

Остр<оухов>
(так же тихо)

Не то чтоб он растаял, он скорее
Раскис...

Сух<отин>

Что, господа?

Миша
(громко)

Я нахожу,
Что у Максима вкус весьма недурен...

Тарус<ина>

Вы можете меня определить
К театру...

Сух<отин>

Не начальник я театра,
Но связи есть. А впрочем, прежде знать
Необходимо, есть ли дарованье?

Тар<усина>

Не знаю, есть ли у меня талант,
Но страсть такая, что и сплю и вижу
Себя на сцене; дольше выносить <...>

Сух<отин>

Призванье, страсть — хорошие залоги,
Но есть еще условий очень много.
Вы здесь, в провинциальном городке,
Я думаю, актера не видали
Изрядного; имеете ли вы
Понятие об изученьи роли?
К какому амплуа вы полагаете
Себя способней?

Тар<усина>

Пробовала я
Себя во многом, но самой мне трудно
Определить, к чему способна я...

Сух<отин>

Однако, значит, вы же находили
Какие-нибудь средства изучать
Искусство ваше здесь?

Тар<усина>

Да, я училась...
Учусь я день и ночь.

Сух<отин>

Но у кого же?

Тар<усина>

У матери моей.

Сух<отин>

Она вас учит?

Тар<усина>

Она была актрисой, но меня
Она не учит; нет, она, напротив,
Мне это запрещает, находя,
Что это очень горькое искусство.

Сух<отин>

Не понимаю, как же можно вам
У ней учиться при таких условьях?

Тар<усина>

Она давно покинула театр,
Но им она и посегодня бредит.
У ней такая память, что она
Свои все роли помнит, и когда
Я лягу спать, или когда она
В прошедшее свое так погрузится,
Что ничего не помнит вкруг себя,
Она тогда все роли повторяет
Тех героинь, которых представляла.
На цыпочках я к двери подхожу,
Дыханье притаив, — и изучаю...

Сух<отин>

Особенная школа, признаюсь!
Я думаю, в такой мудреной школе,
В таких условьях, ни один артист
Не изучал искусства.

Тар<усина>

Я, за нею
Все роли повторяя, наконец
Их твердо заучила наизусть.
А впрочем, есть и несколько тетрадок,
Которые успела я спасти,
Когда она однажды, проклиная
Театр, их в печь бросала и клялась,
Что дочь ее актрисой никогда
Не будет.

Сух<отин>

Это дикое упрямство,
Конечно, вы пытались превозмочь?

Тар<усина>

Однажды после долгих убеждений,
Которые плода не принесли,
Взволнована, лишенная надежды
И горем побежденная, в реку
Я бросилась; спасла меня старуха,
Но тут же объявила, что скорей
Меня увидит мертвой, чем на сцену
Отпустит...

Сух<отин>

Как же вы хотите
Ослушаться старухи?

Тар<усина>

Я пришла
Просить вас, чтобы вы поговорили
С моей старухой; может быть, она
Послушается ваших убеждений,
А если нет, я всё равно уйду...
Скажите, вы хотите мне помочь?

Сух<отин>

Готов, готов, но прежде, повторяю,
Я должен знать, что есть у вас талант.
Не можете ли что-нибудь сыграть
Или пропеть. Быть может, вы поете?
Всего бы лучше. Кстати есть у нас
И фортепьяно: случай нам послал
Удобную квартиру; мы уж пели
Немного сами: сносный инструмент...

Тар<усина>

Теперь не расположена я петь,
Но вы не будьте строги. Я готова
Вам песню спеть, которую певала
Я матери моей, когда еще надежда

Во мне была, что можно убедить
Упрямую несчастную старуху.

(Садится к роялю и поет.)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!

и проч., см. с. 251 наст. тома

С первого куплета Миша и Остроухов, игравшие в пикет, приближаются к роялю. Все слушают с напряженным вниманием и по окончании остаются несколько минут в молчании, пораженные.

Все

Отлично! бесподобно! браво! браво!

Миша

И чудные слова — где вы их взяли?

Тар<усина>

Понравилась мне музыка одна,
Но к ней слова не шли, по крайней мере
Я не могла их петь, как мне хотелось,
И стала я по нотам подбирать
Слова другие, — так сложилась песня.

Остр<оухов>

С огромным чувством спели вы ее.

Тар<усина>

В ней вся моя история.
Родилась я, как мать была актрисой...

Ранняя редакция сцены 1

<Сухотин>

В охоте, господа, всего важней
Порядок — вы назначили меня
Директором сегодняшней охоты,
Прошу повиноваться не шутя
Моим распоряженьям. Бросим жребий,
Кому которым нумером стоять.
Дай шапку мне, Ханжевич.

(Кладет в шапку несколько билетиков)

Выбирайте,
Барон, прошу покорно.

Барон
(берет)

Нумер первый.

Миша

(берет)

Я третий.

Остр<оухов>

Я четвертый.

Сухо<тин>

Я второй.

Осташев

Я, значит, пятый и последний.

Сухо<тин>

Грушин!

Лесничий подходит.

Прошу вас за народом присмотреть,
Чтоб не шумели, к кругу подходя,
И верно цепь держали. Очень рад,
Что вы случились тут. Вы местный житель.
Вы знаете охоту. Присмотрите,
Чтоб не было мальчишек мелких. Глупо
Опасности их подвергать; притом
Они и пользы принести не могут.

(К Остроух<ову> и проч. охотникам)

А вас прошу не бегать с нумеров
Друг к другу, не закуривать сигар,
Мест не менять, за цепь не выдвигаться
И метко, разумеется, стрелять.
Хан<ж>евич, можешь ты при мне остаться,
А вы подвиньтесь за последний нумер.

Осташев

Какой чудак! он вздумал нас учить.
Серьезно в роль директора он входит...
Мне нужно адъютанта отыскать.

(Уходит к народу.)

Миша

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась
Оборванных, унылых, испитых.
Посмотрим ближе.

(Подходит к народу вместе с Остроуховым.)

Осташев уж тут,
Уж он с прекрасным полом балагурит!

Остроухов

(оглядывая народ)

Варианты к монологу Остроухова (с. 509)

Миша

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась
Оборванных, унылых, испитых,
А между тем, как ближе подошел, —
Не всё тут бедно, даже франты есть:
Вот синяя сибирка, вот бурнус
Из плису. А всего чудней —
Не все тут лица бледные, худые,
Не всё один унылый колорит!

Остроухов

а Где есть здоровье, молодость и сила,
Там жизнь свое возьмет наперекор всему

б О молодость! о сила! о здоровье!
Вы всё для нас, без вас мы ничего!
Картина эта такова, что тут
и т. д.

в Да, правда, здесь не всё умерщвлено.
Я ждал чего-то хуже поначалу.
Картина эта такова, что тут
и т. д.

Варианты диалога Миши и Остроухова[1] *(с. 513)*

После ст. «И хорошо вы делаете, впрочем» следовало:

Из вас людей не выйдет уж, увы![2]
Твое несчастье моему подобно:

---

[1] *Отдельный набросок к диалогу:*

<Миша>

Я был всегда за крепостное право.
Против свободы я протестовал.

<Остроухов>

Тем хуже для тебя. Я говорил,
Что мы еще не люди, не граждане.
а На векселе подписывая свой
Почетный титул — лжешь

б Встречая на конверте громкий титул,
Краснеть ты должен

[2] *Начато:*

а Из вас людей не выйдет уж, увы!
Твое несчастье моему подобно —
Мы в корне, в корне все развращены.

б Из вас людей не выйдет уж, хоть вы
Гражданами себя вообразили. . .

Ты папенькин сынок — вот вся беда.
Ребенком ты записан в клуб, на службу.
Ты, кажется, теперь уж генерал
И носишь этот чин самодовольно,
А между тем: не сам ли ты твердишь,
Что было дурно крепостное право?
Не крепостник — не значит человек.

Миша

Я был всегда за крепостное право.
Против свободы я протестовал.

Остр<оухов>

Тем хуже для <тебя>. А я веду,
Веду к тому, что это генеральство
Ты также не по праву получил.
    Входя в кружок друзей,
Где чествуют тебя как генерала,
Встречая на конверте титул свой,
Краснеть ты должен, — ежели случится
На деловой бумаге расписаться,
На векселе — что делаешь ты? лжешь!

<Миша>

                    Одно тут понял я,
Что ты себя считаешь человеком,
И возражу твоими же словами:
Не генерал — не значит человек!
и т. д.

Отдельные наброски к диалогу Миши и Остроухова (ПД)

⟨1⟩

<Миша>

А разве лучше ты живешь?
Сначала в крайности вдавался,
Под старость разочаровался
Или вернее: испугался
И даром русский хлеб жуешь.

<Остроухов>

Положим, разочаровался,
Положим даже, испугался,
    Как говоришь ты, я
И проведу остаток дней без дела <...>

‹2›

<Остроухов>

Я жизнью не хвалюсь моею.[1]
Ты знаешь — тягощусь я ею.
Мне ненавистна роль моя.
Но что же делать буду я? —
Там слишком молодо, там гнило.
Не тянет просто никуда,
А дни уходят, гибнет сила...
Нет веры, знаешь...

<Миша>

Так всегда
Мы маскируем апатию.
Однако любишь ты Россию?

<Остроухов>

Когда б ее я не любил,
Давно б я за границей жил.

‹3›

<Миша>

Ты, кажется, в Европе одичал!
Чего ж ты ждал? Что здесь ты думал встретить?
У нас есть шаркуны,
кутилы,
умеющие петь романсы
дилетанты музыки,
акробаты и эквилибристы служебные.
Какие мы могли развить в себе таланты,
Такие и развили —
Начинают появляться
новые судьи,
адвокаты

---

[1] *К этому же тексту относятся отдельные фрагменты:*

1) А жизнь уходит, гибнет сила,
Там слишком молодо, там гнило,
Куда пристать?..

2) Не спорю я, бездействие томит,
Да дела я себе не вижу...

⟨4⟩

Не то что правду ненавидят,
Не то чтоб послужить желали сатане —
Готовы [быть] на честной стороне,
Да честной стороны не видят.

⟨5⟩

А впрочем, ум последняя статья:
Как мало мы закон ни уважаем, —
У нас неуважение к уму
Сильней неуважения к закону...

⟨6⟩

Совсем не подлость, милый мой, —
Неведенье, безмыслие, рутина

⟨7⟩

Русское добродушие, русская готовность подчиниться ярму — и проч.

⟨8⟩

На этом держится секрет,
Что люди ловкие владеют
нашим мненьем

⟨9⟩

<М и ш а>

Ужели ни в ком из тех,
Которые в последние года
Вели реформы, в чем-нибудь успели,
Не признаешь ты честного труда
И бескорыстной цели?

⟨10⟩

<М и ш а>

Поверь мне, друг мой, слейся с нами,
Расставшись с крайними мечтами,
С пр<авительством?> иди рука с рукой.
Хорошие нам люди нужны.
С тобою N и <...> дружны.

Они тебя выведут как раз туда,
Где ты можешь быть полезен [1]

⟨11⟩

<Миша>

Как ты ни строг,
Прогресса ты не отвергаешь.
Кому ж им Русь обязана? Ты знаешь

⟨12⟩

<Остроухов>

Нет, вы не подлецы, нет, вы не идиоты, [2]
Но вы плохие патриоты.
Чтоб быть хорошими людьми,
Безделицы вам не хватает:
Считайте кровными детьми
Народ

⟨13⟩

<Остроухов>

Я пробовал — не вышло ничего.
Прок выйти мог, да не желанный!
Люблю я мужика, хочу любить его,
Но рядом с ним какой-то холод странный.
Страшно, что втянешься

— Делай добро около себя

— Я делаю: когда вижу голодного — даю ему хлеб, больного лечу; я не из тех, которые говорят, что подавать нищему грош значит посягать на общественную нравственность; а брать у нищего последний грош — не значит посягать на об<щественную> нр<авственность>, как вы думаете, господа?

---

[1] *Этот набросок существует и в другом варианте:*

Послушай — слейся с нами.
Нельзя же век идти с задорной молодежью,
Хватающей чрез край.
Я пользы в ней не отрицаю.
Но сознайся — что сделано,
То сделано нами

[2] *Вариант наброска:*

Нет, вы не дураки, не идиоты,
Но вы плохие патриоты.
В вас нет ни веры, ни любви.
Зачем проклятые интриги,
Пожалуй, втянешься

Пускай тебе много интриг встретится, что-нибудь сделаешь; теперь уже есть в России общ<ественное> мнение.

— Пож<алуйста>, не гов<ори>

Далее, очевидно, следовали ст. 161 и сл. (см. с. 239 настоящего тома).

⟨14⟩

Набросок, опубликованный К. Чуковским (ПСС, т. 2, с. 578)

...Странная эпоха!
Теперь себя по нитке разобрать
Умеет каждый. Но одно тут плохо,
Что безобразья те же продолжать
Сознанье нам не может помешать.

Варианты и наброски к монологу лесничего (ПД), с. 519

⟨1⟩

Дремучий лес! сроднился я с тобой,
Изда́вна мы друг другу не чужие,
Век буду помнить сумерки лесные
И зимней ночи мертвенный покой!
Когда б я мог живого человека
Так изучить, как изучил я лес,
Я сделался б мудрейшим человеком,
И странно было б леса мне не знать —
Как зверь, провел я в нем две трети жизни.
Скажи, когда тебя я не видал
Дремучий лес, весенней ли порой,
Иль в летний зной, иль осенью сырой,
Когда твое убранство так богато
И так непрочно — и выводишь ты
Утрат и скорби роковую песню
и. т. д. (до конца монолога)

⟨2⟩

Из школы, прямо со скамейки школьной
Попал я в лес. Случалось мне весной.
Снимая планы, опись составляя,
По месяцу живать в бору дремучем,
И хорошо я изучил леса.

⟨3⟩

Скажи, когда меня ты не видал
Своим всегдашним дружелюбным гостем? [1]

---

[1] *Далее вычеркнуто.*

Тогда ли, как веселая весна
Тебя рядила в новые одежды
И целый день ты радостен стоял
И весь доступен сол<нцу>

Весною ли, когда ты оживал,
От зимних холодов отогреваясь,
И, весь доступен солнечным лучам,
День ликовал, а ночью забывался
В какой-то мимолетной светлой грусти?
Я знаю лес, но общества не знаю

и т. д.

⟨4⟩

Я знаю обитателей лесных.
Когда заря готова загореться
И первых птичек полусонный лепет
Проносится — еще невнятно, мягко,
Как шум дождя по листьям молодым, —
Могу я отличить любую птичку;
По бегу отличаю я зверей,
По голосу могу определить,
Добычу ли желая подманить
Иль, просто тешась, то свистит лисица
По-заячьи, то хрюкнет барсуком.
И волчий голос: вовсе не похожи
Волк, с лаем догоняющий добычу,
Товарищей зовущий на грабеж
И лающий зимою на луну. [1]
Ему бы позавидовал актер,
Играющий на сцене Уголино.
Не на луну он лает; он с упреком
Глядит на небо, жалуясь ему
На лютый голод, на зиму лихую.

Зачеркнутый фрагмент ранней редакции диалога Миши и Остроухова (ЛБ):

Миша

Не так я глуп, чтоб самому не знать,
Чего во мне недостает, мой милый,
А ты не так умен, чтобы понять,
Что все-таки чего-нибудь я стою.

---

[1] *Вместо: «И волчий голос: вовсе не похожи» и след. трех стихов было:*

У волка есть три голоса; одним
Он манит самку, есть другой, зловещий —
Товарищей сзывая на грабеж,
И третий, — этот стон невыносимый
Почти не умолкает по зимам
У нас в лесах: он сердце надрывает.
Не страх, не опасение — в груди
Совсем иное чувство шевелится.

Когда во мне ты что-нибудь признал
Хорошее — я тем себе обязан,
В моих же недостатках виновата
История!

О с т р<о у х о в>

Ты далеко хватил!

М и ш а

Дай досказать! не суйся с пустяками!

О с т р<о у х о в>

Ну, говори! да говори стихами!

М и ш а

Изволь, изволь — и не собьюсь, поверь!
Далеко ль, приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»

(Далее следуют ст. 264—274)

Припомни-ка то время золотое,
Которого исчадье мы прямое

(Далее следует ст. 307 и след.)

После 216 Когда писатель наш любимый [1]
Внезапно глупость сочинит,
Когда администратор чтимый
Свихнется — злу понаровит, —
Как мы стремительно и смело
Бросаем грязью в них тогда —
Подставить ногу — наше дело,
Помочь подняться — никогда!
Не содрогнется ни в едином
Душа пред мыслию простой,

---

[1] *Отдельный набросок (ПД)*

Администратор оступился,
Писатель глупость сочинил —
Ура! весь город оживился,
Как будто праздник наступил!
Подставить ногу наше дело,
Помочь подняться — никогда <...>
Прошел паденья миг позорный и он <...>
Весь пыткой нравственной измятый,
Уже опять с своим пером,
Как землекоп с своей лопатой
Перед мучительным трудом, —
Он снова музу призывает

Что меньше честным гражданином,
Что меньше умной головой![1]
Нет, словно праздник нам утрата...
Понять бы можно как-нибудь,
Что ради случаю лягнуть
Собраты падшего собрата...
Но ты, о публика моя,
Чему ты рада?..

Миша

Знаю! я
Со многим, что ты говорил,
Согласен, хоть оно и строго,
Но ты историю забыл, —
Припомни, рассуди немного
И ты утешишься, поверь

Фрагмент ранней редакции 3-й сцены

Миша

Пришел я к крайнему пределу.
Я тверд по мере сил: служить
Не стану я дурному делу,
За добрым рад не есть не пить,

Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом, —

Увы! вошло в мою натуру!
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Всех николаевских годов.

На всех, рожденных в 25-м
Году — и около того —
Отяготел жестокий фатум,
Не выйти нам из-под него.

Как быть! счастливые условья
Меня от многого спасли,
Но годы робкого безмолвья
Свой плод печальный принесли!

---

[1] *Далее следовало:*

Мы торжествуем непритворно...
А почему? Прошу покорно
Узнать! писатель бедный мой,
Быть может, ты в труде, как в друге,
Искал спасения в недуге —
В душевной буре роковой

Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу,
Но гибнуть жертвой убежденья
Я не хочу — и не смогу!..

Не будет ли? Согласен ты со мною,
Что все-таки чего-нибудь я стою?
Конечно, я безгрешен не совсем:
Я числился, я получал оклады —
Но у меня теперь другие взгляды,
Энергия такая между тем...
Ведь если ты таких, как я, бракуешь,
Откуда же людей ты навербуешь,
Чтоб новые порядки водворять?
Мы все такие — лучше негде взять!

Остр<оухов>

А те, что в стороне стояли?

Миша

Идеалисты? Те пропали![1]
Да! одного я встретил! Пылок, чист,
Каким он был — таким остался,
Но Бахусу отчаянно предался

(Далее следуют ст. 382—391 с незначительными изменениями.)

Но я ему сказал бы: погоди!
Сообрази то время роковое,
По-новому о прошлом не суди.
Ты начало весеннею порою,
При блеске солнца, хоть с грозою
Потом и встретилось по прихоти судьбы,
А мы — припомни! нужен гений,
Чтоб после стольких впечатлений
Остаться годным для борьбы!..

---

[1] *После этого ст. вычеркнуто:*

Есть, правда, есть и прежние бойцы,
Но как они одрябли, устарели!
У них другой не замечаю цели,
Как пошуметь, на это молодцы!
Расходятся — удерживай за полы!
Там гниль, там дрянь, то ложь, а это вздор —
Ну, словом, есть и смелость, и задор,
А в сущности, холопство высшей школы!
Другие явно предали: душой
Преобразились в диких ретроградов,
Я б мог назвать презренных этих гадов,
Но умолчу. По трусости иной,
Иной по самолюбью замарался,
Иной как был, так и остался чист,
Но Бахусу отчаянно предался

и т. д.

(Далее следуют ст. 395—402)

Остр<оухов>

А молодежь?

Миша

О ней когда-нибудь.
Мы, кажется, окончили наш путь...

Лесничий
(подходя)

На нумера извольте становиться —
Вам здесь, вам тут. Теперь нельзя курить,
И громко говорить здесь не годится.

(Ставит охотников на №№, в расстоянии 60—70 шагов друг от друга.)

Миша

Что ж можно?
Можно водку пить.

Отдельный набросок к сцене 4 (?) (ПД)

Сказать вам откровенно,
Не друг я нынешних реформ.
Да! Будь дворянство просвещенно,
А для народа — был бы корм!
И разве прежде хуже было!
Вот, например, солдат у нас

Фрагмент ранней редакции диалога Миши и Пальцова (Остроухова) (ЛБ)

Остр<оухов>

Наговорил бог весть к чему
С три короба, а свел к тому —
Что вы не бьете по сусалам!

Миша

Умей довольствоваться малым.
Поспешность, говорят, недуг,
Кто хочет скоро — тот мечтатель,
«Нельзя же вдруг», — сказал один писатель,
Всё чередой придет, поверь,
Далеко ль, приведи-ка в ясность,
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами
и проч., см. прод.

(см. ст. 266 и след.)

Вместо 334—336

Его тогда судили слишком строго,
И я теперь лишь начал понимать,
Как был он чист, как он далеко видел,
Как честно, хоть бесплодно ненавидел,
И шапку перед ним готов я снять.

После 376

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадье мы прямое? ..
Оно прошло — хоть не весьма давно,
Родители же наши полагали,
Что вечно не изменится оно,
И ловко нас к нему подготовляли

Вместо 403—414

а Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадье мы прямое? [1]
Пойдем же дальше — строгий критик мой! [2]
Чему, откуда было поучаться?
Где стойкости гражданской набираться?
По счастью, вывез добрый гений мой!
[Чрез одного] мечтателя такого [3]

---

[1] *Отдельный набросок (ПД):*

Время гнусного бесславия,
Поголовного стыда,
Бездну нашего бесправия
Мы измерили тогда
Словно
Все замешаны гуртом,
Кроме подлости, спасения
Мы не чаяли ни в чем

[2] *Далее было:*

Над уровнем тогдашним приподняться
Трудненько было: очень может статься,
Что я пошел бы торною тропой,
Но счастье не дремало надо мной!
Чрез одного мечтателя такого
и т. д.

[3] *Сохранившийся фрагмент ранней редакции (ПД)*

По счастью, я наткнулся на такого
Мечтателя, гуманно развитого
(Моя наклонность к прозе и стихам
Сойтись тогда способствовала нам)
И думаю, что всем ему обязан...

О с т р <о у х о в>

Однако чем?

М и ш а

Прошедшим я не связан

Случайно я наткнулся на другого —
Сам за себя он громко говорил! ..
Кто знал его, кто был с ним лично близок,
Тот, может быть, чудес не натворил,
Но ни один покаместь не был низок!
Почти ребенком я сошелся с ним...

б Чтоб этот очерк полон был,
Теперь припомним истинных светил,
Означивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский жил,
Еще [найдется славных] двое-трое,
На них тогда молилось всё живое..,
Белинский был особенно любим

Вместо 414 Не знаешь ты, каков Белинский был?
Кто знал его, кто был с ним лично близок,
Тот, может быть, чудес не натворил,
Но ни один покаместь не был низок.
По счастью рано я сошелся с ним...

417 И я когда-то преклонял колени!

После 445 а Однако ты меня изрядно раскачал!
Я для тебя, нечаянно, признаться,
Из сердца самый лучший перл достал!

б Как ты меня однако взволновал!
Не шуточное вышло излиянье

(Далее, по-видимому, должна была следовать одна из редакций продолжения, см. ниже).

Вместо 455—457 Где ясный слог? где честный жар?
Точь-в-точь как человек, с которым приключился
Апоплексический удар.
Язык закостенел и разум помрачился!

512—513 Да! были личности! .. Они спасли народ,
Спасли в нем дух живой во времена крутые!

Первая редакция продолжения монолога Миши, не вошедшего в окончательный текст (см. с. 395) (ПД)

После 521 Я лучший перл с души моей достал —
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Буду продолжать,
Однако же, по-прежнему шутливо.

Размер другой мне стоит только взять,
И дело мы окончим живо.
Чтоб оценить меня ты мог,
Теперь я подведу итог!

Я описал тебе то время,
Когда родились мы с тобой,
В какую почву бросишь семя,
Таков и плод, любезный мой!

Хоть я не гений по природе,
Но я опередил тот век:
Когда бесчинство было в моде,
Я вел себя *как человек.*

Я дебоширство ненавидел,
Людей коляской не давил,
На Невском — девки не обидел,
Стекла в трактире не разбил.

Я время проводил не в ссорах,
Не в кутежах тогдашних дней,
Но в бескорыстных разговорах
О меньшей братии моей.

Писал стишки, читал хоть мало,
Не только взяток я не брал,
Но шепотом, как подобало,
Я против них протестовал...

Я описал тебе то время,
Как жить мы начали с тобой.
В какую почву бросишь семя,
Таков и плод, любезный мой!

О, сам себе я знаю цену!
От века я не отставал;
Когда прогресс пришел на сцену,
Я вел себя *как либерал.*

Плод накопившегося горя —
О старом зле статьи писал,
К уставным грамотам, не споря,
Охотно руку прилагал,

Почти что самой высшей нормы
Крестьянам выдал я надел;
Хвалил судебные реформы,
Быть членом земства я хотел.

Не вижу зла в свободной прессе,
Шагов попятных не хочу,
Но спотыкнулись мы в прогрессе,
Я выжидаю и молчу...

Теперь я знаю: должен я бы
Вести себя *как гражданин,*
Но, милый друг, толчки, ухабы,
Как раз останешься один.

Вторая редакция продолжения монолога Миши (ПД)

Я лучший перл со дна души достал —
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать
По мере сил опять на тон шутливой
Четырехстопный ямб — игривой
Возьму — и стану продолжать.

Внимай же мне! тебе представить
Я доказательства хотел,
Что легкомысленно бесславить
Меня ты права не имел...

Во-первых: отразился мало
На мне тот полудикий век;
Когда бесчинство процветало,
Я вел себя *как человек.*

(Далее три строфы, как в предыдущей редакции, с вариантом ст. 1 строфы 3, см. выше).

А во-вторых: ты, верно, слышал,
В газетах, может быть, читал —
Когда прогресс на сцену вышел,
Я вел себя как либерал.

Плод накопившегося горя —
Писал статьи о старом зле,
С уставной грамотой не споря,
Не погребал ее в столе.

Хоть и не свыше данной нормы
Я тотчас утвердил надел;
Хвал<ю> судебные реформы,
Быть членом земства я хотел.

(Далее одна строфа, как в первой редакции, см. с. 544).

Что ж в-третьих? В-третьих — должен я бы
Вести себя как гражданин,
Но, милый друг, все люди слабы,
Как раз останешься один.

76

Вместо 206—208 Автограф ПД

Или погибнешь — сожжена, —
Не плачь же, дева! — будь умна,
И об одном проси судьбу,
Чтобы *не вылететь в трубу!*
Молись о том, моя краса

Вместо 214—241

Мне снилось, будто пред судом
Я разревелся как дитя.
И всё запрыгало кругом,
Злорадно шикая, свистя.
[Взбешенный, перестав рыдать,
Я дерзко закричал: «Молчать!
Кого я видел вкруг себя,
Скажи, о публика! — Тебя!
Где я примеры почерпал,
Чем силы духа укреплял?»]
Я пуще, пуще зарыдал
И укоризненно сказал:
[«Свисти, о публика, свисти!
Права ты! Нет во мне пути
Я [с детства] точно — трус... Я рос в дому]
За что... Родился я в дому
[Похожем с виду] на тюрьму.

Вместо 246—247

а [Хромой дьячок меня учил,
Но больше слушать я любил
Рассказы нянюшки моей
Про домовых и про чертей]

б [Там свист бича, собачий вой
Пугал дитя во тьме ночной]

Вместо 263—270

Каким, конечно, выйти мог...
Не ты ли, публика, мой слог
Хвалила часто? Что ж теперь
Остервенилась ты как зверь
Без размышленья, без ума...
Как будто что-нибудь сама
Дала ты прежде мне в залог,
Чтоб я иным явиться мог? ..»

Толпа зашикала опять,
И я проснулся. Горе в том,
Что я не мог не сознавать,
Что не родился храбрецом.

Вместо 333—338 Набросок ЛБ

Не то чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
Пришедший любоваться мной,
Докладчик развернул тетрадь
И приготовился читать.
Но мне припомнились тогда
Так живо юные года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Вместо 345—348 Автограф ПД

а [Да, очень ясно! Приговор,
Смягченный милостью судей,
(Спасибо, господа!) был скор...]

б [Печать — особая статья!
Того и ждал, признаться, я,
Вступать с судом не думал в спор
И вот каков был приговор,
Смягченный милостью судей].

После 352 [Где только стоны птиц морских
Да перекличка часовых
Тревожат узника покой]

Вместо 362—364 [Я мастер спать, но сон был плох
Ловил я в час до сотни блох.
И тем досуг мой сокращал
Но, если б всех поймать желал,
Сидеть бы надо там года...]

После 380 [Так много диких, желчных дум
Со скуки лезло мне на ум]

Вместо 385 [Чтобы вторично не попасть
На гауптвахту или в часть,
Прощай! Не свидимся опять]

Вместо 390—393 [В деревне по лесам блуждает, —
На воле отдохнула грудь, —
И снова музу призывает:
«Идем, идем на прежний путь!
На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей,
Трудом — и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать...»]

79

9—10 ОЗ Как будто на сосне простой
Каштаны где-нибудь родятся

Вместо 22—29 Автограф [Еще глупее в сотый раз
Их тешить драмою кровавой.
Когда являлся среди вас
Герой, навстречу смерти шедший,
Не вы ль кричали: сумасшедший,
Какая мысль в вас родилась?
Одну имели вы идею
В душе, оподленной до дна:
«Посмотрим, как ты сломишь шею?»]

80

6—13 Автограф

[Вместо ледку набежала вода
Царь водяной из воды появляется:
«Прыгни, красавица, прыгни сюда!» —
Шепчет — и девица, зову покорная,
    Стан наклонила к нему.
Злая неволя кручинушка черная,
    Всё как рукой я сниму,
«Прыгни!» Руками к ней дедушка тянется...]

24—29

[И подо льдом водяной потонул.
«Что подо льдом тебе делать, красавица!
Слез не осушит вода, не уймет!
Кровь твою выпьет речная пиявица,
В сердце речная змея заползет,
Рыбы тебя искусают большие]

35—38

[Будешь тиха и пригожа собою,
    Будет роскошен наряд:
В белом венке голова засияет,
Только что красное солнце взойдет!»]

После 40

Села на пень у окраины леса,
Звезды считает, на месяц глядит,
Скоро пред нею упала завеса:
Смотрит — не видит, зубами стучит,
Хочется ей побежать, поразмяться,
Да не велел воевода-старик.
Вот уж она начала забываться

Вместо 59—69

[Девица в сторону — страх оковал!
Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь напугал!
Экой лесок, что ни дерево — чудо!
    По три охвата стволы!
Глянь на вершины — с ворону оттуда
Кажутся в летнюю пору орлы!
Буря наскочит — разбойница дикая —
Лес и не думает кланяться ей!]

81

17—26 Автограф ЛБ

а [У Ивана нет углишка,
    Где пришлось — там лег,
Нет постели, тюфячишка,
    Много только блох.
Ремесла Иван не знает,
    А на всё горазд,
Шьет, кует, варит, строгает,
    Песни петь горласт,
Божится, грубит, ворует,
    Под лозой ревет,]

б [Доблестный слуга
Род его тысячелетний
Не имел гроша,
Своего угла не видел]

в [У Ивана нет углишка,
Где упал — там лег,
Нет кровати, тюфячишка,
Много только блох!
Ремесла Иван не знает —
Делай, что дают,
Шьет, кует, варит, строгает —
Не сумел — дерут!
С десяти лет Ваньку били,
Он вставал чуть свет. . .]

45—48 [У корчемницы в светлице
Пляшет и поет,
Тут и парни и девицы,
Пир горой идет!]

Вместо 57—64 [«Где ты был?» Ответы грубы,
Пасмурно глядит;
Были зубы — били в зубы;
Нет — скула трещит.]

Вместо 101—116 [Да надуешь ли Ивана?
Улизнул в сарай,
Отхватил два пальца спьяна —
Ну! теперь сдавай! —
Рад не рад, помещик снова
Ваньку взял во двор —
Честно, трезво и сурово
Стал служить он. «Вор! . .» —
Ваньку дворня попрекает,
Ссора — чуть войдешь, —
Ванька год, другой спускает,
Год, другой не пьет —
А потом. . .
Барин раз сказал детине —
Ванька промолчал,
А наутро в казакине
Барском щеголял.
Обокрав господ порядком,
Пропадал он с год,
Глядь: является ко святкам
И в ногах ревет]

Вместо 113—116 [И беззубого по дружбе
Изловчились сбыть. . .
Как-то в новой царской службе
Ванька будет жить? . .]

86

1—4 Душно мне, словно в неволе,
Автограф из собр. Словно в могиле сырой.
В. Евгеньева- Буря бы грянула, что ли?
Максимова Грянь! Разразись надо мной!

88

ДУМА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

1—6 Нос — украшенье лица, —
«Будильник» Носом-то я не обижен,
Он завострен при конце,
Посередине возвышен.

Не до мизерности тощ,
Не до одышки я тучен

16 Быть не могу я магистром

89

22—24 [Перед портретом стоят.
Автограф «Что ж он] недобрый [был] что ли?
Что [про него все молчат?»]

49—52 [«Где же он, милый папаша?
Не отвечаешь всегда».
— «Полно же! вырастешь, Саша,
Сам всё узнаешь тогда. . .»]

53—56 [Жарко, июль наступает.
Саша и ждать позабыл.
Дед, наконец, приезжает,
Бойко к крыльцу подкатил].

58—64 [Сел на крыльце и сказал:]
«Милости, дети, у бога
Только одной я желал.
[Свидеться с вами, и ныне
Внял он молитве моей.
Жить тяжело на чужбине,
А умирать тяжелей»].

67—68 [Дворня поодаль стояла
Слезы стараясь сдержать]

89—91 Ходят [они за грибами
Клюкву, малину берут].
Дедушка [крепок ногами]

97—100 [Очень] Важен, высокого роста
[Важен лицом, сановит,]
Как-то [особенно] просто
Ходит, глядит, говорит.

После 100 [Старый берет с собой книги,
Внучек игрушки берет.
В избы заходят и в риги,
Если погода пугнет.
Дедушку всё занимает,
Дедушка молод душой,
Дедушка часто вздыхает,
Чаще смеется родной.]

149—150 [Всё же, не так теперь трудно,
Ожил ты, русский] народ.

149—151 «То-то, не трудно, не трудно —
Ожил ты, русский народ», —
И засмеется так чудно

157—158 «Дайте им, дайте свободу», —
а [Дедушка внуку сказал]
б Часто старик восклицал

167—168 Строятся риги, амбары
[Всюду работа кипит]
а Всё идет живо и споро
б Всюду довольные лица

183—184 [Там бедняка — человека
Нет теперь — всякий] богат.

185—188 [Там не встречал я воришек,
Там неизвестна сума,
Всюду довольство, излишек,
Светлы, просторны дома.]

211—212 «Где ж это?» — «Внуче, далеко
[На реке] Помни-ка: *Тарбагатай*...

217—220 [Грустно становится, Саша,
Как погляжу я кругом,
Как она, матушка наша,
Русь-то отстала во всем].

310—313 Дедушка встретит солдата,
[Снова расспросы пойдут:
«Нынче вам легче, ребята,
Меньше вас школят и бьют».]

329—332 [Пятого гонит сквозь] строй,
С пеною у́ рта грохочет,

Мало что выбранит полк,
На офицеров наскочит

336—337 Дрогнет имеющий уши,
Но не дрожавший в бою.

354—357 [Отдых у деда недолог
Вынет он свой сундучок —
Много там дратвы, иголок,
Шило, пила, молоток.]

414—415 Гаснут и ум и душа
Да зарываешь в могилы

417 *а* Старых друзей до поры
б Лучших друзей до поры

418 *а* Медленно сам умираешь
б В землю друзей зарываешь
в Видишь, как медленно таешь

445—446 Будешь ты всё понимать,
Будешь ты дедом гордиться

90

<ИЗ «КЛУБА»>

Вместо 1—88 Автограф ЛБ

Даст ли цензор тебе нагоняя —
Это все-таки, Муза! вопрос,
Но погоду теперь наблюдая,
Отморозишь наверно ты нос.
Полно трусить! Войдем туда снова,
Где мы встарь укрывались от бед,
Где бывало под бюстом Крылова
По ночам изучали пикет.
[К сожалению, клуб перебрался,
Бюст на старой квартире остался,
Клуб подумать о нем позабыл.
(Жаль! Он счастие нам приносил)...]
За обедом мы членов застали
[Все жуют. Сколько тут джентльменов!
Боже! Кругом идет голова!]
И едва себе места достали.
Кушай! Здесь хорошо подают.
Наблюдать ты хотела бы? Можно!
Но смотри — наблюдай осторожно,
Сливки русского общества тут —
Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили
И доныне по праздникам пьют.

После 111 Ежегодно в обычные дни
Зажигаются сотнями свечи,
Убираются пышно столы,
Говорятся парадные речи
Говорят их министры, послы.[1]
Впрочем, есть и любитель оратор
Только мы его спичей бежим
Чин Двора и недавний плантатор[2]
Он в длиннейших речах нестерпим
Слог надут, в убеждениях шаткость
Если надо уж спич говорить,
Сохраняйте друзья мои краткость
Но разумней в молчании пить[3]
Тот [милей, кому], которому клуб доверяет
Свой желудок, — дай бог ему дней
Столько, сколько он сам пожелает!
Понял тайну застольных речей.
([В провианте] ℔ Нота бене: в [борьбе] делах с поварами
Сведущ он, как в грамматике Греч.)
«С нами бог!» — он такими словами
Начинает застольную речь.
Продолжает с величьем Патрокла:
«В честь собрания выпить пора!»
И кончает весь красный, как свекла,
Троекратным возгла́сом: «Ура!»

После 120 Здесь известности всякого рода
[Всех сословий, профессий, чинов].
С камергерским ключом и с мечом
До героев [последнего] недавнего года
(Что стреляли [в своих мужиков] в народ) — и притом[4]

После 124 Впрочем, нынче простая суббота
Нет министров, почетных гостей
Нет ни тостов, ни спичей. Работа
Лишь зубам. Мы присмотримся к ней.

164 И оплачет [Катков] Сенат[5] от души

После 166 [Кандидат в их почтенную стаю
Рядом с ними, обжора седой,
Восседает торжественно с краю,
Лет семнадцать уж он старшиной.]

---

[1] Ср. ст. 125—128 окончательного текста.

[2] Исправлено красным карандашом: «Либерал (а недавно плантатор)».

[3] След. 12 строк зачеркнуты красным карандашом, им же (на полях) рукой Некрасова помечено: «. . . . . . (строку точек)».

[4] См. прим., с. 656.

[5] Оба варианта зачеркнуты красным карандашом; им же (на полях) рукой Некрасова помечено: «печать».

167—187 Вот еще экземпляр престарелый
Там вдали; погляди на него

После 177 На полях В чем была прежде отрада
То теперь тебе яд.
Что ж? по правилам Дантова ада
Так и следует, добрый собрат.

После 190 [(Сын отца больше четверти века
Наполнявшего ужасом Русь)
С ним усатые два человека
(Игроки-шулера побожусь!)]

Вместо 211—222 [Разговор его скачки, собаки,
Берты, Мины, охота, игра.[1]
Любит он петушиные драки,
Знает тайны и сплетни Двора
Что его самолюбье щекочет,
Что доступно желаньям его,
Взял он с бою! Чего он захочет,
То и сможет. Мильон у него][2]

235—240 Есть [величие несколько шире]
И особый ведет к нему путь
Кто орел — тот красивей и шире
Может крылья свои развернуть!
Если гордость — прекрасное свойство —
Успокоится Анной с мечом

После 282 [Вновь немыслимы в этой среде
Так пускай хоть не будут казаться
Неусыпно упорны в труде!]

292—295 Чтоб приставить кушетку к камину
Чтоб [лакея иметь с галуном]
[Ночи целые], сгорбивши спину
Изнывал [он] за [пошлым] трудом.

После 311 [Зна[ем]л я мужа, энергией чудной
Он недавно весь мир удивил...
[В этой роли кровавой и [трудной]
Он великую силу явил]

325—327 [Побранится... и смотришь потом]
Десять новых горячечных бредит!
[Черт бы взял тебя с этим трудом]

---

[1] Ср. ст. 414—423 окончательного текста.
[2] *Вместо последних четырех стихов было:*

Что доступно его разуменью,
Что его самолюбию льстит,
Взял он с бою! По общему мненью
Он орлом надо всеми парит.

Вместо 333—335

В книжных лавках, [как муха на мед]
На журналы, на книги бросался
[Всё что нужно в тетрадку внесет
А иной нумерок и украдет.
(С доброй целью не грех воровать)
За ночь всё приспособит, приладит,
А поутру на ловлю опять]

360—363

[Старец умер в тоске безотрадной,
И поэт Караваев воспел
В эпитафии очень изрядной
Результат его доблестных дел.]

360

Сорвалось! Гражданин благородный

362

И Линяев [поэт превосходный]

364—365

В Академии даром квартиру
Занимал он; был подл и плешив

После 383 Из главы «У камина»

Смутный говор — дуэли и драки
Назначенья и сплетни Двора
Лошадиные призы, собаки
Берты, Мины, охота, игра
Тут же речь о сивухе зловонной,
О финансах родной стороны
[То поет соловей современный
Много их после Крымской войны
Народилось: иные успели]
[Прогрессист Чернышевский салонный]
Погоди, якобинец салонный,
Мы идем — мы послушать должны!
(Их уж мало: иные успели
[Обработать дела] «Всё земное свершить» — и опять
Ретроградные песни запели,
Тем начальство велело молчать,
Те в расчетах своих обманулись —
Не сумев по течению плыть,
На крестьянском вопросе свихнулись
И в Москву переехали жить).
Так горячее первое племя
Либералов прошло навсегда,
Но и в наше [степенное] довольное время
[Либеральные] Недовольные есть господа.
[Говорит либерал современный
О финансах родной стороны
Говорит о сивухе презренной
Заложив свои руки в штаны]
[Нет в столице такого салона
Где б не встретил ты этих господ —
Либералов хорошего тона
Каждый битую<?> песню поет]

452—455
[Впрочем, здесь мы должны замечанье
Вставить: мы оскорбить не хотим
«День» — весьма недурное изданье —
(О непишущих мы говорим)]

После 459
Мы с народом сливаемся быстро
Например, мужики говорят,
Будто немец во всем виноват,
И в приемной иного министра
Тот же самый проводится взгляд.

После главы «Газетная»
Мы еще игроков не видали.
Игроки [любопытный] народ
Но [пускай их] семейство велико
[Я их главные типы схватил].
Голубь, Коршун, Орало и Хныка.
Так я [мысленно их разделил]
И со временем каждым разрядом
Я отдельно займусь, а теперь
С нас довольно поверхностным взглядом
Их окинуть. Войдем в эту дверь.

Игорная

464
Чу! Сабуров орало забавный

Далее ст. 465—483 окончательного текста, затем:

484—487
Пред лицом негодяя партнера
Выгружает он, злобно ворча,
Он клеймит его именем вора
То намеком, то просто сплеча...

После 487
Впрочем, будем к нему справедливы
Для чего ему желчь унимать
Если многие ради поживы
И побои готовы принять? ..

533—534 Из последней главы
Да, собрание это обширно!
Здесь немало типических лиц.

После 534 на полях
Может быть, благодарнее темы
Никогда не придумаешь ты:
Что ни шаг, то сюжет для поэмы —
Характерны и резки черты.
В молодом поколении — фатство,
В пожилом, если правду сказать,
Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать.

После 534
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но вглядись: при наружном различьи

Здесь единство глубокое есть.
Здесь безденежье всех уравняло —
И великих и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей!»

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
Бесполезно и речь затевать
Всё что было — у каждого сплыло,
И остался в наличности шиш.
Даже ты, откупное светило,
За грошовым пикетом кряхтишь,
Кабаками нажившись досыта
Ты обширных земель накупил,
Для которых покуда нет сбыта,
Капитал твой не то чтобы сплыл,
Но уж он не в руках, а «в тумане».
Занятые рублишки в кармане,
И партнер твой угрюм как тюрьма —
Господин с иудейским акцентом:
Понижается полупроцентом
Каждый месяц цена на дома.
У! Как мрачно глазами он водит,
Не о том ли печалишься, друг,
Что народ понемногу уходит
Из твоих всехватающих рук?
Погоди — мы вина накурили,
Но покуда его мы не сбыли
Дело грязное — надо бросать!
Продадим как-нибудь свою водку,
И опять ты начнешь прижигать
Купоросом крестьянскую глотку...

. . . .

Ну, конец! Мы в последнем покое,
Всё что мог показал тебе я
(Не задев никого за живое)
Что же скажешь ты, Муза моя?
Ничего. Клуб изрядно устроен,
Но в нем мало здоровых голов.

После 675
Из главы
«У камина»

[Утверждая, что ей во вселенной
Будет первое место дано]

Вместо
688—689

Станет он нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратит
[Если будешь ты столько наивен,
Что с письмом обратишься к нему,
Он докажет, что он прогрессивен —
В суд притянут тебя по письму!]

После 693

[Замечательно: речь эту слыша,
Прочь иные поспешно бегут,
Словно хочет обрушиться крыша!
Вообще в нашем клубе берут
Перевес ретроградные силы
Впрочем есть у нас всякий народ
Даже водятся славянофилы
Светский тип их доныне цветет] [1]

После 705
Из последней главы

[«О друзья! не кривите душою
Ради дач, капиталов, земель
Смерть придет — не возьмете с собою
Ваших дач, капиталов, земель]

(На голос il segreto... Лукр<еция>
Борж<ия>)

Из набросков окончательной редакции (ЛБ)

541—544

Но шумя и куда-то спеша,
Вековые оковы сбивая,
На минуту была хороша
Ты отчизна моя дорогая

752—755

(Да и то [еще как осторожно!])
Погоди, если мы поживем,
[В свой черед — если будет возможность]
Мы и дальше рассказ поведем

91

Подстрочное прим. автора:

ОЗ

С издания манифеста Александра II от 26-го августа 1856 года в нашей литературе начали появляться время от времени (а в последние годы и довольно часто) материалы для изучения эпохи, к которой относится настоящий рассказ. Перечитывая эти материалы, автор постоянно с любовию останавливался на роли, выпавшей тогда на долю женщин и выполненной ими с изумительной твердостию. Если на самое событие можно смотреть с разных точек зрения, то нельзя не согласиться, что самоотвержение, выказанное ими, останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине, и есть прямое достояние поэзии.

Вот причина, побудившая автора приняться за труд, часть которого представляется теперь публике. Хотя минуло уже почти полвека со времени события, однако автор счел за лучшее вовсе не касаться его политической стороны, — да это и не входило в пределы задачи, как увидит читатель. Точки, вместо некоторых строф, поставлены самим автором, по его личным соображениям. *А в т.*

---

[1] Ср. ст. 444—447 окончательного текста.

40
ОЗ

Господь с тобой... прощай!

40
Изд. 1873—1874

Гнездо всех бед... прощай!

201
ОЗ,
Изд. 1873—1874

Забытой богом стороны

После 290
Автограф ПД

Княгиня слышит звук цепей
Спускается в тюрьму,
И тут же думается ей
Бог знает почему,

Далее ст. 263—266

306—308

Сплошной стеной толпясь кругом
Глядит на них, как гусь на гром,
Озябший русский люд...

Вместо
318—319

а Влетев в каре, увещевал,
Просил; один солдат
Прицелясь, смерть ему послал:
С коня валится генерал,
Из раны брызжет кровь

318—319

б Влетев в каре, браниться стал
И жизнью заплатил!

321
ОЗ, Изд. 1873

«Прощенье обещаем вам!»

326

Падите ниц челом!»

Вместо
331—338
ОЗ

Тогда-то пушки навели;
Раздалось грозное: «Па-ли!»
. . . .
Княгиня, память потеряв,
Упала с высоты стремглав.

Вместо
331—338
Изд. 1873—1874

Тогда-то пушки навели,
Раздалось: «Пер-ва-я! па-ли!»
. . . .
Княгиня, память потеряв,
Упала с высоты стремглав.

Вместо
351—360
Автограф ПД

«Иди за мной!» — высок и прям,
Тюремщик ей сказал.
Он подошел к одним дверям,
Ключами звякнул, стал.

Она к нему, — а он опять
    Пошел — и снова дверь.
Едва успела подбежать
    Княгиня, — он вперед.
На нитку мячик навязав
    Случилось в детстве ей
Бежать по комнате стремглав,
    А Васька кот за ней.
Не так ли тешился теперь
    Над нею грубый страж?
«Беда! Беда! забыл я дверь
    Который нумер ваш?»
— «Поверю я, чтоб ты забыл!!
    Не время для потех».
Он засмеялся (страшен был
    Злорадный гордый смех),
И двери отпер наконец.
    Она вошла... и вдруг

440—444
ОЗ

    Прохладой веет с гор
С деревьев льется аромат,
    На каждом пышный плод,

После 628
Автограф ПД

Да, провидения рука
Не дремлет над людьми.
Кому существенность горька,
С забвенья дань прими!

Вместо
665—690

Да, вам вернуться мой совет.
    Забудется беда

Кн<ягиня>

Как! Мне в проклятый этот свет
    Вернуться? Никогда!
Зачем? Чтоб видеть ханжество́,
    Притворство, низость, лесть,
Тщеславной дряни торжество
    И подленькую лесть?
Нет, в этот вырубленный лес
    Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
    А ныне пни торчат!
Молчанье гордых и прямых,
    Напуганных грозой,
Нахальство подлых и тупых,
    Напыщенных собой?
Мне снова жить среди клевет,
    Интриг и жалких дел? ..
Там места нет, там друга нет
    Тому, кто раз прозрел!
Нет! Нет! Я видеть не хочу
Улыбок их, ужимок их!

717—720 О! у меня достало б сил
Забыть его навек,
Когда б он пошло изменил,
Как слабый человек,

725—732 Молю вас, добрый генерал,
Согласье ваше дать!
Меня отец не удержал,
Так вам не удержать!
И так напрасно день прошел,
Мне дорог каждый миг.
«До завтра» молвил и ушел
Взволнованный старик...

801—805 Отряд солдат и казаков
С оружием в руках,
Да ссыльных партию воров
И каторжных в цепях
Ведет: преступники шалят

Вместо 826—838 Закрыв рукой глаза,
Нежданно старый генерал.
И крупная слеза
Из-под руки на ус седой
Скатилась. «Видит бог,
Я не хотел кривить душой,
Я сделал всё, что мог!»

837 ОЗ, Изд. 1873—1874 Перед судом душа моя

839—842 Автограф ПД Трудом этапного пути
И холодом зимы,
Всей мукой жизни взаперти
Всей пыткою тюрьмы

847—848 *а* Пытать злодейски не хочу
Я совести моей

б Ни вас я мучить не хочу
Ни совести моей.

После 850 *Эпилог*

Кто помнит ту годину роковую,
Тот знает сам, как много славных жен
Вослед мужей ушло в страну чужую...
Как ни смотри на драму тех времен,
Высок и свят их подвиг незабвенный!
Как ангелы-хранители они
Явилися опорой неизменной
Изгнанникам в страдальческие дни.
Быть может, мы, рассказ свой продолжая,

Когда-нибудь коснемся и других,
Которые, отчизну покидая,
Шли умирать в пустынях снеговых.
Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.
Да, их поэт грядущий не забудет,
Но чьей судьбы теперь коснулись мы,
Та всех светлей сиять меж ними будет...
Далек был путь до роковой тюрьмы,
Вражда людей, не знавшая пощады,
На том пути ей ставила преграды,
И — *первая* — она их перешла.
Ее души ничто не устрашило!
Она другим дорогу проложила,
Она других на подвиг увлекла!

92

После 36 Автограф ПД

Он всюду оружьем прокладывал путь
И пули его не пронзали
Как будто из камня была его грудь
А сердце из кованой стали.

После 68

Семейство его умножалось, росло,
А он что ни день подвергался
Опасности новой. Тревожно прошло
Всё детство мое; просыпался
Он часто до солнца, будить нас велел:
«Прощайте! Заставь-ка их, няня,
Покрепче молиться, чтоб я уцелел —
Ждет нынче горячая баня!..»
И как мы молились тогда за отца,
Война воспитала нас в боге...
Как вечером ждали его у крыльца!
Чу, топот и свист по дороге!
«Ура, пузыри! Я вернулся живой!
Взяла, благодетели, наша!
Французики чу! затрубили отбой!
Целуй меня, дурочка Маша!

76—79

Старик отдыхал на покое.
Там я подросла. Проживали в дому
Швейцарец, да две англичанки.
Училась я бойко, училась всему

Вместо 123—125

Глаза его странной какой-то тоской,
Я помню, меня поражали,
Но ласковы были они и ко мне
Глубокой любовью светились...

Стояла бригада его в Тульчине
Но только мы там поселились
Надолго куда-то уехал Сергей.

После 176

Роды мои как-то нежданно пришли
До города было далеко:
Ни доктор, ни бабка поспеть не могли.
Я помню, страдая жестоко,
Я слышала ссору, — отец мой кричал:
«На кресле пускай остается!
В походах я наших детей принимал
Ты помнишь сама, где придется
И разве дурной я был бабкой? . .» А мать
Твердила: нет, нет, бога ради,
Голубчик, положим ее на кровать!
Да няня моя догадалась найти
В соседнем селе повитуху,
Но та не решилась ко мне подойти.
Я помню седую старуху:
Всё время мучительной пытки моей
Шептала она у иконы:
«Владычица! будь ты помощницей ей»
И клала земные поклоны.
Застал меня доктор в бреду и в огне,
Два месяца я прохворала,
Когда воротилось сознанье ко мне,
Я первую няню узнала.

223
ОЗ,
Изд. 1873—1874

Готовя несчастье отчизне своей

После 252
Автограф
ПД

Сестра моя Катя в замужстве была
За графом Михайлом Орловым.
Она повидаться со мной не могла
В моем карантине суровом
(Ее не пускали)... «Всё время Сергей

Вместо
269—284

И тотчас ушел, не сказав ничего,
Дрожа, я у двери стояла.
И вот наконец-то я вижу того
Кого целый год не видала!

Вместо
290—302

Той тихой тоски идеальной,
Суровей и строже смотрели они
Всё с той же усмешкой печальной,
Сергей говорил, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что очень легко переносит тюрьму,
И несколько слов одобренья
Прибавил... По комнате мрачно шагал
Свидетель — неловко нам было.

565—567
ОЗ

Он полон был теплым участьем ко мне,
К судьбе моей горькой! Сначала
Сказал государь о суровой стране

Вместо
668—670
Автограф ПД

Чуждаясь тщеславного света,
Она открывала блестящий салон
Не светским изысканным франтам
Не знати надутой: приютом был он
Всему, что блистало талантом,
Дышало искусством... и было житье
Артистам у Зины в гостиной.

685—724
Вместо

Что было в Москве поумней, повидней,
Что в ней мимоездом гостило —
Всё вечером съехалось к Зине моей,
Артистов тут множество было.
Тут были родные отправленных вдаль,
Куда я мой путь направляла,
Тут были Одоевский В<яземский> Д<аль>
Проститься со мной все желали).
Тут был и профессор-поэт Мерзляков
И Павлов тогда знаменитый,
И автор написанных Зине стихов,
Так рано могилой сокрытый.

Вместо
893—896

И долгая ночь незаметно прошла,
Не помню концерта прелестней.
Я тронута чудной молитвой была
И благословляющей песней.
Согласно настроены были сердца
Торжественно как-то внимали
Той песне прощальной; не помню лица
Без думы, без тихой печали.

После 908

Мне утром родные далеких друзей
Так много посылок прислали,
Что не было места в кибитке моей —
Другую мы наскоро взяли,
И тут же людей я себе наняла...
Последнее было прощанье,
Последняя, внуки, разлука была,
Бог милостив, будет свиданье...

948
ОЗ,
Изд. 1873—1874

Продрогшие куры дерутся

После 1024
Автограф ПД

Еще он в дороге... в степях снеговых
Друг друга они поздравляют...
Там несколько троек... И стража при них,
Коней они быстро меняют.
И мчатся не видя границы степей,
Не видя жилья по неделям...

Пустыня! чем дальше, тем меньше людей,
Тем больше простора метелям.
Всё мертво, лишь волк иногда пробежит
Да каркнет голодная птица,
Метель их усталые очи слепит
И колет их бледные лица.
То горы и башни, то город большой,
Дразня их, рисуют миражи...
Чу! Крик оглашает дорогу: «Постой,
Нет сил!» Но суровые стражи —
Не внемлют: им велено ехать скорей
И едут — нигде не ночуют,
И сами неистово хлещут коней
И страшно возницу бичуют...

Вместо 1119—1120

Когда началась перекладка вещей
Узнала я, — радость большая! —
Что Зина со мной уложила рояль!
Укутав его осторожно,
Поехали дальше. Как было мне жаль,
Что тотчас играть невозможно!

94

Вместо 31—42 Черновой автограф

Вдруг выступали чуть видные
Темные лики святителей...
То растворял неожиданно
Ветер окошко непрочное,
И заунывно-суровое
Пение гимна церковного
С улицы с поля соседнего
Звонкая песня вторгалася,
Полная горя житейского —
Песня усталого пахаря!

62—69

Скоро обрушилось здание,
Дверь завалилась. Могильная
Там тишина воцарилася
Только со стен штукатуренных
Строго глядели угодники,
Ласточки вили там гнездышки
То вылетали оттудова,
То возвращались с добычею

Вместо 72—80

а [Не посягнули, обрушился
Купол, стена завалилася,
Три же другие держалися
Долго]

б [Не посягнули, обрушился
Купол, потом завалилися
Стены, одна лишь передняя
Долго держалась

В землю врастая медлительно,
Храм превратился в развалины...
Странную, чудно красивую
Приняли форму развалины,
Травами густо поросшие]

в [В землю врастая медлительно,
Само собой обращалося
Старое зданье в развалины.
Эти развалины бедные,
Травами густо поросшие,
Форму со временем приняли
Странную, чудно красивую]

г В землю врастая медлительно,
Эти остатки убогие,
Травами густо поросшие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые...

Вместо 98—105

В широколистом лопушнике
Или в остатках строения
Прятались, звонко аукались,
Пели веселые песенки...

Позже, когда уж ребячество
Минуло, эти развалины
Я полюбила сознательно

Вместо 107—111

а [И на какое-то дерево,
Между цветами и травами
Старое, вдруг набежала я]

б И набежала нечаянно,
Между цветами и травами
На полусгнившее дерево...
Гнило оно незаметное,
Вдруг подо мною рассыпалось
Дерево; я провалилася

95

Набросок ЛБ

Выходите Федоры,
Широкие подолы,
Выходите Варвары,
Широкие карманы,
Зачали-почали,
Поповы дочери

и далее ст. 17—20.

31—35 Автограф ЦГАЛИ

Тотчас тележку гурьбой обступили,
Старых и малых сбегается тьма.
Пряников много сменяли, купили —

То-то пошла суетня, кутерьма!
Смех на какого-то парня печального:

31—33 Автограф ГПБ

[Среди села старика обступили —
Взрослых довольно и детушек тьма.
Всяких сластей насменяли, купили —]

96

Вместо 2—12 Автограф ГПБ

Да про господнюю милость послушай!
Нынче не в меру вода разлилась,
Мы на бугре да и то не избавлены;
Видел ты? до́ лесу вехи поставлены?
Это для пчелок у нас.
Как подступила вода небывалая,
Так я и ахнул — все пчелы помрут!
До лесу с вёрсту, так пчелка-то малая
Не долетает — по силам ли труд?
Ну, полетит, полетит да и валится
На́ воду, бедная! Рады бы сжалиться,
Да что поделаешь тут? ..

Вместо 29—32

Ну а в лесу теперь рай!
В лес теперь пчелка свободно летай!
Там и цветы и деревья во младости! ..
(Тут пчеловод прослезился от радости)
Ожили ульи! .. — посмотрим, пойдем, —
Всё от единого слова хорошего:
Есть на продажу и сами с медком,

97

38—41 Автограф ПД

[Кони дернулись — медведь —
Что это с ним сталось?
Рявкнул — тройка ну лететь
Видно испугалась.]

98

Вместо 9—10 Наборная рукопись

[С силой стремительной. Старый Мазай
В поле завидев какой-то сарай,

Только рукой показал и помчался,
Я не догнал его как ни старался,

А ведь ему уж за 70 лет]

Вместо 53—64

Слышал рассказ про Ермилу слепого.
Девятилетнего внука меньшого

Набросок Брал на охоту с собою Ермил,
Чтобы тот дуло ему наводил.

Носит охотник горшок с угольками
«Больно я зябок, родные, руками».

Вышел с ружьишком другой мужичок
Спичек с собой захватил коробок

Горе! курок у ружья отломился
Так мужичок без курка ухитрился

«Да неужели он что-нибудь бьет?»
— «Как же, бывает! В кусты западет

Сажени на три тетерку подманит
Спичку к затравке приложит — и грянет».

53—56 Наборная рукопись [Вышел с ружьишком Кузьма мужичок
Спичек с собой захватил коробок.

Видит — курок у него отломился

Далее — как в наброске.

После 99 Черновой автограф [Видим — зайчишка стоит на бревне,
Лапки передние к нам простирает,
Словно о помощи нас умоляет.
В лодку забрал я и этих, плыву]

110—112 *а* [Зайцев на нем до десятка тряслось,
Жаль упустить дорогую находку,
Жаль и косых, да потопят ведь лодку]

б Зайцев с десяток спасалось на нем,
Жаль сильно зайцев, да жаль и находку,
А уж гораздо наполнил я лодку, —

После 114 К берегу прямо гребу с седоками
Вижу зайчишки поводят ушами,
Стали на задние лапы ставать.
Берег завидели — то-то раздолье,
Будет где резвые ноги размять:
Озимь, и кусты, и роща — приволье.
К берегу близко бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «ух» закричал

После 114 Наборная рукопись [Прямо в деревню привез я зайчишек.
Было потехи у баб, ребятишек!
«Глянь-ко что делает деда Мазай! . .»
— «Ладно, любуйся, а нас не замай!»]

После 124 *а* [Будет где резвые ноги размять,
Будет чего пощипать, поглодать!

Ну выгружайтесь, команда косая,
Да поминай и молитвы Мазая!]

б [Будет где резвые ноги размять,
Будет чего пощипать, поглодать!
Я им скомандовал: «Слушай! ровняйся!
На берег пó двое в ряд выгружайся!»]

99

1—4 *Автограф*

У бедной хижины своей
Солдатка Фекла пряжу пряла
Три малых сына перед ней
Шумело, прыгало, играло.

9—16

Давно рассказывал всем дед:
Тогда еще я чуть ходила,
На целом свете места нет,
Где б соловьям привольней было.

Крестьяне крепко подопьют
И <*нрзб.*> обнявшись бродят,
А девки косы заплетут,
Поют и хороводы водят

9—12

Обычай исстари идет
Тут праздновать приходский праздник;
Не тереби мне волоса, —
Всю косу распустил проказник!

49—57

Весной, бывало, каждый год
Что их за множество прибудет;
Под песни их село уснет,
Их песнь — село разбудит

С тех пор с сетями в наш лесок
Избави бог никто не ходит
И этот исстари зарок
От деда к внуку переходит.

Запомнить надобно и вам

101

Автограф

Поверхностная, глупая насмешка,
К которой так наклонно наше племя, —
Бич чувству в юном сердце. И над чем
Смеемся мы? Обыкновенной темой
Насмешек наших: всякая черта
В характере, которая выходит
Из уровня обычного. Попробуй

На улице покинуть экипаж,
В котором ты здоровый ехал праздно,
И предложить его хромому... Не смешно ли?
Скажи довольному собой глупцу, [1]
Что он глупец — смешно и даже глупо.
Однажды я припрегся к водовозу,
Который на бугор свои салазки
С двумя бочонками воды по скользкой
Подмерзшей мостовой втащить не мог.
Приятели доныне помнят это
И не дают проходу: филантроп!
Попробуй предпочесть пирушке пошлой
С гетерами, с шампанским и игрой
Беседу с кроткой матерью-старушкой —
Да разболтай об этом: гадко станет,
Ужасно даже — если только вникнуть,
Каким согласным, диким гоготаньем
[Каким согласным, жеребячьим смехом]
Ты встречен будешь... Глупо наше племя!
Безумное, неверующее племя
Умело превратить в предмет насмешки
И состраданье к ближнему. Не раз
Ты слышала и часто будешь слышать
Презрительные речи: «Вот охота
Возиться век с унылой нищетой,
Вступаться за бесправных и бездольных.
Всем бедным не поможешь, всех больных
Не вылечишь, давно уж доказали
И опыт и наука, что напрасны
Все частные усилья. Это пошлость,
Придуманный конек, чтоб отличиться —
Но, право, он придуман неудачно,
Старо, бесплодно, неоригинально
И хлопотливо». — Что же хорошо,
Что ново? Праздное убийство жизни
В тщеславии, распутстве, пустоте?
Им предаваться люди не стыдятся,
Так не стыдись идти и ты по пошлой,
Как говорят избитой, но, по правде,
Едва, едва проложенной дороге
Добра...

И будем жить мы просто, пошло даже,
Заботясь о спокойствии своем,
О благе ближних. Что ты улыбнулась?

---

[1] *В автографе против этого места набросок:*

[Из уровня обыкновенного. Попробуй
На улице дать руку пожилому
Согбенному под ношей? Не смешно ли?
Скажи довольному собою господину]

С тобой я должен прямо говорить,
И благо ближних на устах моих не фраза,
Не понимаю жизни я другой.

Мы, правда, в пошлости все пó уши живем,
Но в модной пошлости.

Но пущенное в моду,
Добро приносит мало проку

И тихой женщины какой-то
Задумчивое, милое лицо
В такие дни обыкновенно
Передо мной является. —
Но где же ты, желанная душою,
Ты тихая, ты добрая моя!
Без ласки сердце глохнет.

102

41—44 Набросок ЛБ

О сердце бедное мое!
Боюсь: ты скоро изнеможешь...
Простить не можешь ты ее...
Зачем же не любить не можешь?..

103

Отдельные наброски ЛБ

Ты заступница — прекрасная,
Благодушия полна,
Молчаливая и страстная —

Чьей слезинки без страдания

Там страна обетованная,
Там полна весенних вод,
Вольно речка безымянная
Волны гордые несет.

104

После 8 Беловой автограф ПД

Мой путь означен — волею железной
Вооружась, трудиться день-деньской.
Чтоб хоть остатка жизни бесполезной
Не опозорить праздностью тупой.

105

Наброски

Да едва ль кому и нужен ныне
Этот стих восторженно-призывный
В населенной мертвыми пустыне,

Словно камень брошенный — в пучине
Сгибнет он бесследный, безотзывный
Или есть еще сердца живые

26—28

Ярый гром, ручьями кровь текла,
Эти души робкие смутились
И как птички в бурю притаились

5—8
Автограф

Грозный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков,
О любовь! — вот все твои усилья,
Разум, вот плоды твоих трудов!

Вместо 9—16

Что ни день — победа роковая,
Стоны жертв, повержен<ных> в крови...
Лишь молчит поэзия святая,
Дочь весны, свободы и любви!

Вместо 18—21

И бог весть кому нужна ты ныне
В этот век жестокий и сухой
В населенной мертвыми пустыне,
Словно камень, брошенный
Сгибнет он, твой голос неземной

106

1—3
Корректура из собр. В. Евгеньева-Максимова

Растворилися тюрьмы глубокие...
Смолкли честное знамя державшие,
За страну неуклонно стоявшие...

5—8
Набросок ПД

Гений злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная,
Все жестокие страсти разнузданы,
Подозрительность, алчность и мстительность

107

Ранний вариант начала
Автограф

Но первые шаги не в нашей власти!
Отец мой был охотник и игрок,
И от него в наследство эти страсти
Я получил — они пошли мне впрок.

Не зол, но крут, детей в суровой школе
Держал старик, растил как дикарей.
Мы жили с ним в лесу да в чистом поле,
Травя волков, стреляя глухарей.

В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух испытан, —
Но грамоту весьма нетвердо знал.

И я таким остался до седин
(Мне грамота далась потом, однако),
Мой лучший друг — лягавая собака,
Да острый нож, да меткий карабин...

(Далее ст. 8—15, как в окончательном тексте, с незначительными разночтениями.)

Вместо 1—18 Черновой автограф	*а*	[Приехал я в деревню. Каждый год Я шумную столицу покидаю И каждый год в деревне оживаю, Охота, труд — жизнь правильно идет, Устав писать — иду я на охоту, Устав бродить, вновь сяду за работу, И так жилось недурно много лет, Но в этот год таких порядков нет. Мне совестно признаться: я томлюсь Каким-то злым мучительным недугом. Гонюсь с ружьем за перелетной птицей И чувствую, как вольный ветер нив]
	б	Покинул я противную столицу И вновь поля родные увидал. Я посещал Париж, Неаполь, Ниццу, Но я нигде так сладко не дышал, Как в Грешневе. За перелетной птицей Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Вместо 1—7 Беловой автограф		[Приехал я в деревню. Каждый год Гнездо отцов я посещаю; летом Я там живу, там становлюсь поэтом, Благодаря отсутствию забот.]
4—7		В тени ее лесистых берегов Я и теперь на лето укрываюсь И в сентябре в столицу возвращаюсь С запасом сил, здоровья и стихов.
Вместо 34—40 Черновой и беловой автографы		Я им с тобой, читатель мой! как с другом, Недуг не нов: зовут его хандрой, Бывало я гонял его мечтой Иль хоть смягчал трудом по крайней мере, А ныне он — бессменный спутник мой.
45—49 Черновой автограф		Когда шестой десяток настает, Приходит к нам нежданная забота Свести итог... О юноши! придет Она и к вам, настанет ваш черед Сводить концы, рассчитываться строго
45—49 Беловой автограф		[Когда шестой десяток настает, Приходит к нам нежданная забота Свести итог... О юноши! грозит

Она и вам! Настанет ваш черед
Придет пора рассчитываться строго]

Вместо 52—54 Черновой автограф

В душе своей я ощущаю бога.
Да, он придет, незримый ему бог:
От юных лет готовьте ваш итог.
И бился я, пока не изнемог —
Бесплодный труд, о том ни слова,
И не решив вопроса рокового,
Рук приложить я к делу не могу.

Вместо 55—58

А если я, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Их объяснить и пробую порой,
Суровый бог качает головой.
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство — в ошибке роковой

59—61 Беловой автограф

[Ошибок ли... Он даст двойное зренье
Твоим очам, он память оживит,
Привьет уму пытливое стремленье]

Вместо 59—71

[Сначала я, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Их извинял; качая головой,
Суровый бог смеялся надо мной,
Печальный ум тревогой наполняя,
Всю жизнь мою со мною разбирая,
Он овладел убитою душой.
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство — в ошибке роковой...

6

Жестокий бог! он дал двойное зренье
Моим очам; он память оживил,
Привил уму пытливое стремленье
И сон прогнал — и жалость умертвил]

59—62

[Мои вины наивно извиняя,
Суровый бог насмешливо внимал.
Моим очам он дал двойное зренье,
Родил в уме пытливое волненье
И наконец душою овладел]

Вместо 61—90 ОЗ, ПП

Родил в уме, истерзанном тоской,
И, проследив со мной неутомимо
Всю жизнь мою, вопрос неотразимый
Насмешливо поставил предо мной:
Зачем ты жил?..

. . . .

Вместо 62—90 Беловой автограф

«Ты даром жил, забвенье твой удел», —
Он, жизнь мою читая, повторяет . .
. . . .
Ужель он прав? Мучительный вопрос!

Вместо 69—78 Наброски

Пристыженный, печалью удрученный,
В жестокости судьбы неблагосклонной
Стараюсь оправданье им найти .
Но слезы лить над прожитыми днями —
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути —
И скучно и бесплодно. . . Принимаюсь
За книгу, за газету. . .

Вместо 69—159 Первоначальная редакция

Пристыженный, тоскою удрученный,
В жестокости судьбы неблагосклонной
Стараюсь оправданье им найти.
Но слезы лить над старыми грехами,
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути —
Напрасный труд — и скучный и бесплодный.
Беру ружье, зову послушных псов,
Иду к реке, кормилице народной,
Текущей мимо многих городов
И деревень. . . Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны. . .
О чем их грусть? Бывало каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь попутных деревень. . .
Они, они поэту рассказали
Народные несчастья и печали!
Я заразился грустию от них
С младенчества, но мил мне ропот их. . .

Под берегом, где вечная прохлада,
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неугомонный рой.
А там вдали, в открытом чистом поле
Видна лошадка: воля ей дана,
Но бедная не радуется воле.

Слежу за ней: не движется она
И кажется невероятно тучной.
Над ней кружится тоже рой докучный,
Но уж она не борется с врагом.
Не шевельнув ни гривой, ни хвостом,
Как вкопанная час она стояла
И наконец шатнулась — и упала!

Над нею солнца раскаленный шар,
Кругом поля — вот с высоты спустился
Степной орел, над клячей покружился
И царственно уселся на стожар.
В чем дело, он додумается к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

Не весел вид реки и берегов,
Свистит кулик, летает рыболов,
Добычу карауля, как разбойник.
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

Иду на шелест нивы золотой.
Убогие бесплодные равнины!
Недавние и страшные картины,
Сжимая грудь, встают передо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?..

Вместо 69—74 Беловой автограф

[Измученный бесплодною работой,
Гоню его стихами и охотой,
Но он идет за мною по пятам
Как тень моя. В любимый труд, в забаву
Мешает он во всё свою отраву]

Вместо 91—99 Черновой автограф

[Враги мои! для вас я прибавляю,
Что я себя героем не считаю,
Как ваша злость неверно заключит:
К тому нейдет название героя,
Кто лаврами победы не увит]

Вместо 96—101

Решай же ты, кем взыскан я не в меру!
Реши вопрос и подведи итог,
Я сам в его решеньи изнемог,
Я покорюсь. Но не забудь одно —
Я человек, каких на свете много,
Умеренно от бога мне дано.
Кто на щите не вынесен из боя
Иль лаврами победы не увит,
Тот не герой — во мне нет сил героя,
Я рядовой (теперь уж инвалид).

Вместо 103—104 Беловой автограф

[Воскресни вновь — и, крылья расправляя,
Весь божий мир со мною облети!
Воспрянь! Хандрить над старыми грехами —
Что осенью следить за облаками
В томительном и медленном пути,
Напрасный труд — и скучный и бесплодный...]

Вместо 106—108	[Иду к реке — любимице народной, Кормилице посадов, городов, Перепелов пуляя по пути. Я подошел: знакомой грусти полны]
118—119	[По круче овцы бродят беззаботно, Как рекруты остриженные плотно]
120—123 Наброски	Не весел вид песчаных берегов. Степной кулик да хищный рыболов Задумчиво кружатся над водою, Бурлаки тянут барку бечевою...
126—127 Беловой автограф	[Чу! ржет табун! Трава в лугу на славу, Но лошадям не до травы пришлось]
Вместо 132—143 Наброски	Недуга, жертвой первой Сражающего [русские] бедные стада Опущен хвост, защита от шмелей. И уж она не борется с шмелями, Летающими тучами над ней, И голова понурена... Недвижно, Как вкопанная
132—137 Беловой автограф	[Лишь пегий конь вдали один стоит, Не ест травы, хвостом не шевелит, Несчастный конь, ненатурально-тучный, Ты поражен недугом роковым... Над ним снует такой же рой докучный, Но он стоит понур и недвижим...]
Вместо 138—142	*а* [Я подошел проворными шагами — Мой конь дышал всё реже, всё слабей, Алела кровь, добытая шмелями, По всей спине, струилась из ноздрей] *б* [Я подошел проворными шагами. Алела кровь, добытая шмелями, По всей спине, струилась из ноздрей. Мой конь дышал всё реже, всё слабей] *в* Я подошел проворными шагами — По всей спине, усеянной шмелями, Алела кровь, струилась из ноздрей. Я наблюдал жестокий пир шмелей, А конь дышал всё реже, всё слабей.
160—161	[Помилуй бог! По скату нивы к лугу Иду межой. Чу! женщина поет]

(В беловом автографе главки 11—14 шли в ином порядке: 13, 14, 11, 12; ст. 172—179 вписаны после перестановки главок.)

108

После 20 Автограф Власа возили на <*нрзб.*> в Питер.
Боек поехал — вернулся молчком.
«Эта ли книга? Да сколько в ней литер?»
Всё приставали... Теперь мы их жжем]

110

Вместо 1—4 Автограф ПД

[Науму сорок третий год.
Наум не глупый малый,
Имеет паточный завод
И дворик постоялый.

Его харчевенка стоит
На самом «перекате»]

9—12

а [И стал родить нагой пустырь
Картофель — объеденье!
Вблизи Бабайский монастырь
И Рыбница — селенье]

б [Зазеленел, зацвел пустырь
Картошкой, огурцами.
Будил Бабайский монастырь
Наума с пастухами]

в [Картошку стал родить пустырь,
Возделанный грядами...
Будил Бабайский монастырь
Наума с пастухами]

Вместо 89—92

О Русь! [Проснись или пади]
Живая кровь в твоей груди
Иль только гной тлетворный?
[Проснись!] Доколе поведет
[Передовые силы]
Святая вера в твой народ

Вместо 101—110 Автограф

а [Хоть может быть я был бы рад
Оставить миру племя,
Но... я родился невпопад,
Лихое было время]

б [Хоть я с Наумом из причин
Различных соглашался,
Каких? то знаю я один,
Читатель догадался,
И слава богу! кто не рад]

113—116
Наброски
	Да, было некогда любить.
	  Родись в другое время,
	Я пожелал бы, может быть,
	  Оставить род и племя

125—127 *Автограф*	[Мгновенно звездочка блеснет На пасмурной лазури, И буря новая идет]

Вместо
129—132
	[Над одинокой головой
	  Не так и тучи черны...
	Но бури дух сломили мой —
	  И долги и упорны —
	
	Сломился я... теперь мне жить...
	  Под старость дни так вялы]

129—130 *Автограф* *и наборная* *рукопись*	Изнемогая под грозой, Подавленный, усталый

После 136
Наброски,
автограф
	Иное дело мой Наум —
	  Он не тужил нимало
	Имел он здравый русский ум,
	  Но сердце в нем дремало.

149—153
Автограф
	[Тележка — клад. Нельзя прочней
	  Окованы колесы,
	Хвосты и гривы у коней
	  Расчесаны как косы.
	Блестят копыта; на шлеях]

191—192 *Ранний* *набросок*	*а* [Прежде были помещичьи крепи, Нынче барин — кулацкая крепь...] *б* Порешились помещичьи крепи, Входит в силу кулацкая крепь...

После 192
Автограф
	Тоне́нько дело я веду,
	  Идут ко мне с охотой:
	Ссужу попавшего в беду,
	  А мне воздай работой...
	
	Чего же мне недостает —
	Была жена, да через год

201—204	*а* [Я почему-то вспомнил вдруг
	  Засохшую рябину
	В моем саду: там ткал паук
	  Всё лето паутину]

б [Я почему-то вспомнил вдруг
О яблоне красивой
В моем саду: там жил паук,
Паук трудолюбивый]

в [Я отвечал ему не вдруг.
Припомнил я рябину
В моем саду: там ткал паук
Всё лето паутину]

г Я отвечал ему не вдруг.
Я вспомнил клен красивый
В моем саду: там жил паук,
Паук трудолюбивый.

Вместо 233—236

а [Увы! в последний мой приезд
Наум неузнаваем:
Любимых рыжиков не ест,
Не лакомится чаем]

б [Увы! в последний мой приезд
Я не узнал Наума,
Он похудел, он мало ест,
В глазах печаль и дума...]

После 236 Наброски

Наум не скажет никому
О чем, какая дума —
Известно богу одному,
Да мне — я друг Наума...

Не то чтоб мне он рассказал,
А сам я догадался

И тяжко тяжко старику,
С чего тоска напала?

После 236 Автограф

[Спросил я: как идут дела?
«Барыш!» — сказал купчина...
Откуда ж грусть к нему пришла?
Какая ей причина?

Несут с настойками поднос,
С закусками посуду,
Наум мне рюмочку поднес:
«Я пить один не буду!»

— «Я рад бы с вами, да невмочь!»
Но я пристал нещадно,
И напились мы в ту же ночь
Наливками изрядно.

Трещало сутки в голове,
Зато разгадку знаю.
Назад тому недели две
Наум, напившись чаю]

Вместо Наброски 237—248

Стыдненько будет рассказать,
Да так и быть. Послушай!
Какой-то Ваня ночевать
Зашел ко мне с Танюшей.

У парня вьются волоса
Чернее темной ночи,
У девки русая коса
И голубые очи

237—242 Автограф

[Сидит хозяин у ворот,
Любуется звездами,
Свистит последний пароход,
Рабочие толпами

Уходят с Волги на покой,
Летит на отдых птица]

245—252

[У девки русая коса
И очи с поволокой,
У парня вьются волоса;
И статный и высокой.

Красивы — любо поглядеть!
У них и смех и шутки,
Не могут оба посидеть
Спокойно ни минутки]

261—264 Наброски

Ночуйте с богом! .. У меня
Прохожему приволье,
«Кто вы?» — «Мы дальняя родня,
Идем на богомолье!»

297—300

Как кипень белая рука!
У Тани грудь нагая,
Закрыта левая щека
Косой... горит другая

111

3—10 Черновой автограф

Старо, не правда ли, печь хлебы из муки?
Однако ж из песку, попробуй, испеки!
О русский юноша! Есть темы выше моды:
Не старят их века! И знай: пока народы
Влачатся в бедности, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам, —

[Дотоле им служить не перестанет Муза
И с ними не прервет священного союза!]

После 10

Народного врага клеймить и бичевать,
А друга лаврами стяжанными венчать,
Народные черты усердно подмечая,
Их в книгу поместить, о славе не мечтая.

13—14 Наброски

[К народу возвращать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить ты можешь, лира? . .]

Вместо 35—36

В тяготы мужика; в напевы сельских дев,
Иль так же горестен нестройный их напев?
Им много что на час сомкнуть придется вежды,
То жгучая тоска, то тихие надежды
Волнуют грудь мою; в знакомой песне

43—44 Беловой автограф

[Народного врага проклятью предаю,
А друга — лаврами венчаю и пою. . .]

47—49 Наброски

Чу, лес откликнулся! чу, Волга вторит мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены стенания поэта

113

Наброски

Законники, банкиры, мореходы
И воины — вам слава и венец!

За честный труд, за подвиг дерзновенный

Кто наш герой? Победоносец воин,
Сам никогда не бившийся в боях,
Кем бог забыт, кем хитрый ков подстроен

Достойны<е> названия удачи,
Великими считаются дела
И тратится на мелкие задачи
Так много сил и жертвам нет числа

Пути достойные поэта гражданина

Наш век умен, но мало проку в том,
Не стала жизнь ни доблестней, ни шире,
Два лагеря как прежде в божьем мире,
В одном рабы, властители в другом.
Наш бог банкир — другого мы не знаем,
Его сундук железный несгораем,
И сердце недоступно ничему,
Но — всё равно! — мы молимся ему

Лишь ты забыт художник вдохновенный

1—2 Наборная рукопись	[Мельчает мир... святыни нет у мира.., Жестокий век! век крови и меча!]
После 4 Наброски	Кричит толпа и гонит за пределы Живой борьбы ненужного певца, И в грудь его летят тупые стрелы [Завистника, невежи и глупца] Стяжателя, холопа, мудреца
После 4 Наборная рукопись	[Железный век! Ты гонишь за пределы Живой борьбы художника-певца, И в грудь его летят тупые стрелы И торгаша, и практика-дельца.]
5—6	[И он ушел... он подчинился веку! Поэзии замолкло божество...]
13—22 Наброски	*а* Не верь, поэт! Кому служить, каким путем идти. Служи рабам! художник неподкупный, До красоты, всем зримой и доступной, Сокровища науки доводи — Служи рабам! Не мертвыми очами Учи рабов природу созерцать И к подвигу врожденное стремленье В живой душе разумно направлять! Народ — дитя — в его дела и чувства *б* Дай сил в борьбе с нес<метными> врагами, Упадший дух взнеси на высоту, Чтоб созерцать не мертвыми очами Мог человек добро и красоту
После 16 Наборная рукопись	[Он низко пал — оплачь его паденья.., Отвагу влей в его больную грудь,]
После 16 Наборная рукопись, ОЗ, копия	С любовию оплачь его паденья С надеждою — пролей отвагу в грудь, И к подвигу врожденное стремленье В живой душе поставь на правый путь!.. О возвратись, художник неподкупный! Любовь к Добру, к прекрасному буди, До Красоты всем зримой и доступной Сокровища науки доводи!
19—21 Наборная рукопись	[Сгубивших мир! .. С путей Любви и Братства, Проложенных усильями веков, Мир совращен. Его дела и чувства]

114

1—4 Наброски

Телега въехала во двор,
Гремя бесчеловечно,
«Здорово, дедушка Егор!»
— «Ночуете?» — «Конечно»

5—8 Черновой автограф

Спрыгнули псы; и лай и шум
Пошел на всю деревню,
Навстречу выбежал Наум
И ввел меня в харчевню

Вместо 17—20

[Он выпил водки — и не раз —
И скоро разболтался.
Я записал его рассказ.]

Вместо 21—28

а [Со мной особая беда:
Как были мы рабами,
Нас донимали господа,
Теперь мы ищем сами.

Признаться, были тяжелы
Последние два года]

б Я был дворовый: прадед, дед
Помещикам служили
(Далее — окончательный текст.)

41—44

[За каждый шаг благодарит.
Сгрублю — молчит, уступит,
Напьюсь — весь день не говорит,
Солгу — глаза потупит! . .]

Вместо 49—52 Наброски

Привычки рабства покидай,
Винись, коли ошибся,
А прав — обиды не спускай

49—52 Черновой автограф

Привычки рабства покидай,
Сплошал — так сознавайся,
А прав — обиды не спускай,
Не лги, не унижайся! . .

57—59

[Я униженья не терплю,
Будь горд! не унижайся,
И если я когда вспылю]

После 72 Черновой автограф, наборная рукопись

Затопал бешено ногой,
Осыпал бранью ярой,
Как будто вновь передо мной
Воскрес помещик старый!

73—74 Черновой автограф

[Тут я: «Потише господин!» —
И ляпнул грубость тоже]

После 76 Наброски

а Я был дворовый человек,
Нас барин бил, нас барин сек,
А не было так стыдно

б [Я был дворовый человек,
Видал всего довольно,
Помещик нас нередко сек,
А не было так больно. . .]

77—78 Черновой автограф, наборная рукопись

Я поскорей из спальни прочь,
Чуть не реву коровой

85—92 Наборная рукопись

[Настало утро — не зовет!
Прибравши всё в столовой,
Принес я чай ему — не пьет!
Я постоял — ни слова!

Весь день как раненый стонал
В уборной под халатом,
А ночью в стену постучал
Легонько (спал я рядом).]

Вместо 89—92 Наброски

Ушел а вечером как тать
Пришел к моей кровати,
И та же песенка опять:
Ударь меня, Панкратий!
Мне легче будет

101—108

Так, что ли? Ну! Скорее — хлоп!
И оба правы, святы. . .»
— «Не так! Вы барин — я холоп! —
Сказал я, — вы богаты,

Я беден. Должен я служить,
Покуда есть терпенье.
А коли бить, так просто бить. . .
На что тут позволенье?»

115

1—4 Черновой автограф

Ночь была холодна и светла,
Звезды крупные в небе стояли,
Нас охота в тот день завела
Далеко — мы ночлега искали

После 4 Черновой автограф, наборная рукопись

Бесконечная черная гарь,
Ямы, рвы, головешки, коренья!
Только ночи таинственный царь
Добровольные наши мученья

Видит с неба. Еще до зари
Мы зашли в эти страшные гари
(Завлекли нас сюда глухари —
Осужденные прятаться твари).

Дичь убитая плечи гнетет,
Тело грешное отдыха просит,
Но охотник скорее умрет,
Чем трофеи победные бросит!

Вместо 9—16 Черновой автограф

«Слава богу! нашелся ночлег!
Что за люди там? табор цыганский?
Вряд ли? нет ни коней, ни телег.
Не косцы ли? Покос христианский
Отошел... Пастухи ли огонь развели?»

Наборная рукопись 13—16

[«У цыган не зажжены огни,
Красный цвет у них первое дело!»
— «Косари?» — «Кабы были они.
Хоть одна бы девчонка тут пела!»]

Вместо 25—40

[«Не видали. Пожар! Отчего?» —
Мой вожатый воскликнул, вздыхая;
Не ответив ему ничего,
Баба строго глядит, а другая,

Две картошки достав из золы,
Сует дочке, заснувшей у груди.
Слабы, холодны, голодны, злы
Были эти несчастные люди.

Старый дед, как мертвец изнурен,
У сосенки сидел под рогожей
И ребят, словно царь Соломон,
Оделял уцелевшей одежей.]

37—40 Черновой автограф

Патриархом библейских времен
Он глядел, облаченный рогожей,
Он ребят словно царь Соломон
Оделял уцелевшей одежей.

57—60 Черновой автограф, наборная рукопись

— «Погорели у вас и леса!»
— «Погорели!» — «А добрые были!»
— «Заслоняли они небеса,
Волки с голоду страшно в них выли!»

116

18—20 Автограф

Говорит вожатый мой:
«Есть тут валенки, надень-ка,
Да закройся с головой!»

После 20

Знать ты ухнул за колени,
А уж я-то как продрог!»
Выслал он семейство в сени
И в избе со мною лег.

51—52

[Да зато — мы целы дома,
А бывало — боже мой!]

После 64

Время рабства векового
С корнем вытравить ростки,
Духа бодрого, живого
Приобщились мужики

65—68

[Всё, что бедно, робко, голо,
Скоро взглянет веселей,
Есть у вас в деревне школа?»
— «Есть!» Побольше б их скорей.]

117

1—2 Автограф ЛБ

Старый дом, позабытый с рожденья.
Я вернулся сюда умереть.

5—6

Я любил неудачно; в угоду
Сильным мира души не ломал;

9—10

Да и дружеских связей сердечных
Не имею: мне с детства судьба

9—10 Автограф из собр. К. Чуковского

Даже дружбы, союзов сердечных
Не осталось: мне с детства судьба

119

После 4 Копия Добролюбова

Клейнмихель прочь, Перовский умер,
<*Недописано*> нумер

5—12

Кругом воров открылась масса,
Повсюду ложь, обман и зло;
Лишь первые четыре класса
Остались чисты как стекло

Мужик не вынут из-под пресса,
Но уж программа издана.
Как быстро <по пути прогресса
Шагает русская страна>.

17—20
ОЗ

Зато теперь у нас не странность
Слова прогресс и либерал
И слово звучное — гуманность
Почти что забрело в квартал.

131

Черновой набросок, автограф

Куда ни обращаешь взор,
Повсюду жалобы да писки,
Жив «Современник» до сих пор
Чуть живы «Время» и «Записки»,
Читатель стал чудак большой
Нейдут Краевского изданья
И над Громекиной главой
Летают бомбы отрицанья,
Как повествует сей герой,
В пренебрежении науки
[Мальчишек попраны стопой
В искусстве издавна застой]

40, сноска 3
Сводный автограф

Говорит в своей газете
Публицист Иван Аксаков
Позабыли всё на свете
Мы для модных брюк и фраков
Франция для нас блаженство

44, сноска 1

Прекратить в замену вы
Получайте «Современное
Слово»... Нет большой беды
Тоже изданье препочтенное —
И будь счастлив — и т. д.

135

41—44
Автограф

а И запел потом издатель
Тамберличьим ут-диес
Позабыл его создатель
Так помог хоть бес.

б И твердит теперь издатель
В назиданье для повес
«Коль отступится создатель
Помните, есть бес».

142

Наброски плана и отдельные стихотворные наброски

Достойный отчизны и века
В стране был храм,
Где царства святыни хранились,
Но был он и тесен и ветх по стенам
Летучие мыши гнездились

Всегда молчалив, нелюдим
Забыв обольщения света,
Он долго над планом великим своим
Работал в тиши кабинета
И ум всеобъемлющий всё начертал,
Великое в целом провидя,
На каждую частность идею давал

На каждую отрасль работ пришли лучшие люди, и было в их сердцах желание положить свою жизнь и силу на славу отчизны

Хорошо описать *новых*

Испугались
выдвинет новых людей
Создание храма ты нам поручи
Мы опытны, преданны
А там какие еще будут люди
Царь склонил слух

Непризнанные строители
Под зноем под хладом стояли они.
Кто понял — те ушли, увидя, что делается дело
Последние дельные люди.
Иные вернулись к работе домой,
Иные в столице остались

И мудрые мужи за дело взялись
помощники нашлись
льстили

И дело с того началось, что они,
Любившие старое зданье,
Которое было в их юные дни,
Их собственной мысли созданье,

И было им многое жаль истребить
Из старого ветхого зданья,
Насильственно новую мысль подводя,
И начали новую мысль подгибать
Под рост старины им любезной

Сплотившись в коварный и дружный кружок,
Лишь тех отличали вниманьем,
Кто их заслонить перед троном не мог
Энергией, разумом, знаньем

И каждая трудность пугала их ум
По-своему делать желали
От плана они отступали

И к старому что видеть привыкли любовь
Связывала им руки
Многое оставили прежнее, нарушая
Гармонию целого
Они убедили царя воспретить
словом
Зане по частям невозможно судить
О целом, еще неготовом.

И ежели кто движимый истиной замечал,
По проискам их попадал в опалу.
И паника прошла по стране,
И строилось зданье в немой тишине,
Как будто копалась могила

Вельможи его клеветой обнесли,
в тюрьме держали,
К царю привели
Разгневанный царь, не щадя седины,
Казнить повелел его тут же,
Забыв поговорку своей же страны,
Что ум хорошо, а два лучше.

Вместо 141—148

[Они объявили царю, что старик
Известен давно за злодея
И много собрав небывалых улик
Вручили царю не робея
И царь повелел не щадить седины
Казнить дерзновенного тут же
Забыв поговорку своей же страны,
Что ум хорошо, а два лучше]
И притчу напомнил о новом вине,
Что портилось в старом сосуде
И в сердце глубоко обижен
видит
Что ими принижен

После 157

Блуждая по портикам, сводам, стенам
Художника взором орлиным,
Царь видит богато украшенный храм,
Нет счета статуям, картинам

Царь видел его без отрады,
Но всё ж в бесконечной своей доброте
Строителям роздал награды

И сам он угрюмее стал
уединенья
О плане своем тосковал,
Не видя его воплощенья

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты произведений, вошедших во 2-й том, подготовили и комментировали: М. Я. Блинчевская («О погоде», «Газетная», «Балет», «Песни о свободном слове», «Суд», «Недавнее время» и другие стихотворения — №№ 50—54, 56, 58, 65—72, 76, 90, 132—133), В. Э. Вацуро («На Волге», «Рыцарь на час», «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» — №№ 18—19, 73—75), Т. П. Голованова («Мороз, Красный нос» — № 35), А. Л. Гришунин («Коробейники» — № 24), Е. И. Кийко («Русские женщины» — №№ 91—92), А. Б. Муратов («Притча о „Киселе“», стихотворения — №№ 2, 57, 77—87, 93—117, 138, 141—150), С. А. Рейсер («Дедушка», стихотворения — №№ 88—89, 140), Н. Н. Скатов («Железная дорога», стихотворения — №№ 1, 3—17, 20—23, 25—34, 36—49, 55, 59—64, 118—131, 134—137, 139).

I

* 1. С, 1857, № 9, с. 115 (др. ред.), в составе пяти глав, с пропуском ст. 107—114 и ст. 149—152, с цензурными искажениями ст. 40, 88, 179; Изд. 1861, ч. 1, в составе четырех глав, с восстановлением пропуска ст. 107—114. Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 243, где, как сообщает редактор этого изд. С. И. Пономарев, произведение напечатано «с немногими исправлениями, указанными самим автором» (т. 4, с. XLIX). Автограф главы 3, с датой «28 дек<абря> 1856. Рим», — ЛБ. Глава 3 написана в Риме в декабре 1856 г. и посвящена окончившейся Крымской войне, осаде Севастополя, героизму его защитников. Известно, что Некрасов хотел ехать в Севастополь. См. его письмо к И. С. Тургеневу от 30 июня — 1 июля 1855 г. (ПСС, т. 10, с. 222). Глава 4 в тексте С (см. варианты) содержала ряд сочувственных строк о реформах Александра II. Видимо, это было тактическим ходом, а не результатом заблуждений или иллюзий, о чем можно судить по письму Некрасова к И. С. Тургеневу от 25 декабря 1857 г.: «Кстати расскажу тебе быль, из коей ты усмотришь, что благонамеренность всегда пожинает плоды свои. По возвр<ащении> из-за границы тиснул я «Тишину» (наполовину исправленн<ую>), а спустя месяц мне объявлено было, чтоб я представил свою книгу на 2-е издание» (ПСС, т. 10, с. 375—376). Цензурное вмешательство привело к существенному искажению ряда строк. Вместо «Тяжеле стонов не слыхали» в С напечатано: «Молитвы жарче не

слыхали». Вместо «Проклятья, стоны и молитвы» напечатано: «Прощанья, стоны и молитвы». Вместо «Ни божьих, ни ревижских душ» напечатано: «Безропотно-покорных душ». После смерти поэта было найдено следующее написанное им «Объяснение касательно стихов, признанных неудобными к печатанью, из стихотворения „Тишина“»:

«Пусть *ропот укоризны*
За мною по пятам бежал.

Здесь автор разумел дошедшие до него за границу слухи, что многие обвиняли его в нелюбви к родине.

Христос снимет
С души оковы.

Никакая мирская власть не может наложить оков на *душу,* равно как и снять их. Здесь разумеются *оковы греха, оковы страсти,* которые налагает жизнь и человеческие слабости, а разрешить может только бог.

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей.

Что война есть народное бедствие и что после нее остаются сироты, вдовы и матери, лишившиеся детей, — об этом я не считал неудобным упомянуть в стихах, тем более, что это уже относится к прошедшему.

Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе...

Проклинали пленные враги, *стонали* раненые, молились все пораженные бедствием войны. — Если зачеркнуть *проклятия* на том основании, что, может быть, проклинали и свои, то вслед за тем придется зачеркнуть и *стоны,* потому что, может быть, стонали не от одних ран, — а затем придется зачеркнуть и *молитвы,* потому что мало ли о чем можно молиться?

Военный поп

Известно, что после войска самые страдательные лица в войне врач и поп, едва успевающие лечить и отпевать. Поэтому, упомянув о враче, я упомянул и о попе, служащем при войске, — в этом смысле употреблено прилагательное военный» (М. Клевенский, К истории борьбы Некрасова с цензурой. — «Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 6, М., 1940, с. 42—43). Глава 1. *Римский Петр* — Собор святого Петра в Риме, выдающийся памятник архитектуры XV—XVII вв. Глава 2. *Французов с красными ногами.* Во время Крымской войны в состав французских войск входили отряды зуавов, комплектовавшиеся в основном из алжирских племен; особенностью их обмундирования были красные шаровары. Глава 3. *Молчит и он.* Слово «он» относится к Севастополю. Глава 4. *Ревижских душ.* Ревизская душа — единица учета мужского населения, подлежавшего обложению подушной податью, существовала в России с 1718 по 1887 г. Лица, с которых взимались подати, включались в особые учетные списки — «ревизские сказки» и поэтому именовались «ревизскими душами».

2. «Заветы», 1913, № 6, с. 33. Копия А. А. Буткевич — ПД. По-видимому, стихотворение написано под впечатлением жестокой расправы губернатора П. П. Новосильцева с крестьянами с. Мурмина Рязанской губернии в июне 1857 г. Об этом событии русское общество узнало из «Колокола» (1858, л. 10 от 17 февраля (1 марта) и л. 26 от 3(15) октября). Возможно, впрочем, что стихотворение не связано с этим эпизодом и написано позднее. Оно было послано Некрасовым А. С. Суворину 5 мая 1876 г. с такой иронической припиской: «Примечание для редакции. Этот отрывок пропустил г. Стасюлевич при печатании записок г. Ломачевского» («Заветы», 1913, № 6, с. 33; в дошедшей до нас копии Буткевич эта приписка отсутствует). Некрасов имел в виду жандармского полковника А. И. Ломачевского, который напечатал в «Вестнике Европы» (1872, №№ 3—5) «Записки жандарма. Воспоминания с 1837 по 1843 год». Автор «Записок» доказывал, что «голубые мундиры» в николаевскую эпоху брали на себя функции проводников «гласности» и тем самым нередко оказывались в роли блюстителей подлинной справедливости. В этой связи Ломачевский рассказывал о «справедливом» наказании розгами крестьян с. Стошаны Минской губернии, которые не хотели подчиняться своему помещику. Не исключено, однако, что приписка Некрасова со ссылкой на мемуары жандарма объясняется желанием поэта придать старому стихотворению 1857 г. злободневное общественное звучание. Стихи Некрасова могли быть восприняты как разоблачительный комментарий к «Запискам» Ломачевского. По цензурным причинам Суворин в «Новом времени» стихотворение не напечатал.

3. Изд. 1864, ч. 3, с. 42. Беловой автограф с надписью «21 августа 1863 г. Князю Д. И. Долгорукову» — ЦГАЛИ. В этом автографе ст. 1: «Стихи, стихи! свидетели живые». То же в оглавлении Изд. 1864, ч. 3. В альбоме Л. П. Шелгуновой под автографом Некрасова поставлена более ранняя дата: «21 февр<аля> 1858». Является ли эта дата временем написания стихотворения или записи в альбом — неясно. Первая строка этого автографа читалась: «Стихи, стихи! Свидетели живые...» («Литературный архив, издаваемый П. Картавовым», СПб., 1902, с. 95; местонахождение альбома Шелгуновой ныне неизвестно).

* 4. Изд. 1861, ч. 1, с. 248, с датой «1858». Ранняя редакция — в письме к И. С. Тургеневу от 27 июля 1857 г. (ПСС, т. 10, с. 354). Председатель цензурного комитета И. Д. Делянов 14 октября 1858 г. писал в Главное управление цензуры: «Так как это стихотворение, выражая в первых двух стихах слишком звучными словами деятельность наших столиц, совершенно противоположную какому-то безотрадному положению остальной части России, представленному в последующих очерках стихотворения, может подавать, по мнению комитета, повод к различным неблаговидным толкам, то С.-Петербургский цензурный комитет считает необходимым представить это стихотворение при сем на благоусмотрение Главного управления цензуры» (Зв. 5, с. 534—537). Главное управление запретило стихи.

* 5. «Колокол», 1860, 3(15) января, л. 61, с. 505, без подписи, под загл. «У парадного крыльца», с прим. Герцена: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить». Печ. по Изд. 1863, ч. 2, с. 187. Корректурный оттиск, с авторской правкой ст. 107—117, замененных на полях другими строками, — ЦГАЛИ. Датируется на основании указаний мемуаров Е. Я. Колбасина «Тени старого „Современника"» (С, 1911, № 8, с. 237). А. Я. Панаева (Воспоминания, М., 1948, с. 217) рассказывает об эпизоде, послужившем поводом к созданию произведения: Некрасов видел из окна своей квартиры, как дворники и городовые гнали крестьян от подъезда дома важного чиновника. В этом доме жил тогда министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, будущий кровавый усмиритель польского восстания 1863 г. (см. об этом: А. Гаркави, О владельце «роскошных палат». — «Русская литература», 1963, № 1, с. 153—156). Н. Г. Чернышевский писал А. Н. Пыпину в 1886 г.: «Могу сказать, что картина:

Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное —
и т. д.

живое воспоминанье о том, как дряхлый русский грелся в коляске на солнце «под пленительным небом» Южной Италии (не Сицилии). Фамилия этого старика — граф Чернышев. Вторая заметка: в конце пьесы есть стих, напечатанный Некрасовым в таком виде:

Иль, судеб повинуясь закону, —

этот напечатанный стих — лишь замена другому» (Чернышевский, т. 1, с. 754). Граф Чернышев, который упоминается в этих пояснениях, — очевидно, князь А. И. Чернышев (1785—1857), военный министр в 1827—1852 гг., позднее председатель Государственного совета. Предлагалось несколько вариантов прочтения замененной строки, о которой говорит Чернышевский. В. Е. Евгеньев-Максимов на основании рукописной копии, относящейся к 60-м годам, предложил читать: «сокрушишь палача и корону» (ЖДН, т. 3, с. 143). А. М. Гаркави прочитал эту строку так: «Иль царей повинуясь закону» («Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 9, 1961, с. 84). М. Л. Нольман предложил след. вариант: «Иль покорный царю и закону» («Ученые записки Костромского пед. института им. Н. А. Некрасова», вып. 9, 1963, с. 179). Однако все эти предположения основаны на догадках и документально не подтверждены. Последняя часть «Размышлений у парадного подъезда» со слов «назови мне такую обитель» стала одной из любимых студенческих песен. Стихотворение использовалось революционерами в их пропагандистской деятельности. Известны многочисленные рукописные копии его. Так, в хранящемся в ЛБ рукописном сборнике «Песни революции» (1905—1906 гг.) «Размышления у парадного подъезда» переписаны рукою участника Севастопольского восстания солдат и матросов в 1905 г. И. И. Штрикунова. *Записав свое имя и званье.* В праздничные дни в передних домов вельмож и крупных чиновников выставлялись особые книги, в которых расписывались посетители, не допускавшиеся лично. Такая запись заменяла поздравления и свидетельствовала о почтительности и чинопочитании расписавшегося.

6. Изд. 1861, ч. 1, с. 108. В Р. б-ке — ошибочная дата: «1867». В Изд. 1879 датировано 1858 г. Стихотворение связано с мучительными думами о народной судьбе, которые овладели Некрасовым в конце 50-х годов.

* 7. С, 1859, № 9, с. 237, с цензурными искажениями в ст. 55 и 66. Печ. по Изд. 1927, с. 63, где восстановлен подлинный текст Некрасова. Цензорская корректура — ПД. Неполная копия, сделанная рукою Добролюбова, который, видимо, снимал ее с чернового автографа, — ЦГАЛИ. Из письма Н. А. Добролюбова к И. И. Бордюгову от 20 сентября 1859 г. видно, что в ст. 55 вместо «Истиной» должно быть «Равенством», а в ст. 66 вместо «К лютой подлости» — «К угнетателям» (Добролюбов, т. 9, с. 385). Обычно песня датировалась 1858 г. Ф. И. Евнин привел ряд серьезных доводов в доказательство, что она была написана в 1859 г. (Ф. И. Евнин, «Песня Еремушке» Некрасова и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов. — Некр. сб. 2, с. 171). Добролюбов писал Бордюгову: «Милейший! Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Еремушке» Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике» ... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой! Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура! ..» (Добролюбов, т. 9, с. 385). Песня перекликается с воззваниями, с которыми обращались революционеры-шестидесятники к молодежи. «Имелось в виду, — писал А. А. Слепцов, — обратиться ко всем трем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля ... Крестьяне, солдаты, раскольники. Здесь три страдающих группы. Четвертая — молодежь, их друг, помощник, вдохновитель и учитель. Соответственно с этим роли были распределены следующим образом ... молодое поколение взяли Шелгунов и Михайлов» (М. Лемке, Политические процессы в России 1860-х годов, М., 1923, с. 318). В прокламации, в частности, говорилось: «Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий» (там же, с. 79). Сохранилось свидетельство О. М. Антонович-Мижуевой, что «Песня Еремушке» создавалась Некрасовым на квартире Добролюбова в непосредственном с ним общении (В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов в кругу современников, М., 1938, с. 140). Песня приобрела необычайную популярность. Современница вспоминает: «Когда старшие заставляли нас подчиняться стариной освященным обычаям, которые приходились нам не по вкусу, мы отвечали словами из «Песни Еремушке»: «Будь он проклят, растлевающий пошлый опыт — ум глупцов!» — и говорили сами себе: «Силу новую животворных новых дней в форму старую, готовую необдуманно не лей!» Я, конечно, не могу утверждать, что под влиянием «Песни Еремушке» возникла описанная Тургеневым в «Отцах и детях» рознь между двумя поколениями, но эта песнь, во всяком случае, служила первым воплощением этой возникшей тогда розни. В Некрасове подраставшее поколение видело мощного защитника всех возникавших в то время новых стремлений» (Е. Л<итвинова>, Воспоминания о Н. А. Некрасове. — «Научное обозрение», 1903, № 4, с. 131).

* 8. С, 1860, № 3 («Свисток», № 4, с. 30), со вступительной заметкой и прим. Н. А. Добролюбова. В прижизненные издания Некрасова не входило. Включено в Изд. 1879 в соответствии с пожеланием поэта (см. ниже). Перепечатано также в посмертном издании «Сочинений Н. А. Добролюбова», СПб., 1862, т. 4, с. 471. Автограф (наборная рукопись) — ПД. Хотя текст написан рукою Некрасова, очевидно, некоторые стихи принадлежат Добролюбову (см.: А. Я. Максимович, Некрасов — участник «Свистка». — ЛН, № 49—50, с. 299—348). Впоследствии Некрасов исключил стихи Добролюбова, который составил лишь примечание. 4 июня 1859 г. критик в письме к И. И. Бордюгову процитировал 26 строк иной редакции, соответствующих ст. 21 и след. (Добролюбов, т. 9, с. 361). В письме к нему же от 28 июня Добролюбов пояснил: «Изображение Москвы, столько тебя устрашившее, принадлежит мне менее чем наполовину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились, и, конечно, все лучшие стихи его» (там же, с. 371). Перед смертью Некрасов продиктовал сестре заметку о «Дружеской переписке», где пояснил, что все стихи принадлежат ему, а Добролюбов написал только шуточные прим. «Эту пьесу я не хотел зачесть своею при жизни ... Теперь ею можно воспользоваться для статейки обо мне и ввести ее в приложение, когда будет издание моих сочинений» (ПСС, т. 12, с. 24). «Дружеская переписка» представляет собой сатиру на славянофилов, на казенный патриотизм и либеральное краснобайство. Московское стихотворение. *Святого ничего — одна утилитарность!* В утилитарности были обвинены, в отличие от Москвы, Петербург и другие города во вступительной статье к сб. «Утро» (М., 1859, с. 11—12). *И против гласности стишонки сочиняет.* Гласность — излюбленный лозунг либералов, считавших, что некоторые цензурные облегчения, наступившие после смерти Николая I в 1855 г., обеспечат путь к демократическим свободам. Петербургское послание. «Петербургское послание» внешне пародирует «Песнь Миньоны» Гете — «Kennst du das Land...» («Ты знаешь край...»). Вообще в тексте Некрасова много пародийно использованных заимствований из известных стихотворений, в основном консервативной псевдопатриотической поэзии. *«Русский вестник»* — общественно-литературный журнал, выходивший под редакцией М. Н. Каткова (1818—1887) в 1856—1887 гг.; в 50-е годы умеренно-либеральный орган, с начала 60-х годов резко повернул вправо и вскоре превратился в крайне реакционный, шовинистический журнал. *Кокорев* В. А. (1817—1889) — миллионер, откупщик, автор ряда статей по экономическим вопросам в РВ и других изданиях. *Ученый Бабст стихами Розенгейма Там подкрепляет мнения свои.* В московском журнале «Атеней» (1858, № 46) буржуазно-либеральный экономист И. К. Бабст (1823—1881) поместил «Объяснение» (по поводу акциза на вино), где процитировал стихи либерального поэта М. П. Розенгейма (1820—1887):

Ну, и напишешь: властям непокорны;
Этим, брат, всякого можно унять.

Там сомневается почтеннейший Киттары и т. д. На торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1858 г. профессор Модест Киттары (1824—1880) выступил против телесных наказаний, но прибавил: «Я прибегаю к ним

очень редко в минуты сомнения в непогрешимости моего взгляда» («Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1858 г.», М., 1858, с. 8—9). *Там Павлов Соллогуба, Байборода Крылова обличил.* В это время в Москве нашумела полемическая статья Н. Ф. Павлова «Разбор комедии В. А. Соллогуба „Чиновник"» (М., 1857), напечатанная в РВ. Н. И. Крылов (1808—1879) — профессор римского права, обличенный Байбородой в невежестве (РВ, 1857, № 8); Байборода — коллективный псевдоним М. Н. Каткова, Ф. М. Дмитриева, П. М. Леонтьева. *Там Шевырев был поражен сугубо.* 14 января 1857 г. на заседании Совета Московского художественного общества резкая полемика между англоманом гр. В. А. Бобринским и С. П. Шевыревым закончилась тем, что Бобринский вызвал Шевырева на дуэль. Когда Шевырев отказался, Бобринский избил его. В журнальном тексте вместо фамилии Шевырева стояло: ***. Но в прим. Добролюбов ясно намекнул, кого здесь нужно иметь в виду. *Там сам себя Чичерин поразил.* В 1858 г. профессор Б. Н. Чичерин написал Герцену письмо в защиту русского правительства и с нападками на Герцена. Когда Тургенев, Анненков, Бабст и др. обратились к Чичерину с письменным протестом, он отправил их письмо Герцену и таким образом сам себя поразил (см.: Герцен, т. 13, с. 404—406, 416—417, 597—599). *Там область празднословного романа Мужчина передал в распоряженье дам.* В РВ сотрудничало много женщин: Евгения Тур (Е. В. Салиас), Кохановская, Ю. В. Жадовская, Каролина Павлова и др. В своем прим. Добролюбов иронически упоминает среди писательниц поэта Н. Ф. Щербину и публициста С. С. Громеку. *Устами Чаннинга о трезвости поют.* Перевод речи американского священника Уильяма Чаннинга «О трезвости», произнесенной в Бостоне в 1837 г., был напечатан в РВ (1859, № 20). *Там люди презирают балаганство.* В МВ, 1859, 23 апреля, «Свисток» был назван «балаганным отделом» С. Нуждаются в пояснениях и след. реалии в первоначальных редакциях «Дружеской переписки». *Где, Гегелю по мудрости ровесник, Катков науку с жизнию мирит.* М. Н. Катков много занимался философией Гегеля. *Мечтательная дева, с Инсаровым бежавшая* — Елена Стахова, героиня романа И. С. Тургенева «Накануне» (1860). *Где дочь свою замужнюю наместник* и т. д. Эти строки направлены против графа А. А. Закревского, выдавшего дочь за чиновника своей канцелярии кн. Д. В. Друцкого-Соколинского при жизни первого мужа и без развода с ним (В. В. Руммель и В. В. Голубцов, Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I, СПб., 1886, с. 258 и 291). *Там хрестоматию Галахов сочинил.* «Русская хрестоматия» историка литературы и педагога А. Д. Галахова (1807—1892) впервые вышла в Москве в 1842 г. и потом неоднократно переиздавалась. *Там против Зотова народная подписка.* Вероятно, шестой куплет все же был написан Добролюбовым, так как критик был единственным сотрудником С, который отнесся отрицательно к коллективному протесту против антисемитской статьи литератора В. Р. Зотова (1821—1896), не принимая этого протеста всерьез и иронически относясь к такого рода проявлениям «гласности» в условиях русской жизни. О протесте Зотову см. также прим. 125. К. С. *Аксаков* (1817—1860) — видный славянофил; в соответствии с догмами славянофильства писал о необходимости для России вернуться к

«своим древним основным началам» («Молва», 1857, №№ 4 и 6). Эти статьи и имеет в виду Некрасов в стихах: «учил ходить нас наподобье раков». *Черкасский там запутался в сетях.* Князь В. А. Черкасский (1824—1878) — видный деятель славянофильского лагеря, участник подготовки крестьянской реформы; в статье «Некоторые общие черты будущего сельского управления» писал о необходимости «в случае особенного бесчинства крестьян» предоставить старосте право наказывать их плетьми («Сельское благоустройство», 1858, № 9, с. 248). *Там граф Толстой «Альберта» сочинил.* Рассказ Л. Н. Толстого «Альберт» был написан в Дижоне, но прислан Некрасову в С из Москвы (напечатан в № 8 С за 1858 г.). Некрасов считал его неудачным, о чем и сообщил Толстому в письме от 16 декабря 1857 г. (ПСС, т. Ю, с. 372). *Погодин доказал России всей* и т. д. В 1852 г. М. П. Погодин (1800—1875), историк и реакционный журналист, продал правительству часть своего «Древлехранилища» за полтораста тысяч рублей. В 1853 г. был награжден пряжкою (знак отличия) «за беспорочную службу».

9. С, 1860, № 1, с. 330, с рядом цензурных искажений, с датой «23 дек<абря>»; Изд. 1861, ч. 1. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 1, с. 162. Авторизованная копия в тетради А. Я. Панаевой — ПД; копия сделана по С; ст. 37 восстановлен рукою Некрасова, так как цензор зачеркнул этот ст. (замененный в корректуре и С дополнительной строкой точек и восстановленный в Изд. 1861), а также слова: «татарские» в ст. 64 (замененное в корректуре ПД и во всех изданиях словом «нерусские»), «наследственной» в ст. 66, «барство» в ст. 88 (еще в корректуре восстановленные Некрасовым) и «гвардия» в ст. 128 (замененное в корректуре словом «публика», но тем не менее напечатанное уже в С). Один из возможных источников «Убогой и нарядной» — стих. В. Гюго «Меланхолия». Часть этого произведения, в которой говорится о молодой швее, ставшей проституткой («Cette fille au doux front a cru peut-être, un jour»), близка к тексту Некрасова, вернее, походит на те строки его стихотворения, которые посвящены судьбе убогой. По наблюдению современного исследователя, «Некрасов придал своему стихотворению русский колорит и рассказал в нем о судьбе двух жертв социального неустройства: русской швеи и французской работницы. Любопытно при этом, что слова В. Гюго, обращенные к бедной швее:

... á présent, ce qui monte
A son front, ce n'est plus la pudeur, c'est la honte,

Некрасов переадресовал к «нарядной»: «И на лбу роковые слова: „Продается с публичного торга“» (см.: И. З. Серман, Некрасов и Виктор Гюго. — Сб. «Русско-европейские литературные связи», М.—Л., 1966, с. 131). *Ванька* — извозчик.

* **10.** С, 1861, № 1, с. 367 (ценз. разр. 29 декабря 1860), подпись: «Н. Н.». Печ. по Изд. 1879, т. 2, с. 12, где по указанию поэта исправлены ст. 17 и 33—40 (см. т. 4, с. LX). Некрасов сделал к тексту след. прим.: «Это стихотворение принадлежит в подлиннике одной английской писательнице и пользуется там известностью, вроде как «Песня о рубашке» Т. Гуда, — конечно, гораздо меньшею. Все остальное, что

она писала, плохо. Я имел подстрочный перевод в прозе и очень мало держался подлинника: у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу» (Изд. 1879, т. 4, с. LIX—LX). Упомянутая английская писательница — Элизабет Баррет Браунинг (1806—1861). Стихотворение Некрасова действительно только навеяно стихами Браунинг и по существу оригинально. Так, вместо 156 строк английского оригинала у Некрасова всего 40. О характере переработки Некрасовым стихотворения Браунинг см.: Н. Яковлев, Некрасов и Баррет Браунинг («Книга и революция», 1921, № 2, с. 11—14). «По-видимому, в круг литературных источников некрасовского «Плача детей» (1860) нужно включить и стих. В. Гюго «Меланхолия», которое не только по теме, но и по характеру постановки социальной проблемы, по эмоциональному напряжению, по силе ненависти к «машине» гораздо ближе к стихотворению русского поэта, чем стихотворение Э. Браунинг» (И. З. Серман, Некрасов и Виктор Гюго. — Сб. «Русско-европейские литературные связи», М. — Л., 1966, с. 132). Вскоре после опубликования некрасовского стихотворения появился другой перевод «Плача детей» («Время», 1861, № 8, с. 453), принадлежащий В. Д. Костомарову, который, судя по объему и содержанию, видимо, выполнен под влиянием «Плача детей» Некрасова (указано С. А. Рейсером).

* 11. С, 1860, № 3, с. 251, с датой «14 марта», которая, очевидно, относится к этому году, так как № 3 С вышел в свет 31 марта. Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 4 («Приложение второе»), с. 233. Автограф и корректура С—ПД. Перед смертью поэт сделал прим.: «Отнесено в приложение потому, что не нравится мне. Относится к поздней эпохе» (Изд. 1879, т. 4, с. CXXIV). Последние слова (если С. И. Пономарев их правильно прочитал) неясны. *Даже Жуковскому что-то на статую По доброте своей дал!* Надгробный памятник В. А. Жуковскому был воздвигнут в Александро-Невской лавре в 1854 г. на средства, собранные по публичной подписке. *Жорж Санд Перед мыслителем русским в ответе.* Очевидно, имеется в виду славянофильский критик Т. Филиппов, писавший, что «самые сильные и опасные по своему влиянию возражения против семейного союза провозглашались в романах Жорж Занд. С именем этой женщины связано столько зла, что говорить об ее достоинствах приходится с большой осторожностью. . .» («Русская беседа», 1856, № 1, с. 80). *В легкую службу пойдет,* т. е. на службу в тайной полиции.

12. С, 1860, № 5 («Свисток», № 5, с. 36), не полностью, без подписи, с подзаг. «Письмо первое», в составе заметки Н. А. Добролюбова «Отъезжающим за границу». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 219, где ошибочно датировано 1861 г. В С «Первый шаг в Европу» заканчивался ст. «И тяжко я вздохнул о родине моей» с двумя строками точек (не исключено, что это сокращение — цензурное). В докладе Главного управления цензуры стихотворение отмечено в числе определяющих «вредное» направление журнала: «. . . Здесь уже без всяких уловок, без всяких разысканий в чужой истории или законодательстве указывается на ненормальное положение нашего отечества» (В. Евгеньев-Максимов, «Современник» при Чернышевском и Доб-

ролюбове, Л., 1936, с. 431). В журнале каждая строфа была разделена на две половины: в первой — три стиха, во второй — два, отчего выходило нечто похожее на терцины Данта. Добролюбов в названной выше заметке восхищался формой стихотворения («это что-то дантовское») и общественным смыслом: «Жизненность содержания дает ему силу, пусть читатель сам судит...» (Добролюбов, т. 7, с. 469). *Свинемюнде* — гавань на о. Узедом в тогдашней Пруссии, недалеко от г. Штеттина (ныне Шёцин в Польше). *«На натиск пламенный ей был отпор суровый»*. Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Вельможе».

13. С, 1860, № 11, с. 189. Искаженный цензурой ст. 34 исправлен по корректуре ПД. В Изд. 1861 датировано 1860 г. Последней строке Некрасов придавал особое значение. В письме от 1 января 1861 г. он писал Н. А. Добролюбову: «Что вы о моих стихах? Они просто плохи, а пущены для последней строки. Умный мужик мне это рассказал, да как-то глупо передалось и как-то воняет сочинением. Это, впрочем, всегда почти случается с тем, что возьмешь вплотную с натуры» (ПСС, т. 10, с. 438—439).

14. Изд. 1864, ч. 3, с. 28. Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 3, с. 112. В Изд. 1879 датировано 1860 г. Является ответом на клеветнические обвинения Некрасова в корыстолюбии, лицемерии и т. п., выдвигавшиеся врагами поэта. Современник вспоминает о публичном чтении Некрасовым этих стихов: «Большой зал Дворянского собрания был битком набит. С благотворительной целью давали вечер при участии известных писателей. Появление каждого из них восторженно приветствовалось публикой. И только когда на эстраду вышел Николай Алексеевич Некрасов, его встретило гробовое молчание. Возмутительная клевета, обвившаяся вокруг славного имени Некрасова, очевидно, делала свое дело. И раздался слегка вздрагивающий и хриплый голос поэта «мести и печали»... Что произошло вслед за чтением этого стихотворения <«Что ты, сердце мое, расходилося?..»>, говорят, не поддается никакому описанию. Вся публика, как один человек, встала и начала бешено аплодировать. Но Некрасов ни разу не вышел на эти поздние овации легковерной толпы...» (Р. Антропов, Памяти Некрасова. — «Звезда», 1902, № 51, с. 6).

15. Изд. 1864, ч. 3, с. 53. Перед смертью поэт пояснил стихотворение: «навеяно разладом с Тургеневым в 1860 г.» (Изд. 1879, т. 4, с. LV). В течение многих лет И. С. Тургенев был постоянным сотрудником С и ближайшим другом Некрасова. В эпоху появления «новых людей» (в С пришли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов), в условиях обострившейся общественной борьбы между ними и старыми сотрудниками произошел раскол. Во имя высших идейных принципов Некрасов в 1860 г. вынужден был порвать отношения со старым другом, хотя тяжело переживал этот разрыв и в ряде стихотворений возвращался к образу своего «друга-врага», например в стих. «Тургеневу» (№ 20). Примирение состоялось лишь перед самой смертью поэта (см. об этом в «Воспоминаниях» З. Н. Некрасовой в «Журнале для всех», 1915, № 2, с. 337—338). Тургенев описал последнюю встречу с умирающим Некрасовым в стихотворении в прозе

«Последнее свидание». Тургенев, на протяжении многих лет резко отрицательно отзывавшийся о поэзии Некрасова, после смерти поэта признал в письме к Я. П. Полонскому от 11 января 1878 г.: «В конце концов те струны, которые его поэзия (если только можно так выразиться) заставляет звенеть, — струны хорошие» (Письма, т. 12, кн. 1, с. 263).

16. «Век», 1861, № 1, с. 32, с посвящением «(А. В. Дружинину)», с цензурным пропуском ст. 57—60; Изд. 1861, ч. 1, без посвящения. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 154, где восстановлена цензурная купюра. Авторизованная копия журнального текста с авторской правкой ст. 108 (в тетради А. Я. Панаевой) — ПД. В Изд. 1879 датировано 1860 г. В основе картины горестной деревенской жизни лежат реальные впечатления, на которые указывал сам Некрасов. А. А. Буткевич вспоминает: «С 1844 г. по 1863, пока брат не купил себе имение Карабиху, он почти каждое лето проводил в деревне у отца в сельце Грешневе в 20 верстах от Ярославля. Если брат извещал о дне приезда, отец высылал в Ярославль тарантас, чаще же брат нанимал вольных лошадей или просто телегу в одну лошадь» (ЛН, № 49—50, с. 179). В автобиографических записях свои отношения с грешневцами Некрасов поясняет стихами из «Деревенских новостей» (ст. 10—20) и добавляет: «Я постоянно играл с деревенскими детьми, и когда мы подросли, то естественно, что между нами была такая короткость» (ПСС, т. 12, с. 19). *Качалов лесок* — роща у дороги к деревне. *Красные Горки, Починки* — названия деревень.

* 17. С, 1861, № 1 («Свисток», № 7, с. 41), в другой, более полной редакции, под загл. «Литературная травля, или Раздраженный библиограф», с подзаг. «Эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордникова». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 270, где дата «1860». Автограф ранней редакции с подзаг. «Отрывок из автобиографии Рудометова» — ПД. Переработка первоначальной редакции С, видимо, произведена лишь в 1874 г. (см.: А. М. Гаркави, К датировке некоторых произведений Некрасова. — «Ученые записки Новгородского пед. института», т. 8, 1966, с. 31). Стихотворение написано в связи с тем, что библиограф и библиофил Г. Н. Геннади (1820—1880) составил «Список сочинений Гоголя», который был напечатан в ОЗ (1853, № 9). Включив в библиографию писателя многие мелкие произведения, Геннади пропустил «Мертвые души». С неоднократно выступал против Геннади. О его «шарлатанстве» писал Добролюбов (т. 6, с. 189). М. Л. Михайлов в «Свистке» № 6 под псевдонимом «Григорий Сычовкин» напечатал о нем статью-фельетон «Г. Геннади, исправляющий Пушкина» (см.: М. Л. Михайлов, Соч., т. 3, М., 1958, с. 125 и 649). В лице Геннади революционные демократы преследовали мелочную, крохоборческую историко-литературную науку, подменившую всю широту стоявших перед нею задач микроскопическими разысканиями более или менее случайных и разрозненных фактов. Социальный облик Геннади, о «светских забавах» которого упоминает поэт, богача, дилетантски занимавшегося библиографией, не мог вызвать никакого сочувствия. *«Заира»* — трагедия Вольтера (1732). *Тогда я хвать брошюру!* Речь идет о брошюре Геннади «Кое-что о русских поэтах», в которой автор

сообщал некоторые сведения из частной жизни русских поэтов, носившие во многом характер сплетен. Геннади выражал сожаление, что «редко наши биографы дарят нас страницею, где бы лицо, ими описываемое, являлось перед нами по-домашнему, в халате» (Г. Н. Геннади, Кое-что о русских поэтах, СПб., 1859, с 5). Нуждаются в пояснении также след. реалии первой редакции. *Дудышкин* С. С. (1820—1866) — критик, редактор ОЗ. *Бов* — один из псевдонимов Н. А. Добролюбова. *Громека* С. С. (1823—1877) — отставной жандармский полковник, либеральный публицист, сотрудник ОЗ, РВ, автор обличительных статей о полиции (1857—1859). *Краевский* А. А. (1810—1889) — см. т. 1, прим. 37. *Гербель* Н. В. (1827—1883) — поэт, переводчик, библиограф. *Де-Жеребцов* — Н. А. Жеребцов (1807—1868), реакционный публицист, издавший в Париже на французском языке «Очерки истории цивилизации в России» (1858). Добролюбов резко выступил против этой невежественной и ретроградной книги в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (С, 1858, №№ 10—11). Фамилия Жеребцова иронически переделана поэтом на французский лад. *Мещерский* Э. П. (1808—1844) — русский князь, писавший стихи преимущественно по-французски (см.: André Mazon, «Князь Элим». — ЛН, № 31—32, с. 373—490). *Де-Кокорев* — В. А. Кокорев (см. прим. 8); ловкий делец, Кокорев субсидировал брюссельскую газету «Le Nord», издававшуюся в интересах русского правительства. Некрасов употребляет встречавшуюся в юмористической прессе переделку фамилии Кокорева на французский лад. *Булгарин* — см. т. 1, прим. 1. *Греч* Н. И. (1787—1867) — реакционный журналист, писатель и филолог, ближайший сотрудник и компаньон Булгарина по изданию «Северной пчелы», «Сына отечества» и других литературных предприятий. *«Словарь собачьих кличек!»* Геннади составлял всевозможные указатели, например шесть «Указателей географических, этнографических и статистических статей, помещенных в „Губернских ведомостях“», три «Указателя исторических статей и материалов, помещенных в „Губернских ведомостях“» и прочие «указатели», «указания», «списки», обычно составленные крайне неряшливо. *Галахов* — см. прим. 8. *Гаевский* В. П. (1826—1888) — библиограф, литературный критик. *Лонгинов* М. Н. (см. о нем т. 1, прим. 247), будучи приятелем Геннади, расхваливал даже плохие его работы, как, например, подготовленное им Собр. соч. Пушкина (МВ, 1860, 24 февраля).

* **18.** С, 1861, № 1, с. 5, с цензурной купюрой ст. 275—278. Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 294. Ст. 277 был исправлен Некрасовым незадолго до смерти. В Изд. 1879 С. И. Пономарев сделал прим.: «Поэт внимателен был к замечанию критики, находившей преувеличение в стихах о бурлачестве: «Где поколения людей Живут бессмысленней зверей»; и в своем экземпляре исправил эту черту» (т. IV, с. LVII). «Замечание», о котором говорит Пономарев, принадлежит О. Миллеру. Он писал, что поэт «под влиянием стольких картин народной нужды и народного упадка впал в невольное преувеличение, сказав, что бурлаки „бессмысленней зверей“» (О. Миллер, Публичные лекции, СПб., 1874, с. 111). Беловой автограф с подзаг. «(Из детства господина Валежникова)», цензорская корректура с датой ценз. разр. (20 декабря 1860 г.) и разрешения к печати корректуры (3 января 1861 г.), а

также копия, сделанная А. Я. Панаевой с журнального текста и правленная Некрасовым, — ПД. Согласно первоначальному замыслу, стихотворение являлось первой частью поэмы «Рыцарь на час». Поэма написана не была; две ее части — первая и четвертая (собственно стих. «Рыцарь на час») — печатались затем как самостоятельные произведения. Современная Некрасову критика отмечала высокие достоинства стихотворения, подчеркивая при этом его гражданственное звучание. А. Григорьев писал, имея в виду это стихотворение, что «Некрасов любит... родную почву, как весьма немногие»; «ему даже она *одна* только... и мила» («Время», 1862, № 7, с. 38, ср. также с. 34—37). В позднейшем отзыве Ф. М. Достоевского «На Волге» оценивается как «одна из самых могучих и самых зовущих поэм» Некрасова, байроновская по тону и духу (Ф. М. Достоевский, Полн. собр. соч., т. 11, СПб., 1906, с. 400). Глава 2. *Рядами стаи белых птиц.* Эта и след. строка перенесены в поэму из журнального текста поэмы «Несчастные». Окончательный вариант этих стихов в «Несчастных» («Как ожерелье у воды, Каких-то белых птиц ряды») совпадает с ранним вариантом их в поэме «На Волге». Глава 3. *Расшива* — плоскодонное деревянное судно с острым носом. *Когда-то в Нижний попадем?* и т. д. О реальной основе этой сцены вспоминал Н. Г. Чернышевский: «Однажды, рассказывая мне о своем детстве, Некрасов припомнил разговор бурлаков, слышанный им ребенком, и передал; пересказав, прибавил, что он думает воспользоваться этим воспоминанием в одном из стихотворений, которые хочет написать. — Прочитав через несколько времени пьесу «На Волге», я увидел, что рассказанный мне разговор бурлаков передан в ней с совершенною точностью, без всяких прибавлений или убавлений; перемены в словах сделаны лишь такие, которые были необходимы для подведения их под размер стиха; они нимало не изменяют смысла речи и даже часто с грамматической и лексикальной стороны немногочисленны и неважны. Вместо «а кабы умереть к утру, так было б еще лучше», — в пьесе сказано:

А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще;

только такими пятью-шестью переменами отличается передача разговора в пьесе от воспоминания об этом разговоре, рассказанного Некрасовым мне» (Чернышевский, т. 1, с. 753, 754).

* **19.** С, 1863, № 1-2, с. 209, под загл. «Бессонница. (Из поэмы „Рыцарь на час“, глава IV. Валежников в деревне. — Светлая осенняя ночь с легким морозом)», без ст. 9—16 и 201—223; Изд. 1864, ч. 3. Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 304. Автограф ст. 77—79, 201—223 и фрагментов текста, не вошедших в печатную редакцию, — ЛБ. Записано на отдельном листке, вложенном впоследствии в альбом Л. П. Шелгуновой (см. «Антиквар», 1902, № 2, после с. 76). Эти строки впервые — «Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым», СПб., 1902, с. 99. Местонахождение альбома неизвестно. Корректура С (со ст. 201—223), с авторской правкой и ценз. разр. 17 января 1863 г. — ГПБ. Первоначально составляло четвертую главу задуманной в 1860 г. поэмы «Рыцарь на час» (см. предыдущее прим.). В автографе ЛБ после ст. 223 — прим. Некрасова:

«Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им. Честь и слава тебе, брат! Некрасов. 24 мая, 6 час. утра». Прим. обращено к поэту и революционеру М. Л. Михайлову, сотруднику С, осужденному в 1861 г. на шестилетнюю каторгу за участие в составлении и распространении прокламации «К молодому поколению». Л. П. Шелгунова (1832—1901) — подруга М. Л. Михайлова, жена публициста Н. В. Шелгунова; в конце мая 1862 г. Н. В. и Л. П. Шелгуновы выехали из Петербурга в Сибирь к Михайлову, по-видимому захватив с собой и стихотворение Некрасова (см. А. М. Гаркави, Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX в. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 3, 1957, с. 215). Запись сделана 24 мая 1862 г. (Михайлов был отправлен на каторгу 14 декабря 1861 г.); текст ЛБ позволяет утверждать, что к этому времени глава существовала полностью (до ст. 223). Можно думать, что это и была ранняя редакция главы, которую С. И. Пономарев уверенно относил к 1860 г. (Изд. 1879, т. 4, с. LVII). Наличие существенных разночтений автографа ЛБ с текстом С (см. варианты) свидетельствует, однако, что на протяжении второй половины 1862 г. глава подверглась правке, в результате которой Некрасов устранил строки, говорившие о стремлении героя к революционной агитаторской деятельности. Не исключена возможность, что эта переработка производилась под влиянием арестов (Михайлова, Чернышевского) и последующей кампании против «агитаторов» во время петербургских пожаров в мае 1862 г.; 19 июня 1862 г. был приостановлен на 8 месяцев и С. «Рыцарь на час» пользовался огромной популярностью; сам Некрасов читал его «со слезами в голосе» (см.: П. М. Ковалевский, Стихи и воспоминания, П., 1912, с. 279); сходное впечатление производило стихотворение на Чернышевского и Глеба Успенского, читавших его вслух («Переписка Чернышевского...», М.—Л., 1925, с. 14; Н. К. Михайловский, Литература и жизнь. — «Русское богатство», 1897, № 2, с. 133—134). *Церковь* — Петра и Павла, с могилой матери поэта — в селе Абакумцеве Ярославской губ.

* **20.** «Заветы», 1913, № 12, с. 45. Беловой автограф ранней редакции — ЛБ, без загл., с эпиграфом (надписанным карандашом): «О! Зачем с этою головою не стал ты другом бедных и опорой покинутых всеми? Диккенс», с датой над текстом «1861, 14 июля. Грешнево», под текстом — «7 июля». Другой автограф той же редакции, относящийся к последним годам жизни Некрасова, — ПД, под загл. «Т — ву», с датой «1861», с зачеркнутой надписью: «вспомнил и записал 11 янв<аря>». Первое восьмистишие перечеркнуто и под текстом написано: «начало на лоскутке». Начало, т. е. ст. 1—16, написаны на листе почтовой бумаги (ПД), где загл. «[Т] — ву» и помета: «(Писано собственно в 1860 году, к которому и относится, когда разнесся слух, что Тургенев написал «Отцов и детей» и вывел там Добролюбова. Теперь я только поправил начало)». Окончательная редакция — текст правленной Некрасовым корректуры, под загл. «Т — ву», с пометой в виде подзаг.: «Писано собственно в 1860 году, к которому и относится по содержанию. Теперь я только поправил некоторые неловкие стихи» (ПД). Стихотворение не было напечатано при

жизни Некрасова, очевидно по личным причинам: сложные отношения с недавним близким другом и пр. (см. прим. 15). Можно думать, что Некрасов первоначально имел в виду Герцена, когда работал над ранним вариантом стихотворения (см. первую редакцию). Существует предположение, что на смертном одре Некрасов, озабоченный цензурной судьбой будущего собрания своих сочинений, смягчил текст обращения к Герцену и переадресовал его Тургеневу.

* **21.** «Зоря» (Львов), 1866, № 6, с. 87. Впервые в России — «Литературный вестник», 1904, № 8, с. 101, без загл., дата «27 февраля 1861 г.». Три копии А. А. Буткевич (две — с пропуском ст. 15) — ПД. Надпись: «Писала со слов брата 25 декабря 1876 года». Черновой автограф конца стихотворения, о котором сообщил К. И. Чуковский (см. Изд. 1934, т. 2, с. 771), ныне неизвестен. При жизни Некрасова не печаталось по цензурным причинам. Т. Г. Шевченко умер 26 февраля 1861 г. Арестованный в 1847 г. за революционные стихи и карикатуры на царя, поэт был сослан в Отдельный Оренбургский корпус рядовым с запрещением писать и рисовать. Более десяти лет Шевченко провел в неволе. В 1858 г. он вернулся в столицу. С печатал его стихи и помещал сочувственные статьи о его жизни и творчестве. Вскоре установились связи Шевченко с революционными демократами. Особенно тесной стала дружба с Н. Г. Чернышевским. Есть свидетельство, что Некрасов участвовал в похоронах Шевченко. См.: В. Веденеев <В. Е. Якушкин>, Т. Г. Шевченко («Русские ведомости», 1901, 10 марта); ср.: Д. В. Чалий, Шевченко і Некрасов («Збірник праць третьої наукової шевченківської конференції, Київ, 1955, с. 42—63).

* **22.** С, 1861, № 9, с 128. Беловой автограф, с датой: «Грешнево, 1861, июнь 22—25», — ЛБ. Стихотворение стало популярной народной песней. В вариантах «Похорон» общественный облик самоубийцы как народолюбца выступал более отчетливо.

23. С, 1861, № 9, с. 255. Беловой автограф, с датой вместо загл. над текстом: «16 августа. Грешнево. 1861», — ЛБ.

* **24.** С, 1861, № 10, с. 599; одновременно в изд.: «Красные книжки. Книжка первая. „Коробейники". Сочинил и издал Некрасов», СПб., 1862 (ценз. разр. 7 ноября 1861); Изд. 1861, ч. 2, с посвящением: «Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу. . .». Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 2, с. 187, с восстановлением доцензурного варианта ст. 149 по автографу ЛБ. В Изд. 1873—1874 опечатка в ст. 163. Беловой автограф ЛБ без посвящения; даты: над текстом — «25 августа», под текстом — «25 авг<уста> 1861. Грешнево». На л. 36 об. записи народных поговорок, использованных для эпиграфов к поэме. «Коробейники» написаны в августе 1861 г. в с. Грешневе в очень короткий срок. На полях белового автографа стихотворения «Крестьянские дети» (ЛБ), датированного 14 июля 1861 г., — ряд заметок, фольклорных записей и отдельных стихов, относящихся к стихотворению «Дядюшка Яков» и «Коробейникам», что дает основание предположить, что около этого времени Некрасов уже приступил к работе над своей поэмой. По свидетельству сестры поэта А. А. Буткевич,

«Коробейники» были написаны в деревне, по возвращении с охоты, и тогда же были прочитаны ей и крестьянину Кузьме (ЛН, № 49—50, с. 177) — очевидно, Кузьме Ефимовичу Солнцеву, упоминающемуся в других мемуарных источниках. Сын крестьянина Гаврилы Яковлевича, которому посвящена поэма, Иван Захаров (ум. 1931 г.), рассказал о замысле «Коробейников» посетившему его в 1902 г. сотруднику газеты «Костромской листок»: «Однажды на охоте с Гаврилой Некрасов убил бекаса, а Гаврила в тот же момент — другого, так что Некрасов не слыхал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов. «Как, — спрашивает он Гаврилу, — стрелял я в одного, а убил двух?» По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд. Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости.

Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!

Другие подробности, например, о Катеринушке, которой приходилось

Парня ждать до Покрова,

основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, теперь тоже умершей, которая так же сидела в одиночестве, как и Катеринушка» («Костромской листок», 1902, 29 декабря). По сообщению того же Ивана Захарова, Некрасов помогал Гавриле и его семье деньгами, он сделал ему ряд подарков, в том числе книгу своих стихов с собственноручной надписью. Гаврила Яковлевич читал ее так внимательно, что запомнил некоторые стихи, о чем свидетельствует его письмо к Некрасову 1869 г. (Некр. сб.-Пг., с. 108): «Частенько на мыслях ты у меня и как с тобою я похаживал по болотинам вдвоем и все ето оченна помню как бы ето вчера было и во сне ты мне часто привидишся». Новые подробности И. Г. Захаров сообщил А. В. Попову в 1927 и 1928 гг. (см.: А. В. Попов, Костромская основа в сюжете «Коробейников» Н. А. Некрасова. — «Ярославский альманах», 1941, с. 193—203). Согласно этому сообщению, «охотника звали Давыд Петров из деревни Сухоруковой. Он встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся прямиком через болота в село Закобякино, Ярославской губернии, «надумал» их убить, чтобы забрать деньги, и проследил в лесу. Коробейники поняли, что не к добру оказался около них как будто недавно виденный человек с ружьем, и просили оставить их. Когда Давыд убивал, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни. Потом их нашли, но не знали, кто убил. Вскоре пошли слухи, что Давыд разбогател. Стали догадываться о причинах неожиданного обогащения. Гаврила Яковлевич делал ружье. Давыдка не заплатил ему за работу. В «Дмитриев день» позвал Гаврила Яковлевич Давыдку, и вместе пошли они к пастушку Ведининю, который слышал выстрелы и крики в лесу. Сперва хорошо выпили, а потом «подзадорили детинушку». Подзадоривал больше родитель: «Нас трое, расскажи, как ты убил коробейников, никто не узнает». Он и рассказал им всю правду. Из французского ствола убил одного наповал, а из русского не сразу. Раненый просил отпустить его душу на покаяние. Как только Давыдка признался, Гав-

рила Яковлевич строго сказал ему: «Много денег набрал, а мне не заплатил за ружье. Разве я тебе на то его мастерил?» Осердился и «потаскал» его тут же. Начальству на Давыдку не донесли и не хотели, чтобы оно узнало об убийстве». Конец поэмы — о суде, разговоры об убийстве, собаку и т. п. — «придумал», по словам Ивана Гавриловича, сам Некрасов. С «Коробейников» начинается особая полоса поэтической деятельности Некрасова — создание произведений, написанных не только о народе, но и непосредственно для народа, что соответствовало взглядам вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского, автора прокламации «Барским крестьянам...», призывавшего быть понятными и близкими народу, говорить с мужиком «просто и непринужденно», как с равным себе, входить в его интересы (Чернышевский, т. 7, с. 889). Возможно, говоря это, Чернышевский учитывал опыт «Коробейников», к тому времени уже появившихся в печати. Ср. также пожелания Н. А. Добролюбова относительно создания «партии народа в литературе» (Добролюбов, т. 2, с. 228). Повествование о бессмысленном убийстве бедным лесником-«охотничком» двух крестьян-коробейников имело в то время актуальный смысл, так как тема народных преступлений и выяснение их социальных причин приобрели в 60-е годы в революционно-демократической литературе и публицистике острый политический характер (см.: А. И. Груздев, О фольклоризме и сюжете поэмы «Коробейники». — Некр. сб. 3, с. 108). Предпосланное поэме «Посвящение» не только необычно в литературной практике тех лет и, в частности, в творчестве Некрасова, у которого вообще посвящений мало, но и имеет определенный демонстративный подтекст. Посвящению «крестьянину» Гавриле Яковлевичу, выделенному особым типографским набором, Некрасов придал вид старинных обращений к высокопоставленным лицам. Именно «Коробейники» составили первый выпуск серии «Красные книжки», предназначенной Некрасовым для народного чтения и распространявшейся через офеней. 28 марта 1862 г. Некрасов писал об этом издании И. А. Голышеву: «Посылаю вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначающихся для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр, — потому я желал бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы из трех копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов), таким образом, книжка и выйдет в три копейки, не дороже» (ПСС, т. 10, с. 472). Приняв на себя весь расход по печатанию «Красных книжек», Некрасов отказался от дохода. «Красные книжки» имели большой успех. В числе распространителей их был М. Е. Салтыков-Щедрин, который писал И. А. Панаеву 11 мая 1863 г.: «Нет ли у Вас Красных книжек Некрасова 1-й и 2-й; если есть, то пришлите мне по 30 экземпляров каждой» (Салтыков, т. 18, с. 182). Необычное для своего времени читательское назначение «Коробейников» определило и жанровое своеобразие поэмы. До «Коробейников» ни одно произведение Некрасова не было столь густо насыщено элементами фольклора. Не случайно полюбившееся народу произведение Некрасова вскоре и само перешло в фольклор. С середины 70-х годов начальные строфы «Коробейников» под названием «Коробушка» (или «Коробочка») вошли в народный песенный репертуар. В 1861 г., после первой журнальной публикации «Коробейников», Н. Г. Чернышевский воспользовался текстом поэмы для

пропаганды революционно-демократических идей. В статье «Не начало ли перемены?» (С, 1861, № 11), процитировав из включенной в поэму «Песни убогого странника» ст. 633—644, Чернышевский сопроводил их следующим комментарием: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. «Я живу холодно, холодно». — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — «Я живу голодно, голодно». — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, — чего же ты смотришь? — «Жену я бью, потому что рассержен холодом». — Да разве жена в этом виновата? — «Я в кабак иду с голоду». — Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилею. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» (т. 7, с. 874). В «Колоколе», 1862, от 20 января (1 февраля), лист 121, ту же «Песню убогого странника» цитировал А. И. Герцен, заметив, что «на все реформы, революции, объявления прав» народ отвечал стихами поэта: «Голодно, странничек, голодно! Холодно, родименькой, холодно!» (Герцен, т. 16, с. 28). Д. И. Писарев вспомнил об этой же «Песне убогого странника», передающей бесприютность и беспросветность жизни русского крестьянина, в «Физиологических картинах»: «Бюхнер в своей мысли о значении голода и холода сошелся с Некрасовым:

Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно, —

этот страшный по своей простоте ответ (на вопрос о причине бедствий и горестей народных) сменяется другим ответом, не менее выразительным:

Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно.

И в этих двух ответах сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами» (Д. И. Писарев, Соч., т. 6, СПб., 1866, с. 82). Как факт общественно-литературной жизни той эпохи «Коробейники» фигурируют в романе Чернышевского «Что делать?» (гл. 4). Вскоре после публикации «Коробейников» появился ряд сочувственных отзывов в печати. Анонимный критик РСл отмечал реалистическую простоту «народного» стиха Некрасова и писал по поводу «Песни убогого странника»: «Это великая и грозная своим величием простота. Дальше уж в этом отношении, мне кажется, поэту идти некуда: в песне странника он овладел элементом народного творчества, он постиг тайну этого творчества. У нас много было подделок под народный стиль, но это не подделка; тут совершенно не видать претензии сделать эту вещицу, так сказать, «понаряднее»; она написалась, как бог положил на душу, она вылилась непосредственно из души, как один вопль нашей всеобщей великой жертвы» (РСл, 1861, № 11, с. 73—82). Ап. Григорьев писал: «Особенно удивительна по форме своей поэма «Коробейники». Тут является у поэта такая сила народного созерцания и народного склада, что дивишься поистине скудости содержания при таком богатстве оболочки. Одной этой поэмы достаточно, чтобы убедить каждого, насколько Некрасов поэт почвы, поэт народный, т. е. насколько поэзия его органически свя-

зана с жизнию» («Время», 1862, № 7, с. 42). Оценивая Изд. 1879, Н. Г. Чернышевский писал А. Н. Пыпину из ссылки: «Вообще, по поводу «Примечаний» должно пожалеть о претензии составителя их поправлять стихи Некрасова ... Обыкновенный повод к поправкам подает ему «неправильность размера»; а на самом деле размер стиха, поправляемого им, правилен. Дело в том, что Некрасов иногда вставляет двусложную стопу в стих пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это делается так, как делает Некрасов, то не составляет неправильности. Приведу один пример. В «Песне странника» (в «Коробейниках») Некрасов написал:

Уж я в третью: мужик! Что ты бабу бьешь?

В «Посмертном издании» стих поправлен:

...Что ты бабу-то бьешь?

Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложною; это дает особенную силу выражению. — Поправка портит стих» (т. 1, с. 751). Посвящение. *Гаврила Яковлевич* Захаров (упоминаемый также в стих. «Крестьянские дети») в 60-е годы был товарищем Некрасова по охоте. Глава 1. *Кумачу я не хочу, китайки не надо.* Слова из распространенной народной песни «Во саду ли, в огороде...». Китайка — простая бумажная ткань (вначале вывозилась из Китая). Глава 2. *Зачали-пóчали поповы дочери.* По свидетельству очевидцев, Некрасов слушал в приволжских деревнях подобные припевы деревенских торгашей-«трушников» (Некр. сб. 3, с. 94). В Записной тетради № 4 (ЛБ), содержащей беловой автограф «Коробейников», имеется также набросок к стих. «Дядюшка Яков» (не вошедший в текст последнего), в котором цитируются те же строки. *«Эй, Федорушки! Варварушки!»* и т. д. Некрасовская обработка припевов деревенских торгашей-«трушников». Одна из записей подобного припева приведена в Некр. сб. 3, с. 94:

Тетки Варвары, несите рваные карманы!
Тетки Федоры, несите рваные подолы!
Тетки Феклы, несите старые подметки!

Вожеватый — обходительный, вежливый, приветливый. *Миткаль, кумач, плис* — дешевые сорта хлопчатобумажных тканей. *Кутейники* — духовные лица. Глава 3. *Подошла война проклятая.* Подразумевается Крымская кампания 1853—1855 гг. *Подоконники* — нищие. Глава 4. *Ай барыня! барыня!* Слова популярной сатирической народной песни о барыне-моднице. *Косуля* — род сохи. *Кашпирята с Зюзенятами.* Кашпировы — ярославские, а Зюзины — костромские помещики, «богатые собачники» (А. В. Попов, Костромская основа в сюжете «Коробейников» Н. А. Некрасова. — «Ярославский альманах», 1941, с. 197). *Встрелось нам лицо духовное* и т. д. Суеверная примета — встретить попа не к добру. Глава 5. *Гогулино* — деревня в Ярославской губернии, некогда принадлежавшая деду поэта (Некр. сб.-Яр., с. 77). По словам А. В. Попова, «выходя из Грешнева, вы сразу видите перед собой Гогулино, и услужливая дорожка с насыпи направляет вас прямо к деревне. Но, доверившись ей, вы скоро... доходите до сплошной высокой воды и поворачиваете назад.

Если попытаетесь идти новым радиусом прямо на деревню, то снова попадаете в то же положение». — «Ярославский альманах», с. 198). *Катеринушка.* По свидетельству Г. Я. Захарова, прототипом Катеринушки была его жена Марианна Родионовна (там же, с. 198—201). Как сообщает Н. Г. Чернышевский (со слов самого Некрасова), в Катеринушке отразились также черты его жены, Ольги Сократовны (Чернышевский, т. 15, с. 701). *Да в Трубе, в селе.* По свидетельству А. В. Попова (указ. изд., с. 202), Труба — единственное географическое наименование в «Коробейниках», придуманное автором (вместо дер. Сухоруковой, где в действительности жил убийца коробейников). А. В. Попов полагает, что Некрасов намеренно замаскировал название этой деревни: когда писалась поэма, Давыд Петров был еще жив. *Бабы их клюкою меряли.* Фраза восходит к пословице «Меряла старуха клюкой, да махнула рукой» (В. Даль, Пословицы русского народа, М., 1957, с. 553). Глава 6. *Только молодец и жив бывал.* Очевидно, Некрасов взял этот эпиграф из сб. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (ч. 1, М., 1861), появившегося в печати незадолго до создания «Коробейников». В № 6 С за 1861 г. был напечатан анонимный отзыв на этот сборник, принадлежавший А. Н. Пыпину (В. Боград, Журнал «Современник». Указатель содержания, М.—Л., 1959, с. 399). *Шунья* — местность возле самой Костромы. *Прокурат* — плут, обманщик, притворщик. *Спиридово* — село Красносельской волости, Костромского уезда. *Давыдово* — село Шунгенской волости Костромского уезда. *Зерцало* — выставлявшаяся в присутственных местах настольная эмблема в виде трехгранной призмы с наклеенными на нее указами Петра I о строгом соблюдении правосудия. *Поля не ораны,* т. е. не паханы.

25. С, 1862, № 1, с. 348, в составе статьи Некрасова «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова», без загл. и без ст. 1—4. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 180 (с исправлением опечатки в загл. «25 ноября 1861»). Добролюбов умер 17 ноября, а 20 ноября состоялись похороны. Впечатления этого дня и выражены в написанном в тот же день стихотворении. Некрасова сблизила с Добролюбовым совместная работа в С. В последние годы отношения между ними перешли в тесную дружбу. Добролюбов восхищался Некрасовым как поэтом и человеком. Воздействие некрасовской поэзии заметно во многих стихотворениях Добролюбова-поэта как гражданских, так и интимных. В свою очередь Некрасов горячо любил Добролюбова и испытывал на себе его могучее идейное и нравственное влияние. На поминках по Добролюбову, устроенных петербургскими студентами 2 января 1862 г., Некрасов выступил с кратким словом о нем. «Мы во всю нашу жизнь не встречали русского юноши, столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного, — сказал поэт. — Наше сожаление о нем не имеет границ и едва ли когда изгладится... Мы ушли с этой могилы, но мысль наша осталась там и поминутно зовет нас туда и поминутно рисует нам один и тот же неотразимый образ» (С, 1862, № 1, с. 348). Затем Некрасов прочитал свое стихотворение.

* 26. «Время», 1861, № 10, с. 356, с посвящением «О. С. Ч<ерныше>вской», с цензурным искажением ст. 201—202; Изд. 1861, ч. 2,

без посвящения, с датой «1861». Печ. по Изд. 1864, ч. 2, с. 183, где дата «1856». Беловой автограф с первоначальным загл. «Детская комедия», с датой «1861. Грешнево, 14 июля» — ЛБ. Возможно, замысел стихотворения относится к 1856 г., если в Изд. 1864 не опечатка в дате. Ст. 169—188 под загл. «Мужичок с ноготок» по традиции нередко выделяются в отдельное стихотворение и включаются в хрестоматии для детского чтения. *Гаврила* — Г. Я. Захаров, которому посвящены «Коробейники» (см. прим. 24). *У нас же дорога большая была.* Имеется в виду тракт из Костромы в Ярославль, проходивший неподалеку от с. Грешнево. *Лава* — здесь: помост, плот.

* **27.** Изд. 1864, ч. 3, с. 128, с датой «1861». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 3, с. 127. Стихотворение первоначально называлось, по-видимому, «Последнее желание» (см.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 13, 1966, с. 111).

28. Изд. 1869—1873, ч. 4 («Приложение второе»), с. 237. Написано вскоре после крестьянской реформы 1861 г.

* **29.** «Новое время», 1876, 25 апреля, без подписи, первым номером раздела «Из записной книжки», с прим.: «Нам передана «Записная книжка» одного из современных наших поэтов, наполненная стихотворными заметками и отрывками. Время от времени мы будем делиться с читателями этими отрывками и заметками». «Записная книжка» — условное наименование передававшихся Некрасовым А. С. Суворину стихотворений. При жизни поэта не перепечатывалось, скорее всего потому, что Некрасов не решился включить стихотворение в прижизненные издания по интимным причинам. В Изд. 1879 ошибочно датировано 1876 г. Беловой автограф в тетради стихотворений, относящейся к 1861 г., — ЛБ. Более полный автограф — ЛБ, под загл. «Отрывок» (с правкой), разбит на две части: первая, под загл. «Слезы», соответствует ст. 1—12 газетного текста, вторая, под загл. «Кто?», соответствует ст. 33—60. Весь остальной текст зачеркнут, кроме восьмистишия, вошедшего в первую из «Трех элегий» (№ 102). Беловой автограф ст. 25—32 — ПД. В стихотворении отразились некоторые стороны сложных и мучительных отношений Некрасова с А. Я. Панаевой. С. И. Пономарев в прим. к Изд. 1879 намекнул на это: «По яркости изображения невольно подумаешь, что стихи полны автобиографического значения» (т. 4, с. CXXXIII).

30. С, 1862, № 2, с. 683, с другим эпиграфом. Печ. по Изд. 1879, т. 2, с. 55, где дан, очевидно на основании поправки Некрасова, подзаг. «Петербургская драма». Эпиграф в С: «За скорым отъездом распродаются: мебель, зеркала, фарфоровая и фаянсовая посуда, ножи, вилки и все, принадлежащее хозяйству. В такой-то улице, дом Воронина, № такой-то, по парадной лестнице» («Полицейские ведомости»)». Современница Некрасова со слов А. Я. Панаевой передает «историю стихотворения» «Дешевая покупка» след. образом: «Так как, покупая вещи, Некрасов проклинал свое «торгашество пошлое» и заглядывался на милое личико владетельницы этих вещей, которое было «точно рукой гениальной отточено», то, конечно, *дешевая* по-

купка обошлась очень дорого, и в конце концов оказалось, что семейной драмы тут никакой не было, а служила она только ловко придуманной декорацией самой обыкновенной коммерческой сделки. Некрасов не любил вспоминать этой своей «Дешевой покупки», а А<вдотья> Як<овлевна> решалась лишь изредка и то слегка напоминать о ней Николаю Алексеевичу в том случае, когда его кошельку, да и сердцу грозила какая-нибудь новая опасность» (Е. Л<итвинова>, Воспоминания о Н. А. Некрасове. — «Научное обозрение», 1903, № 4, с. 139). Разумеется, случай, описанный в этих мемуарах, в совсем ином освещении предстает в стихотворении Некрасова.

31. Изд. 1864, ч. 3, с. 18, с цензурным пропуском ст. 3—4. Печ. по Изд. 1879, т. 2, с. 59. Автограф — ЛБ. В Изд. 1879 датировано 1862 г. Стихотворение рисует обстановку, непосредственно возникшую после резкого изменения правительственной политики в сторону реакции.

32. Изд. 1869, ч. 4 («Приложение второе»), с. 242, под рубрикой «Стихотворения 1860—1863 гг.». В Изд. 1879 датировано 1863 г., однако ст. 2 («Воля придет — чай, бежишь без оглядки?») дает основание предполагать, что стихотворение, видимо, написано до крестьянской реформы 1861 г.

33. Изд. 1869—1873, ч. 4 («Приложение второе»), с. 244, под рубрикой «Отрывки», с цензурным пропуском ст. 29—32. Печ. по Изд. 1879, т. 2, с. 75. Полное чтение ст. 30 неизвестно. Стихотворение, очевидно, написано в пору массовых ссылок революционеров, особенно поляков, после восстания 1863 г., так как в Изд. 1873—1874 отнесено к числу стихотворений 1860—1863 гг. Дорога, о которой пишет Некрасов, — знаменитая Владимирка. Так в народе назывался проходивший неподалеку от Грешнева тракт, по которому издавна до проведения железной дороги гнали на Владимир и далее в Сибирь приговоренных к каторге и ссылке. В 1883 г. директор департамента полиции В. К. Плеве представил царю специальную «Записку о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России». В «Записке» говорилось: «Некрасов со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим. Глубокое впечатление производят следующие места его стихотворений. . .» Далее приводятся последние строки стих. «Благодарение господу богу. . .» (см.: Б. Папковский и С. Макашин, Некрасов и литературная политика самодержавия. — ЛН, № 49—50, с. 256). *Брат, удаляемый с поста опасного.* Незадолго до написания этих строк Некрасов называл братом арестованного и сосланного на каторгу поэта-революционера М. Л. Михайлова, посвятив ему «Рыцаря на час» (№ 19).

34. С, 1863, № 9, с. 312, с цензурным пропуском ст. 4. Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 3, с. 76. В Изд. 1879 датировано 1863 г. В стихотворении отразились впечатления от расправы с передовой обще-

ственностью, учиненной правительством в 1862—1863 гг. (процессы Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. Л. Михайлова и др.).

* 35. «Время», 1863, № 1, с. 302, под загл. «Смерть Прокла», в составе главок: 1, 2, 6 и 7. Полностью — С, 1864, № 1, с. 5, с посвящением А. А. Буткевич, но без текста обращенных к ней стихов; Изд. 1869—1873, ч. 3. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 3, с. 19 (текст поэмы) и ч. 4, с. 248 (стихи, посвященные А. А. Буткевич). Отдельные мелкие неточности исправлены по автографам; ст. 416 уточнен по прижизненным изданиям (в Изд. 1879 немотивированное и нелогичное исправление). Автограф (наборная рукопись) — ГПБ; беловой автограф ст. 1—20 под загл. «По дороге, зимой!» — ЛБ; отрывок стихотворного посвящения А. А. Буткевич — ПД. В Изд. 1879 (т. 2, с. 82) стихи, посвященные А. А. Буткевич, впервые помещены перед текстом поэмы. В прим. С. И. Пономарев указывал, что посвящение «ныне помещается на своем месте, по указанию поэта» (т. 4, с. LXVI). Возможно, что Некрасов сделал это указание на не дошедшем до нас экземпляре, в который он внес ряд поправок и уточнений для будущего издания, но возможно, что таким указанием Пономарев считал подзаг. (в ч. 4, с. 248) — «Из посвящения к поэме „Мороз, Красный нос“». Помещение этих стихов перед текстом поэмы было в категорической форме указано А. А. Буткевич. 5 июня 1878 г. она писала Пономареву: «Не забудьте Посвящение *мне* поставить перед поэмой „Мороз“» (ЛН, № 53—54, с. 176). Посвящение было написано позже самого произведения — в конце 60-х годов. В наборной рукописи указано: «21 августа 1863. На пароходе от Нижнего». Пометы обозначают время и место завершения первой редакции поэмы, содержавшей в себе ст. 50—69, 180—568, 841—953, 1038—1065, затем 954—1021 и эпилог. В этой редакции поэма называлась «Смерть Прокла», затем «Смерть крестьянина». В ней нашел осуществление замысел, возникший, возможно, еще в 1861 г., когда в тетрадь ЛБ вносились другие тематически близкие поэме произведения: «Крестьянские дети», «Похороны», «Коробейники» и пр. (см.: И. М. Колесницкая, Из творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». — Некр. сб. 3, с. 326—327). В 1862 г. Ф. М. Достоевский попросил Некрасова дать для журнала «Время» что-нибудь из его стихов. Поэт обещал исполнить эту просьбу, и в письме от 3(15) ноября 1862 г. сообщил, что готов предоставить ему «2 стихотворения ... и более», но не раньше, чем будет возобновлен приостановленный властями С (ПСС, т. 10, с. 479). Через несколько дней разрешение на выход С с февраля 1863 г. было получено — и Некрасов опубликовал в журнале Достоевского те стихи, которые в автографе имеют название «По дороге, зимой!», и две следующие главки из поэмы «Мороз, Красный нос» (без строк, посвященных «величавой славянке», тогда еще не написанных). В дальнейшем и отрывок «По дороге, зимой!» и 4 главки, напечатанные в журнале «Время» под загл. «Смерть Прокла» (но еще без упоминания Прокла в самом тексте), и даже первая полная редакция поэмы, завершенная 21 августа 1863 г., были расширены Некрасовым за счет разного рода подробностей. Картины народного быта, показанного в один из трагических моментов (смерть кормильца крестьянской семьи), позволили поэту

осветить жизнь современной ему русской деревни со стороны этнографической, социальной, нравственной, показать на примере одной семьи пореформенную жизнь крестьянина, характер его труда, строй мыслей и чувств, народные обычаи и верования. Все это относится к первой части поэмы, озаглавленной «Смерть Прокла». Что касается второй части, где раскрывается образ русской крестьянки, то эта часть получила загл. «Мороз, Красный нос» и окончательное художественное завершение лишь между августом и декабрем 1863 г. Дополнив текст поэмы — в первой части думой о величавой славянке, во второй части — думами самой крестьянки, ее воспоминаниями, видениями, снами, Некрасов ввел в произведение широкое эпическое начало, соединяющее в себе конкретность бытописания и пафос высокой поэзии. Это сочетание, наметившееся уже в первых набросках произведения, было новым не только для крестьянской поэмы как жанра, но и вообще для крестьянской темы в литературе. Усиливая эпическое звучание поэмы, Некрасов значительно расширяет временные границы своего повествования и углубляет психологическую характеристику Дарьи настолько, что она становится героиней поэмы. Автограф свидетельствует, что текст, находящийся между ст. 569 и 841, является вставкой; таким образом, первоначально отсутствовал почти весь драматический монолог Дарьи, ее рассказ о весенних, летних, осенних и зимних трудах крестьянок, о мечтах и надеждах семьи, о привычных бедах народных (гибель скота, пожары, рекрутчина — и самое страшное: смерть кормильца). Укрупняя план картин и образов произведения, Некрасов отказывался от тех элементов «истинной повести», которые не соответствовали жанровым особенностям героической крестьянской поэмы, в частности от эпилога с его благополучным концом и приземленными образами (см. варианты). Кроме эпилога Некрасов сократил ряд других мест. Так, после ст. 311 отброшены строки о «заповедной полоске»:

Промерил косулей железной
Ее ты вперед и назад...
Вставай, ненаглядный, болезный, —
Бог даст — уродит сам-десят!

Как ни мерить косулей железной «вперед и назад» — надел был слишком мал — в этом смысл четверостишия. По нему можно было судить об отношении Некрасова к крестьянской реформе. Как явствует из воспоминаний П. Боборыкина, перед чтением поэмы на вечере Литературного фонда 18 апреля 1864 г. Некрасов предупредил слушателей о том, что в ней нет «никакого служения направлению» и отсутствует всякая политическая «тенденция» (БдЧ, 1864, № 2, с. 67—76). Но речь шла, конечно, не о принципиальном отказе от «тенденции», а об особой художественной тональности поэмы «Мороз, Красный нос». Показательны в этом отношении другие зачеркнутые автором строки, где говорится о хождении Дарьи в монастырь за чудотворной иконой; здесь вместо ст. 415—418 был более развернутый текст откровенно иронического содержания: монахи обобрали Дарью за образок, увидя который, больной «поклонился ему — и умер. . .». Понятно, что такой текст не мог быть пропущен цензурой, поэтому Некрасов его смягчил. Зато в других эпизодах поэмы, где это

меньше бросалось в глаза, автор устранил все, что могло навести на мысль о приверженности русского крестьянства к религии (ст. «Чаще молились мы господу-богу», «Богу обещан мой грош трудовой!», «Божьей казны не замай», слова «божья деревня»). Кроме собственных наблюдений автора над жизнью деревни, важнейшим источником сведений о жизни народа было народное творчество во всех многообразных его проявлениях. Фольклорная стихия насквозь пронизывает поэму. Народная песня, сказка, похоронные причитания и другие элементы фольклора, творчески преломляясь в поэме Некрасова, во многом определяли и ее идейное содержание и ее поэтику. См.: ЖДН, т. 3, с. 344; Чуковский, с. 443 и след.; Т. С. Колосова, Традиции народной сказки в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» (Некр. сб. 2, с. 197—210); Н. Скатов, Как объяснить происхождение поверий, о которых говорит Некрасов в XII гл. поэмы «Мороз, Красный нос» («Литература в школе», 1966, № 4, с. 77—79). Некрасовская трактовка народной поэзии в поэме «Мороз, Красный нос» явно противостояла славянофильским представлениям о русском крестьянстве. Демократизм произведения Некрасова коренным образом отличался от помещичьего сусального народолюбия славянофилов. Показательно, что в самом тексте поэмы прослеживается полемическая тенденция, имеющая определенный адрес: этнографические очерки В. В. Селиванова «Год русского земледельца», напечатанные в славянофильском журнале «Русская беседа» (1856, тт. 2, 4; 1857, тт. 3—4). Названные очерки идиллически характеризовали крестьянский труд и быт, содержали описание различных праздников, обрядов, знахарства и т. д. Некоторые запоминающиеся эпитеты и пейзажные зарисовки из очерка «Зима» использованы в поэме Некрасова, а сходные объекты описания (зимний лес, крестьянский извоз, простуда, лечение и смерть крестьянина, оплакивание и погребение покойника) у Некрасова и Селиванова имеют совершенно противоположное освещение. Сказанное подтверждается фельетоном М. Е. Салтыкова-Щедрина «Деревня зимою», напечатанным в С (1864, № 2), может быть не случайно, вслед за поэмой «Мороз, Красный нос». С цифрами в руках Салтыков-Щедрин доказывал, как тягостна для крестьян зима, как губителен извоз и как далеки от жизни идиллически безмятежные, «диковинные» описания русского земледельца в очерке В. В. Селиванова. Таким образом, Салтыков-Щедрин и Некрасов одновременно выступили как единомышленники в борьбе против славянофильского отношения к народу (см.: И. М. Колесницкая, Из творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». — Некр. сб. 3, с. 332—337). Поэма Некрасова приобрела определенное общественное звучание в эпоху раскола, происшедшего в революционно-демократическом лагере в 1863—1865 гг. Подавление польского восстания в 1863 г., спад революционной активности масс и торжество реакции привели к тому, что часть прогрессивной интеллигенции отказалась от надежд на народ как на деятельную силу истории. Приверженцами этой позиции временно оказались Д. И. Писарев и В. А. Зайцев, которые выступили в РСл с рядом статей, направленных против «коленопреклонений» перед народом, возведения его на пьедестал, против тех, кто видел какие-либо светлые стороны в народной жизни. С полемикой против РСл выступил С, где печатались статьи Салтыкова-Щедрина, напоминавшие о муже-

стве и силе тружеников, вынужденных в смертельных схватках сражаться за хлеб насущный. Щедрин призывал художников создать такие произведения, в которых слышалось бы дыхание тревожной человеческой деятельности и отдавало бы запахом трудового человеческого пота. См. об этом: Ф. И. Евнин, О поэме «Мороз, Красный нос» (Некр. сб. 3, с. 63—71). Некрасов оказался на стороне тех, кто писал о народе с болью и надеждой. Скрытая злободневность поэмы Некрасова послужила причиной того, что уже первые критические отклики в печати приняли характер спора. Славянофилы заняли в этом споре позицию крайнего осуждения. Н. М. Павлов, выступивший под псевдонимом «Н. Б.», увидел в произведении Некрасова «всеподавляющий протест против самой жизни», выразившийся в мрачном колорите всей поэмы и особенно в гибели Дарьи. По мнению критика, в изображении народной жизни автору недостает такта. Его герои не радуют глаз «видом бодрой живости», а трудятся через силу в поле и роняют горькие слезы. Н. М. Павлов относит Некрасова к «отчаянным отрицателям» и нигилистам, которые, несмотря на отмену рабства, «продолжают еще и в наши дни скорбные сетования на прежний лад». Даже в сочувствии поэта страданиям народа критик услышал ноты, исходящие «из мутных источников души», и поспешил заключить, что «горе его и сокрушение по русской родной земле» есть «конечный плод нашего мнимого, оторванного от народной почвы образования, с его вечным стремлением к какому-то отвлеченно-гуманитарному и космополитическому прогрессу» («Стихотворения Н. Некрасова. . .». — «День», 1864, 24 октября). С резкой отповедью славянофильскому «Дню» выступил в РСл В. А. Зайцев в статье «Стихотворения Н. Некрасова». Защищая поэта от обвинений в равнодушии, космополитизме и клевете на русскую жизнь, критик, указывая на поэму «Мороз, Красный нос», писал: «Если потрясающее изображение бедствий есть само по себе протест, то, конечно, протест этот так же силен, как велико горе, представленное поэтом. . . Насколько силен протест, настолько же высок идеал, помещенный рядом с протестом или, лучше, в нем самом» (В. А. Зайцев, Избр. соч., т. 1, М., 1934, с. 264). В. Зайцев переживал в этот период настроения крайнего исторического пессимизма и антиэстетизма, поэтому, защищая поэта от славянофилов, он сосредоточил свою аргументацию на доказательстве правдивости изображенных Некрасовым картин народной жизни, особенно печальной доли русской крестьянки, и отнес к сфере призрачных снов какие-либо идеалы. Процитировав полностью второй сон Дарьи, критик обобщал: «Эта картина есть самый полный идеал счастья, какой только могла создать фантазия крестьянки. . . Основные элементы благополучия здесь все: любовь, довольство и привлекательный труд среди чистой, прекрасной природы. Это та вершина благополучия, на которой человеку остается еще только искать наслаждения. . . Наконец, это тот результат, к которому стремится весь прогресс и в котором наслаждение свободною любовью, свободным трудом и здоровой бедностью изгладило даже мучительное воспоминание о прошлом рабстве и нищете». И эта картина, добавляет В. Зайцев, «представлена бредом умирающей, а не действительностью» (там же). Если бы в минуту смерти крестьянке грезилось ее действительное прошлое, а не мечта, то она бы увидела,

по мнению критика, только побои мужа, не радостный труд, не чистую бедность, а смрадную нищету. При всем сочувственном отношении В. Зайцева к произведению Некрасова, односторонность эстетической позиции критика помешала ему оценить реализм поэмы «Мороз, Красный нос» во всем его объеме. В полемику включился орган «почвенников» «Эпоха», наследник того журнала, в котором был впервые напечатан отрывок из поэмы. Н. Н. Страхов в «Заметках летописца» высмеял критика РСл за пристрастие его взглядов. «В этих суждениях, — писал «Летописец», — я вижу достойное наказание г. Некрасова за слишком большое усердие, с которым он забавлялся созданием «Жниц», «Орин» и т. п. Читатели так усердно поверили этим его произведениям, что теперь уже не верят самым прямым его словам... Г-н Некрасов изобразил счастливые минуты крестьянского семейства, полного взаимной любви. Как можно! — восклицает критик: я ведь знаю, что ни любви, ни счастливых минут у них вовсе нет. Очень может быть, что критику кажется одной фантазией, одним идеалом даже то, как Савраска «в мягкие добрые губы Гришухино ухо берет». Вот если бы Савраска откусил ухо у Гришухи, тогда это было бы ближе к действительности и не противоречило бы некрасовской манере ее изображать» («Эпоха», 1864, № 11, с. 4—5). Споры между критиками велись по отдельным принципиальным и даже тактическим вопросам литературной политики, но не было ни одного отзыва о поэме «Мороз, Красный нос», где бы зачеркивалось общегуманное и художественное значение этого произведения. Критик БдЧ Е. Эдельсон, с большой настороженностью относившийся к «тенденциозной» литературе, вынужден был признать, что в поэме «Мороз, Красный нос», как и в ряде других произведений («Орина мать солдатская», «Знахарка», «Забытая деревня», «Влас», «Коробейники»), автор достигает «почти вполне объективных воспроизведений народности» в ряде «чисто художественных, поэтических картин из русского быта». А из таких живописных и пластических картин, впечатляющих «глубиной и сосредоточенностью чувства», критик называет ст. 264—275, которые, по его определению, «сделали бы честь любому поэту: они так и просятся на полотно». Анализируя удачи поэта, Е. Эдельсон приходит к выводу, что «вся сила и заслуга Некрасова состоит в искреннем и страстном служении тем идеям, которые разделялись лучшими людьми его времени и оставили благотворнейший след в развитии нашего общества». Не относя Некрасова к числу поэтов первоклассных по артистичности, критик все же называет его поэтом истинным, ибо он «выразил наибольшее количество дум эпохи» («Стихотворения Н. Некрасова...» — БдЧ, 1864, № 9, с. 1—18). О сочетании в поэме Некрасова «увлекательной прелести» картин природы, сверкания красок и поэзии света с горестными волнениями человеческой жизни, с «возмущающими тишину рыданиями вдовы» писал, выражая ставшую уже общепризнанной точку зрения, другой критик (анонимная статья «Стихотворения Фета, Огарева и Некрасова». — «Журнал для детей», 1865, № 12, с. 188—191). Признание властной силы оптимистических, граждански активных настроений поэмы полнее всех выразил в письме к Некрасову от 20 февраля 1864 г. М. С. Волконский: «Сейчас я прочел Ваш «Мороз», он пробрал меня до костей, и не холодом, — а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное про-

изведение. Ничто, до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни слова лишнего... Все это как нельзя более близко и знакомо мне, до 25-летнего возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к другому... Дайте мне возможность поделиться им с моим отцом, доказавшим на деле, как он любит русского мужика» (В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 309). Поэт поблагодарил М. С. Волконского за теплый отзыв и отправил ему экземпляр своих сочинений в ответ на просьбу послать оттиск поэмы в Италию, где жил его отец-декабрист (ПСС, т. 11, с. 28—29). Судя по позднейшим воспоминаниям Некрасова, сам автор считал «Мороз, Красный нос» жизнеутверждающим произведением. В предсмертных автобиографических заметках он записывал, что в пору недуга муза стала являться к нему «беззубой дряхлой старухой», у которой не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в котором она всего чаще являлась раньше и в котором обрисована в поэме «Мороз, Красный нос» (ЛН, № 49—50, с. 167). Часть первая. Главка 12. *Ходебщик* (диалект.) — вожак дрессированного медведя. Часть вторая. Главка 18. *Плашка* (диалект.) — нетолстое срубленное дерево или отрезанная вершина большого дерева. Главка 20. *Косу клепала* — отбивала (точила) косу молотком на чугунной бабке. Главка 22. *Спасов день* — три церковных праздника (1, 6 и 16 августа ст. ст.). Главка 23. *Новина* — в данном случае небеленый льняной холст. Главка 25. *Залотошйла* (диалект.) — засуетилась, зашумела; об употреблении Некрасовым диалектизмов родного края см.: Е. П. Дубровина, Диалектизмы в поэтических произведениях Некрасова (Некр. сб. 3, с. 304—309).

36. С, 1863, № 3, с. 143. Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 3, с. 119. Это и след. два стихотворения Некрасов прочел в зале Бенардаки в январе 1863 г. (см. «С.-Петербургские ведомости», 1863, 10 и 20 января). Образ зеленого шума заимствован поэтом из игровой песни украинских девушек, напечатанной в «Русской беседе» (1856, № 1, с. 77). Текст стихотворения в некоторых существенных деталях восходит, как установлено, к прозаическому комментарию, которым сопроводил песню профессор М. А. Максимович. В комментарии говорилось: «... В этом *зеленом шуме* девчат отозвался Днепр, убирающийся в зелень своих лугов и островов, шумящий в весеннем разливе своем и дающий тогда полное приволье рыболову. В одно весеннее утро я видел здесь, что и воды Днепра, и его песчаная *Белая коса* за *Шумиловкою,* и самый воздух над ними — *все было зелено...* В то утро дул порывистый горишний, т. е. *верховой, ветер,* набегая на прибрежные *ольховые кусты,* бывшие тогда в цвету, он поднимал с *них* целые *облака зеленоватой цветочной пыли* и развевал ее по всему полуденному небосклону» (М. А. Максимович, Собр. соч., т. 2, Киев, 1877, с. 479). В цитате подчеркнуты слова, использованные Некрасовым (см.: И. С. Абрамов, Происхождение стихотворения Некрасова «Зеленый Шум». — Зв. 5, с. 467—477). В этом стихотворении Некрасовым найдена та строфическая и ритмическая структура, которая вскоре была использована в поэме «Кому на Руси жить хорошо». *Верховой ветер* — ветер, дующий с берега.

37. С, 1863, № 3, с. 203. См. предыдущее прим.

38. С, 1863, № 4, с. 557, под загл. «Страда». Печ. по Изд. 1864, ч. 3, с. 55. См. прим. 36.

* 39. «Солдатская беседа», 1863, № 1, с. 31, с датой «Январь 1863». Печ. по Изд. 1879, т. 2, с. 123, где исправлена опечатка в ст. 9. Первоначальный набросок — ПД. *Кубарь* — детская игрушка, наподобие волчка.

* 40. С, 1863, № 4 («Свисток», № 9, с. 67), под загл. «Песня об «Очерках» (Из лирической драмы „Видение на Неве“)», в др. ред., подпись «Савва Намордников». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 4 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 222. По неизвестному ныне автографу в Изд. 1879 (т. 4, с. CXXX—CXXXI) напечатан набросок, относящийся, по предположению С. И. Пономарева, к «Песне об „Очерках“». Поводом для написания стихотворения явился след. эпизод. В 1863 г. бывший цензор Амплий Николаевич Очкин (1791—1865) приступил к изданию газеты «Очерки». Чтобы привлечь подписчиков, он решил на первых порах придать газете либеральную направленность. В качестве редактора был приглашен видный демократический публицист Г. З. Елисеев (1821—1891), который, в свою очередь, привлек к сотрудничеству П. Л. Лаврова, А. П. Щапова, А. И. Левитова, Н. Г. Помяловского, М. А. Антоновича. О газете «Очерки» см.: С. Брейтбург, К истории газеты «Очерки» (сб. «Русская журналистика. Шестидесятые годы», М. — Л., 1930, с. 53—71), а также справочник «Русская периодическая печать», М., 1959, с. 443—444. Газета стала одним из самых радикальных органов. Напуганный Очкин уговаривал Елисеева переменить направление, но, не добившись успеха, прекратил издание газеты и предложил подписчикам или взять обратно деньги, или получать вместо «Очерков» либеральную газету «Современное слово», издававшуюся Н. Г. Писаревским. В тексте С вместо «Аргуса» газета имела подлинное название, под своими именами были выведены и действующие лица. Вместо: «Гибель, несчастный, тебе» было: «Гибель, о Амплий, тебе». По первоначальному замыслу Некрасов хотел написать несколько сцен торга Очкина с Писаревским. *Пренумерант* — подписчик. *Пускается в свист.* Намек на сатиру «Свистка». *По мосткам против крепости,* т. е. возле Петропавловской крепости. *Плашкоут* — плоскодонное, мелкосидящее судно, употреблявшееся для перевозки грузов и для настилки временных мостов. *Меч дамоклесов висит*. Дамоклов меч — неотвратимая угроза; выражение восходит к древнегреческой легенде о сиракузском тиране Дионисии, который заставил сидеть своего придворного Дамокла под мечом, чтобы тот проникся чувством опасности, всегда угрожающей верховному правителю. *Конюшенная.* В Петербурге были Б. Конюшенная (ныне ул. Желябова), М. Конюшенная (ныне ул. С. Перовской) и Конюшенная площадь. *Охтенка* — жительница слободы Охта в предместьи Петербурга. *Регалия* — сорт дорогих сигар. В первоначальном черновом наброске и в первоначальной редакции С требуют пояснений также след. реалии: *Данилевский* Г. П. (1829—1890) — автор ряда исторических романов. *«Современное слово»* — ежедневная газета, выходившая вместе с «Русским инвали-

дом» в Петербурге под ред. Н. Писаревского с 1 июня 1862 по 2 июня 1863 г. *Корш* В. Ф. (1828—1893) — журналист, редактор МВ; в 1862 г. переехал из Москвы в Петербург, где получил в аренду «С.-Петербургские ведомости»; он был их редактором с 1863 по 1874 г.

* **41.** С, 1863, № 4 («Свисток», № 9, с. 72), в др. ред. под загл. «Мое желание (Романс господина, обиженного литературой)», подпись «Савва Намордников». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 262 (здесь фиктивная дата «1857»). Автограф (без загл.) — ПД. Подготовляя Изд. 1873—1874, Некрасов в рукописи в загл. после слов: «в 1857 году» добавил: «и в 1866 году вновь призванного на службу отечеству». Эти явно нецензурные строки тут же зачеркнуты. В конце текста зачеркнуто: «(Вторая половина была помещена в «Свистке» 1861 года)». На самом деле в № 7 «Свистка» (С, 1861, № 1), с той же подписью «Савва Намордников», было помещено другое стих. — «Литературная травля...» (№ 17). Этот автограф (с него производился набор для Изд. 1873—1874) — в Черниговском гос. историческом музее. Стихотворение направлено против Александра II, усиленно громившего в это время передовую печать. *И мощь мою — и крепость.* Высказывалось предположение, что эти слова каламбур: подразумевается не только физическая выносливость, но и Петропавловская крепость (В. Евгеньев-Максимов, Последние годы «Современника», Л., 1939, с. 251; Чуковский, с. 681; ср.: ПСС, т. 2, с. 756).

42. С, 1863, № 9, с. 313. Беловой автограф — ПД, с датой «5 июня». В Изд. 1879 датировано 1863 г. В 1863 г. была запрещена перепечатка «Калистрата» в «Русской книжке», составленной известным революционером и фольклористом И. А. Худяковым и предназначенной для массового читателя (см.: А. М. Гаркави, Некрасов и цензура. — Некр. сб. 2, с. 456). *Носит лапти с подковыркою.* В отличие от обычных лаптей, сплетенных в два ряда, лапти с подковыркою плелись в три ряда.

43. С, 1863, № 10, с. 518. В Изд. 1879 датировано 1863 г. *Блюхер* Г. Л. (1742—1819) — прусский фельдмаршал, участник сражения при Ватерлоо (1815). Его лубочный портрет в течение долгого времени был весьма популярен в крестьянской среде. Как обычное украшение крестьянской избы Некрасов упоминает его в поэме «Кому на Руси жить хорошо». *Забалканский* — русский генерал-фельдмаршал И. И. Дибич (1775—1831), получивший вторую фамилию — Забалканский — за переход через Балканы в русско-турецкую войну 1829 г.

44. С, 1864, № 2, с. 573, под загл. «Горе старой Орины», без эпиграфа. Печ. по Изд. 1864, ч. 3, с. 43. Корректура под загл. «Орина», без эпиграфа — ПД. Поэма предназначалась для № 11 С за 1863 г., но ввиду сопротивления цензуры была опубликована позднее. Сестра поэта сообщает: «Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк,

чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшить» (Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич. — ЛН, № 49—50, с. 178). *Бесталанная* (нар.) — неудачливая, несчастливая. *«Не белы снежки»* — старинная народная песня «Не белые-то снежочки забелилися. . .» (см.: А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. 1, СПб., 1895, с. 47).

45. С, 1864, № 11—12, с. 276, без ст. 18—25 и с цензурным искажением ст. 3 (вместо «для свободы» было «для отчизны»; соответственно исказился ст. 1: «ты на рассвете жизни» вместо «ты в молодые годы»), без загл., но с подзаг. «(Отрывок)», с эпиграфом из стихотворения Добролюбова:

«Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою
И тебя благословляю —
Шествуй тою же стезею. . .»

Эпиграф подписан буквой Д. Полностью — Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 172, под загл. «Памяти — — ва». Печ. по Изд. 1879, т. 2, с. 127, где фамилия Добролюбова обозначена в загл. и где датировано 1864 г. Впоследствии Некрасов сопроводил стихотворение прим.: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов» (Изд. 1879, т. 4, с. 1 и XVII). Строки: «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!» В. И. Ленин поставил эпиграфом к некрологу «Фридрих Энгельс» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, с. 5). Об отношении Некрасова к Добролюбову см. прим. 25.

46. С, 1865, № 9, с. 32, с датой «1864». Автограф — ЦГАЛИ. Над текстом приписка: «Здоров ли ты? Вот тебе стихи. Из них увидишь, что я не очень весел. Некрасов». Листок был послан поэтом его старому приятелю, видному инженеру, близкому к демократическим кругам, двоюродному брату И. И. Панаева — Валериану Александровичу Панаеву (1824—1899). Стихотворение написано по поводу возвращения Некрасова из-за границы после пребывания там в мае — августе 1864 г. и навеяно впечатлениями от приезда в Карабиху осенью. *И проклял я то сердце* и т. д. Современники воспринимали заключительное двустишие как выражение тоски по революционному подвигу.

47. С, 1865, № 10, с. 547, с подзаг.: «(Посвящается детям)», с пропуском ст. 25—28 и 125—128, с фиктивной датой «1855»; Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 125 (восстановлен пропуск ст. 125—128, дата «1864»); Изд. 1873—1874, ч. 4, с. 127 (восстановлен пропуск ст. 25—28). Печ. по Изд. 1879, т. 2, с. 134, с исправлением эпиграфа по С. Подзаг. в Изд. 1879 снят, очевидно, по указанию поэта. Эпиграф в С оканчивался: «Граф Петр Андреич Клейнмихель, душенька!», в остальных прижизненных и в посмертных изданиях: «Инженеры, душенька!» Это изменение, скорее всего, цензурное. Так, в донесении

цензора Ф. П. Еленева от 24 ноября 1865 г. говорилось: «Хотя прямой смысл этого эпиграфа ... не заключает в себе оскорбления для бывшего управляющего путями сообщения, но некоторые могут видеть здесь другой скрытый смысл» (Чуковский, с. 400). О тексте этого эпиграфа см.: М. М. Гин, О своеобразии реализма Некрасова, Петрозаводск, 1966, с. 160, 165 (в защиту варианта «Клейнмихель») и Б. Я. Бухштаб, Заметки о текстах стихотворений Некрасова. — В кн.: «Издание классической литературы. Из опыта „Библиотеки поэта"», М., 1963, с. 260—266 (в защиту варианта «Инженеры»). Первая в России Николаевская (ныне Октябрьская) железная дорога между Москвой и Петербургом, строителем которой считался главноуправляющий путями сообщения граф П. А. Клейнмихель (1793—1869), была построена в 1842—1852 гг. Некрасов показывает, кто и как в действительности строил эту дорогу. В мае 1864 г. цензурный комитет запретил печатание «Железной дороги», поскольку здесь «объясняется генеральскому сыну картина мучений, испытываемых рабочим людом при постройке железных дорог; генерал — представитель другого быта, другого сословия, смеется над участью рабочих» (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, Л., 1928, с. 237). В 1865 г. Некрасов воспользовался освобождением журнала от предварительной цензуры и напечатал стихотворение в С, выбросив, однако, некоторые острые места, отнеся его посредством даты «1855» к другой эпохе. Несмотря на это, член совета Главного управления по делам печати Мартынов так охарактеризовал «Железную дорогу»: «Автор утверждает, что люди, употребленные на работах, «гроб обрели здесь себе», что рельсы дороги, вместо подушек, укрепляемы чуть ли не на «косточках русских», что начальство «секло народ», предоставляя ему право мерзнуть и гибнуть от цинги в землянках ... Наконец, в эпиграфе упомянута вещь всем известная, что главным строителем дороги был граф Клейнмихель, очевидно, с целью возбудить в читателях негодование против этого имени, рассчитывая на страшную эффективность стихотворения...» (В. Евгеньев-Максимов, Последние годы «Современника», Л., 1939, с. 107—108). 4 декабря 1865 г. министр внутренних дел П. А. Валуев приказал: «Принимая во внимание, что ... в стихотворении «Железная дорога» сооружение Николаевской железной дороги изображено как результат притеснения народа и сооружение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями, объявить второе предостережение журналу «Современник» в лице издателя-редактора, дворянина Николая Некрасова» (там же, с. 110—111). Это ставило С под удар, так как после третьего предостережения журнал подлежал закрытию. Стихотворение тематически близко тому, что писали об условиях строительства железных дорог Н. А. Добролюбов («Опыт отучения людей от пищи», 1860), В. А. Слепцов («Владимирка и Клязьма», 1861) и др. «Железная дорога» оказывала на читателей, особенно на молодежь, громадное революционизирующее воздействие. «Я был тогда в последнем классе военной гимназии, — вспоминает Г. В. Плеханов. — Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы окончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение... Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: „Эх, взял бы я

это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!“» (Г. В. Плеханов, Литература и эстетика, т. 2, М., 1958, с. 199). *Видел я в Вене святого Стефана.* Собор святого Стефана — архитектурная достопримечательность Вены, заложен в XII в., современный вид принял в XIV—XV вв. *Или для вас Аполлон Бельведерский Хуже печного горшка.* Генерал перефразирует строки Пушкина из стих. «Поэт и толпа». *Термы* — древнеримские бани.

48. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 169. В Изд. 1879 датировано 1864 г.

49. Изд. 1869—1873, ч. 4 («Приложение второе»), с. 239. В Изд. 1879 датировано 1864 г. *В Италии — писал о русских ссыльных.* Речь идет о поэме «Несчастные», над которой Некрасов работал в Риме в 1856 г. (см. т. 1, № 89).

* **50—54.** Первая часть цикла — С, 1859, №№ 1, 2 и 3; без эпиграфа, с подзаг. «Вступление к сатирам»; Изд. 1861, ч. 2, с подзаг. «Уличные впечатления»; Изд. 1863, ч. 2; Изд. 1873—1874, ч. 2. Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 277, где раскрыты имена в ст. 113, 124 и 125 сатиры «До сумерек», прежде обозначавшиеся сокращенно («Н — й А — чу», «Фр — нг», «К — му»). Вторая часть цикла — С, 1865, №№ 2 и 3, в качестве пятого и шестого стихотворений цикла, с пояснением в сноске, что четвертая сатира «выпущена», и ремаркой: «(Продолжение впредь)». Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 9, с восстановлением сноски в сатире «Кому холодно, кому жарко!» по наборной рукописи. Написанные в разное время сатиры цикла в прижизненных изданиях Некрасова печатались в разных частях собрания стихотворений поэта, поскольку каждая следующая часть выпускалась по мере накопления новых произведений. Авторские даты под сатирами первой части цикла свидетельствуют о том, что печатались они сразу после написания; в процессе же подготовки их к публикации, очевидно, определилось окончательное загл. всего цикла (см. ниже) и отдельных стихотворений его. Сохранилось свидетельство А. В. Никитенко о том, что 31 декабря 1858 г. Некрасов на обеде у И. А. Гончарова прочел «замечательное стихотворение „Кладбище“» (Никитенко, т. 2, с. 53). Это дает основание думать, что «Кладбище» — первоначальное загл. «Утренней прогулки». Замысел сатирического цикла возник у Некрасова, видимо, в 1858 г., так как в № 11 С за этот год (ценз. разр. 11 ноября 1858 г.), в объявлении об издании журнала в 1859 г., сообщалось, в частности, что в нем будут помещены и сатиры Некрасова (ПСС, т. 12, с. 193). Стихотворения, составившие позднее первую часть цикла, сочувственно рисующие жизнь горожан-бедняков, поэт рассматривал первоначально как вступление к обширному циклу сатир, обличающих власть имущих (см. ниже и прим. 58 и 90). Но осуществление замысла затянулось, и уже в Изд. 1861, т. е. задолго до того, как Некрасов окончательно отказался от мысли вернуться к нему, он напечатал их с новым подзаг. и эпиграфом, придав уже написанным сатирам более законченный и самостоятельный характер. Наборная рукопись второй части «О погоде» имеет несколько слоев правки. Это обстоятельство, а также имеющаяся здесь сноска, не появившаяся в печати по цензурным причинам — «Писано в разгар деятельности М. Н. Муравь-

ева и М. Н. Каткова», — дают основание предполагать, что поэт работал над этими сатирами в конце 1863 — начале 1864 г., т. е. задолго до их публикации, когда они еще даже не входили, возможно, в цикл «О погоде». Но работа тогда не была закончена. Анализ рукописи показывает, что позднее, чем основной текст, в ней появилось загл. «О погоде (Продолжение прежних очерков)» и сноска, написаны ст. 81—120 в «Кому холодно, кому жарко!» («зимняя сказка» о том, как «потешились лихо» светские франты над модистками), лишь в корректуре появилось загл. «Крещенские морозы» и т. д. Кроме того, в процессе работы Некрасов отказался от некоторых выразительных, но не всегда безобидных в цензурном отношении характеристик (см., например, в вариантах «Крещенских морозов» о параличе — убийце «именитых, в почтенных чинах», с которым «полицейские меры бессильны» и т. д.) и других не увидевших света отрывков. Не исключено, что поэт намерен был вернуться к текстам этих сатир: посылая в типографию автографы их, он написал на полях: «Прошу эти листы мне возвратить» и «Листы эти прошу не затерять».

1. С, 1859, № 1, с. 307, с посвящением П. В. А<нненко>ву и датой «27 дек<абря>». Корректура № 1 С (с подписью цензора), под загл. «С утра до ночи (Вступление к сатирам) 1. Утренняя прогулка», с посвящением «П. А — ву» — ПД. Копия текста С с правкой Некрасова (в тетради А. Я. Панаевой) — ПД. Высказывалось предположение, что варианты корректуры первоначального текста ст. 83 и 131 — следствие автоцензуры в неизвестной нам рукописи (см.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 13, 1966, с. 221 и 230). *Слава богу, стрелять перестали!* Выстрелами из пушек Петропавловской крепости оповещали жителей Петербурга о подъеме воды в Неве. *Там одной незаметной могилы* и т. д. Речь идет о могиле В. Г. Белинского на Волковом кладбище (подробно об этой затерянной в течение ряда лет могиле см. в кн.: С. А. Рейсер, Революционные демократы в Петербурге..., Л., 1957, с. 35).

2. Там же, № 2, с. 507, с датой «10 февр<аля>». Главка 2 этой сатиры перепечатана как самостоятельное произведение, под загл. «Городская кляча», в изд. Некрасова «Красные книжки», кн. 2, СПб., 1863. Корректура № 2 С с правкой Некрасова и пометами цензора, а также список текста С с последующей правкой Некрасова (в тетради А. Я. Панаевой) — ПД. При публикации в С сатиры «До сумерек» цензор сомневался в возможности разрешить к печати ст. 47—48, 59—66 и 76, но в конце концов все эти стихи были напечатаны без искажений. Однако ст. 11—12 и 15—16 цензор потребовал исключить, вследствие чего весь отрывок (ст. 9—16) был заменен строкой точек. Возражения цензора вызвали также ст. 86 (упоминание о «жандармском седом генерале» в «толпе ожидающих») и ст. 103—104 («Заколодило с сорок девятого, Отдыхали лет семь, да опять») — вероятно, как слишком явно имеющие в виду цензурный гнет мрачного семилетия. В результате в тексте С появились варианты этих стихов: «Тут какой-то седой генерал» и «Много было до сорок девятого; Отдохнули потом... да опять». Однако уже в Изд. 1861 в первых трех случаях Некрасову удалось восстановить первоначальный, доцензурный текст; в последнем же случае поэт вообще не вернулся к первоначальной редакции. Не исключено также, что вслед-

ствие автоцензуры в неизвестной нам рукописи вместо ст. 123—126 в тексте С (и в корректуре) — строка точек, в ст. 198 вместо: «Сдали парня?» — «Чу, прощанья», а в ст. 200 вместо: «Злость-тоску» — «Грусть-тоску» (см. А. М. Гаркави, указ. кн., с. 221). В тексте вставки, вписанной Некрасовым в копию текста С, ст. 123—126, в которых речь идет о «взаимоотношениях» цензуры с редактором ОЗ А. А. Краевским, имелось не вошедшее в печатный текст продолжение:

Нет, шалишь: это дело ученое,
Чья возьмет, попытаем сперва,
Не гляди, что лицо-то зеленое, —
    Человек — голова!

Строки эти позволяют предположить, что у поэта при подготовке Изд. 1861 была мысль связать эти взаимоотношения со временем сотрудничества в журнале Белинского. *Тесак* — один из видов боевого оружия в царской армии, род большого кинжала с прямым широким клинком. *Ванька* — извозчик. *Под жестокой рукой человека* и т. д. Об этой главке сатиры «До сумерек» как переводе одного из эпизодов «Меланхолии» В. Гюго см. в статье И. З. Сермана «Некрасов и Виктор Гюго» («Русско-европейские литературные связи», М. — Л., 1966, с. 133—135). Однако, по наблюдению Б. Я. Бухштаба, аналогичная сценка была у Некрасова еще в фельетоне ЛГ от 13 июля 1844 г. (см.: ПСС, т. 5, с. 459 и 626). *Федотов* П. А. (1815—1852) — художник-жанрист. *Бедняк итальянец с фигурами* — продавец гипсовых статуэток. Д. В. Григорович в очерке «Петербургские шарманщики», говоря об итальянцах-ремесленниках Петербурга 1840-х годов, упоминает о «фигурщиках, носящих вечного амура с сложенными накрест руками, кошку, болтающую вправо и лево головою, Наполеона, окрашенного розовой краской, всех возможных форм, видов и несходств» («Физиология Петербурга», ч. 1, СПб., 1845, с. 149—150); такой итальянец-фигурщик — один из персонажей водевиля Некрасова «Актер» (ПСС, т. 4, с. 141—144). *Рассыльный Минай с корректурами* — по всей вероятности, реальное лицо (ср. в «Песнях о свободном слове», № 65). *Много было до сорок девятого.* Речь идет о так называемой «эпохе мрачного семилетия» (1848—1855), одной из характерных черт которой был цензурный террор, приведший к резкому сокращению печатной продукции; на это еще более определенно указывает текст первоначальной редакции (см. с. 626). *Я «Записки» носил с основания.* ОЗ издавались с 1818 по 1830 г. П. П. Свиньиным, а с 1839 г. — А. А. Краевским (см. о нем т. 1, прим. 37). *То носил к Александру Сергеичу.* С основан был А. С. Пушкиным в 1836 г. *А теперь уж тринадцатый год* и т. д. С 1847 г. Некрасов был фактическим редактором и издателем преобразованного С. На Литейной (ныне Литейный проспект, № 36) помещалась редакция журнала; здесь жил Некрасов с августа 1857 г. до конца жизни. *Всё зарезать друг дружку стараются* — см. стих. «Деловой разговор» и прим. к нему (т. 1, № 37). *А рассыльный таскай шестьдесят!* — из-за переделок по требованию цензуры; ср. в письме Некрасова к Тургеневу от 9 января 1850 г.: «Чтоб составить 1-ю книжку... прочел 60-т корректурных листов (из коих пошло в дело только 35-ть)...» (ПСС, т. 10, с. 140). *Фрейганг* А. И. (р. 1805) — цензор

Петербургского цензурного комитета в 1848—1854 гг. *На Исакия смотрит, крестясь* — на Исаакиевский собор, строительство которого было закончено в 1858 г. *Булгарин* — см. т. 1, прим. 1. *Греч* — см. прим. 17. *Сенковский* — см. т. 1, прим. 1. *Воейков* А. Ф. (1778—1839) — поэт, переводчик, критик и журналист. *Красные кресты* — вычерки и пометы цензоров. *Статýя Петра* — памятник Петру I работы М. Э. Фальконе.

3. Там же, № 3, с. 5. Корректура № 3 С и копия текста С с последующей авторской правкой (в тетради А. Я. Панаевой) — ПД. Ст. 98—104 — переработка стих. «Карета» (см. т. 1, № 233). Начиная с Изд. 1861 первая часть цикла датировалась 1858—1859 гг. «Сумерки» датируются с учетом этих данных и времени первой публикации (ценз. разр. С, 1859, № 3 — от 1 и 15 марта 1859). *Сверху донизу вывески сплошь.* Ср. описание дома, в котором живут мастеровые, в очерке Некрасова «Петербургские углы» (ПСС, т. 6, с. 104). *Там горчит Веллингтонов сапог* — сапог для верховой езды, в данном случае вывеска сапожника. *Там с открытою грудью Диана.* Подразумевается восковая фигура в витрине парикмахерской. *На спине ли дрова ты несешь на чердак* и т. д. См. рисунок В. Тимма к очерку Луганского (В. И. Даля) «Петербургский дворник» («Физиология Петербурга», ч. 1, СПб., 1845, с. 112), изображающий эту сцену.

4. С, 1865, № 2, с. 541. Автограф (наборная рукопись) под общим загл. «О погоде (Продолжение прежних очерков). V» и сноской: «См. „Современник", 1861, №№ 1 и 3» — ЛБ. Видимо, по цензурным причинам заменено было в С строкой точек отсутствующее в последующих изданиях двустишие, имеющееся в автографе «Крещенских морозов» (после ст. 72): «Между тем свирепеет мороз. Берегите, читатель, ваш нос», в котором можно было заподозрить намек на ухудшение политического климата в стране. *Самоед на Неве удивляется.* Речь идет о приезжавших на заработки в Петербург ненцах; см., например, в фельетоне И. И. Панаева «Петербургская жизнь» (С, 1859, № 2, с. 414): «В Петербург приехали самоеды из Архангельска с оленями показывать себя и прокатывать на оленях петербургских жителей». *Вспомним — Бозио, Чванный Петрополь* и т. д. Итальянская певица Анджиолина Бозио (1824—1859) с большим успехом с 1856 г. выступала на петербургской сцене, в 1859 г. получила титул «первой певицы их императорских величеств». В марте 1859 г. по дороге из Москвы в Петербург она простудилась и вскоре умерла. Газеты писали о «всеобщей единодушной горести, которой поражена была столица при вести о ее преждевременной кончине» («С.-Петербургские ведомости», 1859, 19 апреля). «Стечение народа испугало полицию, — вспоминал современник, — в день похорон церковь была оцеплена и двор монастыря занят войском. Печальную колесницу сопровождали до кладбища ... эскадрон жандармов и целые взводы городовых» (А. И. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. 3, СПб., 1884, с. 111—112; ср. Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки, М.—Л., 1934 с. 250). *Известья из Вильно.* Под заголовком «Из Вильно» в газетах печатались сообщения о ходе подавления начавшегося в Польше в январе 1863 г. восстания. *Муравьев* М. Н. (1796—1866) — генерал-адъютант, член Государственного совета, с мая 1863 по 1865 г. — генерал-губернатор Северо-западного края, жестокий усмиритель восставших поляков, получивший кличку

«Вешатель». *Катков* М. Н. в редактировавшихся им с 1863 г. МВ был одним из самых ревностных «литературных адвокатов злодейств» в Польше (Герцен, т. 17, с. 62).

5. С, 1865, № 3, с. 235. Автограф с цифрой «VI» при загл. — ЛБ. При публикации в С «Кому холодно, кому жарко!» возражения цензуры вызвал ст. 12, который был заменен ст. «Где катаются моды цари» (восстановлен в Изд. 1869—1873). В словах о «наводящей унынье и сплин» Петропавловской крепости можно видеть намек на расправу с Н. Г. Чернышевским, около двух лет томившимся в этой тюрьме и отсюда в мае 1864 г. отправленным на каторгу в Сибирь. Упоминание же о петербургских пожарах, видимо, связано с печально знаменитыми майскими пожарами 1862 г., послужившими поводом для расправы правительства с революционной молодежью. *Девы из Риги.* Условное наименование проституток. *Показались два красных шара.* Красные шары на башне городской думы были сигналом пожара, количество шаров обозначало часть города, в которой возник пожар.

55. Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 234, с цензурной купюрой в ст. 7 («— — — ских орлов»), с датой «1863». Печ. по этому изд. с восстановлением ст. 7 по автографу ПД. Другой автограф (с усеченным ст. 7) — Черниговский гос. исторический музей. Стихотворение направлено против крепостников, мечтавших о возвращении дореформенных порядков. Написано не ранее обнародованного в 1864 г. положения о земствах (местном самоуправлении), которое давало возможность бывшим помещикам перелагать на плечи крестьян ряд повинностей. *«Весть»* — петербургская политическая и литературная газета, начавшая выходить с августа 1863 г.; издавалась В. Д. Скарятиным и Н. Н. Юматовым. Выражала интересы крупного дворянства. Герцен называл ее «газетой неокрепостников». Не исключена возможность, что стихотворение — отклик на адрес московских либеральных дворян, преподнесенный в январе 1865 г. Александру II.

* **56.** С, 1865, № 8, с. 505, с подзаг. «Сатира 12», с рядом цензурных искажений; Изд. 1869—1873, ч. 4, без подзаг. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 4, с. 49, с восстановлением ст. 183 по автографу. Этот автограф (наборная рукопись) с подзаг. «[Из опытов в сатире]. (Очерк [11] 12)» — ЛБ. Первоначально «Газетная» — одна из глав сатиры «Клуб», которую Некрасов намечал включить в оставшийся незавершенным сатирический цикл (см. прим. 50—54 и 90). На последнем листе рукописи «Газетной» — переход к след. главе «Клуба» — «Игорной» и начало текста ее; непосредственное продолжение этого текста — среди сохранившихся фрагментов «Клуба». В 1865 г., воспользовавшись новым законом о цензуре (см. прим. 65—72), Некрасов выделяет «Газетную» в самостоятельную сатиру и публикует ее в первой же освобожденной от предварительной цензуры книжке С. Готовя сатиру к публикации, Некрасов смягчил некоторые места ее. Так, подлинная, восходящая к рукописи, редакция ст. 232—234 впервые увидела свет лишь в Изд. 1873—1874; в наборной рукописи последнее слово заменено было на «народ», а в С и Изд. 1869—1873

печаталось: «Вместо северный, скверный полет». Слова «ты сын палача» (ст. 318), зачеркнутые в наборной рукописи, в тексте С и Изд. 1869—1873 заменены на «а кто твой отец?» (подлинный текст восстановлен лишь в Изд. 1873—1874). Возможно, что и переделка некоторых строк в рукописи (см. первоначальные варианты ст. 49—52, 294—296, 310—311 и ст. 143: «Присудили к Сибири — сослали») связана с учетом цензурных требований. И все же на эти стихи Некрасова о цензоре обратил внимание начальник Главного управления по делам печати М. П. Щербинин (см.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 13, 1966, с. 114). Поэтому, рассмотрев этот номер С, член Совета Главного управления по делам печати В. Я. Фукс отметил среди «зловредных» статей «Газетную», где «изображено в крайне оскорбительном виде существующее, а следовательно охраняемое силою закона звание цензора» (В. Евгеньев-Максимов, «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Л., 1936, с. 103). Названа была «Газетная» и среди произведений, определивших, по мнению Совета, «вредное направление» первой и второй бесцензурных книжек (№№ 8 и 9), за которые С было объявлено первое предостережение. В официальном тексте предостережения, опубликованном в газете, сатира Некрасова не была названа только потому, что, по справедливому предположению А. М. Гаркави, подписавший предостережение П. А. Валуев счел неудобным «расписаться в полученьи оплеух» (указ. кн., с. 115). В Изд. 1869—1873 и 1873—1874 Некрасов вынужден был предварить текст «Газетной» след. ироническим, но удовлетворившим цензуру NB: «Само собою разумеется, что лицо цензора, представленное в этой сатире, — вымышленное и, так сказать, исключительное в ряду тех почтенных личностей, которые, к счастью русской литературы, постоянно составляли большинство в ведомстве, державшем до 1865 г. в своих руках судьбы всей русской прессы». *Газетная* — читальня Английского клуба. *Прав доныне старик Грибоедов* и т. д. Имеется в виду реплика Фамусова из «Горя от ума»: «Ей сна нет от французских книг, А мне от русских больно спится» (д. 1, явл. 2). *Просто Толстой* — Ф. М. Толстой (1809—1881), беллетрист, композитор и член Совета Главного управления по делам печати, негласный цензор С последних лет и затем (до 1872 г.) — ОЗ. *Что явилась потребность субсидий.* С 60-х годов правительство вступило на путь широкого подкупа в виде субсидий ряда газет Петербурга и Москвы; об этом см. в статье Герцена «Виселицы и журналы» (Герцен, т. 17, с. 235; ср. также Салтыков, т. 6, с. 44—46 и 570—571). *Тот добился успеху во многом* и т. д. Намек на газеты и журналы (ОЗ, РВ, «Современная летопись», МВ и др.), подхватившие провокационные слухи о причине майских пожаров в Петербурге в 1862 г. (см. прим. 54) и поддерживавшие позицию царского правительства по отношению к польскому восстанию 1863 г. (ср. о «догадливом антрепренере» МВ в стихотворении Некрасова «Вступительное слово „Свистка" к читателям», № 131). Реакционная публицистика того времени не раз пыталась «мешать» «идею свободы с поджогом, грабежом и убийством». Так, в опустошительных пожарах 1864 г. в Симбирске ложно обвиняли сосланных туда поляков. В июле 1865 г. Герцен также писал в «Колоколе»: «Пожар в двадцати губерниях! Все поджоги — на-

мекают „Московские ведомости“» (Герцен, т. 18, с. 398). Показательно, что весь отрывок, характеризующий нравы «русской прессы» (ст. 25—44), вписан был в текст «Газетной» позднее, возможно при подготовке ее к печати, т. е. в конце лета 1865 г. (№ 8 С вышел в свет 9 октября). *Нам Катков предстоит великаном.* Речь идет, по-видимому, об изъявлениях сочувствия позиции М. Н. Каткова в определенных кругах русского дворянства (о них Катков писал в МВ еще 25 июля 1863 г.). Сочувствие «важным заслугам» Каткова выразило, в частности, московское дворянское собрание в начале января 1865 г. в связи со слухами о желании Каткова прекратить редактирование МВ (ср. стихотворение Некрасова «Предмет, любопытный для взора...», № 134). *Нас отсутствие «мрака и стона».* Чьи слова цитирует Некрасов, неясно (см. варианты, с. 503). *Эта песня давно уже слышится.* Еще в 1847—1848 гг., отстаивая принципы «натуральной школы», Белинский и молодой Некрасов (ПСС, т. 6, с. 241, 330 и т. 9, с. 180—181) решительно возражали против подобного отношения к литературе. *«Инвалид».* В официальной газете «Русский инвалид» печатались сообщения о назначениях, наградах, перемещениях по службе. *Отмечать: выправляет он слог* и т. д. Как писал М. Антонович в статье «Надежды и опасения (По поводу освобождения печати от предварительной цензуры)»: «Без предварительной цензуры автор имеет хоть то утешение, что... цензор не исправляет у него, как у неграмотного школьника, фраз, выражений и оборотов» (С, 1865, № 8, с. 177). *Маколей* Т. (1800—1859) — английский либеральный историк, публицист и политический деятель. *Гизот* — Гизо Ф. (1787—1874), французский историк и реакционный политический деятель; у Гизо были попытки объяснения истории с точки зрения классовой борьбы (с буржуазных позиций). *Прудон* П. (1809—1865) — французский экономист; К. Маркс в «Нищете философии» подверг его мелкобуржуазные взгляды уничтожающей критике. *Тьер* А. (1797—1877) — французский историк и реакционный политический деятель, в 1871 г. — палач Парижской коммуны. Все эти авторы много переводились в 60-х годах на русский язык. Служивший в цензурном ведомстве в годы «мрачного семилетия» (ср.: «занимаясь семь лет этим дельцем») «тощий человечек» вздыхает о том времени, когда, по свидетельству И. А. Гончарова, действительно «о Прудоне говорили втихомолку, запрещали Маколея... даже, кажется, Гизо!» (И. А. Гончаров, Собр. соч., т. 8, М., 1952, с. 260). Позднее крепостническая газета «Весть» писала, что Антоновичем, Зайцевым, Пыпиным «свергнуты с пьедесталов» Маколей, Тьер, Гизо и «их место заменяют» Прудон, Чернышевский, Бокль, Дарвин («Весть», 1865, 25 декабря). *К государственной росписи смеют* и т. д. Так было первоначально в рукописи, однако, вероятно из опасения цензурных придирок, исправлено на «К украшенью империи смеют». Возможно, Некрасов имел здесь в виду сильно искаженную цензурой статью Чернышевского (в С, 1862, № 2) о впервые обнародованной в 1862 г. «Государственной росписи доходов и расходов» (см. Чернышевский, т. 10, с. 1069—1070). *А то, если б пустить по порядку.* О наиболее «вредных» сочинениях цензоры должны были сообщать в III Отделение. *Канупер* — ядовитое растение. *Я статью отстоял в комитете* и т. д. Ср. стихотворения 119, 126 и прим. к ним. *Фейербах* Л. Издание

произведений немецкого философа-материалиста и атеиста было запрещено в России. *Если ты написал: «Равнодушно...»* и т. д. О подобных примерах самоуправства цензоров говорится в записках С. Н. Глинки «Мое цензорство»: «Можно ли, чтобы кто-нибудь написал: «я не люблю бога, я не люблю царя?» Но если б ... это и случилось, тогда цензор благомыслящий вычеркнул бы частицу «не», и осталось бы: я люблю бога, я люблю царя» (С, 1865, № 9, с. 221).

* **57.** ОЗ, 1868, № 1, с. 1, с цензурными пропусками ст. 12, 24, 37, 66, 88, 196. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 252, с восстановлением изъятых строк по автографу ЛБ. В Изд. 1873—1874 датировано 1865 г. Автограф ЛБ (наборная рукопись) — с датой «21 августа» и пометой: «Отд. 1-е „Отеч. Зап." 1868, № 1. Наберите это стихотворение поскорее — его можно будет опубликовать в начале». Наброски и первоначальные сводки текста — ЛБ. В ряде стихов во всех прижизненных изданиях следующие цензурные изменения: ст. 12: вместо «царю» — «паше»; ст. 24: вместо «И императорская благость» — «И краем правящая благость»; ст. 37: вместо «Гонял говеть актеров в пост» — «Вниманье обращал на рост»; ст. 66: вместо «царь» — «хан»; ст. 88: вместо «царю» — «визирю»; ст. 196: вместо «царя» — «визиря». Прототипами героя «Притчи» могли быть либо директор императорских театров в 1858—1863 гг. А. И. Сабуров, человек недалекий и развратный, «торговавший» воспитанницами и в связи с этим снискавший себе «славу» знаменитой «сабурово-адлербергской историей» (см. «Правдивый», 1862, 12 мая; «Колокол», 1862, 10 (22) июня, л. 137, с. 1140), либо сменивший его в 1862 г. на посту директора А. М. Борх, отличавшийся анекдотическим самодурством («Колокол», 1867, 3 (15) марта, л. 237, с. 1936); не исключено, что Некрасов подразумевал также заведующего в 1853—1879 гг. репертуарной частью императорских театров П. С. Федорова (1800—1879). О них см.: А. Нильский, Закулисная хроника. 1856—1894, СПб., 1897, с. 7—77. Прототипом Киселя считался также барон К. К. Кистер, служивший сначала в конногвардейском полку, а с 1867 г. — помощником директора императорских театров. *Монолог из Лира* — из трагедии В. Шекспира «Король Лир». *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии, покровительница театра. *Терпсихора* (греч. миф.) — муза танцев и хорового пения. *Ликург* (IX в. до н. э.) — спартанский законодатель. *С фронтона... ушло три бронзовых коня.* О похищении статуи Александринского театра П. П. Гнедич вспоминал, что «кони» были сняты во время летнего ремонта в начале 60-х годов, а впоследствии их видели в саду смотрителя зданий дирекции Крутицкого («Биржевые ведомости», 1916, 24 августа).

* **58.** С, 1866, № 2, с. 606, с подзаг. «(Сатира 9)»; с цензурными пропусками и искажениями, Изд. 1869—1873, ч. 4. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 4, с. 27. В ст. 79 фамилия «Суворов» восстановлена по Изд. 1879, т. 2, с. 191. Автограф (наборная рукопись, на обороте — черновые наброски отдельных мест), под загл. «Театр (Сатира 9)», — ЛБ; там же — ст. 57—64 и 87—90, в составе сохранившегося отрывка конца сатиры «Клуб» (см. прим. 50—54 и варианты «Недавнего вре-

мени», с. 557), и набросок начала (ст. 1—20) под загл. «VII. Театр». Напечатав «О погоде» и убедившись в «нецензурности» следующей за «Кому холодно, кому жарко!» сатиры «Клуб» (см. прим. 90), Некрасов взамен ее (об этом свидетельствует цифра «VII») записывает начало сатиры «Театр». Подзаг. в текстах рукописи и С — свидетельство, что в то время Некрасов рассматривал «Балет» еще как часть давно задуманного им цикла сатир (см. прим. 50—54). Не имея возможности напечатать в то время полностью «Клуб», Некрасов некоторые отрывки из него перенес в «Балет». Но один отрывок — четверостишие, имеющееся в рукописи «Клуба» и наборной рукописи «Балета» («В молодом поколении фатство. . .» и т. д. — см. варианты, с. 556) — не появился все же в печатном тексте: из опасения цензурных репрессий (возможно, по совету «домашнего цензора» ОЗ Ф. М. Толстого) он снят был Некрасовым уже в корректуре (позже ему все же удалось включить его в текст «Недавнего времени», № 90, ст. 9—12). Кроме того, поэт пытался, отталкиваясь от имеющихся в рукописи «Клуба» строк, адресованных «откупному светиле», т. е. В. А. Кокореву и его нашумевшей статье «Миллиард в тумане» («С.-Петербургские ведомости», 1859, 8 и 9 января), использовать в «Балете», хотя и в другой связи, эти злободневно звучащие слова, однако уже в рукописи он отказался от этого намерения (см. варианты, с. 506). В основе многих сцен сатиры лежит впечатление от посещения спектакля, вероятнее всего состоявшегося 31 января 1865 г. (см. ниже). Тем не менее опубликована она была лишь в начале 1866 г., после отмены предварительной цензуры; печатая сатиру, Некрасов заручился, вероятно, отнюдь не бескорыстной поддержкой Ф. М. Толстого (об отношениях Ф. М. Толстого с Некрасовым см.: Корней Чуковский, Люди и книги, М., 1958, с. 294—336). Должно быть, по его же совету (об этом свидетельствуют, надо полагать, и пометы на ней красным карандашом) сняты были имеющиеся в рукописи, но отсутствующие в текстах С и Изд. 1869—1873 ст. 385—388. Восстановить их Некрасову удалось лишь в Изд. 1873—1874. Возможно, что по этой же причине уже в корректуре С сняты были строки после ст. 310, имеющиеся в рукописи и не попавшие в печать (см. варианты, с. 507). В отзыве о номере журнала, в котором напечатан «Балет», Ф. М. Толстой в марте 1866 г. писал: «В конце ... сатиры Некрасова проглядывает некоторая тенденциозность, а именно обычное для «Совре́менника» напускное, преувеличенное сердоболие к горькой доле русского мужичка (по поводу рекрутских наборов) — но в поэтической картине, изображенной по сему случаю, нет ничего особенно возмутительного или вызывающего» («О напечатанном в «Современнике» (1866, № 2) стихотворении «Балет». — ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати). Эпиграф — неточная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 1); в автографе в сокращенном виде (без двух последних строк) — в качестве прим. к ст. 261—262. *Что зовут «бриллиантовым рядом».* Как видно из воспоминаний балерины Е. О. Вазем, под этим выражением подразумевалась состоятельная публика, занимавшая на балетных спектаклях лучшие места в бельэтаже (Е. О. Вазем, Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра, М., 1937, с. 193—194). *И мышиный жеребчик* (*так Гоголь* и т. д.). Имеются в виду след. строки из 8-й главы 1-го тома «Мертвых душ»: «семенил ножками,

как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам». *Нас безденежье всех уравняло* и т. д. Тема безденежья широко обсуждалась в печати того времени. Сам Некрасов писал: «Современная Россия... говорит в собраниях о том, что нет ни у кого денег, и предлагает средства самые верные от безденежья, какие прежде предлагались только от зубной боли» (ПСС, т. 9, с. 432). *Генерал-губернатор Суворов* — А. А. Суворов (1804—1882), внук А. В. Суворова, генерал-губернатор Петербурга в 1861—1866 гг., о котором А. В. Никитенко писал, что он «поддерживает воров, мошенников, разумеется из гуманных видов» (Никитенко, т. 2, с. 394). *Факты есть, но касаться их больно!* и т. д. Имеется в виду харьковский процесс 1865 г. о подделке денежных серий; о нем писала в корреспонденции «Вести с хутора» Н. Кохановская («В степной деревеньке Варваровке открыт русский монетный двор с заграничными машинами»), видевшая и в этом факте «решимость Польской справы подорвать кредит русского правительства выпуском фальшивой монеты», хотя здесь же сообщала, что «во главе» стояли «два предводителя дворянства... и вполне русские» («День», 1865, 9 октября, ср. №№ от 30 октября и 4 декабря, а также: Ю. Жуковский, Записки современника. — С, 1865, № 9, с. 98—102). *«Не белы-то снеги»* — русская народная песня. *Камелия* — здесь: женщина легкого поведения. *Не всё ж читать вам Бокля!* Двухтомный труд английского либерально-буржуазного историка и социолога-позитивиста Г. Бокля (1821—1862) «История цивилизации Англии» был очень популярен в России в 60—80-х годах. К нему проявляли большой интерес Герцен и Чернышевский. Петербургский губернский предводитель дворянства В. Н. Орлов-Давыдов говорил о переводе и издании книги Бокля (СПб., 1863—1864) как об одной из попыток «потрясти нравственные понятия, в которых мы были воспитаны» («Весть», 1865, 14 января). *Но явилась в рубахе крестьянской* и т. д. Обозреватель журнала «Русская сцена» писал о бенефисе М. С. Петипа (урожд. Суровщиковой, 1836—1882) на сцене Мариинского театра в Петербурге 31 января 1865 г.: «Особенно наэлектризовала г-жа Петипа публику... в «мужичке»... в плисовых шароварах, в красной рубахе, с отороченными сапожками и в ямщицкой, украшенной павлиньим пером, шапочке набекрень. Мужичок был до бесконечности мил и привел партер в какое-то исступленное состояние; от криков «браво» можно было оглохнуть...» («Русская сцена», 1865, № 2, с. 222). *Бернарди* Р. (по мужу Фабрика) — примадонна итальянской оперной труппы в Петербурге в 1858—1867 гг. *«Дева Дуная»* — балет, поставленный еще в 1837 г. Ф. Тальони на сцене Большого театра. *Роллер* А. Н. (1805—1891) — главный машинист и художник-декоратор Мариинского театра.

59. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 241, с подзаг. «Из Лары». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 4 («Приложение второе»), с. 246. О происхождении этого подзаг. см. т. 1, прим. 7. В условиях правительственного террора после неудавшегося покушения Д. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.) Некрасов, желая спасти С, принял 16 апреля участие в официальном чествовании М. Н. Муравьева-Вешателя и про-

читал в его честь тогда же уничтоженные и остающиеся неизвестными стихи. Этот акт навсегда остался для Некрасова предметом мучительных воспоминаний и раскаяния. В тот же вечер он написал горькие стихи «Ликует враг, молчит в недоуменьи. . .» (Из записной книжки А. Н. Пыпина. — ЛН, № 49—50, с. 192).

60—64. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 174. Песни №№ 63 и 64 впервые — ОЗ, 1868, № 4, с. 531 и № 12, с. 322, подпись «Н.». Черновой набросок ст. 15—19 песни № 61 — ПД. В Изд. 1879 датировано 1866 г. По утверждению исследователя народного творчества Н. П. Андреева, эти песни — «не обработка фольклорного материала, а самостоятельное творчество Некрасова в духе и стиле фольклора». Показательно, например, что стих. «Катерина» «стало действительно песней и вошло в широкий песенный обиход» (Н. Андреев, Фольклор в поэзии Некрасова. — Сб. «Некрасов в русской критике», М., 1944, с. 162—163). Повторяя мотив многих народных песен, «Катерина» в то же время полемична как по отношению к песням о женском терпении, так и по отношению к славянофильским концепциям, идеализировавшим это долготерпение. См. об этом: Чуковский, с. 501—503; Б. Бухштаб, К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Катерина» (Некр. сб. 1, с. 68—69 и 86—101). Вместе с тем некрасовская «Катерина» близка к тем произведениям народного творчества, в которых воспевается активный, волевой характер женщины. Этим, в частности, опровергается несостоятельное мнение критика Н. Н. Страхова, объявившего «Катерину» чуждой народному миросозерцанию (Н. Страхов, Заметки о Пушкине и других поэтах, СПб., 1888, с. 136). Возможно, что песня направлена и против пьесы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» с ее славянофильскими иллюзиями о необходимости и благостности терпения. *Вожевата* — см. прим. 24. *Шедровита* — рябая лицом.

* **65—72.** С, 1866, № 3, с. 5, в составе: 1. «Рассыльный», 2. «Наборщики», 3. «Журналист-руководитель», 4. «Журналист-рутинер», 5. «Поэт», 6. «Литераторы», 7. «Фельетонная букашка», 8. «Публика», с пометой вместо подзаг.: «Писано в ноябре и декабре 1865 года», вместо подписи — три звездочки. Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 65, с восстановлением ст. 19 и 36 в «Фельетонной букашке» по С и автографу ПД. Состав цикла был изменен Некрасовым: «Журналиста-руководителя» и «Журналиста-рутинера» заменили «Осторожность» и «Пропала книга», напечатанные впервые вне цикла в ОЗ, 1868, № 3, с. 314 и № 4, с. 635; первое — с датой «1865, декабрь», вместо подписи — три звездочки. В этих двух «песнях» более полно и конкретно выражено то, что было лишь намечено в стихотворении «Журналист-руководитель» (см.: М. М. Гин, О своеобразии реализма Н. А. Некрасова, Петрозаводск, 1966, с. 134). Автограф (наборная рукопись) в составе: «Рассыльный», «Журналист [№ 1]-руководитель», «Журналист [№ 2]-банкрот», «Литераторы», «Фельетонная букашка» — ПД; там же — автограф «Публики», под загл. «Песни о свобод[е]ном слов[а]е (песня четвертая)», с пометой: «Наберите это и пришлите мне два оттиска, но никому не посылайте и не давайте оттисков впредь до моего распоряжения»; автограф «Наборщиков» с пометой: «Набрать эти пьесы и поместить между песнями, где указано»; автограф черно-

вых набросков «Осторожности». «Свобода слова», о которой толкуют персонажи этого сатирического цикла, — закон от 6 апреля 1865 г., якобы призванный «дать отечественной печати возможные облегчения и удобства» (текст его см. в кн.: М. Лемке, Эпоха цензурных реформ 1859—1863 гг., СПб., 1904, с. 391). По этому закону целый ряд изданий мог (под залог в две с половиной тысячи рублей) получить право выходить без предварительной цензуры; эти издания просматривались в отпечатанном виде. Вся ответственность ложилась теперь на авторов и редакторов изданий, подлежащих отныне цензуре карательной. Карами этими были: суд над автором или редактором, вырезка (или перепечатка) «вредных» материалов из отпечатанной уже книжки, запрещение и уничтожение готовых книг, «предостережения» (третье предостережение влекло за собой прекращение издания). С первых же шагов кары посыпались на «бесцензурные» издания в таком изобилии, что это не могло не вызвать растерянности и в «публике» и среди издателей. Даже умеренно-либеральный член Совета по делам книгопечатания А. В. Никитенко в январе 1866 г. записал в дневнике: «Лучше бы не издавать нового положения и не обманывать таким образом публику и печать, будто бы предоставляя последней больше свободы, а на самом деле подвергая ее тягчайшему игу» (Никитенко, т. 3, с. 9; см. также с. 10—12 и др.); ср. также послание Некрасова В. И. Асташеву (№ 136). Судя по пометам на автографах, замысел цикла претерпел изменения в процессе публикации его в С. Так, помета на автографе «Наборщиков» свидетельствует о том, что этот очерк и, по всей вероятности, «Поэт» написаны позднее и набраны были дополнительно. Помета на автографе стихотворения «Публика» свидетельствует, что Некрасов не сразу решился печатать его, так как в нем высмеивались недавно объявленные С и другим изданиям предостережения (см. ниже). Однако в конце концов эти обличающие деятельность тогдашнего министра внутренних дел П. А. Валуева стихи были все же помещены в журнале. Сделано это было с разрешения самого Валуева: 18 марта 1866 г., т. е. еще до выхода в свет книжки С с «Песнями о свободном слове», попечитель С.-Петербургского учебного округа И. Д. Делянов, которому Некрасов посылал их в связи с предполагавшимся чтением 18 же марта на вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, писал ему: «Я не нахожу препятствий к прочтению Вами «Песни о свободном слове», если г. министр внутренних дел ее одобрил» (Некр. сб.-Пг., с. 57—58; ср. ЛН, № 51—52, с. 624). Валуев обещал Некрасову не делать третьего предостережения и не закрывать С, если предназначенные для публикации материалы будут представляться на его «предварительное рассмотрение» (см. Герцен, т. 19, с. 31—32). «Забористые» слова, которые Делянов предлагал в этом письме «при чтении заменить другими» («бестолково», «бога», «министра» — из «Наборщиков» и «Публики»), — доказательство того, что речь шла не об одной «песне», а обо всем цикле (само чтение этих стихов Некрасовым прошло, как сообщали 20 марта «С.-Петербургские ведомости», с большим успехом). Естественно, что при печатании «Публики» в С имеющиеся в автографе ст. 27—28 были заменены двумя строками точек и лишь после увольнения в отставку Валуева (в марте 1868 г.) были восстановлены в Изд. 1869—1873 (с написанным позднее соответствую-

щим прим.). Ввиду запрета цензуры ни разу при жизни Некрасова не печатался полностью ст. 36 «Фельетонной букашки». Текст автографа: «Был позван даже ко двору» заменен был в С на: «Пришлось им всем не по нутру»; в Изд. 1869—1873 и 1873—1874 печатался с купюрой: «Таскали даже...»; впрочем, остальные слова («ко двору») легко в соответствии с рифмой и всем контекстом угадывались читателями. В списке автографов поэта, составленном сестрой Некрасова А. А. Буткевич, стих. «Осторожность» значится под др. загл. — «Журналист будущего». Видимо, «Осторожность» была написана примерно в то же время, что и другие сатиры цикла, так как слово «будущее» по отношению к действию нового закона о печати, конечно, могло быть употреблено только сразу же или вскоре после его обнародования. Однако последовавшая за каракозовским выстрелом реакция, приведшая, в частности, к тому, что С был навсегда прекращен, отсутствие журнальной трибуны надолго отдалили публикацию «Осторожности». За время, прошедшее с момента публикации цикла в С, окончательно рассеялись и те немногие надежды на улучшение положения печати, которые сказались, в частности, в песне «Журналист-рутинер», имевшей в виду подобных А. А. Краевскому беспринципных журнальных дельцов. Издававшаяся Краевским газета «Голос» одной из первых получила предостережение, а сам он позднее привлекался к суду (см. Никитенко, т. 3, с. 10—12, 14, 64 и 413).

1. *Минай* — см. прим. 51.

4. *Входя в какой-то магазин.* Первоначальное, зачеркнутое в рукописи чтение этой строки: «Писцов, Дворянчиков, Кутьин» указывает, как уже отмечалось (ПСС, т. 2, с. 690), на три социальных слоя (чиновники, дворяне и разночинцы из духовенства), по-разному отнесшихся к новому закону о печати. *Чеченец посмотрел лукаво* и т. д. Цитата из стихотворения Лермонтова «Я к вам пишу случайно, право...».

5. *Булгарин в «Северной пчеле»* — см. т. 1, прим. 1. Фельетон занял видное место в газете Булгарина. *Пановский* Н. М. (1802—1872) — реакционный журналист, сотрудник МВ и др. изданий М. Н. Каткова (ср. «Вступительное слово „Свистка" к читателям», № 131). В изд. 1869—1873 и 1873—1874 фамилия Пановского обозначалась сокращенно: П — вский. *Что в Петербурге климат плох.* Бранить климат царской резиденции считалось неуместным. Современники рассказывали, что Булгарину еще в 40-х годах было сделано свыше соответствующее внушение (П. Каратыгин, Бенкендорф и Дубельт. — «Исторический вестник», 1887, № 40, с. 168). *И не гляжу на этот мост.* О чем идет речь, неясно. *Курил на улицах сигары.* Запрещение курить на улицах и в общественных местах было отменено лишь в 1865 г.

6. Главка 1. *Валуев* П. А. (1814—1890) — министр внутренних дел; в 1861—1868 гг. в его ведении находилась печать. *Слышали? Всё лишь подобье* и т. д. В передовой статье первого бесцензурного номера славянофильской еженедельной газеты «День» от 11 сентября 1865 г. редактор ее И. С. *Аксаков* (1823—1886), приветствуя новый закон о печати, писал: «Мы не можем ... не помянуть лихом того страшного стеснения, которому так долго подвергалась русская печать ... вы окружены подобием всего... Подобие правосудия, по-

добие муниципалитетов ... подобие самоуправления ... подобие просвещения, подобие науки ... подобие либерализма, прогресса, независимости ... и т. д.» (И. С. Аксаков, Соч., т. 4, М., 1886, с. 432—436). С неоднократно выступал против позиции «Дня», полагавшего, что свобода слова совместима с самодержавием (см. статьи «Записки современника» Ю. Г. Жуковского и «Суемудрие „Дня“» М. А. Антоновича в С, 1865, №№ 8—10). Некрасов высмеивает как «обличительную» фразеологию И. С. Аксакова, так и ужасы ретроградной публики, напуганной мнимой «свободой печати». Глава 2. *Мы же должны мужикам* и т. д. В статье первой обзора «Записки современника» Ю. Г. Жуковский доказывал право «работников», «массы» на «ту долю ... труда, которая веками ... в все возрастающем размере вносится ею в виде повинностей и налогов» (С, 1865, № 8, с. 317), а в статье второй назвал и упоминаемую Некрасовым цифру — шесть миллиардов, как «примерный долг народу цивилизованных классов» (там же, № 9, с. 92—93). Естественно, что среди статей, определивших «вредное направление» журнала, за которое ему объявлено было первое предостережение, именно эта вызвала особую ярость в цензурном ведомстве (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов, Последние годы «Современника», Л., 1939, с. 100 и 104). Глава 4. *В бога не верят газеты* и т. д. Возможно, Некрасов имеет здесь в виду второе предостережение С, в частности обвинение журнала в том, что в статье М. А. Антоновича «Суемудрие „Дня“» «заключаются неприличные суждения о значении православия ... сочувственные отзывы о ниспровержении алтарей и престолов и насмешки над уважением к религии и законам» (там же, с. 110). *И отрицают поэты Пользу железных дорог!* Намек на некрасовскую «Железную дорогу». «В стихотворении ... сооружение Николаевской железной дороги, — говорилось во втором предостережении С, — изображено как результат притеснения народа, и построение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями» (там же). *Даже умеренный «Голос»* и т. д. В объявленном по постановлению Главного управления по делам печати от 1 декабря 1865 г. первом предостережении газете «Голос» среди статей, определивших «вредное направление» ее, названы были напечатанные 31 октября и 21 и 24 ноября статьи «Какие сословия могут более способствовать к водворению русского элемента в Западном крае», «Русские в России», «По поводу принятия Ташкента под покровительство России» («Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», ч. 2, СПб., 1870, с. 119). Глава 5. *Только газеты московской* и т. д. Имеется в виду газета М. Н. Каткова МВ. *Уж начала куролесить* и т. д. Обсуждая несколько позже передовую статью МВ от 20 марта 1866 г., за которую газете объявлено было 26 марта первое предостережение, Совет Главного управления по делам печати усматривал в целом ряде статей МВ «систематическую оппозицию правительственной сфере» («Материалы... о цензуре и печати», ч. 2, с. 126—127). *Даже коснулся министра* и т. д. Быть может, речь идет о травле газетой МВ министра народного просвещения А. В. Головнина или П. А. Валуева; вообще Катков неоднократно позволял себе в МВ выпады против неугодных ему министров (см., например, номера от 28 октября, 7, 9, 10 и 19 ноября 1865 г.).

7. *Но ведь это против брака* и т. д. «Порицание начал семейного союза» — один из обвинительных пунктов в новом законе карательной цензуры; именно это обвинение выдвинуто было против книги П. А. Бибикова «Критические этюды...» (СПб., 1865; о судебном процессе над ней см. «Материалы ... о цензуре и печати», ч. 3, отд. 1, с. 5—12) и против напечатанной в С (1865, № 8) статьи А. Н. Пыпина «„Новые времена“. Община реформаторов в Нью-Йорке» (одна из статей, определивших «вредное направление» журнала, как отмечалось в первом предостережении — см. выше) и т. д. *Оскорблять дворянский сан* и т. д. Так, задним числом, в дни реакции, наступившей после выстрела Каракозова, за статью Ю. Г. Жуковского «Вопрос молодого поколения» (С, 1866, №№ 2 и 3) автор ее и редактор отдела, в котором она была напечатана, А. Н. Пыпин, привлечены были к судебной ответственности за то, что статья «может повредить чести и достоинству всего сословия дворян-землевладельцев»; состоявшийся 25 августа суд оправдал обвиняемых, а судебная палата, где дело рассматривалось 4 октября по апелляции прокурора, приговорила подсудимых к штрафу и аресту на военной гауптвахте, но обвинение в оскорблении дворянства сняла.

8. Поводом для написания стихотворения послужило решение судебной палаты 20 декабря 1866 г. об уничтожении книги А. Бобровского (псевдоним А. С. Суворина) «Всякие. Очерки современной жизни», в которой речь шла, в частности, о Н. Г. Чернышевском, о роли, которую сыграл в его процессе провокатор В. Костомаров (имена их скрыты были здесь под весьма прозрачными псевдонимами), и т. д. Возможно, что Некрасов присутствовал на этом судебном заседании (см. ПСС, т. 11, с. 79—80).

* **73—75.** ОЗ, 1868, № 9, с. 1, без песен, под загл. «Три сцены из лирической комедии „Медвежья охота“», с датой «Весна 1867 г. Париж и Флоренция»; Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 183, под загл. «Медвежья охота», на шмуцтитуле: «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“», с датой «1867», в оглавлении: «Из „Медвежьей охоты“: 1) Сцены, 2) Песня о труде, 3) Песня Любы». Печ. по Изд. 1879, где исправлено загл. второй песни. Ранняя редакция («Как убить вечер?» см. ниже) — «Русское слово», 1913, 23 декабря, и 1914, 24 января (не полностью и в иной последовательности сцен); в наст. изд. печ. по принятой в последнее время реконструкции — ПСС, т. 4, с. 214. Черновые наброски, не вошедшие в ПСС, опубликованы в кн.: М. М. Гин, О своеобразии реализма Н. А. Некрасова, Петрозаводск, 1966, с. 262—286 (с некоторыми неточностями). Беловой автограф со значительной правкой (наборная рукопись) — ЛБ. Черновые автографы сцен «Как убить вечер» и отдельные фрагменты сцен и монологов — ПД. На л. 1 автографа ЛБ — помета Некрасова: «„Отеч. Зап.“, № 5. Отд. I-е». Сцены были набраны для майского номера ОЗ; уже отпечатанный лист был оттуда вынут и вклеен в начало № 9; на листе сигнатура: «т. CLXXVIII — Отд. I» (в этом томе №№ 5—6); следующий лист с началом романа Ф. М. Решетникова «Где лучше?» имеет сигнатуру «т. CLXXX» (т. е. №№ 9—10). Около 9 мая 1868 г. М. А. Маркович в письме к Некрасову выражала сожаление, что сцены не помещены, и просила выслать оттиск (ЛН, № 51—52, кн. 2, с. 382). Причины изъятия уже отпечатанных

сцен неясны; существует предположение, что оно было вызвано цензурными затруднениями (см., напр.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 13, 1966, с. 117). Сцены, опубликованные в ОЗ, составились из монологов, в части своей возникших уже на ранних этапах формирования замысла. Так, на листе черновых набросков ПД записаны строки отсутствующего в ОЗ монолога лесничего (см. «Как убить вечер», с. 537) и ниже — наброски монолога Миши («Медвежья охота», с. 244; в сцены «Как убить вечер» он еще не вошел); далее, на том же сдвоенном листе, — ст. «Я человек обыкновенный... И не плантатор столбовой» и ст. «Не вижу зла в свободной прессе»; два последних фрагмента являются продолжением монолога Миши из «Медвежьей охоты», не вошедшим в опубликованный текст. Все записи сделаны одновременно (одними чернилами) и являются не первоначальными набросками отдельных стихов, а — как это нередко у Некрасова — обозначениями для памяти больших фрагментов текста. Таким образом, принципиальные моменты спора Миши и Остроухова (Пальцова), развитые в тексте ОЗ, уже существовали в творческом сознании Некрасова в момент работы над сценами «Как убить вечер». В процессе работы над «Медвежьей охотой» Некрасов воспользовался некоторыми уже написанными фрагментами пьесы «Как убить вечер» и прямо вставил их в наборную рукопись ЛБ, произведя соответствующие исправления (напр., заменив фамилию «Остроухов» на «Пальцов»). Можно думать, что и ко времени опубликования сцен Некрасов все еще ощущал их как часть более крупного драматического произведения, что явствует уже из самого заглавия и подзаголовков в песнях. Поэтому следует говорить о едином произведении, озаглавленном вначале «Как убить вечер», а затем — «Медвежья охота»; две первые его сцены, по-видимому, должны были вобрать в себя какие-то из эпизодов с отбором загонщиков (несущих значительную идейную нагрузку) и начало диалога Миши и Пальцова по пути на круг. Третья сцена — проход по кругу на нумера — продолжение диалога, напечатанное в ОЗ; работа над ним велась еще на стадии наборной рукописи. Эта сцена композиционно ограничивается моментом прихода на нумера. Четвертая сцена (на 5-м нумере) — диалог князя Воехотского и барона фон дер Гребена — почти полностью совпадает по тексту со сценами «Как убить вечер»; первые реплики князя связывают эту сцену с эпизодами отбора загонщиков (см. с. 512). Пятая сцена (на 1-м нумере) — продолжение спора Миши и Пальцова. В черновых рукописях сохранились наброски диалогов для 3-й и 5-й сцен; целиком ранние редакции этих сцен неизвестны. «Как убить вечер» содержит еще одну сцену, которая занимает место сцены 5 редакции ОЗ и состоит из монолога лесничего (см. с. 519). Во втором действии развертывается сюжетная линия, связанная с образом Любы Тарусиной; по весьма вероятному предположению редакторов т. 4 ПСС князь Сухотин (в др. редакции — Сабуров) был виновником несчастья ее матери — бывшей актрисы. Сцены второго действия дают контекст «Песням», поясняют их содержание. Все это является основанием для того, чтобы печатать «Как убить вечер» в разделе «Другие редакции и варианты» как нереализованную и

необработанную до конца часть общего замысла «Медвежьей охоты». О прекращении работы над произведением Некрасов сделал запись на полях издания своих сочинений незадолго до смерти: «Несколько раз я принимался окончить эту пьесу, которой содержание само по себе интересно, и не мог — скука брала. Вообще свойство мое таково — как только сказал, что особенно занимало, что казалось важным и полезным, так и довольно, — скучно досказывать басню. Если найду время, расскажу прозой с приведением отрывков» (Изд. 1879, т. 4, с. LXXV—LXXVI). Характерно также, что «Песня» («Отпусти меня, родная...») вплоть до последнего прижизненного издания включительно носила название «Песня Любы» (что связывало ее непосредственно с незаконченным вторым действием пьесы); в своем экземпляре Некрасов вычеркнул имя «Люба» и сделал помету: «Нужно большое примечание — если успею. Мать девочки была трагическая актриса» (Изд. 1879, т. 4, с. LXXVI). На протяжении работы замысел «Медвежьей охоты» претерпел эволюцию. Восстановить ее сколько-нибудь полно невозможно, так как черновые автографы сохранились с лакунами. Автограф «Как убить вечер» представляет собой ряд сцен и набросков монологов, последовательность которых лишь в отдельных случаях обозначена; листы не нумерованы. Сцены не обработаны; есть разнобой в именах действующих лиц (см. ниже, с. 642) и целый ряд противоречий в тексте. Рукописи принадлежат разновременным редакциям. Пьеса писалась отдельными кусками; затем Некрасов возвращался к оставленным черновикам, правя их, дописывая и делая вставки. Сцены как бы разрастались изнутри; соединение их и устранение противоречий Некрасов оставлял до окончательной стадии работы. Таким образом, можно говорить о редакциях отдельных сцен, эпизодов и монологов, но не о редакциях всего произведения; по-видимому, в творческом сознании Некрасова сохранялись лишь общие сюжетные и композиционные контуры, в пределах которых шла эволюция действующих лиц и монологов. Наиболее вероятная последовательность сцен установлена в ПСС, т. 4; однако любая реконструкция произведения как целого неизбежно условна — не только из-за разновременности редакций сцен, но и потому, что остается неизвестным, какие сцены исключались, и на каком этапе работы. Непосредственную связь с «Медвежьей охотой» обнаруживают также довольно многочисленные наброски, хронологическую последовательность которых в ряде случаев установить невозможно; наиболее существенные из них, не вошедшие в окончательный текст или подвергшиеся переработке, приведены также в разделе «Ранние редакции и варианты». Анализ этих набросков в связи с общим движением замысла см.: М. М. Гин, О своеобразии реализма Н. А. Некрасова, Петрозаводск, 1966, с. 262—287. Время написания «Медвежьей охоты» определяется рядом дат, проставленных Некрасовым в рукописи; наиболее раннюю дату имеет автограф 1-й редакции продолжения «Я лучший перл с души моей достал» (ПД): «Писано в феврале 1867 год<а>». Дата проставлена Некрасовым позже, по-видимому при переписке черновика. Другие даты — в автографе ЛБ: «2—4 март» (после ст. 511); под текстом: «Март 1867 года» и «Весна 1867 года. Париж и Флоренция». Дополнительные указания дают черновики

датируемых стихотворений, находящиеся на листах с фрагментами «Медвежьей охоты»: так, монолог «Я знаю обитателей лесных («Как убить вечер», см. с. 537) создан ранее написанной в 1866 г. 2-й редакции песни «Молодые» (№ 63), черновик которой записан поверх 1-й строки монолога. Таким образом, «Медвежья охота» создается в период между концом 1866 и мартом 1867 г. В процессе работы Некрасов уточнял социальные характеристики и функции действующих лиц. В первую очередь это коснулось Миши и Пальцова (Остроухова). Прототипом Миши Воинова (в ранней редакции — Труницкого, см. с. 516) является библиограф и крупный чиновник Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875), с которым Некрасов был связан давними приятельскими отношениями. В 50-е годы Лонгинов — либерал, сторонник свободы печати, почитатель Белинского, близок кругу С; позднее резко эволюционирует вправо. В сценах Миша наделен рядом характерных биографических черт Лонгинова — любовью к житейским удовольствиям, пристрастием к порнографическим стихам и наряду с этим — влечением к историко-литературным и библиографическим занятиям. В то же время Миша, как и Пальцов (Остроухов), — социально-психологические типы, отражающие разные пути эволюции русского либерализма; Миша — либерал новой формации, ориентирующийся на правительственные реформы (ср. в редакции ОЗ его социальное положение: «действительный статский советник»); Пальцов — человек поколения «лишних людей» 40-х годов (ср.: «не служил и не служит»). Средством типизации, появившимся впервые в тексте ОЗ, становится и возрастная характеристика (Мише — 45 лет, Пальцову — 50 лет; ср. с этим монолог «Пришел я к крайнему пределу. . .», с. 539). Концентрируя внимание на исторической судьбе поколения 40-х годов, Некрасов изображает личность как Миши, так и Пальцова в ее органических противоречиях, детерминированных общественными условиями; отсюда и сложный психологический рисунок этих ролей, где почти памфлетные характеристики сменяются резко критическими автохарактеристиками персонажей, а в иных случаях и монологами, очевидно выражающими авторскую позицию Некрасова (ст. 395—402 монолога Миши, его же монолог о Белинском и Грановском и т. д.; эти монологи вбирают в себя мотивы и даже фрагменты более ранних стихов самого Некрасова). Позицию реакционных групп выражают князь Воехотский и барон фон дер Гребен; в ранней редакции им соответствуют Сабуров (названный также Сухотиным и князем Сухаревым) и посланник; обозначение этого персонажа различно: в черновиках пьесы «Как убить вечер» он назван, кроме того, «немцем» (в эпизоде с немой старухой) и далее — «барином»; в автографе ЛБ «посланник» исправлен на «барона Т» и только в тексте ОЗ появляется «барон фон дер Гребен». Прототипом Сабурова, вероятно, являлся директор императорских театров в 1858—1863 гг. А. И. Сабуров, известный своими скандальными связями с воспитанницами театральных училищ. По-видимому, прототипом Осташова является В. И. Асташев, многократно сопутствовавший Некрасову на охоте (см. обращенное к нему стихотворение, № 136). В редакции ОЗ отсутствует важная для всего произведения фигура лесничего (Цуриков, Душин, Грушин); наряду с Любой Тарусиной он принадле-

жит к «новым людям», живущим своим трудом и близким к народу и природе; в пределах 3—5-го действий смысл этого образа не мог быть вскрыт. Таким образом, исключение лесничего из печатного текста не является показателем отказа от первоначального замысла. «Медвежья охота» была воспринята как оппозиционное произведение; в отчете цензора Н. Е. Лебедева о направлении ОЗ указывалось, что в пьесе «преданы осмеянию молодые бюрократы, представленные людьми формы и слова, а не дела... неуместно, между прочим, описание времени 40-х годов, в которые будто приходилось всякому мыслящему человеку задыхаться от невыносимого гнета» (ГМ, 1918, № 4—6, с. 86). Действие первое. Сцена третья. *Лоретка* — женщина легкого поведения. *Михайловский театр,* со спектаклями французской труппы, посещал обычно высший свет; *Александринский* театр традиционно считался театром буржуазной публики. *Милютины ряды* — лавки в Петербурге. *Спириты* — участники сеансов «общения с духами» посредством различных физических явлений (вызывание звуков, голосов, движения неподвижных предметов и т. д.). Увлечение спиритизмом в Европе началось в 50-х годах, в России спиритизм получил широкое распространение с 70-х годов. *Ни от чиновных мудрецов* и т. д. Эти стихи были написаны Некрасовым ранее и затем включены в текст сцены; вариант их приводит В. П. Боткин в письме А. А. Фету от 20 апреля 1865 г. (А. А. Фет, Мои воспоминания, ч. 2, М., 1890, с. 65). Два последних стиха заимствованы у Н. А. Добролюбова (см.: Б. Бухштаб, Предисловие к кн.: Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 6, М., 1939, с. XIII). *Пожалуйста, не говори Про русское общественное мненье* и т. д. Эти стихи написаны под впечатлением общественного осуждения, которому подвергся Некрасов после своего выступления на чествовании М. Н. Муравьева (см. прим. 59, 77 и 79); эволюция этой темы, с ясно выраженным автобиографическим подтекстом, прослеживается также в черновых набросках (с. 538—539 наст. тома). Сцена пятая. *Сам Гомер не смел Омиром называться.* В 1852 г. министр просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов потребовал отмены произношения греческих слов «по Эразму» (т. е. Гомер вместо Омир), как не канонизированного православной церковью (А. Г. Горнфельд, Омир и Гомер. — «Резец», 1939, № 6, с. 21). *Его прозвали «лишним».* Впервые обозначение «лишний человек» появилось у И. С. Тургенева («Дневник лишнего человека», 1849). *Бог нá помочь! бросайся прямо в пламя* и т. д. Эти строки составили ранее отдельное стихотворение, под загл. «Молодому поколению»; автограф его, зачеркнутый карандашом, — на одном листе с черновиком «Свободы» (№ 28). *Белинский был особенно любим* и т. д. Этот «гимн Белинскому» послужил поводом для полемического выпада М. А. Антоновича, противопоставившего его «поэтически-гражданским подвигам» Некрасова (т. е. одам в честь Муравьева и Комиссарова — см. прим. 84) и заподозрившего некрасовский демократизм в лицемерии (см. <М. Антонович>, Новые материалы для биографии и характеристики Белинского. — «Космос», 1869, № 5, прил. № 1, с. 95); резкий ответ Антоновичу дал И. Рождественский («Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского», СПб., 1869). *Ты не гнушался никаким трудом* и т. д. Эти строки, как и следующие, по-видимому, носят мемуарный

характер. А. Я. Панаева вспоминала о споре Белинского с В. П. Боткиным, где Белинский, защищая Некрасова, противопоставлял «литературному дилетантизму» «поденщину», которой вынужден отдавать силы и он сам (А. Я. Панаева, Воспоминания, М., 1956, с. 99). Внимательное и сочувственное отношение Белинского к Некрасову общеизвестно; ср. письмо М. Е. Салтыкову от конца апреля — начала мая 1869 г. (ПСС, т. 11, с. 134); об этом же рассказ Некрасова А. С. Суворину («Новое время», 1878, 1 (13) января, с. 4). *О равенстве, о братстве, о свободе.* Лозунг французской революции 1789 г., впервые использованный Некрасовым в «Песне Еремушке» (с цензурной заменой, см. № 7); в 60-е годы получил распространение в либеральной публицистике, благодаря чему открылась возможность провести его в печать в «Медвежьей охоте». В дальнейшем, по мере утраты им революционного звучания, употреблялся Некрасовым и для речевой характеристики либерала (стих. «Ночлеги», № 114—116). См.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой («Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 13, 1966, с. 145). *На взгляд глупцов казался переменчив.* Речь идет о переломе в мировоззрении и литературной позиции Белинского в 1840 г., когда он с необычайной резкостью и страстью восстал против собственных статей, где нашли выражение «примирительные» умонастроения («Бородинская годовщина», «Менцель, критик Гете»). *Грановского я тоже близко знал.* Т. Н. Грановский (1813—1855) — видный ученый, историк, в 40-е годы во многом разделявший идеи Герцена и Белинского; читал в Московском университете курс лекций по средневековой западноевропейской истории в 1843—1844, 1845—1846 и 1851 гг. Грановский пытался решать на историческом материале актуальные проблемы философии и социологии; лекции его носили ярко выраженный антикрепостнический и антидеспотический характер и имели широчайший общественный резонанс. *Нам юноша, стремящийся к добру* и т. д. Вошло в монолог Миши из стихотворения 1855 г. «Еще скончался честный человек...» (см. т. 1, № 232). *Как ты меня, однако ж, взволновал* и т. д. Продолжение монолога Миши, не вошедшее в печатный текст, см. на с. 543 наст. тома. Оно касается острых вопросов современной жизни; возможно, что его исключение — результат автоцензуры; Некрасов был вынужден соблюдать особую осторожность после запрещения С в 1866 г. Требуют пояснения также след. реалии в сценах «Как убить вечер». *Уставные грамоты,* введенные по манифесту 19 февраля 1861 г., определяли количество земли, предоставляемой помещиками крестьянам, и размер повинностей последних; хотя условия землепользования были крайне невыгодны для крестьян, в ряде мест помещики задерживали подписание уставных грамот из желания дольше сохранить барщину или высокие суммы оброка. *Почти что самой высшей нормы Крестьянам выдал я надел.* Размеры так называемого «душевого надела» (усадьба с приусадебным участком и полевой надел), предоставляемого помещиками крестьянам по положению 19 февраля, колебались от 3—7 десятин (высшая норма) до 1—2,3 десятины (низшая норма) в черноземной полосе; в нечерноземной — от 2,75—6 десятин до 0,92—2 десятин. *Судебные реформы* — введение 20 ноября 1864 г. бессословного открытого и якобы независимого от администрации суда с участием прокурора, адвоката и института присяжных

заседателей. Новые суды были образованы в столичных округах 17 апреля 1866 г. и за свой вначале демократический характер сразу же подверглись наступлению со стороны реакции, добившейся ограничения судебной реформы. *Земства* — внесословные органы местного самоуправления, созданные 1 января 1864 г.; в компетенцию земств входило устройство и содержание местных путей сообщения, больниц, мест заключения, развитие народного образования и медицинского обслуживания, а также деятельность в области сельского хозяйства, торговли и промышленности. Ст. *«Быть членом земства я хотел»* имеет прим. автора: «Писано в 1867 году». На протяжении 1866—1867 гг. в результате наступления реакции на земские учреждения был наложен ряд ограничений, которые были расценены в демократических кругах как практическое уничтожение земских учреждений и подчинение их председателям собраний и губернаторам. *Не вижу зла в свободной прессе.* Подразумевается новый закон о печати (см. прим. 65—72). *«Как ярко поцелуй пылает на морозе»* и т. д. Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне? ..» *Как Пушкин, я сказать могу по праву* и т. д. Пересказ строки из «Домика в Коломне» Пушкина. *«Отец Савватий»* (первоначально в рукописи точное название — «Отец Пихатий») — скабрезная поэма М. Н. Лонгинова. *Писатель не для дам* — популярная формула для обозначения писателей грубо натуралистического толка или порнографических; впервые употреблена А. Ф. Воейковым в 1814 г. в сатирической поэме «Дом сумасшедших» по отношению к баснописцу А. Е. Измайлову; в данном случае — Лонгинов, автор изданного за границей в 1863 г. сборника «Стихи не для дам». *Барковщина* — откровенно порнографическая литература, по имени автора многочисленных произведений такого рода И. С. Баркова (ок. 1732—1768). Песня о труде. *Гаршнеп* — вид бекаса.

* **76.** ОЗ, 1868, № 1, с. 227, с автоцензурными заменами и купюрами (в большей части тиража произведение вырезано по распоряжению цензуры). Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 99. Автографы — ПД (наборная рукопись) и ЛБ (отдельные наброски). Ст. 296 во всех прижизненных публикациях, в Изд. 1879 и в автографе имел след. вид: «Мне граф *** мораль читал», где тремя звездочками, несомненно, обозначена фамилия графа А. Ф. Орлова, которого поэт не мог упомянуть по цензурным условиям. В конце 1865 и в 1866 гг. в соответствии с новым законом о печати (см. прим. 65—72) происходили первые судебные процессы над авторами и редакторами «преступных» статей в журналах и газетах. Мера эта превратилась, как и предсказывал С в статье М. А. Антоновича «Надежды и опасения (По поводу освобождения печати от предварительной цензуры)», в «грозный бич, которым администрация держит в страхе правого и неправого» (С, 1865, № 10, с. 187). Откликом на это, грозившее стать повседневным, явление, особенно на суд над Ю. Г. Жуковским и А. Н. Пыпиным, процесс А. С. Суворина, и является «Суд», не случайно названный Некрасовым «современной повестью». В ряде конкретных деталей в «Суде» нашли отражение рассказы очевидцев о процессе над сотрудниками С (см., например, письма к Некрасову А. Н. Пыпина и О. В. Звонарева — АСК, с. 159—160 и 252—253; сам Некрасов на суде не присутствовал), а также некоторые личные впе-

чатления поэта от суда над Сувориным, от встречи с «гвардейским офицером» во время его краткого посещения квартиры Г. З. Елисеева на следующий день после ареста последнего (см. воспоминания Г. З. Елисеева и его жены в сб. «Шестидесятые годы», Л., 1933, с. 328—330 и 418—419). Кроме того, в этом произведении, особенно в его первоначальной редакции, запечатлены и некоторые личные настроения поэта. Подавленный только что разразившейся катастрофой (28 мая 1866 г. С и РСл за «доказанное постоянно вредное направление» были запрещены), Некрасов чувствовал себя в тот момент «пригвожденным» к «позорному столбу» (см. стихотворение 59 и прим. к нему). Не уклоняясь от ответственности по процессу Пыпина и Жуковского, как это видно из письма его к Пыпину из Карабихи от 23 августа 1866 г. (см. ПСС, т. 11, с. 76—77), поэт пережил, вероятно, при мысли о возможном участии в процессе нечто подобное тому, что переживал герой «Суда». Показательна в этом отношении близость некоторых мотивов, даже совпадение отдельных выражений первой редакции «Суда» (см. с. 545—546) с писавшимися в первой половине 1867 г. стихотворениями «Умру я скоро. Жалкое наследство. . .» и особенно «Зачем меня на части рвете. . .» (№№ 77 и 79). Однако стремясь к созданию «современной повести», Некрасов переработал, готовя «Суд» к публикации, эти части произведения, характеризовавшие отношение к герою «остервенелой толпы». Тогда же отрывок, носящий бесспорно автобиографический характер (см. вариант на с. 547), поэт заменил ст. 390—393, а через восемь лет уже от себя адресовал его (за исключением первых четырех строк) М. Е. Салтыкову (см. т. 3, № 3). Одна из помет на наборной рукописи, возле зачеркнутых ст. 279—316: «Это набрать и вставить в „Суд“», показывает, что Некрасов исключил первоначально, но восстановил в корректуре еще один отрывок, также носящий в известной мере автобиографический характер (ср. его с письмом к И. С. Тургеневу от 17 ноября 1883 г. — ПСС, т. 10, с. 198). Кроме того, готовя «Суд» к печати, Некрасов вычеркнул в рукописи, вероятно из опасения цензурных репрессий, иронические по отношению к «администратору молодому» ст. 63—68. По этой же причине, вероятно, в ст. 367 слово «гвардейский» в рукописи заменено на «гуляка» (в тексте ОЗ за ночной дебош на гауптвахту попадает «изящный» офицер), а зачеркнутые и все же восстановленные в рукописи ст. 14—17 заменены были в корректуре строкой: «Недавно выпущенных мной». Даже ст. 49—52, имеющиеся в рукописи, но отсутствующие в журнальном тексте, сняты были в корректуре по совету Ф. М. Толстого, «домашнего цензора» обновленных ОЗ; в бумагах Некрасова сохранилась его записка о том, что ст. 51—52 «отзываются принципами того учения, за которое «Современник» был запрещен. . . следует, и в особенности на первых порах, не возбуждать подобного сближения» (см.: Корней Чуковский, Люди и книги, М., 1958, с. 364). Несмотря на все это, «Суд» был вырезан из отпечатанной уже книжки журнала. Г л а в к а 1. *«Вечерний звон! вечерний звон!»* и т. д. Цитата из стихотворения Т. Мура «Вечерний звон» в переводе И. И. Козлова. *«Модный магазин»* — журнал мод (1862—1882), издававшийся С. Г. Мей (1821—1889), вдовой поэта Л. А. Мея. *Одно из славных русских лиц* — строка из «Тамбовской казначейши» М. Ю. Лермонтова. *С печатью тайны на челе* — строка из стихотворе-

ния Д. В. Веневитинова «Люби питомца вдохновенья. . .». Некрасов цитирует известный в то время, смягченный цензурой текст; в современных изданиях печатается: «С печатью власти на челе». Г л а в к а 2. *«Суд в подземельи» я читал* и т. д. Имеется в виду баллада В. А. Жуковского, которая была впервые напечатана с прим.: «Заимствована из Вальтер Скоттова „Мармиона"» в 1834 г. в БдЧ, где и читал ее, вероятно, мальчик Некрасов. Автор «Суда» весьма вольно передает здесь содержание 12—14 и 16 глав баллады Жуковского. Г л а в к а 3. *Владимирка* — тракт из Москвы, по которому шли этапы приговоренных к сибирской каторге. *«Как голый пень среди долин»* — строка из поэмы Лермонтова «Хаджи-Абрек». Г л а в к а 4. *Мне граф <Орлов> мораль читал* — см. прим. 90. *Не на утесе вековом* и т. д. В этих строках отзвуки «Суда в подземельи» В. А. Жуковского (гл. 4 и 5) и стихотворения А. И. Полежаева «Александру Петровичу Лозовскому».

77. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 224, с датой: «1867». Автограф последних десяти стихов, с датой: «26—27 февр<аля>», — ЛБ. Над текстом автографа — указание наборщику, набиравшему Изд. 1869—1873: «пропуск на 224-ю стр.». Стихотворение является ответом на многочисленные обвинения Некрасова в отступничестве в связи со стихами, обращенными к М. Н. Муравьеву (см. прим. 59). Одним из таких обвинений было посланное Некрасову 3 марта 1866 г. стих. «Не может быть» за подписью «Неизвестный друг». В 1877 г., просматривая свои стихи, поэт рядом со словами «Неизвестному другу», обозначающими, видимо, загл. какого-то произведения, написал: «Невыдуманный друг, но точно неизвестный мне. Получил, помнится, 4 марта 1866 г. Где-нибудь в бумагах найдите эту пьесу, превосходную по стиху. Ее следует поместить в примечании» (Изд. 1879, т. 4, с. LXXIII). Это стихотворение впервые напечатано в Изд. 1879.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

(Н. А. Некрасову)

Мне говорят: твой чудный голос — ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою,
И словом лишь толпу к добру влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою.
Но их речам меня не убедить:
Иное мне твой взгляд сказал невольно;
Поверить им мне было б горько, больно. . .
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень!
Но отчего ж весь мир сильней любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?!
Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?
Скажи же мне, наш гений, гордость наша,
Ужель сулит потомства строгий взор
За *дело* здесь тебе проклятья чашу?
Ужель толпе дано тебя язвить,
Когда весь свет твоей дивится славе,
И мы сказать в лицо молве не вправе —
Не может быть?!

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнию своею?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстануся моею.
Но нет! И им не истребить!
В твои глаза смотря с немым волненьем,
Я повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!

Автором этого стихотворения была третьестепенная поэтесса и переводчица О. П. Мартынова (Павлова, 1832—1896). См.: Л. П. Ключкова, Об авторе стихотворения «Не может быть». — Некр. сб. 2, с. 501—507. Другой отклик Некрасова на стихотворение Павловой см. № 138 и прим. к нему. В. И. Ленин в статье «Еще один поход на демократию», цитируя начало строфы 2 стихотворения «Умру я скоро. Жалкое наследство...», писал: «Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся* в них... *«Неверный звук»* — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 84). По мнению Ю. Н. Тынянова, стихотворение Некрасова во многом навеяно хрестоматийным стихотворением Беранже «Adieu» (сб. «Dernieres chansons»). Оно было известно русскому читателю в переводах В. С. Курочкина и М. Л. Михайлова.

78. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 119, с датой «1867». Автограф с датой «2 марта» — ЛБ. В. Е. Евгеньев-Максимов справедливо считал, что Некрасов развернул здесь образы последних шести строк стих. «Благодарение господу богу...», № 33 (ЖДН, т. 3, с. 316). Загл. объясняется тем, что в Изд. 1869—1873 Некрасов также поместил стихотворение под загл. «Тройка» (т. 1, № 16). В оглавлении всех изданий «Еще тройка» имеет подзаг. «романс». Острый политический смысл стихотворения не укрылся от правительства. В «Записке» департамента полиции «О направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России» (1883) говорилось: «Некрасов со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим» (ЛН, № 49—50, с. 526). Стих. «Еще тройка» было очень популярно в среде демократической молодежи (см.: В. Засулич, Воспоминания, М., 1931, с. 27).

* **79.** «Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях». Сост. В. Е. Чешихин-Ветринский, М., 1911, с. 282, с пометой: «Карабиха. 24 июля 1867 г. Пиш<у> для

себя» Печ. по списку К. И. Чуковского, восходящему к утраченному, ныне автографу. Черновой автограф с датой «24 июля» — ПД. Не было напечатано при жизни Некрасова, очевидно, по личным причинам. Сразу же после смерти поэта Г. З. Елисеев пытался опубликовать стихотворение, включив его в статью «Внутреннее обозрение» (ОЗ, 1878, № 1), но цензура вырезала все обозрение; в указанной книге В Е. Чешихина-Ветринского приведен именно этот текст. Стихотворение представляет собою еще один отклик Некрасова на многочисленные обвинения за «мадригал» Муравьеву-Вешателю (см. прим. 59). На полях автографа поэт позднее написал: «Это написано в минуту воспоминания о мадригале. Хорошую ночь я провел!» (ПСС, т. 2, с. 707). Мысль, выраженная в ст. 9—10, высказана также в сатире «Недавнее время», № 90. О стихотворении см.: М. Гин, Проблема долга перед народом в поэзии Н. А. Некрасова. — «Русская литература», 1961, № 2, с. 56—58.

* **80.** ОЗ, 1868, № 1, с. 75. В Изд. 1869—1873 датировано 1867 г. Автограф с указанием: «Первая статья в сборник» — ЛБ. Стихотворение связано с поэмой «Мороз, Красный нос» общностью лежащего в их основе сказочного мотива; при этом и в стихотворении и в поэме трагический смысл жизни разрушает иллюзию сказки (см.: Т. Е. Колосова, Традиции народной сказки в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос». — Некр. сб. 2, с. 197—210). Повествование о тяжелой судьбе русской женщины в «Выборе» перекликается с рассказом Матрены Тимофеевны из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

* **81.** ОЗ, 1868, № 1, с. 239 (в части тиража — вместо вырезанной цензурой поэмы «Суд»); вторично — ОЗ, 1868, № 2, с. 373. Черновой автограф под загл. «Иван» — ЛБ. Наборная рукопись, где первоначальное загл. «Иван. Тип недавнего прошлого» исправлено на окончательное, — ПД. Отдельный набросок ст. 29—32 — ЛБ. В Изд. 1869—1873 датировано 1867 г. Стихотворение имело в обстановке первых пореформенных лет острый политический смысл. Цензор Н. Е. Лебедев писал о нем: «Здесь, в самом возмутительном виде, представлено положение бывшего крепостного человека, употреблявшегося на всевозможные работы и получавшего в награду одни побои» (ГМ, 1918, № 4—6, с. 86).

82. ОЗ, 1868, № 3, с. 262, подпись «У» (т. е. «Углицкий старожил»). Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 170, где датировано 1867 г.

83. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 219. Автограф — письмо Некрасова к М. А. Маркович (Марко Вовчок) от 7 августа 1868 г. — ПД (опубл.: «Радуга. Альманах Пушкинского Дома», Пб., 1922, с. 226). На своем экземпляре стихотворений Некрасов пометил: «Навеяно смертью Писарева и посвящено М. А. Маркович» (Изд. 1879, т. 4, с. LXXVII). Д. И. Писарев утонул в Дуббельне (ныне Дубулты) 4 июля 1868 г., только что выйдя из Петропавловской крепости. Последний год своей жизни Писарев был сотрудником обновленных ОЗ. В письме к гражданской жене критика, М. А. Маркович, Некрасов писал: «Только Вам, Марья Александровна, решаюсь покуда дать

это стихотворение. Писарев перенес тюрьму не дрогнув (нравственно) и, вероятно, так же встретил бы эту могилу, которая здесь разумеется, но ведь это исключение — покуда жизнь представляет более фактов противоположного свойства, и поэтому-то и моя мысль приняла такое направление. Словом — Вы понимаете — так написалось» (ПСС, т. 11, с. 114—115). В указанном письме к Маркович поэт к двум последним стихам сделал прим.: «Пословица эта не выдумана. Ее можно найти в собрании Даля». Ср. у Даля: «У счастливого умирает недруг, у бессчастного — друг» (В. Даль, Пословицы русского народа, М., 1957, с. 63).

84. ОЗ, 1868, № 10, с. 530, с датой «1868». На полях рукописи стихотворения поэт написал: «Думаю — понятно: жена сосланного или казненного. . .» (Изд. 1879, т. 4, с. LXXVII). Высказывалось убедительное предположение, что Некрасов имел в виду О. С. Чернышевскую (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов, Образ революционного демократа в поэзии Н. А. Некрасова. — Некр. сб. 2, с. 76). Стихотворение вызвало насмешку М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского, которые с середины 60-х годов открыто разорвали отношения с редакцией С. Намекая на оду М. Н. Муравьеву, Антонович обвинил Некрасова в неискренности и стремился доказать, что в стих. «Мать» содержится злой умысел: «подбив отроков на терновые венки», говорит критик, поэт окажется в числе первых гонителей этой демократической молодежи. Жуковский же назвал стихотворение водевильным куплетом (М. Антонович и Ю. Жуковский, Материалы для характеристики современной русской литературы, СПб., 1869, с. 103—105, 192). Высказывания Антоновича и Жуковского встретили резкий отпор со стороны И. Рождественского, который подчеркнул, что критики не захотели понять высокого гражданского призыва Некрасова и потому объективно их выступление граничит с прямым доносом (И. Рождественский, Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского, СПб., 1869, с. 32—36).

85. ОЗ, 1868, № 11, с. 120, подпись «Н». В Изд. 1869—1873 датировано 1868 г. *В Европе удобно.* В марте — июне 1867 г. Некрасов был в Париже и Флоренции.

* 86. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 218, под загл. «Из Гейне», с датой «1868». Печ. по этому изд., с исправлением ст. 7 по автографу, хранившемуся в собрании В. Е. Евгеньева-Максимова (см. ПСС, т. 2, с. 583). Набросок из двух строк: «Сердце изныло от боли, Буря бы грянула, что ли» — среди черновиков «Пригчи о „Киселе"» и «Суда» (ЛБ). При жизни Некрасова печаталось под цензурным загл. «Из Гейне». Но на своем экземпляре поэт зачеркнул это загл., написав: «собственное» (Изд. 1879, т. 4, с. LXXVII). Стихами этого произведения открывалась прокламация «Союза объединенных землячеств» («Литература и марксизм», 1930, № 2, с. 72). Еще при жизни Некрасова стихотворение было перепечатано нелегальной народнической газетой «Работник» (Женева, 1875, № 10—11) под загл. «Песня народного борца». Предпоследний ст. читается там иначе: «Чашу народного горя». Он совпадает с вариантом автографа В. Е. Евгеньева-Максимова и с большей частью ходивших по рукам

списков. А. М. Гаркави указывает, что слово «вселенский» в Изд. 1869—1873 и др. легальных публикациях является цензурным вариантом (А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов и революционное народничество, М., 1962, с. 38) и должно быть заменено на «народный», что несравненно точнее выражает идеал поэта.

87. Изд. 1869—1873, ч. 4, с. 223, с датой «1868».

* 88. «Будильник», 1872, № 1, с. 1, под загл. «Дума перед зеркалом»; подпись «Савва Намордников». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 265, где фиктивная дата «1853». Автограф ст. 9—12 — ПД; наборный (?) автограф — Черниговский гос. исторический музей. По сообщению К. И. Чуковского, в 1918 г. был обнаружен черновой автограф стихотворения в одном из частных собраний. Ныне его местонахождение неизвестно (Изд. 1934, т. I, с. 676). Текст «Будильника» представляет собою смягченный для цензуры вариант. А. М. Гаркави указал, что строфа 3 находится на одном листе со стихотворными набросками конца 60-х годов, когда стихотворение и было написано (Н. А. Некрасов, Собр. стих., т. 2, М., 1955, с. 458). Ложная дата — прием, употреблявшийся поэтом, когда ему нужно было замаскировать содержащиеся в стихотворении намеки на события и факты русской жизни. В данном случае намек может быть на какое-то реальное и высокопоставленное лицо («фрак со звездою»). Стихотворение завоевало популярность и вошло в песенники: см., например, «Новый полный песенник. 500 русских, малороссийских, цыганских, юмористических стихотворений и комических куплетов, французских шансонеток и песен. В семи частях. Составлено хором арфисток», М., 1876, с. 164 (см.: С. А. Рейсер, Неизвестные строки Некрасова. — «Вопросы литературы», 1960, № 7, с. 128).

* 89. ОЗ, 1870, № 9, с. 241. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 167, с восстановлением ст. 346—349 по автографу ЛБ. Автограф первоначальной редакции, с датой «30 июля — 8 августа», — ЛБ. В нем отсутствует лист с текстом 14—15-й главок (ст. 266—309). До появления поэмы в ОЗ (вышедших в свет 4 сентября) рукопись дорабатывалась, но промежуточные редакции до нас не дошли. В 1930 г. К. И. Чуковский видел еще два более поздних наброска; их местонахождение неизвестно (см.: К. Ф. Бикбулатова, Поэма Н. А. Некрасова «Дедушка» (Текстологические заметки). — Сб. «Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков», М.—Л., 1958, с. 324). Поэма прошла цензуру с некоторыми затруднениями. На хранящейся в ЦГАЛИ верстке «Дедушки» для ОЗ рукою В. М. Лазаревского написано: «Места, отмеченные красным, цензурное управление (Похвиснев) требовало исключить. Некрасов не согласился». Красным карандашом отчеркнуты ст. 282—285, 302—309, 318—345 («Русская литература», 1966, № 3, с. 134). Остается неизвестной и цензурная история поэмы в Изд. 1873—1874. Судя по письму Некрасова к В. М. Лазаревскому от 9—10 апреля 1872 г., председатель С.-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петров «напугался» и в чем-то «предубедил» начальника Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинова (ПСС, т. 11, с. 208). А. Я. Максимович

высказал предположение, что первоначальная редакция поэмы была композиционно иной. Первую часть, по его мнению, составляли главки 1—8 и 20—22 настоящей нумерации, главки 9—13 и 16—19 следовали после главки 22 и составляли вторую часть поэмы, а главки 14, 15 вообще отсутствовали. А. Я. Максимович утверждал, что тем самым вся первая часть составляла сюжет поэмы, а вторая представляла собою, по преимуществу, агитационные речи дедушки (ПСС, т. 3, с. 579). Эту точку зрения разделяет Л. А. Розанова (см. ее статью «О некоторых жанровых и композиционных особенностях историко-революционных поэм Некрасова» («Дедушка», «Русские женщины». — Некр. сб. 2, с. 274). К. Ф. Бикбулатова, полемизируя с А. Я. Максимовичем, утверждала, что главки 6, 7 и 8 первоначально открывали собою вторую часть поэмы, а главки 9—13, 16—17 и 19 следовали в рукописи в таком порядке: 16, 17, 19, 9—13 (указ. статья, с. 326—327). Оба эти предположения несостоятельны. Они исходят из некритического отношения к позднейшей ошибочной нумерации листов рукописи (сделанной, очевидно, в архиве) и из неверного предположения, что поэт заполнял эти листы в строгой постраничной последовательности. Между тем Некрасов некоторые стихи набрасывал на одной стороне листа, а для строк, относящихся к другому месту поэмы, использовал его оборот. Сохранившиеся восемь листов рукописи Некрасов заполнял в такой последовательности архивной нумерации: 1, 1 об., 2, 2 об., 7, 5, 5 об., 6, 6 об., 3, 3 об., 4, 7 об., 8 об. (лист 4 об. остался чистым, а на листе 8 — наброски главок 5, 4 и 8 нынешней нумерации). Отсутствие в рукописи главок 14, 15 — скорее всего результат утраты одного листа. Из рукописи видно, что поэма первоначально строилась из двух частей, с повторением нумерации главок в каждой из них. Первую часть составляли главки 1—11, часть вторую — 12—22. Сравнительно с последним прижизненным изданием в тексте автографа имеются дополнительные ст. 346—349 (в главке 17). На необходимость включения этих строк в основной текст неоднократно указывалось в литературе, см.: Н. В. Осьмаков, Историко-революционные поэмы Некрасова. Автореферат ... М., 1952, с. 11; Н. М. Гайденков, Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков («Советская книга», 1953, № 3, с. 101). Однако вопреки ясному указанию рукописи Н. М. Гайденков и К. Ф. Бикбулатова (указ. статья, с. 328—329 и др.) предлагают ввести изъятые Некрасовым строки не в конец главки, а после слов: «Кто примирился бы с ней». Эти строки, как можно предполагать, были исключены поэтом (в автографе они не зачеркнуты) в порядке автоцензуры, поскольку они существенно усиливали революционное звучание поэмы. Напомним, что 9—10 апреля 1872 г. Некрасов в цит. выше письме к В. М. Лазаревскому писал о герое «Дедушки»: «Этот дед, в сущности, резче <чем сцена на площади в «Княгине Трубецкой»>, ибо является одним из действительных деятелей... и притом выведен нераскаявшимся, т. е. таким же, как был» (ПСС, т. 11, с. 208). Нет оснований принимать некоторые другие поправки, недавно предложенные текстологами. Так, Н. М. Гайденков без веских доказательств утверждает, что ст. 61 «Днесь я со всем примирился...» и след. «включены Некрасовым явно по цензурным соображениям». В Собр. соч. Некрасова (т. 3, М., 1965, с. 12) ст. 163 приведен по черновой рукописи:

«Землю да волю им дали» вместо «Волю да землю им дали» — как во всех прижизненных публикациях. Печатный вариант этого ст. рассматривается как цензурная замена с целью «затушевать лозунг „Земля и воля"» (назв. изд., с. 408). Но независимо от порядка слов лозунг в обоих случаях звучит достаточно резко. Название подпольной революционной организации начала 1860-х годов в то время было мало кому известно, а так называемая вторая «Земля и воля» возникла позднее — в 1876 г. В указанных статьях Н. М. Гайденкова и К. Ф. Бикбулатовой, хотя и с некоторыми оговорками, предлагается последний ст. поэмы «Саша печальную быль» считать вынужденным цензурным вариантом и печатать его не по двум прижизненным изданиям, а возвратиться к первоначальному тексту ОЗ и черновой рукописи: «Саша великую быль». К. И. Чуковским уже было указано, что во всех прижизненных публикациях ст. 367, в котором именно декабрьское восстание названо «великой борьбой», свободно проходил цензуру («От дилетантизма к науке». — «Новый мир», 1954, № 2, с. 243). Добавим, что в журнальном тексте, к которому цензура, как правило, относилась строже, чем к тексту отдельного издания, был эпитет «великую» — значит, замена его на «печальную» была продиктована не цензурными, а художественными соображениями. Эпитет «великую» в замену слова «печальную» вписан, впрочем, П. А. Ефремовым в подаренном ему авторском экземпляре «Стихотворений Н. Некрасова» (ПД). См.: «Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма...», Пг., 1922, с. 156. Указание Ефремова нельзя считать безусловно авторитетным: он мог отметить для себя этот вариант сравнительно с журнальным текстом. Прототипом образа «дедушки» является декабрист Сергей Григорьевич Волконский (1788—1865). Он возвратился из Сибири в Европейскую Россию по амнистии 1856 г. — предреформенная эпоха и изображена в поэме. Дедушке приданы черты наружности С. Г. Волконского (см. портрет Мазера в изд.: М. Н. Волконская, Записки, изд. 2, М., <б. г.>, и С. Г. Волконский, Записки, изд. 2, СПб., 1902). Схожи у некрасовского Дедушки и у Волконского любовь к простому народу, склонность к земледелию, любовь к ручному труду (см.: С. Г. Волконский, Записки, с. 479; С. М. Волконский, О декабристах, Пг., 1922, с. 99). Можно думать, что Некрасов был знаком с некрологом Волконского, напечатанным в газете «День» (1865, 11 декабря, с. 1225—1226), где, в частности, подчеркнуто, что старик возвратился «умудренным и примиренным» (ср. «Днесь я со всем примирился ..» и т. д.). Возможно, что Некрасову был известен и некролог С. Г. Волконского, написанный П. Долгоруковым, со вступ. заметкой Герцена («Колокол», 1865, 3 (15) января, лист 212, с. 1733—1734). Долгоруков характеризовал Волконского как человека, «в старости маститой сохранившего всю теплоту возвышенных чувств юношеских». Факты, касающиеся Тарбагатая (главки 9—11), почерпнуты Некрасовым из анонимно изданных в Лейпциге в 1870 г. «Записок декабриста» барона А. Е. Розена. Поэма Некрасова местами текстуально близка «Запискам» Розена (наиболее очевидные соответствия см. ниже — в реальном комментарии). Наличие этой книги в библиотеке Некрасова подтверждается описью его собрания (Н. Ашукин, Библиотека Некрасова. — ЛН, № 53—54, с. 410). Далее все цитаты из кн. Розена — по изд. 1870 г. Другие источники, исполь-

вованные Некрасовым в работе над поэмами «Дедушка» и «Русские женщины», общие: они перечислены ниже, в прим. к поэме «Русские женщины» (№ 91—92). Поэма «Дедушка» подала повод для фальшивки под загл. «Светочи». В «Правде» от 18 и 19 апреля 1929 г. Демьяном Бедным была опубликована в качестве неизвестного произведения Некрасова поэма «Светочи». В 1929 г. она была издана отдельной книжкой. Эта поэма представляла собою текст «Дедушки», дополненный в разных местах 214 строками. Подлинность поэмы отстаивали Демьян Бедный, А. В. Ефремин и П. Е. Щеголев (см. стихотворение Демьяна Бедного «Радостная находка». — «Правда», 1929, 17 апреля; А. В. Ефремин, Загадочный документ. «Светочи». Новонайденные тексты некрасовской поэмы. — В его кн.: Поэт и массы, М., 1932, с. 56—78; П. Е. Щеголев, «Светочи». — «Известия», 1929, 20 апреля). Фальшивка была разоблачена в статье С. А. Рейсера «Новооткрытые строки Некрасова» («Литература и марксизм», 1929, № 6, с. 146—183). Полемическая попытка доказать аутентичность поэмы была предпринята А. В. Ефреминым (в статье «Борьба за Некрасова», там же, 1930, № 2, с. 46—73), но никого не убедила. Осенью 1929 г. тетрадка, содержавшая рукописный текст «новонайденной» поэмы, была передана П. Е. Щеголевым ленинградскому судебному эксперту А. А. Салькову. Его серьезно аргументированное заключение не оставляло сомнений в том, что «Светочи» — явная литературная подделка, сфабрикованная не ранее февраля 1917 г. (копия заключения — в архиве С. А. Рейсера, подлинник находился у П. Е. Щеголева). Заключение А. А. Салькова не было опубликовано (упоминание о нем см. в назв. выше статье С. А. Рейсера, с. 147—148), но стало известно специалистам. В сентябре 1952 г. бывший редактор журнала «30 дней» В. А. Регинин сообщил М. К. Азадовскому (для передачи С. А. Рейсеру), что эту «поэму» Некрасова, до продажи рукописи Демьяну Бедному, ему предлагали для публикации писатель Анатолий Каменский и известный уже несколькими литературными подделками журналист Евгений Вашков. Заподозрив фальшивку, В. А. Регинин печатать поэму отказался; вскоре рукопись была приобретена Демьяном Бедным. Настоящее местонахождение ее неизвестно. В письме к С. А. Рейсеру от 28—29 июня 1960 г. К. И. Чуковский рассказал, как один из авторов подделки ему в этом признался. С разрешения К. И. Чуковского цитируется отрывок из этого письма. «В гостиницу «Националь» — не помню, в котором году — очевидно, в начале тридцатых — явился ко мне господин в модном заграничном пальто и в котелке — лицо у него было странно знакомо, но я никак не мог вспомнить, кто же это такой из моего далекого прошлого; у меня была высокая t° (грипп). Господин сказал (очень знакомым голосом), что он сейчас уезжает в Берлин — (и показал билет) — и что вряд ли он возвратится в Россию и что он хочет открыть мне секрет. «Секрет» заключался в следующем. Этот знакомый незнакомец и некий московский писака Шевцов (или Швецов; я не москвич, и для меня это имя было совершенно неведомо) узнали, что Демьян Бедный бывает постоянно в таком-то букинистическом магазине, ищет «раритеты и курьезы», и решили объегорить его. (Им были до зарезу нужны деньги.) Швецов и раньше вступал на путь литературных подделок; они оба в два дня состряпали «Светочи» и продали их букинисту,

кажется за 500 рублей (цифру не помню наверняка). Я, все еще не узнавая незнакомца, попросил написать эту историю (в виде письма ко мне). Он написал коротко — очень бойким и быстрым почерком, — на минуту присев к столу, что „Светочи" написаны им и Швецовым (или Шевцовым), и подписался: „Анатолий Каменский"». Поэма «Дедушка» посвящена жене Некрасова — Зинаиде Николаевне (Ф. А. Викторовой), см. т. 3, прим. 8. Главка 4. *Встретили старого вдруг.* Последнее слово употреблено в архаическом значении — вместе. Главка 9. *Горсточку русских сослали* и т. д. В 1733 и 1767 гг. в Тарбагатай (ныне село Улан-Удэнского района Бурятской АССР) были сосланы раскольники из Дорогобужа и Гомеля. Им было разрешено продать движимое имущество и выехать с семьями (А. Е. Розен, указ. изд., с. 248). Главка 10. *Как там возделаны нивы.* В «Записках декабриста» Розена читаем: «поля и обработка полей представляют совершенство» (с. 250). *Высокорослы, красивы Жители, бодры всегда.* У Розена: «весь наружный вид этих людей превосходный; они блаженствуют» (с. 250). *Видно — ведется копейка!* У Розена: «в сундуках хранятся капиталы» (с. 249). *В праздник на ней душегрейка — Из соболей воротник!* У Розена: «день был воскресный... женщины в душегрейках шелковых с собольими воротниками» (с. 249). Главка 11. *Конь — хоть сейчас на завод — В кованой, прочной телеге Сотню пудов увезет.* У Розена: «кованые телеги... кони были дюжие и сытые» (с. 249). *Тесом там избы-то крыты.* У Розена: «крыши тесовые» (с. 248). *Рекрутов ставят здоровых.* У Розена: «рекрут ставят здоровых» (с. 250). Главка 19. *Пел он о славном походе.* Подразумевается Отечественная война 1812 г., в которой в качестве полковника, а потом генерал-майора участвовал С. Г. Волконский. *И о великой борьбе* — о восстании декабристов. Е. И. *Трубецкая* (урожд. Лаваль, 1801—1854) и М. Н. *Волконская* (урожд. Раевская, 1805—1863) последовали за своими мужьями в Сибирь: Некрасов посвятил их подвигу поэму «Русские женщины» (№ 91—92).

* 90. ОЗ, 1871, № 10, с. 265 (в оглавлении подзаг. «Записки клубиста, изданные Н. Н.»), с рядом цензурных пропусков и искажений. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 193 (в оглавлении подзаг. «Очерки»), с восстановлением ст. 57, 73—84 по автографу из собрания К. И. Чуковского и ст. 435—441 по корректуре ОЗ. Черновые автографы отдельных отрывков: ст. 384—411, 537—580 и 726—763 с датой «1 июля 1871, Караб<иха>» и мелких набросков окончательной редакции — ЛБ. Автограф набросков (ст. 31—88, 404—407, 569—572 и 577—580) этой же редакции — в собрании К. И. Чуковского. Корректура ОЗ — ЦГАЛИ. Сохранился автограф большой незавершенной сатиры под загл. «VII. Клуб», значительная часть текста которой в переработанном виде использована в «Недавнем времени» (полностью глава 2 и в измененном виде части глав 1, 3 и 4). Цифра «VII» в загл. этой сатиры указывает на то, что сатиры «О погоде» (см. прим. 50—54) и «Клуб» должны были по замыслу Некрасова вместе с другими произведениями составить задуманный еще в 1858 г., но оставшийся неосуществленным единый цикл. Подробно о нем см. в прим. А. Я. Максимовича в ПСС, т. 2, с. 715—717 и работах Т. Д. Фроловой: «Незавершенный сатирический цикл

Н. А. Некрасова» (Некр. сб. 1) и «Некрасов-сатирик (Цикл сатир 1859—1871 г.). Автореферат ...», Л., 1953, а также кн. М. М. Гина «О своеобразии реализма Н. А. Некрасова», Петрозаводск, 1966, с. 170—207. Задуманный поэтом «Клуб», как и созданное на его основе, хотя и по другому плану, «Недавнее время», — широкое сатирическое полотно. Отдельными главами его, а не самостоятельными сатирами, как считалось, должны были стать в большей или меньшей мере завершенные в этой рукописи фрагменты, названные: «Газетная», «Игорная», «У камина». На это указывает прежде всего отсутствие возле этих названий нумерации, сопровождающей заголовки самостоятельных сатирических произведений: «VII. Клуб», «VII. Театр» (см. прим. 58). Об этом же свидетельствует и текст рукописи «Клуба» между концом «Газетной» и началом «Игорной», непосредственно соединяющий их (см. с. 556), а также стихи заключительного отрывка всей рукописи («Ну, конец! Мы в последнем покое. Всё, что мог, показал тебе я» и т. д. (см. с. 557). Автограф «Клуба», в частности имеющееся в нем упоминание о «героях последнего года, Что стреляли в своих мужиков» (речь шла, по-видимому, о подавлении крестьянских волнений 1863 г.), как и тот факт, что начало этой сатиры — на обороте автографа конца второй части «О погоде», позволяет предполагать, что Некрасов вначале работал над этими произведениями, по всей вероятности, почти одновременно, то есть в конце 1863 — начале 1864 г. Это подтверждают и некоторые авторские пометы на рукописи. Такова помета на полях той части ее, где речь идет об «играющем в вино» «экземпляре престарелом» (с. 554, это место соответствует ст. 167—185 окончательного текста): «Бах, Салов, остзейский барон Герздорф» — это, по-видимому, как и в некоторых других случаях, перечень прототипов единого обобщенного сатирического образа; первый из них — Бах — умер в 1863 г. («Столетие СПб. Английского собрания», СПб., 1870, с. 128). В течение 1864—1865 гг. поэт не раз возвращался к работе над рукописью. Об этом свидетельствует не только несколько слоев правки, производившейся в разное время, но и характер некоторых разночтений. Например, упомянутые уже строки о «героях последнего года, Что стреляли в своих мужиков» были позднее исправлены на «Героев недавнего года, Что стреляли в народ» и т. д. Затем слова: «Что стреляли в народ» были зачеркнуты и заменены красным карандашом (следы красного карандаша в этом и некоторых других местах рукописи позволяют предполагать, что на каком-то этапе Некрасов показывал ее кому-либо из влиятельных в цензурном ведомстве чиновников, возможно Ф. М. Толстому) на: «Понимай, как умеешь...». Этот вариант снова зачеркивается; появляется другой: «Как бишь их? Позабыл!», который опять заменяется (также красным карандашом) словами: «Позабыл имена». В строках, соответствующих ст. 161—162 «Недавнего времени»: «И в сенате на пользу отчизны Подают еще голос они», слова «в сенате» также зачеркнуты красным карандашом и заменены: «где должно» и т. д. О стремлении Некрасова приспособить текст сатиры к требованиям цензуры свидетельствуют и некоторые записанные лишь начерно, но так и оставшиеся неотделанными не вошедшие в окончательный текст явно нецензурные отрывки. Так, одна из «притчей», в которых поэт рассказывает о «ра-

боте для цели презренной», начиналась намеком на «деятельность» М. Н. Муравьева в Польше в 1863—1864 гг. (см. на с. 554 текст: «Знал я мужа: энергией чудной» и т. д.). Однако понимая невозможность сделать «цензурным» этот набросок, поэт зачеркнул его уже в рукописи. То же следует сказать о четверостишии «Клуба» — после ст. 190, где речь идет о «Сереже, лихом молодце» («Сын отца, больше четверти века Наполнявшего ужасом Русь» и т. д., см. с. 554). Эти строки, надо полагать, имели в виду графа А. Ф. Орлова, шефа корпуса жандармов и начальника III Отделения (1844—1856), и его сына Н. А. Орлова (1827—1885), о котором И. С. Тургенев заметил (см. Письма, т. 3, с. 78), что несчастье его «отрезвило» (подразумевалось ранение Н. А. Орлова, полученное им во время Дунайской кампании 1853—1854 гг.). Разумеется, нельзя было рассчитывать на то, что цензура пропустит слова о всесильном вельможе, который «наполнял ужасом Русь», и Некрасов зачеркнул эти стихи. Возможно, что по цензурным причинам Некрасов отказался и от пятистишия, начинающегося словами «Мы с народом сливаемся быстро» и находящегося в конце сохранившейся части главы «У камина» (см. с 556). Понимая, что цензура не пропустит ст. 247—250:

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... —

Некрасов пытался подготовить им замену. На полях возле этих строк начато: «Впрочем, что высоко заноситься...», однако правка эта не доведена была до конца. Печатая в 1871 г. и позднее «Недавнее время», поэт дал эти строки все же не в смягченной, а в подлинной их редакции. В ходе работы над сатирой «Клуб» перестраивалась и композиция произведения, хотя сам принцип обозрения «по покоям» оставался неизменным. Так, набрасывая главу «У камина», поэт записывает строки, являющиеся началом «Газетной»: «Подстрекаемый думой заветной, Я направил шаги к игрокам. „Побываем сначала в Газетной!» — шепчет Муза, — невесело там...“» Стало быть, «Газетная» первоначально должна была предшествовать «Игорной». Однако нижний слой начала рукописи «Газетной» воплощает иное композиционное решение: «Из игорной, где шумно и душно, Перешли мы в Газетную...» (см. с. 503), то есть «Газетная» должна была следовать за «Игорной». Но последняя глава еще не была написана — начало ее в рукописи с соответствующим переходом после «Газетной»: «Мы еще игроков не видали. Игроки любопытный народ...» и т. д. (см. с. 556; ср. ПСС, т. 2, с. 567, где воспроизведен верхний слой этой рукописи). Выделив в 1865 г. из рукописи «Клуба» «Газетную» для публикации и снабдив ее подзаг. «Из опытов в сатире. Очерк II», Некрасов предполагал, вероятно, использовать и другие части рукописи для публикации теперь уже отдельных «клубных» сатир. При этом он отводил «Газетной» место в задуманном цикле, план которого едва ли был разработан им до конца, опять перед «Игорной», т. е. поэт вернулся к самому первоначальному порядку расположения «Газетной» и «Игорной» в «Клубе». На полях

текста «Газетной» начато: «Увлекаемый думой заветной ..» и т. д. (см. выше). Но затем Некрасов записывает новое начало «Газетной» (ст. 1—3): «Через дым, разъедающий очи Милых дам, убивающих ночи За игрою в лото-домино. .» и т. д. и в связи с этим исправляет цифру «11» на «12» — свидетельство того, что в момент подготовки «Газетной» к печати он предполагал «Игорную» поместить перед этой сатирой, а не после нее, как принято считать (см. Некр. сб. 1, с. 175). Некрасов не потерял надежды вернуться к этой рукописи и после публикации «Балета»: на полях ее он записывает строки, снятые уже в корректуре С, 1866, № 2 (см. с. 556 и 637). Однако последовавшая за выстрелом Каракозова реакция заставила Некрасова отказаться от продолжения работы над задуманным еще в 1858 г. циклом. И только в 1871 г., почти через пять лет, воспользовавшись торжественно отмечавшимся (в 1870 г.) столетним юбилеем клуба, он в существенно измененном и дополненном виде напечатал сатиру под названием «Недавнее время». Причем в вошедших в «Недавнее время» отрывках «Клуба» повествование переведено было из настоящего времени в прошедшее. Изучение известных сейчас источников текста сатиры «Недавнее время» (полная рукопись окончательной редакции до нас не дошла) не оставляет сомнений в том, что она была напечатана в искаженном виде. Так, бесспорно, что лишь в соответствии с цензурными требованиями на каком-то этапе (до корректуры) сняты были и ни в одном из прижизненных изданий Некрасова не восстановлены известные нам только по принадлежащему К. И. Чуковскому черновому автографу стихи 73—84, в которых говорится о впечатлении, которое произвело дело М. В. Петрашевского на современников. Из той же рукописи известно, что в ст. 57 речь идет не просто о генерале, а о шефе жандармов, начальнике III Отделения А. Ф. Орлове. Еще в рукописи сняты были, по всей вероятности по совету Ф. М. Толстого, но восстановлены в Изд. 1873—1874 ст. 5—12 (см. прим. 58) и ст. 756—761, замененные до корректуры строкой: «Характерных вещей не забудем». Несомненный интерес представляет едва ли не вынужденное разночтение ст. 761 с автографом ЛБ («Что *всю Русь* повернула вверх дном»), особенно если учесть, что подчеркнутые слова заменены были словом «прогресс», употребленным уже двумя строками выше. Не исключено, что разночтения этого же автографа с печатным текстом в ст. 752—755 (см. с. 558) также связаны с цензурной правкой, хотя в этом случае Некрасову удалось найти даже более выразительную, не лишенную иронии замену первоначального текста. В корректуре имеются три вставки, не вошедшие в текст ОЗ. Две из них — безусловно изъятия вынужденного характера, восстановленные в Изд. 1873—1874 (ст. 5—12 и 756—761). Не исключено, что таким изъятием является и третья вставка (после ст. 487), начинающаяся ст. «Впрочем, будем к нему справедливы» (см. с. 556), не восстановленная в Изд. 1873—1874. Несмотря на принятые меры, номер ОЗ, в котором напечатана была сатира, определившая «вредное направление журнала», специально обсуждался на заседании Совета Главного управления по делам печати, где председатель его М. Р. Шидловский утверждал, в частности, что «клуб здесь только маска, под прикрытием которой поэту удобнее порицать порядки недавнего прошлого... автор не только глумится над прошлым цар-

ствованием, но и проводит тяжкую для нас мысль, что и настоящее царствование не оправдало тех общих ожиданий, которые оно вызвало в своем начале» (ЛН, № 49—50, с. 510—511). Возможно, в связи с этим при подготовке очередного издания своих стихотворений (Изд. 1869—1873, ч. 5) Некрасов снял вставленное в корректуре ОЗ двустишие после ст. 536: «Клуб оставим пока в стороне, Мы ко всей обратимся стране...», бывшее в свою очередь противоцензурной уловкой: вовсе не клуб имел в виду Некрасов, например, в предшествующей этому тексту строфе («Взволновался Париж беспокойный» и т. д.). На заседании Совета один из защитников поэта В. М. Лазаревский пытался из тактических соображений доказать, что в «Недавнем времени» «почти все выведенные... лица не суть какие-нибудь общие образы, а лица более или менее весьма угадываемые. Пьеса эта скорее... анекдотического склада». Но подобное истолкование сатиры Некрасова не облегчило ее прохождения в печать. Много толков на заседании Совета вызвали ст. 247—250 (см. выше), в которых подозревали намек уже не на А. Ф. Орлова, а на министра внутренних дел А. Е. Тимашева. Подробно об этом обсуждении, одним из результатов которого была отставка Ф. М. Толстого, см.: Б. Папковский и С. Макашин, Некрасов и литературная политика самодержавия (ЛН, № 49—50, с. 507—511); М. В. Теплинский, «Отечественные записки» (1868—1884), Южно-Сахалинск, 1966, с. 47—49; А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой, Петрозаводск, 1966, с. 23 и 258. При подготовке Изд. 1873—1874 ст. 435—441, имеющиеся в тексте журнальной корректуры и в ОЗ (с вариантом ст. 436 — «Звуки странно настроенной лиры»), заменены были след. строками:

Да шептались стихи в уголку
На игривые, милые темы...
(Может быть, вам знакомы они?..)

Замена связана была, по-видимому, с назначением в ноябре 1871 г. на пост начальника Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинова (уволен в 1875 г.), бывшего члена Английского клуба (см. его воспоминания в кн. «Столетие СПб. Английского собрания», СПб., 1870, с. 27—37), который мог узнать себя в «поэте не для дам» (см. т. 1, прим. 247 и т. 2, прим. 73—75). Это тем более вероятно, что, по мнению Н. С. Курочкина, Лонгинов способен был в подобном случае обижаться «до бешенства» (см. ЛН, № 51—52, с. 348). *Ераков* Александр Николаевич (1817—1886) — инженер, близкий знакомый Некрасова, затем муж его сестры А. А. Буткевич. Глава 1. *Старый дедушка был у нас членом* и т. д. И. А. Крылов был членом Английского клуба с 1817 г. Позднее в особой Крыловской комнате клуба был установлен его бюст — возле дивана, на котором любил сидеть баснописец («Столетие СПб. Английского собрания», с. 27 и 92). *Слух (то было в тридцатых годах)* и т. д. В конце 1830-х годов появилось несколько проектов строительства железных дорог в России. В резолюции на одном из них, рассмотренном прежде Комитетом министров, Николай I (автографы царя на деловых бумагах для сохранности покрывались лаком) «не соизволил окончательно разрешить вопроса о железных дорогах» («Журнал министерства путей

сообщения», 1863, кн. 1, с. 143) *«Привезли из Москвы Полевого».* В 1834 г. за напечатанную в «Московском телеграфе» статью о лжепатриотической драме Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» Николай I издание журнала приказал запретить, а редактора его Н. А. Полевого (1796—1846) привезти из Москвы в сопровождении жандарма. *У Цепного бессмертного мосту* — то есть в III Отделении, помещавшемся возле Цепного моста на Фонтанке. *Получив роковую повестку* и т. д. Будучи редактором С и автором множества «крамольных» стихов, сам Некрасов, подобно герою «Недавнего времени», не раз выслушивал выговоры в III Отделении. *Князь Орлов.* А. Ф. Орлов с 1825 г. граф; князь с 1856 г. *Помню я Петрашевского дело, Нас оно поразило, как гром* и т. д. Члены кружка передовой русской интеллигенции, организатором которого был М. В. Буташевич-Петрашевский (1821—1866), были арестованы в апреле 1849 г.; часть их была приговорена к смертной казни, замененной ссылкой на каторгу в Сибирь, часть отправлена в солдаты. *И декабрьским террором пахнуло* — то есть террором, свирепствовавшим в стране после разгрома восстания декабристов в 1825 г. *В дни, как буря кипела в Крыму* — во время Крымской войны 1853—1855 гг. *Корпия* — нащипанные из хлопчатобумажной ткани нитки, употреблявшиеся как перевязочный материал вместо ваты и марли. *Всех и мелких, и крупных воров.* Всевозможные злоупотребления интендантства и других ведомств во время Крымской кампании достигли такого размера, что по окончании войны правительство под давлением общественного мнения вынуждено было начать расследование. «Между ворами нашлись сильные армии сей», — писал Герцен в «Колоколе», имея в виду не только главного интенданта русской армии в Крыму Ф. К. Затлера, но и генерал-адъютанта А. И. Лидерса, командующего Крымской армией с конца 1855 г. (см.: Герцен, т. 13, с. 19, 366, 438—440; т. 14, с. 65, 233, 383 и 409). *Фокс* Ч. (1749—1806) и *Пиль* Р. (1788—1850) — видные государственные деятели Англии. Глава 2. *И в сенате на пользу отчизны* и т. д. Престарелые и не соответствующие должности сановники при увольнении часто получали назначение в сенат. *Подкосила их «ликантропия».* К слову «ликантропия» в рукописи «Клуба» — прим. Некрасова: «Собственно, превращение человека в волка. Иногда в этой болезни человек воображает себя и другим каким-нибудь животным. Болезнь очень древняя. Навуходоносор умер, воображая себя волком». Аналогичное прим. к этому же слову в девятой песне «Дон-Жуана» Байрона в переводе Д. Д. Минаева (С, 1866, № 1, с. 264). Некрасов, в частности, имел в виду болезнь А. Ф. Орлова (см.: П. А. Валуев, Дневник, т. 1, М., 1961, с. 310). *Кайен* — острый перец (из г. Кайена в Гвиане). *«Монго»* — фривольная поэма М. Ю. Лермонтова. *Отбиваешь с оркестром кровати!* Подразумевается кровать особого устройства: как только на нее садились, раздавалась музыка, а сама она двигалась по комнате; владельцем такой кровати был, например, директор императорских театров в 1858—1863 гг., член Английского клуба А. И. Сабуров (см.: С. Д. Шереметев, Домашняя старина, М., 1900, с. 43). *Взволновался Париж беспокойный* и т. д. Имеется в виду французская революция 1848 г. *Как у нас отразились они* и т. д. «Едва раздался гром европейских переворотов, — вспоминает А. В. Никитенко, — как в качестве до-

носчиков выступили... и лица гораздо более сильные и опасные. Граф Строганов, бывший попечитель Московского университета... представил государю записку об ужасных идеях, будто бы господствующих в нашей литературе... Барон Корф ... представил другую такую же записку» (Никитенко, т. 1, с. 311). Доклад о необходимости усиления цензурного надзора подал и начальник III Отделения А. Ф. Орлов. По распоряжению Николая I в конце февраля 1848 г. был создан секретный, так называемый меньшиковский комитет, «чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и... журналы соблюдают ли ... программы» (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов, «Современник» в 40—50 гг., Л., 1934, с. 237), а в начале апреля — постоянный так называемый бутурлинский комитет (см. о нем т. I, прим. 71). Упоминаемая Некрасовым ниже комиссия, в которую доносчик принес свой «мрачный донос», и есть этот комитет (см. об этом в указ. выше статье А. М. Гаркави «Н. А. Некрасов — обличитель царской цензуры», с. 77). О *Булгарине* см. т. 1, прим. 1. *Робеспьером Сенковского звал.* В рукописи «Клуба» — «Робеспьером Краевского звал». Возможно, что Некрасов исправил первоначальный текст в связи с тем, что «Недавнее время» печаталось в ОЗ, официальным редактором и издателем которых оставался А. А. Краевский. О Сенковском см. т. 1, прим. 1. *Линяев, сатирик холодный.* По предположению В. Е. Евгеньева-Максимова, Некрасов имел в виду поэта Д. Д. Минаева (см. ЛН, № 51—52, с. 390). Глава 3. *Доносчик Авдей* — т. е. Фаддей Булгарин. *Да случайно впросак попадался* и т. д. О подобном «грандиозном воровстве» имеется запись в дневнике А. В. Никитенко: камергер и тайный советник А. Г. Политковский (1804—1853) «в течение многих лет... пышно жил ... задавал пиры, содержал любовниц» и растратил таким образом, как выяснилось незадолго до смерти, более миллиона так называемого «инвалидного» капитала (Никитенко, т. 1, с. 360). *В Петербурге шампанское с квасом* и т. д. В воспоминаниях С. Ю. Витте рассказывается о том, что в начале 1870-х годов «смесь шампанского с квасом... была в моде в Москве, а из Москвы напиток этот распространился и в другие места» (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 1, 1960, с. 343—344). *Я однажды смеялся до колик* и т. д. Возможно, Некрасов вспоминает о своей встрече в Париже с князем Н. И. Трубецким; по свидетельству современника, Трубецкой «давно уже уехал из России ... перешел в католическую веру ... но ... считал себя славянофилом» (Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, Л., 1929, с. 47). *Чу! Какой-то игрок крутонравный* и т. д. В автографе «Клуба» этот ст. читался: «Чу! Сабуров, орало забавный»; в корректуре ОЗ: «Чу! С***, орало забавный»; о Сабурове см. выше. *Чу! Наш друг, путешественник славный* и т. д. Подразумевается Ег. П. Ковалевский (1811—1868), путешественник, автор книг «Странствователь по суше и морям» (СПб., 1843—1845), «Путешествие во внутреннюю Африку» (СПб., 1849; до выхода в свет отдельным изданием печаталась в С) и др. У него действительно был вывезенный им из Африки негр-лакей. *Федюхины горы* — высота под Севастополем, имевшая стратегическое значение в героической обороне города во время Крымской кампании 1853—1855 гг. *«Веселись, храбрый росс!..»* Неточная цитата из стихотворения Державина «Хор для кадрили» (1791). Глава 4.

Благодатное время надежд — конец 50 — начало 60-х годов, период пробуждения передовых сил общества перед крестьянской реформой 1861 г. *Юноша гений ... произнесший бессмертную фразу* и т. д. Имеется в виду употребленная Н. А. Добролюбовым в статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859) ироническая фраза: «В настоящее время, полное радостных и благодатных надежд...» и пр.; вскоре она стала крылатым выражением, пародировавшим славословие либеральной публицистики (ср.: М. А. Антонович, Избр. статьи, М., 1938, с. 356). *Учрежденным тогда комитетам* и т. д. Некрасов имеет в виду определившийся почти с самого начала крепостнический характер готовившейся «сверху» отмены крепостного права, репрессии по отношению к либерально настроенным представителям дворянства, входившим в губернские комитеты, созданные в 1858 г. для составления проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян» (например, деятельность А. М. Унковского и А. И. Европеуса, возглавлявших тверской губернский комитет — единственный, где либералы составляли большинство, — закончилась ссылкой Унковского). *Корчат Катонов* — то есть политических деятелей, народных трибунов; о Катонах см. т. 1, прим. 248. *Прудон* — см. т. 1, прим. 246. *Ключ камергерский* — деталь придворной формы камергера, носившаяся на спине. П о с л е с л о в и е. *Мы коснемся столичных пожаров* и т. д. Намек на начавшееся после майских пожаров в 1862 г. наступление реакции: массовые аресты, запрещение передовых журналов и т. д. (см. прим. 54 и 56). *Злополучной поры не забудем.* Речь идет о правительственном терроре, воцарившемся в стране после покушения в апреле 1866 г. Каракозова на Александра II.

* **91.** ОЗ, 1872, № 4, с. 577, под загл. «Русские женщины. Княгиня***. Поэма», с эпилогом и прим., без ст. 147—190, с цензурными купюрами и вариантами. Ст. 147—190 — «Искра», 1873, № 1, 7 февраля, с. 2, под загл. «Из поэмы „Русские женщины“. Строфы, не вошедшие в поэму „Кн. Т—кая“». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 235, с восстановлением пропусков ст. 55—58, 271—286, 331—338, 365—366, 369, 649—651, 669—680, 689—692 и устранением автоцензурных вариантов в ст. 40, 201, 321, 326, 332, 837 по наборной рукописи ПД. Ст. 370 восстановлен по ПСС (т. 3, с. 33) на основании свидетельства К. И. Чуковского, располагавшего черновым автографом, впоследствии утраченным (неопубликованное письмо К. И. Чуковского к С. А. Рейсеру от 16 марта 1966 г.). Ст. 59—60 восстановить не удалось ввиду отсутствия их во всех рукописных источниках, где пропуск обозначен точками. Автографы — ПД (наборная рукопись), ЛБ и ЦГАЛИ; корректура (гранки) — ПД. Изучение всех известных в настоящее время рукописных источников текста поэмы позволило выявить и устранить правку, которая была внесена Некрасовым в наборную рукопись в предвиденьи цензурных затруднений и затем по требованию А. А. Краевского в корректуру ОЗ. Посылая корректуру, Некрасов предупреждал Краевского, что текст поэмы уже «испакощен» им самим и не должен поэтому, как он надеялся, вызвать придирок цензуры (ПСС, т. 11, с. 205). В наборной рукописи Некрасов зачеркнул карандашом строки, которые,

по его мнению, могли вызвать нарекания цензуры, и вместо них поставил точки. Но принятые Некрасовым меры предосторожности не удовлетворили Краевского, и он рекомендовал поэту исправить еще несколько стихов и написать прим., объясняющее появление поэмы, сюжет которой связан с восстанием декабристов. Некрасов вынужден был согласиться с мнением официального редактора журнала. «Заметками воспользуюсь, — писал он Краевскому. — Особенно —

Прощенье *царь* дарует вам.

Без *царя* лучше. Примечание написал» (ПСС, т. 11, с. 206). Сопоставление корректуры с первым печатным текстом «Княгини Трубецкой» свидетельствует, что Некрасов устранил упоминание о царе не только в ст. 321, но и в ст. 326, 332, 837 (см. варианты), руководствуясь, очевидно, «заметками», сделанными Краевским на корректуре ОЗ. Еще в наборной рукописи поэт смягчил ст. 39—40: «И ты... о город роковой! Гнездо царей... прощай!», переделав «Гнездо царей» на «Гнездо всех бед...». Однако эта поправка не удовлетворила Краевского, и Некрасов вынужден был уже в корректуре вторично переделать ст. 40 на «Господь с тобой... прощай». Ст. 370 («Не тронешь палача») заменен точками во всех дошедших до нас черновых автографах; в наборной рукописи (ПД) Некрасов сохранил только отрицание «не». В советских изданиях Некрасова текст «Княгини Трубецкой» был очищен от автоцензурных вариантов, а большая часть купюр была восстановлена. В наст. издании впервые устраняются также след. искажения текста. На одно из них еще в 1936 г. обратил внимание С. А. Рейсер в статье «Некрасов в работе над „Русскими женщинами“» (Зв. 6, с. 719). Во всех предшествующих изданиях ст. 201 печатался: «Забытой богом стороны». Нужно: «Забитой, загнанной страны», как в наборной рукописи и в корректуре. Кроме того, здесь впервые восполняется еще один пропуск текста. В наборной рукописи после ст. 332: «Сам царь скомандовал: „Па-ли!“» и следуют две строки, зачеркнутые Некрасовым двумя вертикальными карандашными линиями: «Картечь свистит, ядро ревет, Рядами валится народ...». Эти строки, повествующие о кровавой расправе Николая I с невинным народом, фактически не принимавшим участия в восстании декабристов, видимо, были изъяты поэтом из цензурных, а не художественных соображений (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов, Дополнения к тексту поэм «Княгиня Трубецкая» и «Несчастные». — «Некрасовский сборник», Пг., 1922, с. 66) и потому восстанавливаются в тексте поэмы. Поскольку есть основания считать, что вынужденное изъятие ст. 333—334 повлекло за собой замену (уже в корректуре) след. строки («О милый, жив ли ты?..») точками и исправление ст. 337—338 (см. варианты, с. 559), в наст. издании строфа, содержащая ст. 331—338, печатается по наборной рукописи в ее доцензурном варианте. Вместе с тем редакция наст. издания не нашла достаточных оснований для того, чтобы в воспроизведении ст. 295 («К обширной площади бегут») и ст. 301 («Стоял уж там какой-то полк») возвращаться к зачеркнутым вариантам чернового автографа, где первоначально было: «К Сенатской площади бегут» и «Стоял уж там Московский полк»

(ср. ПСС, т. 3, с. 31), и печатает их, как и весь текст поэмы, по Изд. 1873—1874. Посылая поэму на просмотр члену Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревскому и подсказывая аргументы в ее защиту, Некрасов писал: «Если у Вас завтра будет заседание, то не возникнут ли толки? Я побаиваюсь за сцену на площади; но прошло 50 лет! да и все это есть у Корфа, которого книги во многих тысячах экз<емпляров> в руках у публики, — картинка чисто внешняя, не гнущая мысль читателя ни в которую сторону... ну, да Вы найдете, что сказать в защиту» (ПСС, т. 11, с. 208). В прим., сделанном Некрасовым по требованию Краевского к «Княгине Трубецкой» в корректуре ОЗ, автор поэмы, надеясь оградить себя от цензурных преследований, также ссылался на официальные документы, появившиеся в печати после опубликования в 1856 г. манифеста об амнистии декабристов (см. варианты). Художественная отделка поэмы продолжалась и после того, как рукопись была набрана в корректуре. На этой стадии работы Некрасов заново написал эпизод посещения тюрьмы княгиней Трубецкой (ст. 351—360) и отбросил «Эпилог». Кроме того, извещая Краевского, что его пожелания выполнены, Некрасов сообщил: «Сделал еще две прибавки к поэме — совершенно невинные» (ПСС, т. 11, с. 206). Очевидно, в данном случае речь шла о ст. 398—476, отсутствовавших в наборной рукописи и повествующих о путешествии Трубецкой с ее избранником по Италии. Вторая «прибавка», тоже на «итальянскую тему» (ст. 147—190), по неизвестным причинам не попала в текст ОЗ и была первоначально напечатана Некрасовым в «Искре». «Княгиня Трубецкая» была написана Некрасовым летом 1871 г. в Карабихе. В письме к Краевскому от 8 июля 1871 г. Некрасов извещал, что надеется закончить новое произведение 1 августа (ПСС, т. 11, с. 191), однако, как свидетельствует помета на беловом автографе (ПД), уже 16 июля Некрасов переписал последние строки «Княгини Трубецкой» набело. Глубокий интерес Некрасова к декабристской теме нашел отражение в поэме «Дедушка» (1870). В «Русских женщинах» поэт обратился к событиям, непосредственно связанным с восстанием на Сенатской площади, судом над декабристами и их ссылкой. По приговору в 1826 г. многие декабристы были сосланы в Сибирь на каторжные работы. Вслед за ними отправились и их жены: Е. И. Трубецкая, А. Г. Муравьева, М. Н. Волконская, Е. П. Нарышкина и др. По повелению Николая I тогда же, в 1826 г., было выработано специальное положение «О женах государственных преступников», которое превращало декабристок в жен ссыльнокаторжных, а детей, рожденных в Сибири, — в казенных крестьян. «Жены сосланных в каторжную работу, — писал Герцен, — лишались всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и ехали на целую жизнь неволи в страшный климат Восточной Сибири, под еще страшнейший гнет тамошней полиции» (т. 8, с. 59). Поставив в центре «Русских женщин» подвиг жен декабристов, Некрасов стремился в своей поэме к максимальной исторической точности. Для этой цели им были тщательно изучены книга М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го» (СПб., 1857), анонимно изданные «Записки декабриста» А. Е. Розена (Лейпциг, 1870) и работа С. В. Максимова «Сибирь и каторга» (СПб., 1871). Главы из этой книги, посвященные декабристам, пред-

варительно печатались в 1869 г. в ОЗ (№№ 8—10). Комплект журнала за этот год хранился в библиотеке Карабихи (см.: «Библиотека Некрасова». Предисловие и публикация Н. Ашукина. — ЛН, № 53—54, с. 431). Туда же, в Карабиху, друзья, знавшие, что Некрасов работает над поэмой о женах декабристов, посылали дополнительные материалы. Так, в одном из писем неизвестный корреспондент сообщил Некрасову извлеченные им из французского источника биографические данные о кн. Трубецкой, которая была дочерью французского эмигранта, графа Лаваля, и восторженные слова, сказанные там же о декабристках (АСК, с. 235). Подробности восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади были почерпнуты Некрасовым прежде всего из книги М. А. Корфа (с. 179—180, 184 и др.) и из воспоминаний А. Е. Розена (с. 93—94 и др.). Точно так же в основу описания Некрасовым трудного пути, который проделала Е. И. Трубецкая, чтобы соединиться с мужем, были положены реальные факты. Болезнь чиновника, служившего секретарем у отца Е. И. Трубецкой и сопровождавшего ее в поездке, столкновение с иркутским губернатором, генералом И. Б. Цейдлером, который, выполняя секретную инструкцию из Петербурга, запугивал героиню ужасами жизни на каторге в окружении тысяч закоренелых преступников и при этом требовал от нее отречения от всех имущественных и сословных прав, — обо всем этом рассказывалось в источниках, доступных Некрасову. В позднейших работах П. Е. Щеголева («О „Русских женщинах" Некрасова в связи с вопросом о юридических правах жен декабристов». — Сб. «К свету», СПб., 1904), А. Г. Горнфельда («„Русские женщины" Некрасова в новом освещении». — «О русских писателях», т. 1, СПб., 1912), В. Е. Евгеньева-Максимова («Некрасов как человек, журналист и поэт», М.—Л., 1928, с. 315—321) и др. исследователей сделаны сопоставления текста «Княгини Трубецкой» с соответствующими местами из книг М. А. Корфа и А. Е. Розена. Аналогичные сопоставления произведены и с текстом работы С. В. Максимова (см.: Л. А. Розанова, Из истории работы Н. А. Некрасова над поэмой «Русские женщины». — «Ученые записки Ивановского пед. института», т. 12, вып. 3, 1957, с. 12—15). Источники, из которых поэт черпал исторические материалы, создавая «Русских женщин», не ограничиваются перечисленными. Некрасову несомненно были известны статьи о декабристах, печатавшиеся в русских журналах, работы Герцена. Некрасов хорошо знал стихотворение А. И. Одоевского, обращенное к М. Н. Волконской («Был край, слезам и скорби посвященный...»), так как оно цитировалось в упомянутой выше книге С. В. Максимова. Точно так же его внимание привлекли проникновенные строки о женах декабристов в «Обрыве» Гончарова (1869), о чем он сообщил автору романа (И. А. Гончаров, Собр. соч., т. 6, М., 1954, с. 324—325 и т. 8, М., 1955, с. 448—449). Поэт записывал также устные рассказы людей, вернувшихся из ссылки, и пр. (см. ПСС, т. 11, с. 228—229). Разумеется, работа над «Княгиней Трубецкой» вовсе не сводилась к стихотворной фактографии. Так, сожалея в одном из писем к М. С. Волконскому о неточности, допущенной в рассказе о прощании героини с отцом, которого в действительности в то время уже не было в живых, Некрасов тут же добавил: «...но эта неверность чисто внешняя, не имеющая важности в подобном произведении. Для меня

важно, чтобы не было неверности существенной» (ПСС, т. 11, с. 207). Кроме того, хотя Некрасов и положил в основу «Русских женщин» исторические факты, он придал своему произведению публицистическую окраску. Исследователи уже отмечали связь поэмы с революционным движением 60—70-х годов. В образах Трубецкой и Волконской отразились черты героических русских женщин, революционерок-семидесятниц. Очевидно, этим объясняется и тот факт, что уже в корректуре Некрасов заменил первоначальное загл. с неологизмом «Декабристки» на обобщенное — «Русские женщины» (см.: Н. В. Осьмаков, Поэзия революционного народничества, М., 1961, с. 33—34; С. Рейсер, указ. статья, с. 730—733). Об оценке «Княгини Трубецкой» в русской критике см. прим. 92. *Княгиня Трубецкая* — Екатерина Ивановна Трубецкая (1801—1853), урожденная Лаваль; последовала за мужем, декабристом Сергеем Петровичем Трубецким (1790—1860), в 1826 г. в Сибирь. Знавшие ее утверждали, что «это была олицетворенная доброта, окруженная обожанием не только своих товарищей по ссылке, но и всего оекского населения, находившего всегда у нее помощь словом и делом» (Н. А. Белоголовый, Воспоминания и другие статьи, изд. 3, М., 1898, с. 32). Часть первая. *И эту площадь перед ней* и т. д. Подразумевается Сенатская площадь в Петербурге с памятником Петру I. *Мрачный дом* — резиденция русских царей, Зимний дворец на Дворцовой набережной Невы в Петербурге. *Перед подъездом львы.* Дом графа Лаваля на Английской набережной в Петербурге (ныне наб. Красного флота, 4). *Плюмажи* — украшения из птичьих перьев на мужских головных уборах. *Зонтообразных пинн.* Пиния — итальянская сосна. *Знакомый с бурями француз, Столичный куафер.* Намек на то, что у себя на родине француз был свидетелем революционных событий 1789—1793 гг.; куафер — парикмахер. *Какой-то бравый генерал* и т. д. Во время восстания 14 декабря 1825 г. были убиты генерал М. А. Милорадович (1771—1825), уговаривавший солдат «не бунтовать» и ручавшийся им, что «государь простит им ослушание, если они тотчас вернутся в свои казармы», и командир лейб-гвардии гренадерского полка полковник Н. К. Стюрлер. *Явился сам митрополит.* Петербургский митрополит Серафим также обратился к восставшим с призывом смириться (см.: <А. Е. Розен>, Записки декабриста, с. 93—95; М. А. Корф, Восшествие на престол императора Николая I, с. 179—184). Часть вторая. *Почтенный бригадир.* В России в XVIII в. бригадир — офицерский чин, промежуточный между полковником и генерал-майором. *Варнаки* — грабители, разбойники из среды беглых или отбывших срок каторжников.

* 92. ОЗ, 1873, № 1, с. 213, с цензурными пропусками и искажениями. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 281, с восстановлением цензурных пропусков ст. 261—264, 341—345, 869—872, 1171, 1359—1360, 1405—1408 и устранением автоцензурных искажений в ст. 223, 948 по автографу ПД. Ст. 1433 («И силу его... и готовность страдать») печ. по прижизненным изданиям, так как исправление этого ст. («Он много страдал, и умел он страдать»), сделанное в черновом автографе ЛБ, не носит цензурного характера. Приспосабливая текст «Княгини Волконской» к требованиям цензуры, Некрасов, как

установил К. И. Чуковский, заменил острые в политическом отношении стихи точками и смягчил ст. 223 и 948. Ст.: «Готовя войска к низверженью властей...» он исправил: «Готовя несчастье отчизне своей»; а ст.: «Попы у харчевни дерутся» исправил: «Продрогшие куры дерутся». Посылая номер ОЗ, в котором была напечатана «Княгиня Волконская», А. Н. Пыпину, Некрасов в нем собственноручно «вставил почти все, что побоялся напечатать» (ПСС, т. 11, с. 236); но этот экземпляр ОЗ не сохранился. Вторая часть «Русских женщин», так же как и «Княгиня Трубецкая», написана поэтом на основе исторических материалов. К источникам, которые уже были изучены Некрасовым, прибавились и новые. Важнейшим из них были записки М. Н. Волконской, хранившиеся у ее сына М. С. Волконского, близкого знакомого поэта. В черновике прим. к поэме Некрасов написал: «Основанием второй главы и частию 3-ей послужили подлинные записки М. Н. В — ой, составляющие семейную драгоценность и которые были [обязательно] прочитаны автору М. С. Волконским, которому автор обязан глубокою благодарностию, так как без них не было бы этой поэмы» (ПСС, т. 3, с. 590—591). Мемуары были написаны по-французски, но М. С. Волконский читал их Некрасову, тут же переводя на русский язык. Эти «Записки» впервые были опубликованы (на русском и французском языках) лишь в 1904 г. При чтении рукописи, которое продолжалось в течение трех вечеров (вероятно, в июне 1872 г.), поэт делал краткие записи в специальной тетради (текст этих конспектов см.: В. Е. Чешихин-Ветринский, К изучению «Княгини Волконской» Н. А. Некрасова. — Некр. сб.-Яр., с. 71—76 и С. Великанова, Из записей Н. А. Некрасова к поэме «Русские женщины». — В кн. «Н. А. Некрасов и Ярославский край», Ярославль, 1953, с. 185—193). Этот конспект и лег в основу сюжета поэмы. Некрасов не только воспользовался фактами, изложенными в подлинных записках героини его поэмы, но стремился также передать их тон и манеру, в которых, по его словам, было «столько безыскусственной прелести, что ничего подобного не придумаешь» (ПСС, т. 11, с. 212). Впоследствии высоко оценил записки М. Н. Волконской и И. С. Тургенев (см.: Письма, т. 12, кн. 1, с. 162). «Княгиня Волконская» была написана летом 1872 г. в Карабихе. 10 июля 1872 г. Некрасов сообщил А. Н. Еракову, что надеется закончить новое произведение, сюжет которого «вертится все там же — около Сибири», недели в две (ПСС, т. 11, с. 217), но фактически основная работа над наборной рукописью завершилась раньше, 17 июля того же года (помета на наборной рукописи ПД). После возвращения в Петербург Некрасов посылал новую поэму М. С. Волконскому на отзыв и получил от него несколько писем, в которых содержались и критические замечания (текст этих писем — в кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 326—329). Часть этих замечаний Некрасов учел. Выполняя обещание, данное М. С. Волконскому, он сгладил «интимный характер», который придавали поэме некоторые подробности, взятые из записок, и внес исправления в «чисто художественном смысле» (ПСС, т. 11, с. 228). Рукописи «Княгини Волконской» дают возможность определить места текста, исключенные Некрасовым по настоянию М. С. Волконского. Это — сцена родов, упоминание о суровой изоляции, в которой содержалась героиня

в родной семье, и заключительные стихи главы 4 (см. варианты после ст. 176, 252 и 908). Некоторые исследователи полагают, что сцена родов должна быть напечатана в основном тексте поэмы (см.: А. И. Груздев, Сюжет и характер в поэме Н. А. Некрасова «Княгиня Волконская». — В кн. «Историко-литературный сборник. Исследования и материалы». — «Ученые записки Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена», т. 275, 1966, с. 50—51). В настоящем издании стихи, исключенные Некрасовым в связи с пожеланиями М. С. Волконского, в основной текст не вводятся, так как совершенно ясно, что Некрасов учел только те из замечаний М. С. Волконского, которые не противоречили его собственному художественному замыслу (Чуковский, с. 251—264). Более тридцати лет спустя М. С. Волконский высказал сожаление по поводу того, что Некрасов не всегда был внимателен к его замечаниям, в результате чего в «поэме проскользнуло несколько выражений, не отвечающих характеру воспетой им женщины» («Записки княгини Марии Николаевны Волконской, с предисловием и приложением издателя князя М. С. Волконского», СПб., 1904, с. XVII). Кроме того, как выяснилось, Некрасов отказался внести изменение в эпизод встречи княгини Волконской с мужем, которая в поэме происходит не в тюрьме, как изложено в записках, а в шахте, заметив при этом М. С. Волконскому: «Не все ли вам равно, с кем встретилась там княгиня: с мужем ли или с дядею Давыдовым; они оба работали под землей, а эта встреча у меня так красиво выходит» (там же). Все это дает основание заключить, что, создавая «Княгиню Волконскую», Некрасов был творчески свободен в освещении фактов, почерпнутых из исторических или мемуарных источников. Вообще же образ героини-декабристки не соответствовал пожеланиям, высказанным членами ее семьи. Недаром Софья Николаевна Раевская, прочитав поэму, заметила с возмущением: «Рассказ, который он <Некрасов> вкладывает в уста моей сестры, был бы вполне уместен в устах какой-нибудь мужички. В нем нет ни благородства, ни знания той роли, которую он <автор> заставляет ее играть» («Архив декабриста С. Г. Волконского», под ред. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. 1, ч. 1, Пг., 1918, с. XV, подлинник по-французски). Поэма «Русские женщины» и в особенности ее вторая часть — «Княгиня Волконская» — была высоко оценена русской публикой. «Давно уже не появлялось в отечественной поэзии такого серьезного, симпатичного и глубоко гуманного произведения, как «Русские женщины» Некрасова», — писал анонимный рецензент «Нового времени» (1873, 6 февраля). Газета «Новости» заявила, что появление поэмы Некрасова «составляет эпоху» в современной литературе, «столь бедной истинно художественными произведениями» («Новости», 1873, 7 февраля). «Русские женщины» с интересом были встречены Ф. М. Достоевским, который, так же как и Некрасов, с большим уважением относился к подвигу жен декабристов. В одном из разделов «Дневника писателя», «Старые люди» («Гражданин», 1873, 1 января), он писал об этих «великих страдалицах», «добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь», что «они бросили все — знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть» (Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худ. произведений, т. 11,

М.—Л., 1929, с. 10). Прочитав поэму «Русские женщины», Достоевский упрекнул Некрасова в том, что ему вредит «мундир» поэта «либерального и социального» направления (см. «Дневник писателя». — «Гражданин», 1873, 26 марта). При этом автор «Дневника писателя» указал на эпизод целования оков М. Н. Волконской как на противоречащий жизненной правде. Как известно, в данном случае Некрасов воспроизвел рассказ самой М. Н. Волконской (см. «Записки княгини Марии Николаевны Волконской», СПб., 1904, с. 46). Тем не менее Достоевский отметил, что в поэме «есть несколько хорошего и намекает на прежний талант г. Некрасова» (Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худ. произведений, т. 11, с. 75). Об успехе «Русских женщин» можно было судить и по тому факту, что, как писал их автор 26 февраля 1873 г. брату Ф. А. Некрасову, публика поэму «читает и раскупает» (ПСС, т. 11, с. 240). О похвалах, которыми была встречена поэма Некрасова, писал также рецензент «Биржевых ведомостей», который, однако, заявил, что популярность произведений Некрасова поддерживается не столько силою его таланта, сколько «гражданскими мотивами» его поэзии («Биржевые ведомости», 1873, 25 марта). Рецензент реакционного «Русского вестника» В. Г. Авсеенко также вынужден был отметить, что «между современными русскими поэтами г. Некрасов занимает привилегированное положение» («Русский вестник», 1873, № 6, с. 888), но при этом он обвинил Некрасова в смещении исторической перспективы. Авсеенко утверждал, что автор «Русских женщин» дополнил поэму «придаточными подробностями», которые сообщили ей «идею социального протеста», характерную для «новой литературы», забыв, что «между общественным движением двадцатых годов и журнальными течениями» 60—70-х годов «нет ничего общего» (там же, с. 903, 916—917); то же самое Авсеенко повторил на страницах газеты «Русский мир» (1873, 21 февраля). О предвзятости отзывов реакционной критики о произведениях Некрасова, и в частности о его «Русских женщинах», можно судить по отношению к этой поэме В. П. Буренина. Печатая в 1872 г. свои произведения в ОЗ и будучи в приятельских отношениях с Некрасовым, Буренин с похвалой отзывался о «Княгине Трубецкой» и о замысле «Княгини Волконской» (см. ЛН, № 51—52, с. 169—170). В 1873 г., перейдя в лагерь реакции, Буренин присоединился к оценке «Русских женщин», данной Авсеенко. Теперь он утверждал, что «Русские женщины» Некрасову не удались, несмотря на то, что «мотивы, данные ему историческою действительностью, образы, представленные ею, так рельефны и хороши, что их не надо приукрашать даже поэтическою фантазией» («С.-Петербургские ведомости», 1873, 27 января). И тут же, противореча самому себе, критик объяснял причину неудачи новой поэмы Некрасова тем, что автор ее «занялся подобием стихотворного переложения записок», в то время как «точное воспроизведение правды действительности, по его мнению, бывает совершенно неуместно в поэзии» (там же). В отступлении от исторической достоверности упрекнул Некрасова и П. В. Анненков, сообщивший в письме к поэту от 8 (20) марта 1873 г. свое впечатление от «Русских женщин»: «Этой картине недостает только одного мотива, чтобы сделать ее также и несомненно верной исторической картиной, — именно — благородно-аристократического мотива, который двигал сердца этих женщин... Вы благо-

говеете перед ними и перед великостью их подвига — и это хорошо, справедливо и честно, но ничто не возбраняло поэту показать и знание основных причин их доблести и поведения — гордости своим именем и обязанности быть оптиматами, высшей людской породой, во всяком случае...» (ЛН, № 51—52, с. 98). Представители демократического лагеря, напротив, ценили поэму Некрасова за то, что героини «Русских женщин» оказались образами, духовно близкими поколению разночинной интеллигенции 60—70-х годов. Показателен отзыв А. М. Скабичевского, который в статье «Беседы о русской словесности» писал: «Героини его <Некрасова> мыслят, говорят и действуют совершенно подобно тому, как бы стали мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время. А между тем в поэмах представляется прошлое, отстоящее от нашего времени на целое полстолетие. В это время общий колорит нравов, склад умственных и нравственных качеств людей, захваченных струей цивилизации, успели значительно видоизмениться... Я спрашиваю у вас, — продолжал критик, — неужели поэмы г. Некрасова выиграли бы, если бы он вздумал педантически соблюдать буквально верность действительности?..» (ОЗ, 1877, № 3, с. 10, 13). Согласно первоначальному замыслу, Некрасов собирался написать третью часть поэмы «Русские женщины». Местом действия поэт избрал Сибирь, главной героиней должна была стать Александра Григорьевна Муравьева (см. с. 671). В основу сюжета, который Некрасов собирался развернуть на протяжении девяти глав, также легли мемуарные источники. Значительная часть эпизодов и на этот раз была заимствована из записок М. Н. Волконской. Но продолжение «Русских женщин» могло бы вылиться у него и не в поэму, а в произведение другого жанра. Спрашивая 5 мая 1873 г. у А. Н. Островского его мнение о «Княгине Волконской», Некрасов сообщал ему: «Следующая вещь из этого мира у меня укладывается... в драму. Боюсь и, может быть, обойду эту форму» (ПСС, т. 11, с. 242). Поэма осталась без продолжения. В письме к П. В. Анненкову от 29 марта 1873 г. поэт отчасти объяснил, какие «затруднения» помешали ему вернуться к теме, столько лет занимавшей его творческое воображение. Это: «1) цензурное пугало, повелевающее касаться предмета только сторонкой, 2) крайняя неподатливость русских аристократов на сообщение фактов, хотя бы и для такой цели, как моя, т. е. для прославления» (там же, с. 245). Ниже печатается план продолжения поэмы. Он опубликован впервые в книге К. И. Чуковского «Некрасов. Статьи и материалы», Л., 1926, с. 371. Местонахождение автографа неизвестно.

«Пролог. — Странницы.

Глава I. — Смерть стучится в нашу тюрьму. Она угрожает отнять у нас самый лучший перл — эту великодушную женщину и пр. Чем тоньше натура, тем менее может выдержать. Удивительно еще, как все они не умерли, как вспомнишь, что они терпят и терпели.

Глава II. — Не говоря о муках физических. В первое время они буквально голодали, когда не было сообщения с родными. Сами мыли белье, пекли хлебы и пр. Нет, муки нравственные. (Случай по поводу Рика.)

Глава III. — А этот случай! Сколько ужаса! (Случай с Волконской, разбойник).

Глава IV. — А этот случай с Муравьевой, когда к ней пристал пьяный офицер. — Какие последствия его могли быть. Сколько подумалось. — Ей стало казаться, что у нее отнимут мужа, когда она осмыслила последствия.

Глава V. — И вот приезжает курьер и разносит слух, что он приехал кого-то увезти в Петербург для новых допросов. Кого? Ужас.

Еще глава: а нервы уже надорваны: разве легко было перенести все это: аресты мужей (Муравьева плавала в лодке у крепости), долгий путь сюда и пр., и пр.

Глава VI. — Жизнь входит несколько в условные рамы. Утром их ведут на работу; 2 раза в неделю свидания; все выбегают, чтобы встретиться, они сами открывают ставни; бродят у места работ; провожают издали, когда возвращаются. — Садятся у ограды; по звуку цепей узнают приближение; потом долго не могли привыкнуть, как сняли цепи; разговоры через частокол. — В 9-ть запирают их; в праздник пение и т. д. (Пение арестантов: Воля ты и пр.).

Глава VII. — Переезд в Петровск и описание жизни там, сначала ужас от темноты тюрьмы и пр. Потом сравнительное удобство. Только беспокоили иногда приезды ревизоров да был случай (не сюда ли то, что означено под цифрой V?).

Глава VIII. — Но самая жизнь: беспрестанное перебегание из тюрьмы домой и обратно и пр. Стычки с комендантом. Мысль о покинутых в России детях и т. д., и т. д.

Глава IX. — В один-то из таких дней Муравьева простудилась. Доктор Вульф и пр. Работа. Если зовут к больному, садится в телегу и едет. Больница. Аптека. Гроб. Живой мост. Погребение. Лампада неугасимая.

Не за танцы, не за шпоры, не за светские манеры полюбила она своего Никитушку. — Он был серьезен и пр. Карамзин и т. д.».

Мария Николаевна *Волконская* (1805—1863) — дочь генерала Николая Николаевича Раевского, прославленного героя Отечественной войны 1812 г., с 1825 г. — жена декабриста Сергея Григорьевича Волконского (1798—1865). Глава 1. *Муравьева* А. Г., урожденная Чернышева (1804—1832), — жена декабриста Н. М. Муравьева (1796—1843). Когда она ехала к мужу в ссылку, Пушкин передал через нее «Послание в Сибирь» и стихотворение, посвященное И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный! ..»). А. Г. Муравьева быстро завоевала уважение и восхищение всех, близко ее знавших. Ее ранняя смерть была воспринята как тяжелая утрата. *Чита.* До осени 1830 г. декабристы содержались в Читинской тюрьме, близ которой в поселке жили и их жены. Глава 2. *Сергей — и бесчестное дело!* В приговоре по делу декабристов С. Г. Волконский между прочим был обвинен и в подделке печати. Как разъясняет в своих воспоминаниях М. Н. Волконская, ее муж с разрешения генерала П. Д. Киселева вскрыл адресованное тому письмо, пришедшее в его отсутствие, и тем облегчил участь своего родственника, декабриста М. Ф. Орлова. Глава 3. *Сестра моя, Катя Орлова* — Е. Н. Орлова (1797—1885), старшая дочь генерала Раевского, вышедшая замуж за декабриста М. Ф. Орлова. Пушкин называл ее «женщиной необыкновенной» за независимый характер, ум и обширные познания в области литературы и искусства. Гла-

ва 4. *К сестре Зинаиде.* Княгиня Зинаида Александровна Волконская (1792—1862), урожденная Белосельская-Белозерская, родственница М. Н. Волконской по мужу, была поэтессой, беллетристкой и композитором. В ее литературно-музыкальном салоне в Москве собирались лучшие представители русской интеллигенции. Не только Пушкин и Веневитинов (см. прим. Некрасова на с. 373), но и другие русские поэты посвящали Зинаиде Волконской свои стихи (Баратынский, И. В. Киреевский и др.). *И Северной звали Коринной.* Коринна — лирическая поэтесса Древней Греции (ок. V в. до н. э.). В 1807 г. французская писательница де Сталь (1766—1817) напечатала роман, озаглавленный именем героини — Коринны, блестяще образованной поэтессы, путешествующей по Италии. *Одна ростопчинская шутка.* Ф. В. Ростопчин (1763—1826) — государственный деятель и второстепенный литератор; как передают современники, узнав о восстании декабристов, он сказал: «Во Франции повара хотели попасть в князья, а здесь князья — попасть в повара» (см.: Н. О. Лернер, «Ростопчинская шутка» о декабристах. — Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926, с. 398—399). *Цугом* — см. т. 1, прим. 73. *Одоевский* А. И. (1802—1839) — поэт-декабрист. *Вяземский* П. А. (1792—1878) — поэт и критик. *Поэт вдохновенный и милый* — Д. В. Веневитинов (1805—1827). *Аюдаг* — гора на Южном берегу Крыма. *У Лены, сестры моей* — Е. Н. Раевской (1803—1852). *Пушкина след в туземной легенде остался.* Сведение о татарских легендах о Пушкине Некрасов почерпнул из статьи П. Бартенева (см. прим. автора, с. 373) и вслед за ним указал ошибочную дату публикации 5-го «Крымского письма» Евгении Тур. Нужно: «С.-Петербургские ведомости», 1853, 29 сентября (см.: А. Л. Бертье-Делагард, Память о Пушкине в Гурзуфе. — В кн. «Пушкин и его современники», вып. 17—18, СПб., 1913, с. 154—155). *Но мир Долгорукой еще не забыл* и т. д. Н. Б. Долгорукая (1714—1771), дочь фельдмаршала Б. П. Шереметева, последовала в 1730 г. за мужем И. А. Долгоруким в ссылку; после его казни в 1739 г. воспитывала малолетних сыновей, а в 1758 г. постриглась в монахини. Н. Б. Долгорукая оставила «Записки», впервые полностью изданные в 1867 г. Э. И. *Бирон* (1690—1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны. Гибель И. А. Долгорукого и трагическая судьба его жены и детей были результатом подозрительности и жестокости Бирона. Сопоставляя Бирона и Долгорукую, Некрасов намекал на М. Н. Волконскую и на Николая I. *Мне царь «Пугачева» писать поручил.* «История Пугачева» была написана Пушкиным по собственному желанию, а не по поручению Николая I. Как свидетельствуют записки М. Н. Волконской, поэт действительно говорил ей о своем намерении написать книгу о Пугачеве, но осуществить этот замысел ему удалось только в 1833 г., после поездки на Поволжье и в Приуралье. Глава 5. *Отец Иоанн, что молебен служил.* В записках М. Н. Волконской упоминается священник иркутской церкви Петр Громов, впоследствии переведенный в Петровский завод. Глава 6. *Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев, Борисовы, князь Оболенский.* Здесь названы те из восьми декабристов, отправленных на каторгу первой партией, среди которых был и С. Г. Волконский.

93. ОЗ, 1874, № 2, с. 379. Печ. по ПП, с. 34. Сохранилась отдельная помета Некрасова, в которой указано: «Утро <18>72—

<187>3» (ЦГАЛИ). *Первой степени Анна* — орден св. Анны первой степени, один из высших орденов царской России

* **94.** ОЗ, 1873, № 8, с. 523, подпись «Н. Н.». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6, с. 203, где датировано 1873 г. Наборная рукопись под загл. «Где я играла в детстве (отрывок)», с датой «19 марта 1873 г.» (загл. и дата зачеркнуты), и черновой автограф под загл. «Отрывок» — ПД. Стихотворение написано в необычной для поэта манере: нерифмованный дактиль со сплошной дактилической клаузулой.

* **95—100.** «Стихотворения, посвященные русским детям» печатались Некрасовым в различных частях собрания его стихотворений по чисто внешним причинам: поэт оставлял неизменным состав ранее опубликованных частей. В результате первые три стихотворения цикла заняли место в ч. 4 Изд. 1869—1873 и 1873—1874, а №№ 98—99 вошли в ч. 5 Изд. 1873—1874.

1. ОЗ, 1868, № 2, с. 239, вместе с №№ 96—97, под общим загл. «Стихотворения, посвященные русским детям», с прим.: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения» и общей датой «1867». Черновой автограф ст. 1—93 — ЦГАЛИ, беловой автограф — ГПБ; набросок — ЛБ. В беловом автографе, как заметил К. И. Чуковский, есть особенность: в рефрене-раешнике в рукописи поставлено ударение («пó грушу, пó грушу»), снятое затем в печатном тексте (см. Изд. 1927, с. 472). Сам этот рефрен, возможно, указывает на то, что дядюшка Яков принадлежал к довольно распространенному в 60-е годы типу «грушника» — офени (см.: И. А. Груздев, Горький и его время, т. 1, изд. 2-е, Л., 1948, с. 446—448; «Архив А. М. Горького, т. 11. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым», М., 1966, с. 356, 359, 361). *Каракова* — темно-гнедая, почти вороная. *Сбоина* — остатки семян после выжимания из них масла; жмыхи. Четверостишие о «сбоине маковой» Некрасов мог прочитать в «Пословицах русского народа» В. Даля (М., 1957, с. 541).

2. Там же, с. 242, см. предыдущее прим. Автограф (ранняя редакция, существенно отличающаяся от окончательной) с датой «15 марта» — ГПБ.

3. Там же, с. 243. См. прим. 95. Автограф ст. 1—61—ПД, дальнейший текст — в собрании К. И. Чуковского. Некрасов сначала намеревался опубликовать «Генерала Топтыгина» в № 1 ОЗ, но затем заменил его «Притчей о „Киселе“». На рукописи есть помета: «„Отеч. зап.“, 1868, № 1, отд. 1-е» и подзаг. «Посвящается детям». Подзаг. зачеркнут и синим карандашом обозначена цифра 3, указывающая место стихотворения в составе цикла. О фольклорных источниках стихотворения см. статью М. М. Гина («Русская литература», 1967, № 2, с. 155—160).

4. ОЗ, 1871, № 1, с. 124. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 157, где «Дедушка Мазай и зайцы», вместе со след. стих. «Соловьи», составило цикл, объединенный загл. «Стихотворения, посвященные русским детям». В Изд. 1873—1874 датировано 1870 г. Наборная рукопись под загл. «Дедушка Мазай и зайцы. (Из стихотворений, посвященных русским детям)», с пометой «ОЗ, № 1», черновой авто-

граф и наброски — ЛБ. Стихотворение получило высокую оценку М. Е. Салтыкова-Щедрина (т. 18, с. 228, 230). *Малые Вежи* — деревня в Мисковской волости Костромской губернии, где часто охотился Некрасов. *Вода понимает* — заливает. *Пуделять* — стрелять мимо. *Затравка* — запал, та часть старинного ружья, куда клали порох.

5. ОЗ, 1870, № 10, с. 444. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 166, где дата «1870». Черновые наброски — ЛБ. Заключительные строки стихотворения постоянно вызывали пристальное внимание цензуры. 19 октября 1870 г. цензор Н. Е. Лебедев писал: «Муза Некрасова, отличающаяся гражданской скорбью о меньшой братии и старающаяся выставить напоказ больные места общественного строя, и в этом стихотворении не изменила себе ... Здесь не отрицается обязательность податей и военной службы, но желательно было бы избежать сопоставления их с силками и сетями» (ГМ, 1918, № 4—6, с. 86—87). А 23 октября 1870 г. начальник Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов указывал, что «Соловьи», как и весь октябрьский номер ОЗ, ярко характеризует «вредное» направление журнала (ЛН, № 49—50, с. 462). Даже в 1902 г. Ученый комитет министерства народного просвещения считал, что последние три строфы стих. «Соловьи» не следует допускать в школу и школьные библиотеки (ЛН, № 53—54, с. 225). *Кубарь* — см. прим. 39.

6. «Нашим детям. Иллюстрированный литературно-научный сборник», СПб., 1873, с. 260, с подзаг. «Из стихотворений, посвященных русским детям» и датой «20 марта 1873». При жизни Некрасова не перепечатывалось. Но поэт хотел включить это стихотворение в собр. соч. (Изд. 1879, т. 4, с. ХС). Некрасов писал издательнице сб. «Нашим детям» А. Н. Якоби: «Дело надо сделать не кое-как. Я нашел мое стихотворение, но оно в этом виде вовсе не годится в детский сборник. Я или напишу другое, или переделаю это» (ПСС, т. 11, с. 239). Написал Некрасов новое стихотворение или переделал старое — неизвестно. *Ехал к Ростову*. В стихотворении упомянут г. Ростов Великий, расположенный на берегу озера Неро. *В страстную субботу, пред самой Святой* — суббота, непосредственно предшествующая дню св. Пасхи, всегда приходящейся на воскресенье.

* **101.** ОЗ, 1874, № 5—6, с. 292, подпись «Н.». Ранняя редакция и наброски к ней (написаны белым стихом), относящиеся к 60-м годам, — ПД (опубл. «День», 1913, 28 октября). В начале 70-х годов Некрасов переработал стихотворение, сохранив основные мотивы прежнего замысла. В Изд. 1879 датировано 1874 г. В прижизненные издания поэта не входило, но в прим. к Изд. 1879 (т. 4, с. ХС) указано, что Некрасов предполагал включить «Над чем мы смеемся. . .» в состав ПП. Тяжело больной поэт очень опасался малейших цензурных придирок, которые могли бы задержать выход ПП в свет (см.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 13, 1966, с. 35—36). Это, видимо, и вызвало окончательное решение Некрасова — не включать «Над чем мы смеемся. . .» в ПП.

* **102—104.** «Складчина», СПб., 1874, с. 522. Беловой автограф трех элегий (с пометой: «Для Складчины»), беловой автограф тре-

тьей элегии (с иным порядком строф и иной заключительной строфой), корректурный оттиск, под загл. «Три идиллии» — ПД. Ст. 1—8, составлявшие ранее конец стих. «Отрывок» (другая часть «Отрывка» вошла затем в стих. «Слезы и нервы», № 29), и наброски ст. 41—44, относящиеся к 50-м годам, и наброски второй элегии — ЛБ. Некрасов намеревался читать «Три элегии» (цикл назывался «Любовь и злость») 16 марта 1874 г. на вечере в пользу Литературного фонда (см.: «Голос», 1874, 15 марта). В «Трех элегиях» Некрасов вспоминает об отношениях с А. Я. Панаевой (о ней см. т. 1, прим. 59, 244), с которой поэт расстался в 1863 г. Алексей Николаевич *Плещеев* (1825—1893), которому посвящены «Три элегии», — поэт и беллетрист, сотрудник С, а затем сотрудник и секретарь ОЗ. В молодости был связан с кружком М. В. Петрашевского и сослан. В 1858 г. сблизился с Чернышевским и Добролюбовым. Некрасову Плещеев посвятил несколько стихотворений («Всем, застигнутым ненастьем...», «Пестрота и блеск и говор...» и др.).

* **105.** «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», СПб., 1876, с. 73. Печ. по ПП, с. 30. Наброски и беловой автограф — ПД. Стихотворение представляет собою отклик на события франко-прусской войны 1870—1871 гг. Об этом говорит дата («1870») в подзаг. и загл., которое является точным переводом названия книги стихов В. Гюго «L'Année terrible». Черновые наброски относятся к 1872 г. и написаны под непосредственным впечатлением от сб. Гюго (с этой книгой познакомила Некрасова А. А. Буткевич). В списке своих произведений 1874 г. на почтовом листе (ПД) Некрасов упомянул «Страшный год» и «Смолкли честные, доблестно павшие...». Поэт опубликовал стихотворение в сб. «Братская помочь...» накануне русско-турецкой войны (поместить его в ОЗ не было возможности). Поэтому в контексте сборника «Страшный год» приобрел новый смысл: долгое время стихотворение воспринималось как отклик поэта на надвигавшиеся события на Балканах. (Подробный анализ стихотворения — в статье: И. Власов и С. Макашин, Некрасов и Парижская коммуна. — ЛН, № 49—50, с. 397—428).

* **106.** «Земля и воля!», 1879, № 5, 8 апреля, с. 5, с подзаг. «Посвящается подсудимым процесса 50»; ряд перепечаток — в подпольных и зарубежных изданиях. Впервые в легальной печати — «Волжский вестник», Казань, 1905, № 4, 11 ноября, с. 2, с указанием: «Ненапечатанное стихотворение Н. А. Некрасова»; текст был получен от М. И. Писарева, лично знавшего Некрасова. Печ. по беловому автографу. Первоначальный набросок строфы 2, два беловых автографа, из которых один под загл. «С французского» (первоначально — «Современная Франция»), другой — под загл. «С французского» — ПД. Стихотворение значится в списке произведений Некрасова, относящихся к 1874 г. (ПД). Написано под впечатлением кровавой расправы над парижскими коммунарами. Первоначальный набросок строфы 2 относится к 1872 г. и навеян книгой стихов В. Гюго «L'Année terrible». Загл. «Современная Франция», слишком смелое для тех лет, было заменено «шифрованным» — «С французского» — уже в рукописи. Но и в этом названии связь содержания стихотворения с Францией и Парижской коммуной сохранилась. Некрасов

предпринял попытку опубликовать стихотворение. На гранках ОЗ, где оттиснуты «Старость», «Приговор» и др. (ПД), есть указание Некрасова наборщику: «Вставьте сюда же: 1) 2-е декабря, 2) Отрывок — и прилагаемое наберите. Некрасов». Корректурный оттиск, набранный по этому указанию (ныне он утрачен), видел в свое время В. Е. Евгеньев-Максимов (В. Евгеньев, Николай Алексеевич Некрасов, М., 1914, с. 210; здесь отмечены разночтения ст. 1—3). Копия, восходящая к этому тексту, — ГПБ. Под загл. «2 декабря 1852 г. (с французского)» стих. «Смолкли честные, доблестно павшие...» пытался в 1878 г. опубликовать и П. А. Ефремов (см.: В. Е. Чешихин-Ветринский, Крохи Н. А. Некрасова (Из данных П. А. Ефремова). — «День», 1913, 31 декабря, прилож., а также — ЛН, № 53—54, с. 156). Современниками это стихотворение было переосмыслено и воспринималось как отклик на политические процессы 70-х годов. Повод к такому толкованию дал сам поэт: ему удалось передать стихотворение В. Фигнер и П. Алексееву — подсудимым «процесса 50-ти». В феврале 1877 г. Некрасов подарил автограф депутации студентов, посетившей больного поэта. Такая «переадресовка» — не единичный случай в творческой биографии Некрасова (см. прим. 105, 112; т. 3, прим. 3). Подробный анализ стихотворения см.: И. Власов и С. Макашин, Некрасов и Парижская коммуна (ЛН, № 49—50, с. 397—428).

* 107. ОЗ, 1875, № 1, с. 5, без ст. 61—90, опущенных по цензурным причинам; ПП, с. 19, без ст. 61—90, 114—171. Печ. по ПП, с восстановлением пропущенных стихов по беловому автографу ПД. Наброски, черновой автограф, ранний вариант начала, беловой автограф с датой «Лука. 1874, июль 6—12», первоначальная редакция строф 6—13 с датой «5 июля» и верстка ОЗ — ПД. Отсутствовавшие во всех прижизненных Некрасову публикациях ст. 61—90 впервые напечатаны К. И. Чуковским («Русское слово», 1913, 11 декабря). Сохранилось четыре различных начала произведения: поэта долго не удовлетворяли строфы 5—6 и т. д. Даже когда «Уныние» приобрело законченный вид (см. первоначальную редакцию, соответствующую строфам 6—13: под ней Некрасов уже поставил дату), работа интенсивно продолжалась. С 6 по 12 июля (дата окончательной редакции) произведение было фактически переписано заново, хотя основной композиционный принцип «Уныния» сохраняется в окончательном варианте. Этот принцип заключается в том, что в тексте строго выдержано равновесие «живописно-изобразительной» и медитативной частей. На полях белового автографа «Уныния» находится след. запись Некрасова, впоследствии перечеркнутая им (она сделана тем же почерком, что и строфа 2): «Сравнение — поэзия, картина — поэзия, событие может быть поэтично, природа — поэзия, чувство — поэзия, а мысль — всегда проза, как плод анализа, изучения, холодного размышления, но не следует ли из этого, что поэзия должна обходиться без мысли? Дело в том, что эта мысль-проза в то же время сила, жизнь, без которых собственно и нет истинной поэзии. И вот из гармонического сочетания этой мысли-прозы с поэзией — и выходит настоящая поэзия, способная удовлетворить взрослого человека, — и в этом задача поэта» (ПСС, т. 12, с. 105). Результатом этих поисков «гармонического сочетания мысли-прозы с поэзией» и

является беловой автограф. Вся дальнейшая история текста «Уныния» представляет собою ряд сокращений. В ОЗ оказались исключенными (вероятнее всего по цензурным соображениям) часть строфы 5 и полностью строфы 6—7. Впоследствии, готовя текст произведения для ПП, Некрасов вычеркнул еще 4 строфы, обозначив пропуск цифрами 10—15 перед заключительной строфой (аналогично обозначен и предыдущий пропуск: цифры 5—8 перед оставшейся частью строфы 5). Сокращение текста ПП вряд ли вызвано цензурными причинами; но нельзя не заметить, что оно находится в прямом соотношении с сокращением текста ОЗ. Изъятием строф 5—7 Некрасов нарушил гармоническое соотношение двух частей поэмы: «картина» (строфы 10—14) оказалась в центре и заслонила собою патетический элемент, собственные размышления автора. Некрасов не мог этого не учитывать и потому, видимо, решил пожертвовать и этими строфами. Строфа 1. *Сгорело ты, гнездо моих отцов.* Некрасов имеет в виду пожар в Грешневе. В 1877 г. он записал в дневнике: «Старый дом ... недавно сгорел, говорят, в ясную погоду при тихом ветре, так что липы, посаженные моей матерью в 6-ти шагах от балкона, только закоптились среди белого дня» (ПСС, т. 12, с. 16). Строфа 6. *Вины мои желаю объяснить.* Намек на написанные в 1866 г. оды Муравьеву и Комиссарову (см. прим. 59, 77, 79, 137). Строфа 10. *Кружится рыболов* — чайка. Строфа 11. *Атава* — трава, выросшая на месте скошенной. Строфа 12. *Стожар* — шест, воткнутый в середину стога.

* **108.** «Заветы», 1913, № 6, с. 31. Автограф с датой «13 июля» — ПД. В тот же день Некрасов писал А. М. Скабичевскому: «При сем стихи, вдохновленные новейшими событиями. Хорошо бы их напечатать, а еще лучше не печатать. Прочтите их и передайте Плещееву. Не надо их списывать и распространять. Я их со временем вклею в свою книгу, а если они походят по рукам, как опасный товар, тогда пропадут» (ПСС, т. 11, с. 324). «Путешественник» представляет собою отклик на «долгушинский процесс» (см.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов и революционное народничество, М., 1962, с. 14—16). А. В. Долгушин (1848—1885) в 1872 г. основал в Петербурге революционный народнический кружок. Члены кружка распространяли в деревнях пропагандистскую литературу, но не встретили со стороны крестьян понимания. *Прусский барон,* путешествующий по России, — весьма типичное явление тех лет. Бисмарк писал о таких людях: «Покровительство 200 000 бродяжничающих пруссаков, которых 1/3 в России живет, а 2/3 ее посещают, доставляет мне достаточно занятия, чтобы не скучать» (Л. А. Полонский, История Бисмарка в связи с историею его страны. — «Вестник Европы», 1872, № 12, с. 601).

109. ОЗ, 1878, № 1, с. 309, с купюрой в ст. 11 («А на втором......»). Печ. по ОЗ с восстановлением ст. 11 по корректуре ПД, правленной Некрасовым. Беловой автограф с датой «23 июля» — ПД. При жизни поэта не печаталось из-за цензурных препятствий. Стихотворение обращено к И. С. Тургеневу и написано в 1874 г.: оно значится в списке произведений этого года, составленном поэтом (ПД). Между Некрасовым и Тургеневым в 1860 г. произошел раз-

рыв, возникший на почве общественно-политических расхождений и осложненный личными отношениями (см. прим. 20). *Я не дивлюсь, что отчизну любезную* и т. д. Тургенев уехал из России 20 июля после недолгого пребывания на родине в мае — июле 1874 г. С 60-х годов и до конца жизни писатель постоянно жил за границей.

* **110.** ОЗ, 1876, № 3, с. 51, без ст. 75—92, 137—144, изъятых цензурой, с датой «1874». Печ. по ОЗ, с восстановлением цензурных купюр по наборной рукописи ПД, где помета: «Переписано 10 августа». Сводный автограф, с датой «7 августа 1874. Лука» и наброски — ПД. В наборной рукописи цензор вычеркнул главу 3, пометив: «Не дозволено печатать»; рядом — помета Некрасова «не нужно» и указание наборщику: «Набрать цифру 3 и первый стих, а потом 3 строки точек и затем цифра 4». Цензор вычеркнул также ст. 105—144. Однако Некрасов, видимо, отстоял часть текста. На полях наборной рукописи он возле ст. 105—136 пометил: «чисто» (эти стихи были напечатаны в ОЗ). Но ст. 137—144 так и не были напечатаны; в указании наборщику рядом с этими стихами Некрасов отметил: «не нужно». Неполная строфа (ст. 89—92) скорее всего также пострадала от цензуры. В сводном автографе Некрасов начал писать эти строки, но не дописав (после ст. 89 — явный пропуск строки: для него в рукописи оставлено место), тщательно зачеркнул половину текста (см. варианты). *Старый Наум.* Как свидетельствовали земляки Некрасова, в лице Наума поэт изобразил местного богача Понизовкина (Н. Первухин, По живым следам. Родовое гнездо Некрасова. — «Красная нива», 1928, № 1, с. 11). Высказывалось малоубедительное предположение, что Таня и Ваня, появляющиеся в последней части поэмы, — представители народнической молодежи (А. Гизетти, «Песни любви» в лирике Некрасова. — В кн.: Некрасов. К 50-летию со дня смерти, Л., 1928, с. 56). Глава 1. *Бабайский монастырь* — Николо-Бабаевский монастырь (основан в XVI в.), расположенный близ Грешнева. *Село Большие Соли* — посад неподалеку от Грешнева, жители которого издавна занимались соляным промыслом. *Паузить* — перегружать груз на паузок, речное несамоходное, плоскодонное (для перевозки грузов по мелководью) судно небольшой грузоподъемности. Глава 5. *Личные сапоги* — сапоги, сшитые из кожи, повернутой наружу той стороной, где была шерсть. *Чуйка* — верхняя мужская одежда в виде суконного кафтана. *Смоленая головка* — водка, выпускавшаяся в бутылке с осмоленным горлышком.

* **111.** ОЗ, 1875, № 2, с. 495, с цензурным пропуском ст. 7—8. Наброски, черновой и два беловых автографа, один из которых с датой «15—17 августа», — ПД. Начальные строки «Элегии» в тексте чернового автографа Некрасов заимствовал из своей «Заметки о журналах» (октябрь 1855 г.): «Очень однообразная вещь печь хлеб все из муки да из муки; он даже не всегда и удается, — однако ж никому не приходит в голову начать печь его из песку» (ЛН, № 49—50, с. 251). Начало стихотворения в его окончательной редакции полемически связано со след. высказыванием О. Миллера: «То, что составляло его <Некрасова> любимую тему, — непосредственное описание страданий народа и вообще бедняков, — уже им исчер-

пано, не потому, чтобы подобная тема сама по себе когда-либо могла быть вполне исчерпана, а потому, что поэт наш стал как-то повторяться, когда принимается за эту тему» (О. Миллер, Публичные лекции. Некрасов. Произведения второго периода (с 1861 г.), СПб., 1874, с. 144—145). См. об этом: М. Гин, Проблема долга перед народом в поэзии Н. А. Некрасова. — «Русская литература», 1961, № 2, с. 58—59. 29 августа 1874 г. Некрасов писал А. Н. Еракову: «Посылаю тебе стихи; так как это самые мои задушевные и любимые из написанных мною в последние годы, то и посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу. Одна просьба — не давай их никому *списывать,* а читать можешь, коли они тебе понравятся, кому угодно» (ПСС, т. 11, с. 332). Об А. Н. *Еракове* см. с. 659. *Влачатся в нищете, покорствуя бичам*... и т. д. Реминисценция из стихотворения Пушкина «Деревня».

112. ОЗ, 1877, № 1, с. 280, без последней строфы, под загл. «Пророк (Из Барбье)», подпись «Н. Н.»; ПП; Изд. 1879, т. 3, с. 368. Последняя строфа впервые — Изд. 1879, т. 4, с. CI. Печ. по Изд. 1879, т. 3 (ст. 1—12) и т. 4, с. CI (ст. 13—16). Как свидетельствует С. И. Пономарев, Некрасов в своем экземпляре зачеркнул подзаг., вызванный цензурными соображениями (в Изд. 1879, т. 3, с. 368 он остался по недосмотру — об этом см.: т. 4, с. CI). Автографы: 1) под загл. «Из Ларры» (первоначальное, зачеркнутое загл. — «Из Байрона»), с пометой: «В избе лесника на 125 версте М<осковской> ж<елезной> д<ороги>, ночь 8 авг. 1874» — ПД; 2) под загл. «Из Ларры» и датой «<18>75.V/27. Лиговск<ая> сторона» (подарен П. А. Ефремову) — ПД; 3) без загл. и даты — ЦГАЛИ. В 1878 г. П. А. Ефремов тщетно пытался опубликовать все стихотворение в РС (корректура — в ЦГАЛИ). Полностью опубликовано в газ. «Общее дело», Женева, 1882, № 50, с. 9 и «Правда», Женева, 1883, № 16, с. 3. Начиная с Изд. 1931 последний ст. вместо «Рабам земли напомнить о Христе» (так во всех автографах и в копии Ефремова, см. ниже) печатается в др. редакции: «Царям земли напомнить о Христе». «Рабам» восстановлено в изд.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», «Б—ка поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 408. Источником измененной редакции последнего ст. служат очень неточные воспоминания народника-террориста П. В. Григорьева (П. Безобразова), опубликованные в женевской «Правде» (1883, №№ 16—17, 20). В. Е. Евгеньев-Максимов справедливо считал, что к ним надо относиться с большой осторожностью (В. Е. Евгеньев-Максимов, К вопросу о революционных связях и знакомствах Н. А. Некрасова в 70-е годы. — Зв. 3-4, с. 643—672; ср.: В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов в кругу современников, Л., 1938, с. 232). В воспоминаниях Григорьева «Пророк» опубликован не вполне исправно, а вариант со словом «царям» не подтверждается ни одним из известных нам автографов. Не вполне ясен вопрос о времени написания стихотворения и об авторском его загл. На экземпляре ПП, подаренном Некрасовым И. Н. Крамскому 3 апреля 1877 г., вместо зачеркнутого «Пророк (Из Барбье)» написано рукой поэта: «В воспоминание о Чер<нышев>ском» (сначала было: «Памяти Чер<нышев>ского») и записана последняя строфа (ЛН, № 49—50, с. XXV). Последняя строка не сохранилась — она была обрезана при пере-

плете книги. В архиве П. А. Ефремова (ЦГАЛИ) сохранилась датированная 27 мая 1875 г. копия стихотворения, с пометой: «Списано с автографа»; в этой копии вместо загл. стоят инициалы «Н. Г. Ч.» (см. ЛН, № 53—54, с. 156). На основании всех этих данных (а также упоминавшихся воспоминаний Григорьева, где тоже говорится о посвящении стихотворения Чернышевскому) было высказано спорное предположение, что дата, указанная Некрасовым в автографах 1874 и 1875 гг., говорит лишь о поздней записи старого, написанного в 1862 г. стихотворения о Чернышевском (вступ. статья Е. А. Ляцкого к кн.: «Чернышевский в Сибири», т. 1, СПб., 1912, с. VII; А. А. Лучак, Когда написано стихотворение Н. А. Некрасова «Н. Г. Чернышевский (Пророк)». — В кн.: В. Петрушков и А. Лучак, Идейность и мастерство (М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. А. Некрасов), 1961, с. 189—190). В результате стихотворению было присвоено загл. «Н. Г. Чернышевский (Пророк)», а зачеркнутое в экземпляре И. Н. Крамского загл. «Пророк (Из Барбье)» рассматривалось как подцензурное и, следовательно, требующее замены (ср.: С. Макашин, «В воспоминание о Чернышевском». Автокомментарий Некрасова к стихотворению «Пророк». — «Огонек», 1946, № 48—49, с. 28; А. М. Гаркави, К спорам о стихотворении Некрасова «Н. Г. Чернышевский». — В кн.: Н. Г. Чернышевский, Статьи, исследования и материалы, т. 4, Саратов, 1965, с. 104—117). Подзаг. («Из Барбье», «Из Ларры», «Из Байрона»), как это неоднократно бывало в поэтической практике XIX в. и самого Некрасова, вызваны лишь цензурными соображениями. Но загл. «Пророк» очень точно выражает его идейный смысл. В стихотворении в полном соответствии с революционным духом и поэтической практикой революционной поэзии 70-х годов переосмысляется образ Пророка (аналогичный, в данном случае, использованию образа Христа в поэзии того же Некрасова — ср. указ. статью А. М. Гаркави, с. 115—117). Поэтому, как заметил еще В. Е. Чешихин-Ветринский, стихотворение, вероятнее всего, относится «к любому человеку 70-х гг., соединившему в себе демократический революционный идеал с очарованием нравственной чистоты и красоты» (В. Е. Чешихин-Ветринский, Г. И. Успенский, М., 1929, с. 104—105). Иными словами, замысел стихотворения подсказан особенностями исторического развития России: революционная мысль нередко воплощалась в образе Христа, Пророка; изображение революционера в облике апостола — обычное для 60—70-х годов явление (ср., например, стихотворение Огарева «Иисус», П. Лаврова «Рождение Мессии», стихотворение в прозе Тургенева «Христос»). Это же делает смысл «Пророка» предельно емким. Некрасов мог, конечно, переосмыслить написанное в 1874 г. стихотворение, соотнеся его главным образом с судьбой Чернышевского, который находился в то время в вилюйской ссылке. (Строки: «Не хуже нас он видит невозможность Служить добру, не жертвуя собой» или «Его еще покамест не распяли» без большой натяжки отнести непосредственно и только к Чернышевскому невозможно). Примеров такого рода переосмыслений в поэзии Некрасова много, напр.: «Смолкли честные, доблестно павшие. . .», № 106, «Еще скончался честный человек. . .», т. 1, № 232 и др. (см. примечания С. А. Рейсера в сб. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», с. 795). В письме А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г. слова: «Пророк. Из Барбье» —

зачеркнуты (ЛН, № 53—54, с. 173). Следует также отметить, что точная дата первого автографа ПД означает, вероятно, не дату написания, а дату возникновения замысла: автограф написан на прекрасном большом листе бумаги, набело, — вряд ли Некрасов принес такой лист в избу лесника и вряд ли создал стихотворение сразу, без единой поправки; таких случаев в его творческой практике нет.

* **113.** ОЗ, 1874, № 9, с. 231, без подзаг., с двумя дополнительными строфами и с цензурным пропуском ст. 4. Печ. по ПП, с. 32. Наброски, наборная рукопись с датой «6 сентября» и копия текста ОЗ с правкой Некрасова (верхний слой соответствует тексту ПП) — ПД. В тексте ОЗ цензура потребовала также изменения ст. 13 («Воспрянь поэт! вооружись громами!»). Стихотворение написано к 115-й годовщине со дня рождения Шиллера. Источниками ему послужили такие стихотворения Шиллера, как «Der Künstler» («Художник»), «Die Sänger der Vorwelt» («Певцы минувшего времени»), а также биография немецкого поэта. Шиллера Некрасов читал в русском переводе (Ф. Шиллер, Собр. соч., тт. 1—7, Лейпциг, 1862—1865; это издание было в библиотеке поэта). Стих. «Поэту» перекликается с рецензией Чернышевского на русское издание стихотворений Шиллера (см.: М. Саксонова, Стихотворение Н. А. Некрасова «Поэту (Памяти Шиллера)» — Некр. сб. 3, с. 142—143 и А. Гаркави, Разыскания о Некрасове. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 9, 1961, с. 40—41).

* **114—116.** При жизни поэта «Ночлеги» не перепечатывались в его сборниках, но Некрасов упомянул этот цикл среди произведений, «которые должны войти в будущее издание» (Изд. 1879, с. 4, с. XCI).

1. ОЗ, 1874, № 11, с. 181. Наброски, черновой автограф ст. 1—84, 93—110 и наборная рукопись ст. 1—104, с зачеркнутым первоначальным загл. «Новый барин», — ПД. *Дворник* — здесь: содержатель постоялого двора. *К Покрову* — к православному празднику, отмечавшемуся 1 октября.

2. Там же, с. 185. Наброски, черновой автограф и наборная рукопись (с зачеркнутым первоначальным загл. «Погорелое место», «Гари»), с датой «20—21 ноября» (тоже зачеркнута) и пометой: «3. „У Трофима“, которое у вас в наборе» — ПД.

3. Там же, с. 188. Наброски и беловой автограф под загл. «Ночью», с датой «18 июля 1874» — ПД. В набросках запечатлены поиски композиционной структуры стихотворения. Написав несколько строк отрывка о «нынешней жизни» (ст. 49—50, 57—64), Некрасов далее пометил: «А бывало, — » и вслед за тем записал ст. 37—38, 29—35, 53—56 (о страшных прошлых временах), заключив всю запись своеобразным выводом (ст. 41—44). Однако, не удовлетворившись этим, Некрасов записывает начало диалога поэта и Трофима (ст. 25—28) и следующие два стиха:

Что ж ты вспомнил? Молвить жутко!
Вспомнил, сударь, старину, —

наметив тем самым окончательный текст стихотворения.

* **117.** ОЗ, 1877, № 1, с. 281. Печ. по ПП, с. 14. Автограф с датой «1874» — ЛБ, другой автограф — в собрании К. И. Чуковского. П. Вейнберг вспоминал, что в ответ на его рассказ о предсмертных страданиях Гейне, который «находил, что умирание ужаснее смерти», Некрасов сказал: «Удивительно! Да ведь это почти слово в слово мой стих, недавно написанный: «Хорошо умереть, тяжело умирать...» Удивительно!» («Слово», 1907, 26 декабря). Стихотворение вызвало отклики среди демократической молодежи; в них говорилось о большом значении гражданской лирики поэта. См.: адрес депутации студентов (В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов и Петербург, Л., 1947, с. 129—130), анонимное стих. «Н. А. Некрасову» («Не говори, что ты сойдешь в могилу...». — «Неделя», 1877, 30 января) и т. п. О ст. 7—8 Г. В. Плеханов писал: «Грустный итог! Тяжелое сознание! И замечательно, что скоро после смерти Некрасова почти подобный же итог многие передовые люди увидели в результатах своих просветительских усилий в крестьянстве» (Г. В. Плеханов, Соч., т. 10, изд. 2, М., 1925, с. 393—394).

II

118. Зв. 5, с. 508. Автограф — ЦГАЛИ. Датируется по указанию Н. М. Чернышевской (Зв. 5, с. 509). О. С. *Чернышевская* (1833—1918) — жена Н. Г. Чернышевского.

* **119.** ОЗ, 1861, № 2, с. 40, с. 1, в составе «Заметок Праздношатающегося» <М. П. Розенгейма>; «Биржевые ведомости», 1899, 1 августа (16 строк в несколько иной редакции, по копии Д. П. Сильчевского, сделанной с автографа Некрасова); «Временник Пушкинского дома», СПб., <1914>, с. 23, 22 неполных строки в записи Н. А. Добролюбова, сделанной по памяти (о ней см.: А. Я. Максимович, Некрасов — участник «Свистка». — ЛН, № 49—50, с. 315). Печ. по Изд. 1920, с. 530, где опубликован, вероятно, наиболее полный текст по копии А. Я. Панаевой. Датируется самым концом 1857 или началом 1858 г. на основании упоминания умершего Перовского в копии Добролюбова: видный государственный и военный деятель гр. В. А. Перовский скончался 8 декабря 1857 г. Другие ориентиры датировки более ранние: в тексте упоминается «третий томик Щедрина», т. е. т. 3 «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина, который имеет ценз. разр. 7 сентября 1857 г. Строки копии Добролюбова «Мужик не вынут из-под пресса, Но уж программа издана», очевидно, имеют в виду рескрипт Александра II на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова от 20 ноября 1857 г. — первой официальной программы освобождения крестьян. Стихотворение осталось незавершенным, но ходило в списках в различных редакциях. Оно предназначалось для «Свистка» (см. Изд. 1931 г., с. 623). Ст. 13—16 в измененном виде Некрасов вскоре использовал в стихотворении «Что поделывает наша внутренняя гласность» (№ 126). *Всевышней волею Зевеса* — цитата из «Евгения Онегина» (глава 1). *На грамотность не без искусства Накинулся почтенный Даль.* Проблема грамотности народа была предметом оживленной дискуссии в начале 60-х годов. В. И. Даль (1801—1872) поместил в «Русской

беседе» письмо к издателю А. И. Кошелеву, в котором говорил о преждевременности всеобщего распространения грамотности, о том, что грамота «сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит. Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие... он склоняется не к труду, а к тунеядству» (1856, № 3, с. 31). *Какой-то господин Давыдов.* Астраханский корреспондент Вольного экономического общества помещик П. Давыдов на страницах «Земледельческой газеты» (1857, 25 октября) защищал право телесных наказаний крестьян. *Весьма пониженный тариф* — вероятно, за перевозки по железным дорогам. *Статейки господина Бланка.* Реакционнейший публицист, тамбовский помещик Г. Б. Бланк (1811—1889) — автор многочисленных статей, в частности вызвавшей всеобщее возмущение статьи «Русский помещичий крестьянин», в которой он писал, что «крепостное состояние есть совершенно оригинальное и составляет исключительную собственность нашего отечества» («Труды имп. Вольного экономического общества», 1856, т. 2, № 6, с. 117). Возможно, что Некрасов имеет в виду именно эту статью. Нуждаются в пояснении также след. реалии копии Добролюбова. *Клейнмихель* — см. прим. 47. *Лишь первые четыре класса.* По действовавшей в России, с небольшими изменениями до 1917 г. петровской «Табели о рангах» первые четыре класса, т. е. правящую верхушку, составляли: канцлеры, действительные тайные советники, тайные советники и действительные статские советники.

120. Изд. 1927, с. 428. Печ. по автографу ПД, в котором ошибочно указана дата «8 апреля 1857». В 1858 г. либеральный московский цензор Н. Ф. фон Крузе (1823—1901) по распоряжению Александра II был уволен за некоторые послабления печати. Это дало повод литераторам выразить протест и заявить сочувствие потерпевшему. Среди 50 литераторов, подписавших приветственный адрес, были Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Гончаров, Григорович и др. Во время чествования Крузе 8 апреля 1858 г. в квартире Некрасова поэт и произнес приветственные стихи. Скептическое отношение Некрасова к реформам Александра II сказалось в словах: «Луч света трепетный, сомнительный, чуть зримый». Образ мужественного бойца, гражданина в стихах, конечно, шире своего реального прототипа.

121. «Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма» (на обл.: «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского дома».), Пг., 1922, с. 121. Автограф — ПД, с датой «17 ноября 1859». Запись сделана в альбом десятилетнего Сергея Степанова — сына карикатуриста Н. А. Степанова и его жены С. С. Степановой (урожд. Даргомыжской). Стихи Некрасова написаны после записи С. С. Степановой, которая кончалась словами: «Теперь скажу тебе мое желание и совет. Чем бы ни был, куда бы ни забросила тебя судьба, будь всегда добрым, честным и благородным человеком. Твоя мать и друг С. Степанова» (ПД).

122. С, 1859, № 3, с. 208, в составе «Заметок Нового поэта» (И. И. Панаева). Автограф — ЦГАЛИ. Александр Евстафьевич

Мартынов (1816—1860) — актер. Весной 1859 г. он уезжал на юг по совету врачей лечиться от чахотки. В его честь был дан прощальный обед. В. П. Боткин писал об этом обеде своему брату: «Всего было до 40 чел<овек>. Обед происходил с некоторой торжественностию, прочитан был адрес и за подписью всех передан Мартынову. Составление адреса было поручено Дружинину, и он отлично составил его, затем Островский сказал или, увы! прочитал длинную и умную речь об отношении драматургического писателя к актеру, затем Некрасов прочел небольшое, но весьма удачное стихотворение к Мартынову. — Такой чести еще не было никакому актеру. — Мартынов прослезился, терялся и чувствовал себя счастливейшим человеком: это можно было читать на его лице» («Литературная мысль», вып. 2, Пг., 1923, с. 162). П. И. Вейнберг вспоминает, что строка некрасовского стихотворения «Свободная семья людей свободных» произвела «огромное, непонятное теперь впечатление» («Россия», 1901, 12 декабря). Некрасов знал Мартынова с 40-х годов, когда тот играл в его водевилях.

123. С, 1859, № 10 («Свисток», № 3, с. 501), подпись «Чурмень». Принадлежность этого произведения Некрасову, как и №№ 124—129, установлена А. Я. Максимовичем (ЛН, № 49—50, с. 299—316). «Забракованные» посвящены актуальной теме конца 50-х годов, когда разночинная молодежь, устремившаяся к высшему образованию, встречала на своем пути всевозможные препятствия, установленные царской администрацией. Зарисовки быта бурсаков, мелких чиновников говорят о прекрасном знании Некрасовым их жизни и позволяют соотносить это произведение, с одной стороны, с «Очерками бурсы» Н. Г. Помяловского, с другой — с «Губернскими очерками» М. Е. Салтыкова-Щедрина. В донесении министру народного просвещения цензор Ефремов особо отметил острый характер некрасовских сцен, где «выведены, между прочим, трое юношей: сын дьячка, кончивший курс в губернской гимназии, сын уездного приказчика и сын помещика, не выдержавшие экзамена в университет, последствием чему было то, что один из них умер от горя, а другие, по словам автора, сбились с пути и сделались дармоедами. Направление этих сцен — есть желание доказать, что строгость при экзамене не оправдывается пользою для дела. Рассмотрение десятой книжки журнала «Современник» мною еще не окончено, но я счел долгом предварительно представить сцены эти на благоусмотрение вашего превосходительства» (А. М. Гаркави, Некрасов и цензура. — Некр. сб. 2, с. 455). Действие первое. Сцена 1. *Второй Спас* — православный праздник, отмечавшийся 6 августа. *Покров* — православный праздник, отмечался 1 октября. *Я к «Таинствам Натуры» Имел когда-то «Ключ».* «Ключ к таинствам натуры» — книга немецкого мистика Карла Эккартсгаузена (1752—1803); ее русский перевод появился в России в 1804 г., в период широкого увлечения мистицизмом в великосветской среде. Сцена 3. *Повытчик* — писец, канцелярский служащий. *Абие* (старослав.) — тотчас. *Отец, отец! оставь угрозы* и т. д. — пародийная цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». Действие второе. *У Иверской свидетелем,* т. е. присягал у Иверской иконы божьей матери в Москве. *Индижестия* — несварение желудка. *Без чаю с Охты Малыя На Остров*

пробегал. Видимо, автобиографический мотив: юный Некрасов ходил пешком с Малой Охты на Васильевский остров, когда сдавал вступительные экзамены в университет (см.: Автобиография Н. А. Некрасова, записанная М. И. Семевским — ЛН, № 49—50, с. 164). *Крест тумпаковый* — изготовленный из металла, представляющего смесь меди с цинком и шедшего на изготовление дешевых украшений. Действие третье. Сцена 1. *Камрад* (нем.) — товарищ.

124. С, 1861, № 1 («Свисток», № 7, с. 35), подпись: «У<глиц>кий старожил». См. прим. 123. В корректуре ПД (подпись «Углицкий старожил») в ст. 6 слово «неведомый» заменило вычеркнутое красным карандашом слово «финансовый». Восстанавливаем первоначальный вариант, так как замена эта, очевидно, носит цензурный характер. Стихотворение посвящено экономическому кризису конца 50-х — начала 60-х годов, всеобщим толкам о безденежье. *Дай камин и от Тура кушетку*. «Все жалуются на безденежье, толкуют о каких-то банкротствах, — вздор! — иронизировал Новый поэт (И. И. Панаев). — У кого, например, теперь нет ковров, бархатов, тюлевых занавесок, туровской мебели!» (С, 1860, № 12, с. 384). *Лоретка* — см. прим. 73—75. *Вам Прутков говорит* и т. д. Некрасов имеет в виду афоризм: «Смотри в корень» («Мысли и афоризмы» Козьмы Пруткова; впервые — С, 1854, № 2). *Велика ли потеря на лаже?* Звонкая монета стала предметом спекуляции менял. При размене меняла получал лаж — разницу в цене между золотом и кредитками. Этот лаж доходил до 15—20 коп. на рубль.

125. С, 1860, № 5 («Свисток», № 5, с. 39), без подписи. См. прим. 123. 25 марта 1860 г. в «С.-Петербургских ведомостях» была напечатана статья известного зоолога и путешественника Н. А. Северцова (1827—1885), который утверждал, что, по словам Кювье, успехам зоологии «предел назначен, что наука век должна оставаться на этой же степени развития, только обогащаясь новыми подробностями». Три крупных естествоиспытателя, академики К. Э. Бэр, И. Ф. Брандт и А. Ф. Миддендорф, выступили 27 марта в той же газете с протестом, заявляя, что такие отзывы «оскорбляют память великих преобразователей науки». Этот протест вызвал насмешки С, который полагал, что заявлять протесты по поводу давно умершего Кювье значит играть в якобы существующую свободу общественного мнения, создавать видимость гласности. *Живого Чацкина ты прежде защищала*. Доктор И. А. Чацкин подвергся оскорблению в одной из антисемитских статей В. Р. Зотова в журнале «Иллюстрация» (1858, № 43, с. 286). Статья вызвала протест Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, С. Т. Аксакова и ряда других писателей. Об этом протесте вспоминает Некрасов, противопоставляя его протесту академиков (подробнее см. в комментариях С. А. Рейсера к изд.: Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 6, М., 1939, с. 702—704).

126. С, 1860, № 12 («Свисток», № 6, с. 34). См. прим. 123. *На грамотность ударил Даль*. См. прим. 119. *Но отразил его Карнович*. Историк и публицист Е. П. Карнович (1824—1885) выступил с возражением Далю в С, 1857, № 10. *И против грамоты один Теперь остался Беллюстин*. Иоанн Беллюстин (1820—1890) — калязинский

священник, автор нашумевшей книги «Описание сельского духовенства», напечатанной анонимно за границей и запрещенной в России. В заметке «Теория и опыт», напечатанной в «Журнале министерства народного просвещения» (1860, № 10), он высказал сомнение в пользе той «полуграмотности», которая якобы прививается народу. *Припомним: Михаил Петрович Звал Костомарова на бой.* Между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым 19 марта 1860 г. в зале Петербургского университета состоялся публичный диспут о происхождении Руси, который вызвал большой интерес у публики и в печати и закончился победой Костомарова. *Громека* — см. прим. 16. *Булкин* — псевдоним С. А. Ладыженского (1830—1877), сотрудника РВ, писавшего, в частности, о положении ремесленников. *Ржевский* В. К. (1811—1885) — чиновник министерства внутренних дел, впоследствии сенатор, сотрудник РВ, реакционный публицист. *Матиль* С. А. — сотрудник РВ, в котором печатались его статьи об Америке, где он жил с 1849 г. *Данилевский* Г. П. (1829—1890) — автор исторических романов, в конце 50-х — начале 60-х годов работавший в земстве и много писавший по земским вопросам. *И русский пить переставал.* См. статью Н. А. Добролюбова «Народное дело. Распространение общества трезвости» — о случаях бойкота водки со стороны крестьян (С, 1859, № 9; Добролюбов, т. 5, с. 246). *Кокорев публиковал, Что есть дела, где нужны тайны...* Источник этих слов Кокорева не установлен. О Кокореве см. прим. 8. *«Атеней»* — московский журнал умеренно-либерального направления, издававшийся в 1858—1859 гг. под ред. Е. Ф. Корша. Издание было прекращено из-за недостатка подписчиков. Аделаида *Ристори* (1822—1906) — итальянская драматическая актриса, с большим успехом выступавшая в Петербурге в 1860—1861 гг. Все газеты были полны описаний ее игры. Некрасов, видевший Ристори раньше в Париже, относился к ее игре отрицательно: «Видел я Леметра, вот это столько же *то,* сколько не то Ристори», — писал он Тургеневу 15 (27) мая 1857 г. (ПСС, т. 10, с. 338).

127. С, 1861, № 1 («Свисток», № 7, с. 45), вместо подписи: **. См. прим. 123. В конце 1860 г. была объявлена подписка на журнал М. М. Достоевского «Время». В объявлении Ф. М. Достоевский писал: «Мы решились основать журнал вполне независимый от литературных авторитетов... с полным и смелым обличением странностей нашего времени... Мы не побоимся иногда немного и «пораздразнить» литературных гусей; гусиный крик иногда полезен: он предвещает погоду, хотя и не всегда спасает Капитолий» (Ф. М. Достоевский, Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1883, с. 182). В связи с этим объявлением Некрасов и написал свои стихи. *Елена, Берсенев, Инсаров* — герои романа Тургенева «Накануне», напечатанного в РВ, 1860, №№ 1—2. *Ученый историк* — М. П. Погодин, которого С нередко упрекал в сребролюбии (см., например, С, 1860, № 3, с. 37). Гюстав де *Молинари* (1819—1912) — бельгийский экономист, много печатавшийся в реакционных изданиях М. Н. Каткова. Когда он в начале 1860 г. посетил обе русские столицы, С встретил его насмешками, обвиняя в шарлатанстве и невежестве (С, 1860, № 4, с. 456; № 9, с. 89). *И, как татары из Крыма.* В 1860 г. вследствие тяжелых условий жизни и притеснений началась массовая эмиграция татар

в Турцию. Несмотря на усилия правительства задержать эмиграцию, большое количество татар покинуло Крым. В № 7 «Свистка» Н. А. Добролюбов в стих. «Сирия и Крым» сатирически изобразил «заботы» правительства о крымских татарах.

128. С, 1861, № 1 («Свисток», № 7, с. 2). См. прим. 123. А. М. Гаркави установлено, что Некрасов написал стихотворение не в 1860 г., как считалось, а в период 6—21 января 1861 г. («Ученые записки Новгородского пед. института», т. 8, 1966, с. 37—38). *Одна-то книжка — за две книжки?* Журнал М. Н. Каткова РВ, выходивший обычно два раза в месяц, в январе 1861 г. вышел двойной книжкой. *«Гармония в природе»* — название статьи ботаника А. Н. Бекетова, посвященной явлениям приспособляемости, толкуемым с точки зрения «уразумения мировой гармонии» (РВ, 1860, № 11 и № 12). *И битва с Утиным в «Смеси».* В редакционной статье «Еще несколько слов о мировой юстиции» РВ в разделе «Современная летопись» (ее Некрасов называет «Смесью») полемизировал со статьей Б. И. Утина «По поводу английской юстиции мира», напечатанной в № 11 С за 1860 г. *«Москвитянин» по полугоду пропадал.* Славянофильский журнал, издававшийся в Москве в 1841—1856 гг., выходил крайне неаккуратно.

129. С, 1861, № 1 («Свисток», № 7, с. 9), без подписи. См. прим. 123. Датировка уточнена А. М. Гаркави («Ученые записки Новгородского пед. института», т. 8, 1966, с. 38). С января 1861 и до мая 1863 г. в Петербурге выходил журнал М. М. Достоевского «Время». Стихотворение Некрасова представляет собою шуточное приветствие новому журналу от имени «Свистка». *Меж тем как Гарибальди дремлет.* 7 ноября 1860 г. Д. Гарибальди сложил с себя звание диктатора и удалился на о. Капреру. *Колеблется пекинский трон.* Осенью 1860 г. французские войска разгромили столицу Китая Пекин. *Гаэта реву пушек внемлет.* Порт в итальянской провинции Латина, где неаполитанский король Франческо II был осажден пьемонтскими войсками; город был сдан 13 февраля 1861 г. *Дает права Наполеон.* Наполеон III активно участвовал в итальянских событиях. 13 мая 1859 г. он заявил о стремлении «освободить всю Италию до берегов Адриатического моря»; в битве при Мадженте разгромил австрийскую армию и въехал в Милан как спаситель Италии. Но вскоре предав Италию, он заключил мир с Австрией, чтобы победить «гидру итальянской революции» (см.: Добролюбов, Письмо благонамеренного француза, т. 7, с. 484). *Ювенал* Д. Ю. (60 — после 127) — римский поэт-сатирик. *Чтобы ни «Век», ни «Наше время»* и т. д. Либеральный общественный «политический и литературный» журнал «Век» (выходил с 1861 г.) П. И. Вейнберга и газета «политическая и литературная» «Наше время» (с 1860 г.) под редакцией Н. Ф. Павлова. *Редактор-дама «Русской речи».* Графиня Е. В. Салиас, урожд. Сухово-Кобылина (1815—1892), писавшая под псевдонимом «Евгения Тур». В 1861 г. начала издавать либеральный журнал «Русская речь». *Чтоб фельетон «Ведомостей»* и т. д. Имеется в виду газета «Московские ведомости» М. Н. Каткова, похвала которой рассматривалась Некрасовым как бесчестие. *Воскобойников* Н. Н. (1838—1882) — мелкий

публицист, выступавший с нападками на демократическую литературу и журналистику. *Девонская* система — третий период так наз. палеозойской эры земной коры (от 310 — до 275 миллиона лет до н. э.); *силурийская* — второй период той же эры (от 430 до 310 миллиона лет до н. э.). *Не называй «Свистка» трусливым.* В первом номере журнала «Время» А. Ф. Писемский под псевдонимом «Посторонний сатирик» заявил, что «Свисток» напомнил о себе читателям «робко, мелким шрифтом» («Время», 1861, № 1, с. 60). *Припомни ямбы Хомякова, Что гордость — грешная мечта.* Имеется в виду стихотворение А. С. Хомякова, посвященное России: «Гордись!» — тебе льстецы сказали. . .». *Афоризм Пруткова, Что всё на свете — суета!* На самом деле это выражение из Библии (кн. Екклезиаст) Некрасов ошибочно (или намеренно) приписал Козьме Пруткову. *Штенбоковский пассаж.* Крытая галерея с рядом магазинов по обеим сторонам, соединявшая Невский проспект и Итальянскую улицу (ныне ул. Ракова). Огромный дом первоначально принадлежал графу Я. Н. Стенбок-Фермору. Микель Анджело *Пинто* (1818 — после 1887) — радикальный политический деятель Италии. После поражения революции 1848 г. политический эмигрант. С 1859 и до 1887 г. жил в России; одно время по рекомендации И. С. Тургенева лектор итальянского языка в С.-Петербургском университете. *Со треском небо развалится* и т. д. Цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Ермак» (1794).

130. «Неизданные произведения Н. А. Некрасова», Пг., 1918, с. 91. Автограф ПД на одном листе со стих. «Свобода»: на этом основании стихотворение датируется 1861 г Справа на автографе приписка: «Кругом зелено, поля, природа — и доброе лицо, с печатью благородной честного труда».

* **131.** С, 1863, № 4 («Свисток», № 9, с. 8), без подписи. Автограф — ПД. Дата написания обоснована А. М. Гаркави («Ученые записки Новгородского пед. института», т. 8, 1966, с. 39). Основным автором «Свистка» был Добролюбов. После его смерти это сатирическое приложение к С не выходило с января 1862 г. В сложных условиях наступившей политической реакции (после приостановки С в 1862 г., ареста Н. Г. Чернышевского, ссылки М. Л. Михайлова и т. д.) Некрасов сделал попытку возродить «Свисток». Во «Вступительном слове. . .» дан обзор событий за истекшее время № 9 «Свистка» был последним — дальнейшее его существование оказалось невозможным. *Когда с вопросом о цензуре Начальство село на мели.* С 1859 г. началось обсуждение вопроса о цензурной реформе, завершившееся принятием устава 1865 г. (см. прим. 60—64). *Какой-то спор о нигилистах.* В 1862 и след. годах реакционные круги возглавили поход против «нигилистов» и «мальчишек», об этом, кроме Некрасова, писали и другие сотрудники С: М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Наша общественная жизнь» (С, 1863, № 1—2), М. А. Антонович в статье «Краткий обзор журналов за истекшие восемь месяцев» (С, 1863, № 1—2) *Пановский* Н. М. — см. прим. 69. *Катков* М. Н. — см. прим. 8 и 53. *Юркевич лист бумаги мял* и т. д. П. Д. Юркевич (1828—1874) — реакционный философ-идеалист. В феврале — марте 1863 г. читал в Петербурге публичные лекции, враждебные материа-

листической философии. Получив на кафедре задевшее его анонимное письмо, он скомкал бумагу и сказал, что вправе сделать из нее такое употребление, какое найдет нужным. В том же номере «Свистка» в заметке «Неблаговонный анекдот г. Юркевича, или Искание розы без шипов» Салтыков-Щедрин писал: «Для разъяснения этих таинственных слов необходимо было бы знать, на каком языке, на языке ли физиологов, или психологов, произнес г. Юркевич эти слова, и потом, сделал ли он, произнося их, какой-нибудь соответственный жест, т. е приблизил ли руку к желудку (в знак того, что страдает чревным недугом) или откинул ее как-нибудь назад» («Свисток», № 9, с. 39—40). *Когда мы видим избиенных Посредников.* В феврале 1862 г. 13 мировых посредников — тверских дворян — письменно заявили губернскому присутствию по крестьянским делам о несогласии с положением 19 февраля. Вскоре они были отданы под суд и заключены в Петропавловскую крепость. *Нейдут Краевского изданья.* С начала 60-х годов популярность ОЗ резко упала. О Краевском см. т 1, прим. 37. *И над Громекиной главой Летает бомба отрицанья.* С. С. Громека (см. прим. 16), сильно поправевший после 1862 г., упрекал нигилистов в том, что они бросают «бомбы отрицанья» (ОЗ, 1863, № 3, с. 9). *И всплакал Фет, что топчут гуси.* А. А. Фет в статье «Из деревни» жаловался, что гуси крестьян потравили у него в имении покосы (РВ, 1863, № 1). *Когда ругнул Иван Аксаков* и т. д. В письме «Из Парижа» («День», 1863, 23 марта) славянофил И. С. Аксаков, выступивший под псевдонимом «Касьянов», сетовал, что представители «российских образованных классов» и даже русское духовенство теряют за границей национальное обличье. Употребленное им восклицание — «275 000 русских!» — введено Некрасовым в стихотворное прим. к «Вступительному слову». *Внезапно Павлов замолчал.* Газета Н. Ф. Павлова «Наше время» прекратилась в 1863 г. на 126-м номере. *Амплий Очкин кунштик чудный С газетой «Очерки» удрал.* См. прим. 40. Кунштик — кунштюк (нем.) — ловкая проделка. *«Голос»* — газета А. А. Краевского, выходившая с 1863 по 1884 г. *И прекратилась «Ерунда».* В 1861 г. Л. Л. Камбек, редактор журнала «Петербургский вестник», влачившего жалкое существование, решился на крайнюю меру и в целях привлечения подписчиков предложил за особый гонорар редактору всем желающим печататься на страницах приложения к журналу. Приложение это вскоре получило в журналистике название «Ерунда» — слово, только входившее тогда в русский язык. Название было неофициально принято самим Камбеком. В 1862 г. журнал прекратился (см.: С. А. Рейсер, Журналист и обличитель Лев Камбек. — Зв. 8, с. 766—784). *«Заноза»* — умеренно-либеральный юмористический еженедельник, основанный в 1863 г. поэтом М. П. Розенгеймом. *Узнай, по крайней мере, звуки* и т. д. Из «Посвящения» Пушкина к «Полтаве». *И никого вокруг себя* и т. д. Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Кто знает край, где небо блещет. . .». *Он жаждет славы и войны.* Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Не плачь, не плачь, мое дитя. . .». *Лезет мост на мост горой.* Что имеет в виду Некрасов, неясно. В «Ведомостях С -Петербургской городской полиции», на которые ссылается поэт, нет ничего, что могло бы подать повод к этой ссылке. Возможно, Некрасов имеет в виду общее плохое состояние мостов в столице и постоянные их ремонты. Об этом (запрещение

езды по тому или иному мосту, закрытие и пр.) неоднократно сообщалось в «Ведомостях С.-Петербургской полиции» и др. газетах. *И вновь начнут свой прежний спор Гиероглифов и Стелловский.* Газета «Русский мир», издававшаяся Ф. Т. Стелловским под ред. А. С. Гиероглифова, прекратилась в январе 1863 г. из-за распрей между редактором и издателем на денежной почве. *И гимны братьев Достоевских Самим себе не заглушай!* Речь идет об анонимной статье Ф. М. Достоевского «Опять молодое перо. Ответ на статью „Современника"», в которой дана панегирическая оценка журнала «Время», издаваемого братьями Достоевскими.

132. С, 1866, № 3, с. 10, в цикле «Песни о свободном слове», третьим стихотворением (состав цикла впоследствии изменился, см. прим. 65—72), вместо подписи: ***. Автограф — ПД. Датируется, как и основные стихотворения цикла. В сатире Некрасов, вероятно, имел в виду журнальных деятелей типа М. Н. Каткова. В С, 1863, № 12, например, упомянуто о «заявлении М. Н. Каткова... что он ждет не дождется упразднения цензуры, чтобы поговорить с петербургскими журналами... на своей воле» (Салтыков, т. 6, с. 237).

133. С, 1866, № 3, с. 11, в цикле «Песни о свободном слове», четвертым стихотворением (состав цикла впоследствии изменился, см. прим. 65—72), вместо подписи: ***. Автограф — ПД. Датируется как и основные стихотворения цикла. *Как я умел казаться новым.* Несколько измененная строка из «Евгения Онегина» (глава 1).

134. С, 1865, № 11—12, с. 185, анонимно, в составе статьи П. М. Ковалевского «Письма в глушь». Авторство Некрасова устанавливается воспоминаниями П. М. Ковалевского (Стихи и воспоминания, СПб., 1912, с. 294). Стихотворный текст следует после слов: «Две недели тому в магазине фабриканта серебряных изделий Сазикова можно было видеть». В газете «Весть» от 23 декабря 1865 г. была напечатана заметка «Подарок М. Н. Каткову»: «На предшествовавшем съезде московского дворянства многие дворяне собрали между собой значительную сумму денег и заказали фабриканту Сазикову, по модели ваятеля Рамазанова, серебряную чернильницу для поднесения редактору «Московских ведомостей» М. Н. Каткову в изъявление удовольствия за патриотическое направление его литературных трудов». На золотом пере, подаренном главе реакционной публицистики, была выгравирована надпись: «Мокающему перо в разум». В статью Ковалевского, высмеивающую этот поступок, и были вставлены стихи Некрасова. Этот же эпизод стал мишенью насмешек в стихах и карикатурах прогрессивной печати. *Лабрадор* — минерал группы полевых шпатов. *Имя это У древнего взято поэта.* Источник не установлен.

* **135.** «Речь», 1914, 3 февраля. Автограф, бывший в распоряжении В. Е. Евгеньева-Максимова, ныне неизвестен. Сатира на А. А. Краевского (1810—1889), см. о нем т. 1, прим. 37. Газета Краевского «Голос» имела сильного покровителя в лице министра

народного просвещения А. В. Головнина и тайно им финансировалась. В 1865 г. М. Н. Катков открыто назвал «Голос» «газетой, получающей субсидии», что, видимо, и вызвало сатиру Некрасова. Головнин в ней изображен в виде беса, искушающего Краевского. Субсидии получались Краевским также и по распоряжению Александра II (Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, Л., 1929, с. 132—133). Некрасов вслед за Салтыковым-Щедриным называет «Голос» «Куриным эхом». Салтыков-Щедрин писал: «От первой строки до последней она все умиляется, все поет: „Красен куриный мир!“, „Тепло греет куриное солнышко!“», («Наша общественная жизнь». — Салтыков, т. 6, с. 69). Александр *Ледрю-Ролен* (1807—1874) — французский радикал, министр внутренних дел в правительстве 1848 г., в данном случае символ республиканизма. Краевский поносил его на страницах ОЗ наряду с другими республиканцами, затем был не прочь поиграть в либерализм и снова «покаяться» в либерализме после сближения с Головниным. Об этих беспринципных шатаниях Краевского и пишет Некрасов. «Легенда» перекликается и с очерками Салтыкова-Щедрина «Сеничкин яд» (С, 1863, № 1), где о Краевском сказано: «Нет, это человек неблагонамеренный, ибо в нем засел Ледрю-Ролень. И напрасно Андрей Александрович Краевский будет уверять меня, что Ледрю-Ролень был да весь вышел — я не поверю ему ни за что» (Салтыков, т. 7, с. 94—95).

136. РС, 1913, № 2, с. 463. Автограф, бывший в распоряжении В. А. Алексеева, ныне неизвестен. На нем была дата «7 апреля 1866 г.». Стихи написаны в ответ на послание генерал-лейтенанта В. И. Асташева (1837—1889), который, не застав поэта дома, оставил записку в стихах, где писал:

Раз десятый к тебе приезжаю, —
Не могу никак дома застать, —
Ведь ты знаешь, тебя уважаю,
Но, по совести, должен сказать,

Зачем гибнешь душою и телом
За проклятым зеленым столом? —
Позанялся бы лучше ты делом,
Поработал бы лучше пером!

И уж если тебе развлекаться
«Спокон веку» судьбой суждено,
То поедем тогда вместе шляться,
На охоту! Не лучше ль оно?

Там по крайности будешь вдыхать ты
Грудью полною свежесть весны,
Не исчахнешь от зависти, злобы,
Жизни новой узнаешь мечты.

Послезавтра в Любань бы отправиться
Вальдшнепов, глухарей пострелять?

Можно вместе с тобой позабавиться,
Ночки две меж собой поболтать.

Если хочешь, черкни мне с Василием
Слова два стихоплетством твоим;
Полон им ты всегда с изобилием,
Раскошелься богатством своим!

Это послание в РС также было опубликовано в качестве текста Некрасова; ошибка отмечена А. А. Измайловым в заметке «Некрасов ли?» («Русское слово», 1913, 7 февраля; ср.: К. И. Чуковский, Воскресающее былое. — «Речь», 1913, 16 февраля). Василий — камердинер поэта. *Отказавшись от милой цензуры.* Закон 2 апреля 1865 г. избавлял журнал от предварительной цензуры (см. прим. 65—72), но отдавал печать во власть произвольных действий цензуры карательной; не прошло и месяца, как С был закрыт навсегда «по высочайшему повелению». *Валуев* — см. прим. 65—72.

137. «Иллюстрированная газета», 1866, 14 апреля, с. 214 и С, 1866, № 4, с. 248: этот номер С, для которого стихотворение предназначалось, был задержан цензурой и вышел в свет лишь 2 мая (ценз. разр. 26 апреля). См.: В. Э. Боград, Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания, М.—Л., 1959, с. 470. Стихотворение Некрасова, без его ведома, неоднократно перепечатывалось. В прижизненные издания поэта стихотворение не входило. О. И. *Комиссаров* (1838—1892) «мастеровой из костромских крестьян» — в апреле 1866 г. был официально объявлен спасителем Александра II от покушения Каракозова. Ему было даровано дворянство. Целый месяц его чествовали различные общества и организации. Во время чествования Комиссарова в Английском клубе 9 апреля 1866 г. Некрасов обратился к нему со стихотворным приветствием. Это обращение стоит в ряду других безуспешных попыток (например, ода М. Н. Муравьеву), предпринятых поэтом для спасения С в условиях свирепого террора: «У него найдется несколько стихотворений, которые не согласны с общим строем его лиры; очевидно, они были плодом не естественного, а искусственного, принужденного, заказного одушевления, вроде торжественных од наших старых лириков, и должны считаться как бы вовсе не принадлежащими ему. Они могут иметь значение разве только при оценке личности поэта, но никак не его поэзии» (М. А. Антонович, Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове. — «Слово», 1878, № 2, с. 117).

138. Изд. 1931, с. 475. Печ. по «Русской литературе», 1961, № 2, с. 55. Автограф, написанный на тетрадном листке со стихотворением О. П. Павловой «Не может быть», — в собрании М. Гина. Копия А. А. Буткевич на черновике какого-то письма и финансовых расчетов — ЛБ. К. И. Чуковский считал, что набросок является началом стихотворения, полный текст которого утерян; А. А. Буткевич скорее всего записала стихотворение по памяти и не вполне точно, а последние три строки (прозаические) принадлежат ей самой (Изд. 1931,

с. 635—636). Однако, как установлено М. Гином (см. его публикацию в «Русской литературе»), набросок был первым ответом на стихотворное послание О. П. Павловой и вероятнее всего написан в 1866 г.: надпись над стих. «Не может быть» («Получил 3 марта 1866») и некрасовский ответ написаны одним карандашом. Стихотворный набросок не завершен. Следующие после ст. 6 прозаические строки — программа дальнейшего развития темы:

Придет пора — улягусь я в гроб,
И ты же, душа, скорбящая о моей славе,
Которую я, впрочем, не изжил,
Скажет: хорошо он делал, что
Брал с жизни, что мог,
Что не был аскетом.

Тема, лишь намеченная здесь, получает свое завершение в стих. «Умру я скоро. Жалкое наследство...» и «Зачем меня на части рвете...» (№№ 77 и 79).

139. «Неизданные произведения Н. А. Некрасова», Пг., 1918, с. 92. Автограф — ПД. Над текстом запись: «Прошел паденья миг позорный и он?». Очевидно, относится к 1866 г., когда поэт мучительно переживал «нравственную пытку» после обращения со стихами к М. Н. Муравьеву и О. И. Комиссарову в апреле 1866 г. (см. прим. 77, 79, 137).

140. Изд. 1927, с. 439. Автограф — ПД (из тетради С. С. Панаевой). Муж С. С. Панаевой — Ип. А. Панаев заведовал конторою С с 11 августа 1856 и до 1 мая 1866 г. Этим периодом предположительно и датируется стихотворение. *Дупельшнеп* — болотная птица (из группы бекасов).

141. ОЗ, 1878, № 5, с. 401. Отрывок из задуманного Некрасовым цикла стихотворений «Эпитафии». А. А. Буткевич вспоминала: «Одно стихотворение, о котором сожалел, что не написал, это «Эпитафии». С одним из своих друзей, охотником, он однажды переходил кладбище. Гаврило рассказывал ему о покойниках, могилы которых обращали на себя внимание брата. Я помню только эпитафию, произнесенную Гаврилой помещику» (ЛН, № 49—50, с. 178). Относится, вероятнее всего, к 1867 г. Среди набросков к сатире «Суд» надпись: «Жил-был за тридевять земель и пр. „Эпитафии“» (ЛБ).

* **142.** «Общее дело» (Женева), 1881, июнь, № 41, с. 7. В легальной печати впервые — «Заветы», 1913, № 2, с. 130. Печ. по этому тексту. Черновые наброски, частично прозой, частично как наметки плана произведения — ЛБ. Копия А. А. Буткевич, с датой «20 июля 1870 г. Пар<иж>», — ПД. Буткевич ошиблась в годе: Некрасов был в Париже летом 1869 г. В 1878 г. сестра Некрасова прислала «Притчу» С. И. Пономареву, указав, что поместить в Изд. 1879 г. ее будет невозможно по цензурным причинам (ЛН, № 53—54, с. 181).

Стихотворение характеризует отношение Некрасова к реформам Александра II и отражает либеральные колебания поэта в те годы. *Палладиум* — святыня, оплот (от статуи Афины-Паллады, охранявшей, по верованиям древних греков, безопасность города). *Один гражданин именитый* — Н. Г. Чернышевский. *О «новом вине и о старых мехах»* — цитата из Евангелия (Матфея, гл. 9, ст. 17 и Марка, гл. 2, ст. 22).

143. ОЗ, 1871, № 1, с. 240. Копия этой публикации, правленная Некрасовым, — ПД. В ней вычеркнуты ст. 23—28 и исправлен ст. 22 («Где был наш предок ненавидим»). Говоря об отношении к отцу в одной из своих автобиографий и указывая, что разница между ним и сыном была «во времени» («время вывело меня на широкую дорогу»), Некрасов ссылался на стих. «Сыны „народного бича“. . .» как на произведение, в котором отразились поиски нового, своего жизненного пути. Последнее шестистишие говорило о трудности этих поисков. «Не могу не сознаться, что даже в последние мои годы, когда я бывал в Грешневе, я чувствовал какую-то неловкость», — записал Некрасов, ссылаясь на последние строки этого стихотворения (ЛН, № 49—50, с. 143—144). *Сыны «народного бича».* Откуда взяты заключенные в кавычки слова, не установлено.

144. ОЗ, 1878, № 5, с. 166, первые три строфы. Печ. по изд. 1879, т. 2, с. 417 (первые три строфы) и т. 4, с. LXXXIV (четвертая строфа). С. И. Пономарев, на основании письма к нему А. А. Буткевич от 12 июля 1878 г. (ЛН, № 53—54, с. 181), утверждал, что четвертая строфа отброшена поэтом, но гораздо вероятнее, что Некрасов не мог напечатать стихотворение полностью по цензурным причинам. Датируется временем непосредственно после смерти Николая Алексеевича *Милютина* (1818 — 7 февраля 1872) — видного либерального государственного деятеля. С 1859 г. Милютин был товарищем министра внутренних дел и одним из самых деятельных членов Редакционной комиссии, которая занималась подготовкой проекта «Положения» об отмене крепостного права. Выступления Милютина против крепостников повлекли за собой его отставку (в апреле 1861 г.) и тем самым — отстранение от участия в осуществлении реформы. В 50-е годы Милютин сотрудничал в С. В 1863—1866 гг. — статс-секретарь по делам Польши. Последние годы был тяжело болен. В 1876 г. Некрасов оценивал роль Милютина иначе (см. стих. «Не за Якова Ростовцева. . .», т. 3, № 42).

145. Изд. 1928, с. 432. В автографе, который ныне утерян, была дата «апр. 72». Лавка серебряных дел мастера *Чекалина* в середине 40-х годов находилась на Невском пр., 111, в доме Дурышкина (ныне — Невский пр., д. 106).

146. «Н. А. Некрасов. К 50-летию со дня смерти», Л., 1928, с. 18. Текст записан Н. П. Некрасовой по памяти. В сентябре 1872 г. брат поэта Ф. А. Некрасов, обремененный большой семьей, женился на сестре гувернантки своих детей Наталье Павловне Александровой.

Об отношении Некрасова к жене брата можно судить на основании его письма к А. А. Буткевич от 28 сентября 1872 г.: «Вот тебе новость: он женился на *Наталье* Павловне — ты, верно, ее помнишь — белокурая, лучшая из 3-х сестер, которую мы хвалили. Раздумав, я нахожу, что он сделал недурно, ибо жить ему монахом рано, а заводить интриги при 5-ти человеках детей — неудобно. Она тоже здесь, и, кажется, точно хорошая женщина; сама дошла до мысли, что ее сестра для воспитания детей не годится; держит себя скромно и далеко не глупа» (ПСС, т. 11, с. 223). Уезжая из Карабихи, Некрасов сказал Н. П. Некрасовой этот экспромт, стоя у окна вагона.

147. «Русское богатство», 1913, № 8, с. 209, без ст. 5—6. Пропущенные стихи восстановлены К. И. Чуковским по автографу (ныне утрачен). В ст. 17 нарушен размер. Некрасов писал 25 июня (7 июля) 1873 г. А. Н. Еракову: «На днях, провожая одну даму, окончившую курс водопития, я сказал ей за обедом глупейший экспромт и в извинение сего заключил так. . .» Далее следует последняя строфа (ПСС, т. 11, с. 259). Елена Осиповна *Лихачева* (1836—1904) — сотрудница ОЗ, автор ряда статей по женскому вопросу. Ей посвящена также поэма «Мать». *Уезжая в страну равноправную* — Швейцарию. *Там подругу вы пó сердцу встретите.* Лихачева должна была встретиться в Швейцарии с Н. П. Сусловой, первой русской женщиной врачом, общественной деятельницей, тесно связанной с русской эмиграцией и деятелями I Интернационала.

148. Изд. 1927, с. 433. Автограф — среди черновиков «Элегии» и «Горя старого Наума» — ПД. Возможно, что этот набросок связан с «Элегией» (№ 111), ряд строк которой представляет собою реминисценции из стихов Пушкина. В данном отрывке Некрасов имеет в виду оду «Вольность».

149. «Биржевые ведомости», 1899, 1 августа, дата «1874». Печ. по автографу ПД, где дата «19-го марта 1874». Надпись на оборотной стороне портрета Некрасова, подаренного им Петру Александровичу *Ефремову* (1830—1907), известному библиографу, сотруднику С. Некрасов сблизился с Ефремовым в 1873—1874 гг., в период издания сборника «Складчина». В нем приняли участие крупнейшие русские писатели (Тургенев, Щедрин, Гончаров и др.); доход от издания пошел в пользу голодающих самарских крестьян. Некрасов был одним из деятельных редакторов «Складчины», Ефремов — секретарем редакционного комитета. 27 марта 1874 г. Ефремов писал Некрасову, имея в виду его надпись на портрете: «Скоро очень я к Вам «привык», чтобы не сказать более, так что трудно будет дождаться вторых «времен Складчины». Об них и об Вас я, действительно, сохраню самое доброе воспоминание» (ЛН, № 51—52, с. 267). Ефремов намеревался опубликовать экспромт в РС (гранки — ЦГАЛИ). *Не хуже Фета и Щербины.* Творчество Фета и Щербины часто противопоставляли гражданской поэзии Некрасова как образцы «чистого» искусства.

150. «Новое время», 1876, 6 июня, в составе раздела «Из записной книжки». Печ. по Изд. 1920, с. 508, где впервые восстановлен доцензурный вариант ст. 10—11. Беловой автограф — ПД, с датой «5 авг.». Посылая А. С. Суворину это стихотворение, Некрасов писал 1 мая 1876 г. (ПСС, т. 11, с. 396): «В моих стихах «На покосе» два стиха изменить так:

Я работал бы прилежно
И поменьше пил»

Данный вариант был напечатан в «Новом времени» и в Изд. 1879. Но изменение это вызвано, по-видимому, соображениями цензурного характера.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* С фотографии Деньера. Конец 1850-х годов (Музей-квартира Н. А. Некрасова).

2. *С. 15.* Страница герценовского «Колокола», 1860, 3 (15) января, лист 61, с. 505, с текстом «Размышлений у парадного подъезда», напечатанного там под загл. «У парадного крыльца». Примечание к стихотворению принадлежит Герцену.

3. *С. 87.* Обложка первого выпуска «Красных книжек», — дешевого издания, предназначенного Некрасовым для народного чтения.

4. *Между с. 192 и 193.* Портрет работы П. Петровского. Карандаш. Декабрь 1852 (ПД).

5. *С. 225.* Автограф начала стихотворения «Публика» из цикла «Песни о свободном слове» (ПД).

СОДЕРЖАНИЕ

I

II

Некрасов Николай Алексеевич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967
704 стр. Тем. план вып. 1967, № 385

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 14/VII 1967 г. Подписано в печать 26/X 1967 г. Бумага 84×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 22 + 2 вкл. (37,18). Уч.-изд. л. 39,01. Тираж 40 000. Зак. № 1049. Цена 1 р. 48 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3

1р. 48к.